АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

XII Всероссийская научно-практическая конференция

Сборник статей

ПЕНЗА 2026

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Историко-филологический факультет (г. Пенза)

ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕНЗЕ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КРАЕВЕДОВ

ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (г. Пенза)

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ПГАУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Сборник статей

XII Всероссийской

научно-практической конференции

8-9 сентября 2026 г.

Пенза

ПГАУ

2026

УДК 800:33
ББК 80:60
А 43

Под научной редакцией доктора исторических наук, профессора Первушкина В.И.; доктора педагогических наук, профессора Гагаева П.А.; доктора философских наук, профессора Тугарова А.Б.; доктора исторических наук, профессора Ягова О.В.; доктора экономических наук, профессора Васина С.М.

А43 **Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук**: сборник статей XII Всероссийской научно-практической конференции / Пензенский государственный университет и [др]; под ред. В.И. Первушкина; П.А. Гагаева; А.Б. Тугарова [др.]. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2026. – 375 с. URL:https://mnic.pgau.ru/file/doc/konferencii/2026/Сборник_ВК-32-26.pdf. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-00196-458-2

В рамках XII Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук» рассмотрены вопросы образовательных систем, языковых контактов, политики и экономики, а также вопросы истории и философии России.

Within the framework of the XII All-Russian Scientific and Practical conference «Actual problems of the humanities and Social Sciences», the issues of educational systems, language contacts, politics and economics, as well as issues of the history and philosophy of Russia were considered.

УДК 800:33
ББК 80:60

ISBN 978-5-00196-458-2 © МНИЦ ПГАУ, 2026

УДК 332.122:004

ЦИФРОВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ И ЭКОНОМИКА ДАННЫХ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

О.В. Абрамов

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, г. Москва, Россия

Рассматривается сценарный анализ процессов формирования цифровых экосистем в субъектах Российской Федерации в условиях перехода к экономике данных. Проанализированы диспропорции регионального развития информационно-коммуникационных технологий, кадровые и инфраструктурные барьеры. На основе качественной сценарной типологии предложены три базовых сценария регионального развития с акцентом на применение технологий генеративного искусственного интеллекта и цифровых двойников территорий.

Ключевые слова: экономика данных, цифровые бизнес-экосистемы, генеративный искусственный интеллект, цифровые двойники, региональное развитие.

Глобальные экономические изменения задают новые требования к технологическому суверенитету, при этом точечной автоматизации процессов уже недостаточно и необходим переход к полноценной экономике данных [1]. В такой системе данные становится самостоятельным фактором производства и ключевым активом, поскольку добавленная стоимость здесь создается за счет постоянного сбора, обработки и движения данных внутри цифровых экосистем [2]. Для бизнеса и государственного управления экономика данных становится значимым фактором сохранения конкурентоспособности и устойчивости.

Позиции России в этой сфере неоднородны. Так по индексу развития информационно-коммуникационных технологий страна занимает 40-е место из 170, и в то же время по уровню цифровизации госсектора РФ уверенно входит в мировую десятку лидеров [3]. При этом сквозные технологии задают динамику обновления общественных институтов [4] и выступают ключевыми детерминантами структурной трансформации и развития социально-экономических процессов и институтов общества [5].

Динамика процессов подтверждается финансовыми показателями, так с 2017 по 2024 год валовые затраты на цифровизацию выросли с 3,32 до 5,47 трлн рублей [3]. Однако к началу 2025 года лишь пятая часть отечественных компаний (20–22%) перешла к глубокой внутренней трансформации, поскольку бизнес редко оценивает свою цифровую зрелость и не измеряет прямую отдачу от ИТ-решений [6]. В этой связи возникает необходимость изучить барьеры внедрения технологий и разработать надежные метрики качества для региональных экосистем.

Цифровая платформа образует многоуровневую среду, основанную на сетевых взаимодействиях и в которой кардинально меняются принципы генерации

добавленной стоимости [7]. Потенциал простого наращивания числа транзакций уже исчерпан и главным направлением становится переход к инновационным экосистемам, которые строятся на совместном создании ценности и комплексной координации партнеров [8]. Такая трансформация требует новых бизнес-моделей, учитывающих реалии экономики данных.

Важно также учитывать, что неконтролируемый рост платформ создает угрозу монополизации и подавляет региональные инициативы. Мировая практика США и КНР показывает отказ от пассивного регулирования в пользу модели «управляемой конкуренции». Показателен пример Китая, где местные гиганты (Alibaba, Meituan) использовали рекомендательные алгоритмы для навязывания кабального правила «выбери одно из двух» [10]. В ответ регуляторы КНР принудительно разделили контуры хранения данных и предоставления сервисов, при этом был внедрен аудит алгоритмов методом «черного ящика» для борьбы со скрытыми сговорами [10]. Для субъектов РФ эти уроки принципиальны, поскольку региональные экосистемы должны развиваться на базе открытых стандартов, прозрачных алгоритмов и гибкой оркестрации, что защитит локальный бизнес от диктата федеральных монополистов [7, 11].

Преодоление сформировавшихся диспропорций возможно при условии, что цифровая экосистема региона будет рассматриваться как перспективная модель территориального развития экономики, позволяющая сглаживать пространственные барьеры [12], ведь именно цифровые бизнес-экосистемы сегодня выступают наиболее перспективной формой развития региональной экономики, способной генерировать новые точки роста [13]. Несмотря на определенные макроэкономические успехи, пространственное развитие цифровой инфраструктуры в России характеризуется высокой степенью асимметрии. Специфика заключается в гиперконцентрации финансовых, интеллектуальных и вычислительных ресурсов в крупнейших агломерациях страны. Так, на долю Московской агломерации приходится порядка 70 % суммарного оборота ИТ-отрасли страны [3]. По состоянию на середину 2024 г. в столице зарегистрирована 51 тыс. ИТ-организаций (прирост на 14,47 % к уровню 2022 г.), в Санкт-Петербурге - 19,2 тыс. (+5,01 %), а в Московской области - 16,7 тыс. (+18,46 %) [3]. Периферийные субъекты аккумулируют лишь около 15 % оборота отрасли, оказываясь в положении технологических реципиентов.

Таблица 1 – Распределение ИТ-компаний и концентрация оборота цифровой экономики по ключевым регионам РФ (по состоянию на июнь 2024 г. на основе данных [3])

Регион	Количество действующих ИТ-компаний (тыс. ед.)	Динамика роста с 2022 г. (%)	Доля в национальном обороте ИТ-сектора (%)
г. Москва	51,0	+ 14,47 %	~ 70,0 %
г. Санкт-Петербург	19,2	+ 5,01 %	< 10,0 %
Московская область	16,7	+ 18,46 %	< 5,0 %
Прочие регионы РФ	~ 130,1	н/д	~ 15,0 %

К числу ключевых системных ограничений относятся:

– инфраструктурный разрыв, например, в 2024 г. доступ к широкополосному интернету имели лишь 70 % малых поселений [3], в то время как урбанизированные центры готовятся к пилотированию сетей 5G к 2030 г., сельские и удаленные районы функционируют в рамках стандартов 3G или дорогостоящей спутниковой связи [3];

– кадровый дефицит: прогнозируемая потребность рынка к 2027 г. составляет до 1,8 млн специалистов при текущей численности занятых в 857 тыс. человек [3], при этом наблюдается нехватка ведущих инженеров-архитекторов (Senior-уровня), способных выполнять системно-динамическое и математическое проектирование;

– киберуязвимость: рост числа атак на информационную инфраструктуру региональных органов власти и муниципальных учреждений в 2023 г. достиг 140%, что указывает на критический недостаток профильных специалистов по информационной безопасности на местах [3].

Реализация национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» предусматривает системную интеграцию инфраструктурных решений, платформенных инструментов и технологий искусственного интеллекта [1, 3]. На основе анализа региональных траекторий выделяются три модели развития территорий. (табл. 2).

Таблица 2 – Сценарии цифровой трансформации регионов России в парадигме экономики данных (составлено автором на основе [3,4,5])

Сценарий	Целевая группа регионов	Инструменты быстрой реализации	Долгосрочные метрики качества и экономические эффекты
«Равенство цифровых возможностей»	Регионы Центральной России, Урала, Поволжья со средними показателями ИТ-развития.	Развертывание региональных CERT-центров, внедрение интернета вещей (IoT), геймификация государственных услуг.	Построение цифровых двойников экономических систем регионов; сплошное и бесшовное покрытие цифровыми системами.
«Цифровой мир фронтира»	Малоосвоенные геостратегические территории АЗРФ и Дальнего Востока.	Развитие low-tech решений, внедрение гибридных систем связи, спецтарифы по программе «Цифровой Дальний Восток».	Создание автономных сетей мониторинга с минимальным вовлечением человека; высокая доступность сервисов при очаговом расселении.
«Самовоспроиз-водящееся лидерство»	Агломерации-хабы (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Казань, Екатеринбург).	Переход на стандарт 5G, внедрение биометрии, системная поддержка стартапов, ИИ-управление транспортными потоками.	Переход на 6G, управление кумулятивным ростом ИТ-продуктов; активный экспорт цифровых решений в другие регионы и на рынки дружественных стран.

Модель «Равенство цифровых возможностей» ориентирована на минимизацию трансакционных издержек в промышленном секторе и жилищно-коммунальном хозяйстве [14]. Оптимизация инфраструктуры «умного города», внедряемая в 45 % крупнейших городов [3], повышает прозрачность ресурсных потоков, а применение методов кластерного анализа обеспечивает прогнозирование потребностей пользователей экосистемных сервисов [15].

Модель «Цифровой мир фронтира» обосновывается мультипликативным эффектом долгосрочного освоения пространств, при этом построение цифровых двойников промышленных объектов снижает риски аварий и износ оборудования [16].

Модель «Самовоспроизводящееся лидерство» строится на предиктивном управлении с использованием генеративного искусственного интеллекта для градостроительного и транспортного проектирования [2,3].

Переход к экономике данных формирует фундаментальные предпосылки для преодоления межрегиональной асимметрии посредством моделирования социально-экономических систем и создания цифровых двойников. Достижение технологического суверенитета требует перехода от стандартизированных федеральных программ к адаптивным сценариям развития, подкрепленным модернизацией университетских программ и углублением академической кооперации с высокотехнологичным сектором.

Список использованных источников

1. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [Электронный ресурс] // Национальные проекты России: официальный сайт. - 2024. - URL: https://национальныепроекты.рф (дата обращения: 28.08.2026).

2. Абрамов, В. И. Экономика данных как новая парадигма социально-экономического развития: концептуальный анализ / В. И. Абрамов, В. В. Гордеев, А. Д. Столяров // Фундаментальные исследования. - 2026. - № 3. - С. 69–76. - DOI: 10.17513/fr.43994. - EDN: RBDVJE.

3. Актуальные проблемы региональной экономики / Институт проблем региональной экономики РАН, Фонд Росконгресс. - Санкт-Петербург : Росконгресс, 2025. - 92 с.

4. Цифровая экономика и сквозные цифровые технологии как детерминанты структурной трансформации и развития социально-экономических процессов и институтов общества: монография / под ред. Л. А. Омельянович, О. А. Подкопаева. - Самара ПНК, 2025. - 276 с. - ISBN 978-5-605-51222-6.

5. Пространственное развитие России: экономико-институциональный анализ и стратегические механизмы: монография / под ред. Омельянович Л.А., Подкопаева О.А. - Самара : ПНК, 2026. - 463 с. - ISBN 978-5-605-65064-5. - EDN ETTAVD.

6. Абрамов, В. И. Экосистемное развитие предприятий: возможности, риски и особенности оценки их цифровой зрелости / В. И. Абрамов, Д. В.

Арефьев // Новое в экономической кибернетике. - 2025. - № 1. - С. 70–84. - DOI: 10.5281/zenodo.15165454. - EDN: VPBYLC.

7. Абрамов, В. И. Цифровые бизнес-экосистемы: структурные особенности и сущностные характеристики / В. И. Абрамов, А. Д. Столяров // Вопросы инновационной экономики. - 2025. - Т. 15, № 4. - С. 1407–1428. - DOI: 10.18334/vinec.15.4.124210. - EDN: YDQDLM.

8. Абрамов, В. И. Механизмы координации и совместного создания ценности: от транзакционной платформы к инновационной экосистеме / В. И. Абрамов, О. В. Абрамов // BENEFICIUM. – 2026. – № 3(60). – С. 36–45. – DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2026.3(60).36-45.

9. Абрамов, В. И. Компоненты бизнес-модели экосистемного развития предприятий в экономике данных / В. И. Абрамов, А. Д. Столяров // Информационное общество. - 2026. - № 1. - С. 23–37. - DOI: 10.52605/16059921_2026_01_23. - EDN: LAOMIK.

10. Структура рынка цифровых платформ КНР и тенденции антимонопольного контроля / Центр стратегических разработок. - Москва : ЦСР, 2026. - 26 с.

11. Абрамов, В. И. Механизмы оркестрации участников в открытых цифровых бизнес-экосистемах: архитектурные, институциональные и информационные аспекты / В. И. Абрамов, О. В. Абрамов, А. Д. Столяров // Новое в экономической кибернетике. - 2026. - № 2. - С. 123–137. - DOI 10.5281/zenodo.20970751. - EDN JEXRRF.

12. Абрамов, В. И. Цифровая экосистема региона как перспективная модель территориального развития экономики / В. И. Абрамов, В. А. Ломакин, А. Д. Столяров // Информационное общество. - 2024. - № 6. - С. 16–27. - DOI: 10.52605/16059921_2024_06_16. - EDN: ABKYFQ.

13. Абрамов, В. И. Цифровые бизнес-экосистемы как перспективная форма развития региональной экономики / В. И. Абрамов, А. Д. Столяров // Экономика, предпринимательство и право. - 2024. - Т. 14, № 10. - С. 5523–5542. - DOI: 10.18334/epp.14.10.121823. - EDN: TELLXQ.

14. Абрамов, В. И. Цифровая трансформация промышленных предприятий в цифровые бизнес-экосистемы: структурные компоненты и практические аспекты реализации / В. И. Абрамов, В. В. Гордеев, А. Д. Столяров // Фундаментальные исследования. - 2024. - № 9. - С. 78–85. - DOI: 10.17513/fr.43680. - EDN: EFIZBI.

15. Абрамов, В. И. Методика прогнозирования потребностей клиентов бизнес-экосистем на основе кластерного анализа / В. И. Абрамов, В. В. Гордеев, А. Д. Столяров // Современные наукоемкие технологии. - 2023. - № 6. - С. 9–13. - DOI 10.17513/snt.39624. - EDN NPRLCH.

16. Столяров, А. Д. Цифровые двойники как эффективные инструменты внутрифирменного планирования промышленных предприятий в экономике данных / А. Д. Столяров, С. Г. Вагин, В. И. Абрамов // Экономика промышленности. - 2026. - Т. 19, № 1. - С. 96–109. - EDN OIDSDA.

DIGITAL ECOSYSTEMS AND THE DATA ECONOMY: FEATURES AND PROSPECTS FOR REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

O.V. Abramov

National Research Nuclear University MEPhI,
Moscow, Russia

This article examines a system-dynamic assessment of the formation of digital ecosystems in the constituent entities of the Russian Federation in the context of the transition to a data economy. Disparities in regional information and communications technology development, as well as human resource and infrastructure barriers, are analyzed. Three basic regional development scenarios are proposed, focusing on the use of generative artificial intelligence technologies and digital twins of territories.

Keywords: data economy, digital business ecosystems, generative artificial intelligence, digital twins, regional development.

УДК 93

СТАНОВЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 ГОДА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

А.И. Авдеева, Л.В. Белова

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск, Россия

Статья посвящена историко-правовому анализу отдельных гражданско-правовых норм Соборного уложения 1649 года – первого печатного кодекса Российского государства. Исследуются предпосылки систематизации гражданского законодательства в середине XVII века, рассматриваются основные институты вещного, обязательственного и наследственного права.

Ключевые слова: соборное уложение 1649 г., гражданское право, история права, вотчина, поместье, обязательственное право, договор, сервитуты, наследственное право.

Соборное уложение 1649 года занимает особое место в истории отечественного права. Будучи первым печатным памятником русского права, оно стало кодексом, который не только систематизировал предшествующее законодательство, но и создал качественно новую правовую основу для развития феодального общества [2, с. 5]. Принятое в сложный исторический период, последовавший за Смутным временем и городскими восстаниями середины XVII века, Уложение отразило глубокие социально-экономические сдвиги и закрепило тенденции развития государства на пути к абсолютизму [1].

Значение Соборного уложения для истории гражданского права трудно переоценить. Как справедливо отмечает М.Н. Лядащева-Ильичева, в 1649–1675 гг. происходит активный процесс формирования системы гражданского законодательства, при котором разрозненные узаконения дополняли правовые институты, нашедшие закрепление в тексте Уложения. Более двухсот лет этот свод законов сохранял свое действие, открыв в 1830 г. «Полное собрание законов Российской империи» и использовался при создании XV тома Свода законов [2, с. 5].

Создание Соборного уложения 1649 г. было обусловлено комплексом социально-экономических и политических факторов. Начало XVII столетия характеризовалось политическим и экономическим упадком России после войн со Швецией и Польшей. Последствия Смутного времени, разорение хозяйства страны требовали срочных мер по его восстановлению, при этом основная тяжесть ложилась на черносошенных крестьян и посадских людей [2, с. 6].

Развитие товарно-денежного хозяйства, трансформация институтов собственности и многократное возрастание объема гражданско-правовых сделок делали неизбежным уточнение границ гражданско-правовой сферы. Спусковым крючком для принятия нового кодекса стал «Соляной бунт» – восстание московских посадских людей в 1648 году, за которым последовали выступления в других городах.

В преамбуле Уложения декларировалась цель его создания: «Чтобы Московского государства всяких чинов людем, от болшаго и до меншаго чину, суд и росправа была во всяких делех всем ровна» [3, с. 7]. Эта формулировка, по мнению В.М. Строева, закрепляла идею равно-справедливого суда, «ибо ни одно сословие не оставалось безгласным перед судьею». В Соборном уложении 1649 г. получили юридическое закрепление сложившиеся ранее три основных вида феодального землевладения. Первый вид – собственность государства или непосредственно царя (дворцовые земли, земли черных волостей). Второй вид – вотчинное землевладение. Третий вид – поместья, которые давались за службу, главным образом военную. Вотчина выступала привилегированной формой феодального землевладения. В зависимости от субъекта и способа приобретения вотчины подразделялись на дворцовые, государственные, церковные и частновладельческие. Вотчины подразделялись на три категории: приобретенные за службу (пожалованные), купленные и унаследованные от предков. Объем прав собственников варьировался в зависимости от категории: вотчинники пользовались широкими возможностями распоряжаться землей – отчуждение, передача в залог, наследование – однако законодатель стремился оградить родовые владения от выбывания из семьи. Именно поэтому за членами рода закреплялось преимущественное право выкупа проданной родовой вотчины. Впервые в Соборном уложении 1649 г. регламентировался институт сервитутов – юридическое ограничение права собственности одного лица в интересах права пользования другого или других лиц [4, с.25].

В разные исторические периоды развития российского государства правовые предписания, регулирующие отношения по возмещению вреда изменялись в зависимости от существующего государственного строя, социально–экономической и политической ситуации в стране Законодательство этого периода уделяло внимание и обязательствам из причинения вреда. Устанавливалась

ответственность за ущерб, вызванный потравами полей и лугов. Собственник скота, потравившего угодья, обязывался возместить убытки их владельцу. Задержанный при потраве скот подлежал возвращению собственнику в целости и сохранности [5, с. 3].

Соборное уложение 1649 г. стало качественно новым этапом в развитии отечественного гражданского права. [6, с. 5].

Уложение юридически оформило те положения и нормы, которые фактически определились в предыдущее время, и закрепил сложившуюся структуру общества с развивающимися товарно-денежными отношениями. Оно определило тенденцию усиления централизации государственной власти, что говорило о начале эволюции сословно-представительной монархии в абсолютную [6 с.35].

Список использованных источников

1. Гражданское право по соборному уложению. Система договоров [Электронный ресурс] // Namvd. – URL: https://www.namvd.ru/dogovory-grazhdanskoe-pravo-po-sobornomu-ulozheniyu-sobornoe-ulozhenie-1649/ (дата обращения: 16.03.2026).

2. Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс] // История России в контексте всемирной истории. Томский государственный университет. – URL: https://historyrussia.org/sobytiya/dokument-gosudarstvennoj-vazhnosti-sobornoe-ulozhenie-tsarya-alekseya-mikhajlovicha (дата обращения: 16.03.2026).

3. Лядащева-Ильичева М.Н. Формирование системы гражданского законодательства в России в 1649–1675 гг. // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 4. – С. 84-94.

4. Симаков В.Н. Характеристика Соборного уложения 1649 г. как памятника отечественного средневекового права [Электронный ресурс] // Инфоурок. – 22.03.2020. – URL: https://infourok.ru/urok-po-predmetu-istoriya-rossii-4212738.html (дата обращения: 16.03.2026).

5. Прощалыгин Р.А. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц органа предварительного следствия (историко– правовой аспект): монография. – Барнаул, 2025;

6. Гуменюк А.Г. Применение норм Соборного уложения 1649 г. в деле о разделе крестьянского имущества // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-norm-sobornogo-ulozheniya-1649-g-v-dele-o-razdele-krestyanskogo-imuschestva (дата обращения: 16.03.2026).

THE FORMATION OF INDIVIDUAL CIVIL LAW INSTITUTIONS IN THE CATHEDRAL CODE OF 1649: HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

A.I. Avdeeva, L.V. Belova

Siberian State University of Railway Engineering (SGUPS), Novosibirsk, Russia

The article provides a comprehensive historical and legal analysis of the civil law norms of the Cathedral Code of 1649, the first printed code of the Russian state.

The prerequisites for the systematization of civil legislation in the middle of the 17th century are investigated, the main institutions of property, obligation and inheritance law are considered.

Keywords: Cathedral Code of 1649, civil law, history of law, patrimony, estate, law of obligations, contract, easements, inheritance law.

УДК 378.147

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

И.В. Агафонова, К. Комбе, Б. Силомба, И. Сималамбо

Российский университет транспорта,
г. Москва, Россия

В статье рассматриваются возможности применения личностно-деятельностного подхода в обучении иностранных студентов инженерных специальностей. На примере технологии «Шестиугольное обучение» демонстрируется ее эффективность для активизации познавательной деятельности, осмысленного освоения профессиональной терминологии и развития системного мышления. Приводятся результаты эксперимента, проведенного в Российском университете транспорта с участием студентов из Замбии: использование методики позволило повысить усвоение материала с 46 % до 96,7 % у иностранных учащихся. Делается вывод о перспективности интерактивных визуальных технологий для повышения качества подготовки иностранных специалистов в техническом ВУЗе и их адаптации в русскоязычной образовательной среде.

Ключевые слова: личностно-деятельностный подход; инженерное образование; педагогические инновации; иностранные студенты; образовательные результаты; межкультурная коммуникация.

Интеграция российской высшей школы в мировое образовательное пространство требует обновления сложившихся педагогических практик. От того, насколько активно технические ВУЗы внедряют новые обучающие модели, во многом зависит качество подготовки специалистов. Рост числа иностранных студентов, развитие программ академического обмена и усложнение учебных планов заставляют преподавателей искать новые методические решения.

Исследователи отмечают у нынешнего поколения студентов противоречивые особенности: с одной стороны – клиповое мышление и опору на визуальное восприятие, с другой – снижение способности к длительной концентрации внимания [3]. Это делает востребованными технологии, гибко подстраивающиеся под когнитивные особенности современных студентов, а также под индивидуальные запросы иностранных учащихся, их исходный языковой уровень, скорость обработки информации, профиль будущей профессии.

Иностранные студенты находятся в русскоязычной академической среде и вынуждены одновременно решать задачи языковой, социокультурной и профессиональной адаптации. В такой ситуации личностно-ориентированная стратегия обучения облегчает вхождение в новую образовательную среду [2].

Теоретическая база личностно-деятельностного подхода восходит к работам Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна. Применительно к языковому образованию эти идеи развиты в трудах Е.И. Пассова [5].

Одним из инструментов, отвечающих запросам современной аудитории, выступает методика «Шестиугольное обучение» (Hexagonal Learning), предложенная британским методистом Расселом Тарром для активизации мышления и организации групповой работы с учебным материалом [6]. В ее основе работа с шестигранными карточками, на которые вынесены ключевые термины. Благодаря шести сторонам каждая карточка может граничить с несколькими другими, образуя разветвленные смысловые кластеры, отражающие связи между понятиями.

Занятие строится следующим образом: студенты получают текст для изучения и набор шестиугольных карточек с терминологией по теме (рис. 1). Их задача – на основе прочитанного выстроить из карточек логическую схему, где соседство граней отражает смысловую близость понятий, и объяснить, почему те или иные термины оказались рядом и какое место они занимают в общей структуре. Работу лучше организовать в мини-группах по 3–5 человек, это усиливает вовлеченность и облегчает усвоение материала [1].

Рисунок 1 – Шестиугольные карточки с техническими понятиями по теме занятия

Методика представляет собой коммуникативно-интерактивную задачу [4], которая меняет роль студента: вместо пассивного воспроизведения информации он сам выстраивает систему знаний. Установление причинно-следственных связей между понятиями развивает аналитическое мышление и снижает риск поверхностного, фрагментарного запоминания.

Для иностранных студентов у этого подхода есть дополнительные преимущества: он позволяет работать с текстом целенаправленно, выделять смысловые опоры, осваивать определения и профессиональную лексику прямо в контексте [7]. Карточка не просто называет термин – она встраивает его в систему родственных понятий, благодаря чему запоминание становится осмысленным, а не механическим: студент усваивает термин через его место в структуре знаний, а не как изолированную единицу. Карточки, относящиеся к производственному оборудованию, дополняются иллюстрациями – это создает зрительную опору и закрепляет связь между русскоязычным термином и реальным объектом.

Тестирование эффективности методики проводилось на базе Российского университета транспорта (РУТ (МИИТ)). В эксперименте участвовала группа из 20 студентов третьего курса направления 13.03.01 «Теплоэнергетика и теплотехника», включая трех граждан Замбии, обучающихся на русском языке (рис. 2).

Рисунок 2 – Апробация технологии «Шестиугольное обучение» при работе с иностранными студентами, интегрированными в русскоязычную группу

На первом этапе студенты прослушали лекцию по профильной дисциплине и написали тест на проверку знания пройденного материала: средний результат по группе составил 51%, у иностранных студентов – 46%, несмотря на регулярное посещение занятий и высокую мотивацию. На втором этапе было проведено практическое занятие по технологии «Шестиугольное обучение». Повторное

тестирование показало заметный рост результатов: 87,5% в среднем по группе и 96,7% у иностранных студентов.

Результаты эксперимента показывают, что инновационные образовательные инструменты, построенные на принципах личностно-деятельностного подхода, повышают качество преподавания инженерных дисциплин иностранной аудитории. «Шестиугольное обучение» демонстрирует, что активная познавательная позиция студента ведет к более осознанному усвоению материала. Помимо количественного роста результатов тестирования, иностранные студенты отмечали более быстрое запоминание терминологии, рост вовлеченности в занятия и более глубокое понимание производственной логики изучаемых процессов. Технологии, опирающиеся на наглядность, контекстную подачу лексики и совместный поиск решений, отвечают потребностям современных студентов и одновременно облегчают адаптацию иностранцев в русскоязычной учебной среде. Полученные данные позволяют считать «Шестиугольное обучение» перспективным инструментом реализации личностно-деятельностной стратегии в преподавании технических дисциплин иностранным студентам. Дальнейшие исследования могут быть направлены на адаптацию методики к другим дисциплинам и категориям обучающихся.

Список использованных источников

1. Агафонова И.В. К вопросу о стимулировании коллективной работы студентов при выполнении проектов: оценка и факторы развития // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов. Материалы XLIX Международной научно-практической конференции. – Москва, 2026. – С. 121–127.

2. Агафонова И.В., Логинова Л.Н. Проектная деятельность малых студенческих групп как основа личностно-ориентированного обучения // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов. Материалы XLIX Международной научно-практической конференции. – Москва, 2026. – С. 128–132.

3. Мурашко Г.М. Социокультурные характеристики современной молодёжи // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов. Материалы XLIX Международной научно-практической конференции. – Москва, 2026. – С. 49–54.

4. Осиянова О.М. Субъектно-ориентационный подход как основа для решения коммуникативно-интерактивных задач в процессе иноязычного обучения в вузе // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – No 2 (23). – С. 309–312.

5. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Основы коммуникативной теории и технологии образования: пособие для преподавателей РКИ. – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 568 с.

6. Шестиугольное обучение как педагогическая технология // URL: https://pedsovet.org/article/sestiugolnoe-obucenie-kak-obrazovatelnaa-tehnologia (дата обращения: 10.08.2026).

7. Ярица Л.И. Освоение профессиональной терминологии иностранцами на подготовительном отделении технического ВУЗа // Научно-педагогическое обозрение. – 2020. – No 6 (34). – С. 129–139.

APPLICATION OF INNOVATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF FOREIGN STUDENTS IN ENGINEERING SPECIALTIES

I.V. Agafonova, K. Kombe, B. Silomba, I. Simalambo

Russian University of Transport, Moscow, Russia

The article explores the potential of implementing the personality-activity approach in teaching foreign students of engineering specialties. Using the «Hexagonal Learning» technology as an example, the authors demonstrate its effectiveness in enhancing cognitive activity, promoting meaningful acquisition of professional terminology, and developing systems thinking. The paper presents the results of an experiment conducted at the Russian University of Transport with the participation of students from Zambia: the application of this method improved learning outcomes among foreign students from 46 % to 96,7 %. The authors conclude that interactive visual technologies are promising for improving the quality of training of foreign specialists in technical universities and facilitating their adaptation to the Russian-speaking educational environment.

Keywords: personality-activity approach; engineering education; pedagogical innovations; foreign students; educational outcomes; intercultural communication.

УДК 81

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Д.М. Агеенко, М.А. Батурьян

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

В статье исследуются переводческие стратегии передачи безэквивалентной лексики в англоязычных новостных текстах, посвящённых России. Анализируются способы транслитерации, калькирования, описательного перевода и функциональной замены. Обосновывается тезис о том, что выбор переводческого приёма детерминирован не лингвистическими, а культурно-политическими и идеологическими факторами медиаконтекста.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, лингвокультурология, переводческие трансформации, медиадискурс, новостной текст.

Проблема перевода безэквивалентной лексики приобретает в современной межкультурной коммуникации особую остроту, поскольку она напрямую связана не только с лингвистической точностью, но и с сохранением культурной идентичности, передачей национально-специфических смыслов и формированием образа страны в иностранной медиасреде. Англоязычные СМИ, выступающие сегодня основным поставщиком контента для глобальной аудитории, при освещении событий в России постоянно сталкиваются с реалиями, понятиями и категориями, не имеющими прямых аналогов в англосаксонской культурной традиции. Это явления политической жизни, бытовой культуры, исторической памяти, административно-территориального устройства, а также многочисленные аббревиатуры, унаследованные от советской эпохи и трансформировавшиеся в новейшей российской истории. Лингвокультурологический подход к изучению перевода таких единиц позволяет выйти за рамки формальной эквивалентности и проанализировать, как глубинные смыслы российской действительности адаптируются, искажаются или, напротив, обогащают иноязычную картину мира в процессе медийного перевода [1].

Безэквивалентная лексика в строгом смысле этого термина обозначает слова и устойчивые словосочетания, которые обозначают реалии, отсутствующие в иной культуре, и потому не имеют регулярных соответствий в другом языке. В новостных текстах о России к такой лексике относятся, в частности, наименования государственных институтов, специфических для российской политической системы: "Госдума", "Совет Федерации", "администрация президента", "силовики", "омоновцы", "сотрудники ФСБ". Однако лингвокультурологическая сложность заключается в том, что за каждым из этих терминов стоит целый пласт культурных коннотаций, исторического контекста и коннотативных смыслов, которые не передаются дословно. Например, прямое калькирование "Federal Security Service" для обозначения ФСБ создаёт у англоязычного читателя ассоциации с американскими спецслужбами, хотя функциональность, масштаб и общественное восприятие этих институтов в России имеют существенные отличия. Переводчик, работающий с новостным текстом, оказывается перед дилеммой: либо пожертвовать точностью культурной окраски в пользу узнаваемости, либо сохранить культурную специфику ценой потери лёгкости восприятия [2].

Наиболее распространённым приёмом передачи безэквивалентной лексики в англоязычных новостных текстах о России является транслитерация и транскрипция, которые позволяют сохранить звуковую оболочку исходного слова и маркировать его как инородное. Такие единицы, как "perestroika", "glasnost", "dacha", "troika", "Kremlin" и "Bolshoi", уже давно вошли в активный словарный запас английского языка и не нуждаются в дополнительном пояснении для образованного читателя. Однако использование этого приёма в

отношении политически заряженных реалий последнего десятилетия, например "Rosgvardia" (Росгвардия) или "Edinaya Rossiya" (Единая Россия), создаёт эффект отчуждения: транслитерированный термин воспринимается как нечто экзотическое, непонятное и потенциально угрожаемое именно в силу своей непрозрачности. Англоязычный реципиент, не знакомый с внутренними механизмами функционирования этих структур, склонен интерпретировать их через призму собственных культурных стереотипов, часто негативных. Таким образом, транслитерация, сохраняя формальную аутентичность, провоцирует семантическую лакуну, которую читатель заполняет домыслами, что существенно влияет на восприятие всего новостного сообщения [3].

Прямое калькирование, то есть пословный перевод составных частей безэквивалентной единицы, также активно применяется в англоязычной журналистике, но порождает ещё более серьёзные искажения. Показательным примером служит устойчивое выражение "special military operation", ставшее официальным английским эквивалентом российского политического клише «специальная военная операция». Данное калькирование, будучи формально точным, полностью утрачивает те лингвокультурные обертоны, которые данное словосочетание имеет в русском языке – его бюрократическую природу, риторическую связь с советской военной терминологией и нарочитую эвфемистичность, смягчающую семантику вооружённого конфликта. В англоязычном дискурсе этот термин звучит технично и почти нейтрально, тогда как в оригинале он является мощным инструментом идеологической манипуляции. Обратная ситуация возникает при переводе на английский язык таких маркёров повседневной культуры, как "propusk" (пропуск) или "spravka" (справка): калькирование в виде "pass" или "certificate" нивелирует специфический для России бумажно-бюрократический уклад, где эти документы являются не просто техническими средствами, а социальными маркерами, регулирующими доступ к разным сферам жизни. В этом случае потеря лингвокультурной информации оказывается критической, так как из текста исчезает понимание той особой роли документального подтверждения в российской ментальности [4].

Описательный перевод и функциональная замена выступают альтернативными стратегиями, позволяющими ввести безэквивалентную лексику в иноязычный дискурс с сохранением хотя бы части её смыслового ядра. В англоязычных качественных изданиях, таких как The Guardian или The New York Times, нередко встречаются развёрнутые описания типа "a state-owned conglomerate with strong ties to the security services" вместо простого транслитерирования "Rostec" или "a parliamentary body with limited oversight powers" вместо "State Duma". Такой приём обеспечивает понятность для широкой аудитории, но одновременно лишает текст национальной специфики и приводит к унификации восприятия, когда все политические институты разных стран описываются через единые западные категории [5]. Более того, описательный перевод часто используется как инструмент скрытой идеологической оценки: выбор конкретных определений и

атрибутов при описании безэквивалентной реалии отражает политическую позицию издания.

В заключение следует подчеркнуть, что лингвокультурологический анализ перевода безэквивалентной лексики в новостных текстах о России раскрывает глубокую взаимосвязь между языковыми формами и идеологическими установками, лежащими в основе глобального медиадискурса. Каждая безэквивалентная единица представляет собой не просто слово или словосочетание, а сгусток культурной памяти, систему ассоциаций и маркер социального устройства, которые при переводе неизбежно подвергаются трансформации.

Список использованных источников

1. Подоляка И. В., Орлова О. С. Особенности перевода безэквивалентной лексики // Вестник науки. 2025. №1 (82). С. 205-210.

2. Габибова Карина Шапиевна, Ашурбекова Татьяна Ивановна. Способы перевода безэквивалентной лексики // Научные междисциплинарные исследования. 2021. №5. С. 173-179.

3. Куркина В.А. Проблема перевода безэквивалентной лексики // Гуманитарные научные исследования. 2023. № 4 [Электронный ресурс]. URL: https://human.snauka.ru/2023/04/55402 (дата обращения: 26.08.2026).

4. Бакашева, Н. С. К проблеме перевода безэквивалентной лексики (БЭЛ) / Н. С. Бакашева. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы филологических наук: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). – Казань: Бук, 2016. – С. 61-64.

5. Батурьян М.А., Литовка А.С. Специфика англоязычных правовых документов и проблема их перевода на русский язык // Epomen.Global. 2024. №55. С. 93-97.

LINGUOCULTUROLOGICAL FEATURES OF TRANSLATING NON-EQUIVALENT LEXIS IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

D.M. Ageenko, M.A. Baturyan

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

The article examines translation strategies for conveying non-equivalent lexis in English-language news texts about Russia. The methods of transliteration, calquing, descriptive translation, and functional substitution are analyzed. The thesis is substantiated that the choice of translation technique is determined not by linguistic factors, but by the cultural, political, and ideological factors of the media context.

Keywords: non-equivalent vocabulary, linguoculturology, translation transformations, media discourse, news text.

УДК 378.14:004.7

ВЛИЯНИЕ ГАДЖЕТОВ НА АКАДЕМИЧЕСКУЮ УСПЕВАЕМОСТЬ СТУДЕНТОВ

В.С. Александрова[1]

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия

В статье рассматривается влияние цифровых устройств на успеваемость студентов. Автор анализирует как положительные стороны использования гаджетов, так и негативные. На основе данных опросов делается вывод, что ключевая задача – найти разумный баланс между образовательными возможностями и рисками для здоровья и концентрации. Предлагаются практические способы снижения вредного влияния, такие как самоограничение и использование блокирующих приложений.

Ключевые слова: гаджеты, студенты, учёба, успеваемость, концентрация внимания, соцсети, перегрузка информацией, здоровье студентов, самоограничение, планирование времени.

В современном мире наблюдается большой спрос на гаджеты, из-за чего они доступны огромной части населения, включая студентов. Смартфоны, ноутбуки и планшеты стали важными инструментами обучения, поскольку они обеспечивают быстрый поиск информации, доступ к электронным библиотекам, научным публикациям, образовательным платформам и видеолекциям. Кроме того, с помощью гаджетов студенты могут поддерживать связь с преподавателями и одногруппниками, обмениваться учебными материалами и участвовать в дистанционных занятиях. Однако активное использование цифровых устройств влияет не только на организацию учебного процесса, но и на психологическое и физическое состояние учащихся. Актуальность данной проблемы заключается в поиске баланса между образовательными преимуществами гаджетов и возможными рисками их чрезмерного использования [1].

Положительное влияние гаджетов прежде всего связано с расширением доступа к информации. Студент может самостоятельно находить научные материалы, знакомиться с различными точками зрения и использовать полученные сведения при подготовке докладов, рефератов, курсовых и выпускных квалификационных работ. В случае возникновения трудностей учащиеся могут обращаться за консультациями к преподавателям и другим компетентным специалистам посредством электронной почты, мессенджеров и образовательных платформ. Это способствует развитию самостоятельности и исследовательских навыков, поскольку студент не только получает информацию, но и учится оценивать её соответствие поставленной учебной задаче.

Использование цифровой техники также помогает формировать навыки, необходимые для дальнейшей профессиональной деятельности. В зависимости

[1] Научный руководитель Сафиуллина Ф.Р.

от специальности студенты осваивают работу с электронными таблицами, презентациями, графическими редакторами, программами для обработки данных и основами программирования. Таким образом, гаджеты способствуют развитию цифровой грамотности и позволяют учащимся быстрее адаптироваться к современным требованиям образования и рынка труда.

Кроме того, электронные устройства облегчают организацию учебной деятельности. С помощью календарей, напоминаний и приложений для планирования студент может распределять нагрузку, устанавливать сроки выполнения заданий и контролировать соблюдение режима дня. Например, подготовку к экзамену можно разделить на несколько этапов и заранее определить время для изучения каждой темы. Это снижает вероятность откладывания работы на последний момент. Гаджеты также упрощают выполнение групповых проектов: студенты могут создавать общие документы, обмениваться файлами и распределять обязанности без необходимости постоянно встречаться лично.

Вместе с тем гаджеты способны отрицательно влиять на академическую успеваемость. Помимо учебных ресурсов, они содержат большое количество развлекательного контента: социальные сети, игры и мессенджеры. Уведомления и сообщения могут отвлекать студентов во время лекций и самостоятельной подготовки. Даже кратковременное переключение внимания нарушает последовательность работы, поэтому учащемуся требуется дополнительное время для возвращения к учебной задаче. При регулярном обращении к телефону у студента может сформироваться привычка постоянно проверять уведомления, даже если объективной необходимости в этом нет. [1]

Особенно заметна данная проблема во время подготовки к экзаменам и написания научных работ. Студент может чередовать работу с учебным материалом, просмотр социальных сетей и ответы на сообщения. Подобная многозадачность создаёт ощущение высокой активности, но при этом снижает продуктивность. Внимание становится менее устойчивым, студенту сложнее выделять главное и устанавливать логические связи между отдельными понятиями. В результате на выполнение задания затрачивается больше времени, а качество усвоения информации может ухудшаться.

Негативное влияние гаджетов связано не только с успеваемостью, но и с состоянием здоровья. Длительное пребывание в неподвижном положении может приводить к проблемам с осанкой, а продолжительное напряжение глаз – к ухудшению зрения. Использование мобильных устройств в вечернее и ночное время способно нарушить режим сна. [2] Недостаток сна вызывает усталость, раздражительность и трудности с концентрацией внимания, что отрицательно отражается на учебной деятельности. Уставшему студенту сложнее воспринимать новую информацию, запоминать материал и выполнять задания. По данным исследования, чрезмерное использование гаджетов студентами может иметь негативные последствия для их физического состояния [3].

Отдельное внимание следует уделить влиянию телефона на когнитивные функции. Даже если устройство не используется непосредственно, его присутствие на парте может провоцировать ожидание уведомлений и желание проверить содержимое. В результате часть внимания студента направляется не на объяснение преподавателя или выполнение задания, а на возможность получения нового сообщения. Это может ухудшить память и концентрацию.

В научной литературе выделяются несколько основных аспектов негативного влияния гаджетов. Уткин и Шейко связывают снижение качества восприятия учебного материала с отвлечением студентов на социальные сети и мессенджеры. [1] Колесников, Мельник и Теплова акцентируют внимание на физиологических последствиях длительного использования электронных устройств, включая ухудшение зрения и нарушение сна. [2] Гаибов с соавторами рассматривают информационную перегрузку, возникающую при одновременной работе с несколькими приложениями и постоянном переключении между различными задачами. [3]

Опрос «Цифровой фабрики инноваций» (2019), охвативший свыше 15 тысяч респондентов из восьми федеральных округов России, не оставляет места для сомнений: гаджеты полностью поглощают студенческую жизнь. 93% участников используют их при подготовке к занятиям. 63% убивают на личные нужды более трёх часов ежедневно. На учебные задачи те же три часа тратят 49%. [5] Смартфон – это абсолютный лидер, его используют 100% опрошенных. Ноутбук же применяется лишь 40–84% студентов, и то в зависимости от конкретной цели. [7] Лишь 11% признаются, что проводят с устройствами менее трёх часов в сутки. [6] Цифры говорят сами за себя: гаджеты стали неотъемлемой частью образовательной деятельности. Следовательно, полностью отказаться от электронных устройств в современном образовании практически невозможно. Они необходимы для поиска информации, выполнения заданий, общения и планирования учебного процесса. Основная проблема заключается не в самом факте использования гаджетов, а в продолжительности и целях их применения. Один и тот же смартфон может быть полезным учебным инструментом или источником постоянного отвлечения – в зависимости от того, насколько осознанно студент организует работу с ним.

Для сохранения баланса образовательным организациям целесообразно устанавливать правила использования гаджетов во время занятий. Ограничение доступа к развлекательным приложениям и отключение уведомлений помогают повысить концентрацию. Однако полный запрет цифровых устройств не всегда оправдан, поскольку смартфоны и ноутбуки могут использоваться для прохождения тестов, поиска дополнительной информации и работы с образовательными платформами. Поэтому более эффективным представляется не запрет, а регулирование использования гаджетов в соответствии с учебными целями.

Важную роль играет и самодисциплина студента. Перед началом работы рекомендуется определить конкретную цель, отключить всплывающие уведомления и включить режим «не беспокоить». При необходимости можно использовать приложения, блокирующие доступ к социальным сетям на определённый период. Также полезно чередовать учебную работу с короткими перерывами, во время которых следует отдыхать от экрана и менять положение тела. [4]

В заключение хочется сказать, что к основным рискам использования гаджетов относятся отвлечение на развлекательный контент, проблемы со сном и зрением, снижение концентрации и информационная перегрузка. Вместе с тем цифровые устройства предоставляют студентам доступ к обширным образовательным ресурсам, помогают развивать цифровую грамотность и эффективнее планировать время. Рациональное использование гаджетов должно основываться не на полном отказе от них, а на осознанном регулировании времени,

содержания и целей их применения. Только при таком подходе можно сохранить преимущества цифровых технологий и одновременно снизить их негативное влияние на академическую успеваемость и психологическое состояние студентов.

Список использованных источников

1. Уткин С. О., Шейко Г. А. Анализ влияния гаджетов на студентов: благоприятные и негативные аспекты // «Теория и практика современной науки» №1(103) 2024 110-113 с.

2. Колесников В. Н., Мельник Ю. И., Теплова Л. И. Мобильный телефон в учебной деятельности современного старшеклассника и студента // Непрерывное образование: XXI век. 2018. №2 (22).

3. Гаибов А. Г., Бегмуродзода С. Б., Талбаков К. С., Гайратзода М. Х. СОВРЕМЕННЫЕ ГАДЖЕТЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА // Вестник педагогического университета (Естественных наук). 2021. №3-4 (11-12). 402-406 с.

4. Голубкина К. В., Абрамян С. К. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГАДЖЕТОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНТОВ // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. №S1 577-581 с.

5. Большинство школьников и студентов используют гаджеты для личных целей более трех часов в день: результаты опроса проекта «Цифровая фабрика инноваций» // Вогазета: [сайт]. – 2019. – 16 дек. –URL: https://vogazeta.ru/articles/2019/12/16/analitycs/10808-bolshinstvo_shkolnikov_i_studentov_ispolzuyut_gadzhety_dlya_lichnyh_tseley_bole e_treh_chasov_v_den (дата обращения: 07.08.2026).

6. Влияние гаджетов на физическую активность студентов: исследование // SciPress.ru: [сайт]. – 2024. – URL: https://scipress.ru/pedagogy/articles/vliyanie-gadzhetov-na-fizicheskuyu-aktivnost-studentov.html (дата обращения: 07.08.2026).

7. Данные по использованию смартфонов студентами: результаты исследования // MedConf.com: [сайт]. – 2017. – URL: https://medconfer.com/node/14488 (дата обращения: 07.08.2026).

THE IMPACT OF GADGETS ON STUDENTS' ACADEMIC PERFORMANCE

V.S., Alexandrova[1]

Kazan State Power Engineering University,
Kazan, Russia

The article examines the impact of digital devices on student academic performance. The author analyzes both the positive aspects of using gadgets and the negative ones. Based on the survey data, it is concluded that the key task is to find a reasonable balance between educational opportunities and risks to health and concentration.

[1] **Scientific supervisor. Safiullina F. R.**

Practical ways to reduce harmful effects, such as self-restriction and the use of blocking applications, are proposed.

Keywords: gadgets, students, studies, academic performance, concentration of attention, social networks, information overload, student health, self-restraint, time planning.

УДК 316.77

ЭМПАТИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ НАВЫКОВ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Г.Д. Антипкин, Ф.Р. Сафиуллина

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия

В статье рассматривается, как цифровые каналы меняют проявление эмпатии в повседневном общении. Показано, что мессенджеры, социальные сети, короткие реакции и постоянная доступность не отменяют межличностное понимание, но заставляют человека иначе считывать настроение собеседника. Особое внимание уделяется навыкам слушания, эмоционального отклика, интерпретации сообщений и предупреждения конфликтов в переписке. Авторами предложено выделять три уровня цифровой эмпатии: знаковый, поведенческий и рефлексивный.

Ключевые слова: эмпатия, цифровые коммуникации, межличностное взаимодействие, социальная психология, общение, цифровая социализация, социальные сети, мессенджеры.

За последние годы значительная часть общения переместилась в цифровую среду. Разговоры в мессенджерах, голосовые сообщения, видеозвонки, комментарии и реакции стали не дополнением к общению, а обычной частью повседневности. С одной стороны, человеку стало легче поддерживать связь: можно написать почти в любой момент, быстро отправить фотографию, уточнить вопрос, напомнить о себе. С другой стороны, сама форма контакта изменилась. В ней иначе проявляется эмпатия - умение заметить состояние другого человека и подобрать слова так, чтобы не усилить его напряжение.

Актуальность темы связана с тем, что эмпатия важна не только для психологии отдельной личности. Это ещё и условие нормального социального взаимодействия. Без неё слабее становятся доверие, учебное и профессиональное общение, дружеские и семейные отношения. В отечественной социальной психологии общение рассматривается как одна из основных форм связи человека с другими людьми, а личность - через систему общественных отношений и взаимодействий [1, 5, 6]. Поэтому изменение среды общения неизбежно влияет на то, как человек учится понимать другого.

В очном разговоре собеседник воспринимает не только слова. Он видит выражение лица, слышит интонацию, замечает паузу, усталость, напряжение, неуверенность. Все эти детали помогают точнее уловить эмоциональное состояние. В переписке большая часть таких признаков исчезает. Их место занимают смайлы, стикеры, знаки препинания, скорость ответа, статус «прочитано», короткие реакции. Из-за этого эмоциональное понимание не исчезает, но становится более условным: человеку приходится работать не с живой мимикой и голосом, а с набором цифровых знаков.

Для данной темы особенно значима мысль А.А. Леонтьева о том, что общение связано не только с передачей информации, но и с организацией взаимодействия между людьми [2]. В мессенджере сообщение тоже является действием. Оно может поддержать, обидеть, сблизить, оттолкнуть или, наоборот, снять напряжение. Даже короткое «ок» в разных ситуациях читается по-разному: как согласие, усталость, равнодушие, раздражение или желание закончить разговор. Поэтому в цифровой коммуникации резко возрастает роль контекста.

Эмпатия имеет несколько сторон. Е.П. Ильин связывает межличностное понимание с восприятием другого человека, эмоциональным отношением и умением строить контакт [3]. В.В. Бойко рассматривает эмпатию как способность учитывать внутреннее состояние партнёра по общению [4]. Если перенести эти положения на цифровую среду, видно, что переписка не упрощает эмпатию. В некоторых случаях она даже усложняет её: нужно не только прочитать текст, но и понять, какое состояние могло стоять за этим текстом.

Первый заметный сдвиг касается темпа общения. Социальные сети и мессенджеры приучают отвечать быстро: поставить реакцию, отправить стикер, написать одну-две короткие фразы. Но эмпатия редко возникает на автомате. Чтобы понять другого, нужно хотя бы ненадолго выйти из собственной информационной ленты и представить, что именно сейчас переживает собеседник. Если общение сводится только к скорости ответа, поддержка становится внешней: реакция есть, а настоящего участия может не быть.

Следующий сдвиг связан с тем, что в переписке беднее представлен невербальный слой общения. В личной беседе можно заметить, что человек говорит спокойно, но выглядит растерянно. В тексте такой подсказки нет. Поэтому пользователи заменяют её смайлами, многоточиями, заглавными буквами, голосовыми сообщениями, фотографиями и реакциями. Эти средства помогают, но они не всегда точны. Один и тот же смайлик может означать поддержку, иронию или попытку сгладить неловкость. Отсюда возникает необходимость не угадывать за другого, а уточнять смысл.

Меняется и социальная дистанция. Цифровая связь делает человека почти постоянно доступным: можно написать ночью, следить за жизнью знакомых через истории, поддерживать контакт на расстоянии. Однако доступность не равна близости. Иногда создаётся только ощущение участия: человек смотрит публикации, ставит реакции, но не вступает в настоящий разговор. В этом проявляется противоречие цифровой коммуникации: контактов становится больше, а глубина части этих контактов может снижаться.

Ещё одна трудность – рассеивание внимания. Во время переписки человек нередко одновременно отвечает нескольким людям, смотрит короткие видео, читает новости или слушает музыку. Собеседник в такой ситуации легко превращается в очередное уведомление. Между тем эмпатия требует сосредоточенности. Нельзя по-настоящему понять состояние другого, если диалог постоянно прерывается внешними сигналами. Поэтому умение удерживать внимание на собеседнике становится важным социальным навыком цифровой эпохи.

В то же время было бы неверно описывать цифровые коммуникации только как потерю живого общения. Для многих людей переписка оказывается более спокойным способом сказать о тревоге, обиде, стыде или просьбе о помощи. Текст даёт паузу: можно подумать, подобрать формулировку, перечитать сообщение перед отправкой. Кроме того, цифровая связь позволяет поддержать человека на расстоянии и вернуться к трудному разговору позже. Значит, вопрос заключается не в том, хороши или плохи технологии сами по себе, а в том, как человек ими пользуется.

В качестве собственного обобщения в статье предлагается различать три уровня цифровой эмпатии. Первый уровень – знаковый. Он связан с умением читать эмоциональные сигналы в тексте, голосовом сообщении, стикере, реакции или фотографии. Второй уровень – поведенческий. Он проявляется в выборе действия: не обесценить переживание, не ответить резко, не давить вопросами, вовремя предложить помощь. Третий уровень - рефлексивный. Он означает понимание границ цифрового общения: иногда одной переписки уже недостаточно, и тогда человеку нужен звонок, личная встреча или более внимательное присутствие.

На практике особенно важно отличать эмпатию от её имитации. В цифровой среде легко создать видимость участия: поставить сердечко, написать «держись», отправить картинку. Но такая реакция сама по себе ещё не означает понимания. Настоящая эмпатия проявляется в том, что человек учитывает состояние собеседника. Например, фраза «не переживай» может выглядеть поддерживающей, но фактически обесценивать проблему. Более точным будет ответ, в котором сначала признаётся переживание другого: «понимаю, почему тебе неприятно; давай спокойно разберёмся». Разница здесь не в длине сообщения, а в уважении к чужому опыту.

Отдельно стоит сказать о сетевых конфликтах. Когда нет живого контакта, человеку иногда проще ответить резко, проигнорировать сообщение, высмеять собеседника или оборвать разговор. Кроме того, письменная фраза легко получает интонацию, которую отправитель в неё не вкладывал. Нейтральное замечание может быть прочитано как холодность или агрессия. Поэтому цифровая эмпатия включает навык проверки понимания: лучше уточнить, что имел в виду собеседник, чем строить конфликт на догадке.

Работы о цифровой социализации показывают, что интернет уже нельзя рассматривать как внешнее дополнение к жизни молодёжи. Он становится частью повседневной социальной среды [9,10]. А.Е. Войскунский подчёркивает необходимость специального психологического анализа интернет-поведения, поскольку онлайн-пространство формирует новые способы общения, самопрезентации и взаимодействия [8]. Для темы эмпатии это означает, что навыки

понимания другого сегодня формируются не только в семье, учебной группе или трудовом коллективе, но и в цифровом пространстве.

С социологической точки зрения цифровая эмпатия может пониматься как новый вариант социального навыка. Она зависит не только от личной доброжелательности, но и от норм, сложившихся в конкретной группе. В одной среде принято отвечать развёрнуто, в другой - ограничиваться реакциями; где-то молчание воспринимается спокойно, а где-то считается обидой. Человек осваивает цифровую эмпатию через повседневный опыт: наблюдает, какие слова поддерживают, какие вызывают конфликт, какие границы общения считаются допустимыми.

Таким образом, цифровые коммуникации не уничтожают эмпатию, а меняют условия её проявления. Главный риск состоит в поверхностности, когда общение превращается в быстрый обмен сигналами, а собеседник воспринимается как уведомление на экране. Главная возможность, наоборот, заключается в расширении способов поддержки: можно быть рядом на расстоянии, подобрать слова, вернуться к разговору, заметить проблему по косвенным признакам. Поэтому задача современного человека - не отказаться от цифрового общения, а научиться сохранять в нём внимательность, ответственность и человеческое присутствие.

Список использованных источников

1. Андреева, Г. М. Социальная психология: учебник / Г. М. Андреева. - 5-е изд., испр. и доп. - М.: Аспект Пресс, 2014. - 363 с. - URL: https://e.lanbook.com/book/441836 (дата обращения: 25.05.2026).

2. Леонтьев, А. А. Психология общения: учебное пособие / А. А. Леонтьев. - 3-е изд. - М.: Смысл, 1999. - 365 с. - URL: https://academia-moscow.ru/ftp_share/_books/fragments/fragment_13760.pdf (дата обращения: 25.05.2026).

3. Ильин, Е. П. Психология общения и межличностных отношений / Е. П. Ильин. - СПб.: Питер, 2010. - 576 с. - URL: https://lib.mgppu.ru/opacunicode/index.php?url=/notices/index/IdNotice:80877/Source:default (дата обращения: 25.05.2026).

4. Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В. В. Бойко. - М.: Филинъ, 1996. - 472 с. - URL: https://psytests.org/book/boyko 1996.html (дата обращения: 25.05.2026).

5. Кон, И. С. Социология личности / И. С. Кон. - М.: Политиздат, 1967. - 383 с. - URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22475265 (дата обращения: 25.05.2026).

6. Парыгин, Б. Д. Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. - М.: Мысль, 1971. - 351 с. - URL: https://lawlibrary.ru/izdanie10624.html (дата обращения: 25.05.2026).

7. Шарков, Ф. И. Коммуникология: основы теории коммуникации: учебник для бакалавров / Ф. И. Шарков. - 4-е изд. - М.: Дашков и К°, 2016. - 488 с. - URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=45745069 (дата обращения: 25.05.2026).

8. Войскунский, А. Е. Психология и Интернет / А. Е. Войскунский. - М.: Акрополь, 2010. - 439 с. - URL: https://cyberpsy.ru/literature/psihologiya-i-internet-vojskunskij/ (дата обращения: 25.05.2026).

9. Солдатова, Г. У. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, Т. А. Нестик. - М.: Смысл, 2017. - 375 с. - URL: https://istina.msu.ru/publications/book/86591580/ (дата обращения: 25.05.2026).

10. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Социальная психология и общество. - 2023. - Т. 14, № 3. - С. 11-30. - DOI: 10.17759/sps.2023140302. - EDN: PFTIUL. - URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2023_n3/Soldatova_Rasskazova (дата обращения: 25.05.2026).

EMPATHY IN THE ERA OF DIGITAL COMMUNICATIONS: TRANSFORMATION OF INTERPERSONAL INTERACTION SKILLS

G.D. Antipkin, F.R. Safiullina

Kazan State Power Engineering University,
Kazan, Russia

The article considers how digital channels change the expression of empathy in everyday communication. It is shown that messengers, social networks, short reactions and constant accessibility do not abolish interpersonal understanding, but make a person interpret the interlocutor's mood in a different way. Special attention is paid to listening skills, emotional response, interpretation of messages and conflict prevention in online communication. The authors propose to distinguish three levels of digital empathy: symbolic, behavioral and reflexive.

Keywords: empathy, digital communications, interpersonal interaction, social psychology, communication, digital socialization, social networks, messengers.

УДК 004.92

МОДУЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ВИЗУАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ НОВОСТНОГО ИНТЕРФЕЙСА ГЛАВНОЙ СТРАНИЦЫ «ИНТЕРФАКС»

Н.А. Архипова

МИРЭА – Российский технологический университет,
Московский международный университет,
г. Москва, Россия

В статье анализируются структурно-композиционные характеристики главной страницы русскоязычной версии информационного агентства «Интерфакс», при этом особое внимание сосредоточено на конфигурации модульной сетки, организации вложенных контейнеров, функциональном назначении

основных разделов и средствах выстраивания визуальной иерархии; такой подход позволяет выявить закономерности построения новостного интерфейса, ориентированного на непрерывный хронологический поток событий.

Ключевые слова: веб-дизайн, модульная сетка, «Интерфакс», визуальная коммуникация, интерфейс, новостной портал, адаптивный дизайн, хроникальная лента, визуальная иерархия, композиционная структура.

Анализ демонстрирует, что интерфейс главной страницы «Интерфакс» (по состоянию на 30 августа 2026 г.) опирается на двухколоночную компоновку, в которой ведущую роль занимает широкая центральная зона – единая «бесконечная» лента новостей, организованная в обратном хронологическом порядке и функционирующая как непрерывный таймлайн текущего дня; правая колонка при этом носит вспомогательный характер и содержит вертикально сгруппированные тематические модули, такие как «Самое читаемое», «Выбор редакции», «Фотогалереи», «Интервью», «Пресс-центр» и «Пресс-релизы», каждый из которых представляет собой автономный контейнер со специфической типологией контента и собственными правилами визуального оформления.

Модульная сетка, лежащая в основе верстки, может быть реконструирована как двенадцатиколонная адаптивная система, где основная лента новостей занимает примерно восемь–девять колонок, обеспечивая приоритетное пространство для хроникального потока, тогда как правая панель, занимающая три–четыре колонки, предназначена для размещения вторичных, но редакционно значимых блоков, способствующих диверсификации контента и удержанию внимания пользователя посредством чередования новостных сообщений, аналитики, популярных материалов и мультимедийных галерей (рис. 1).

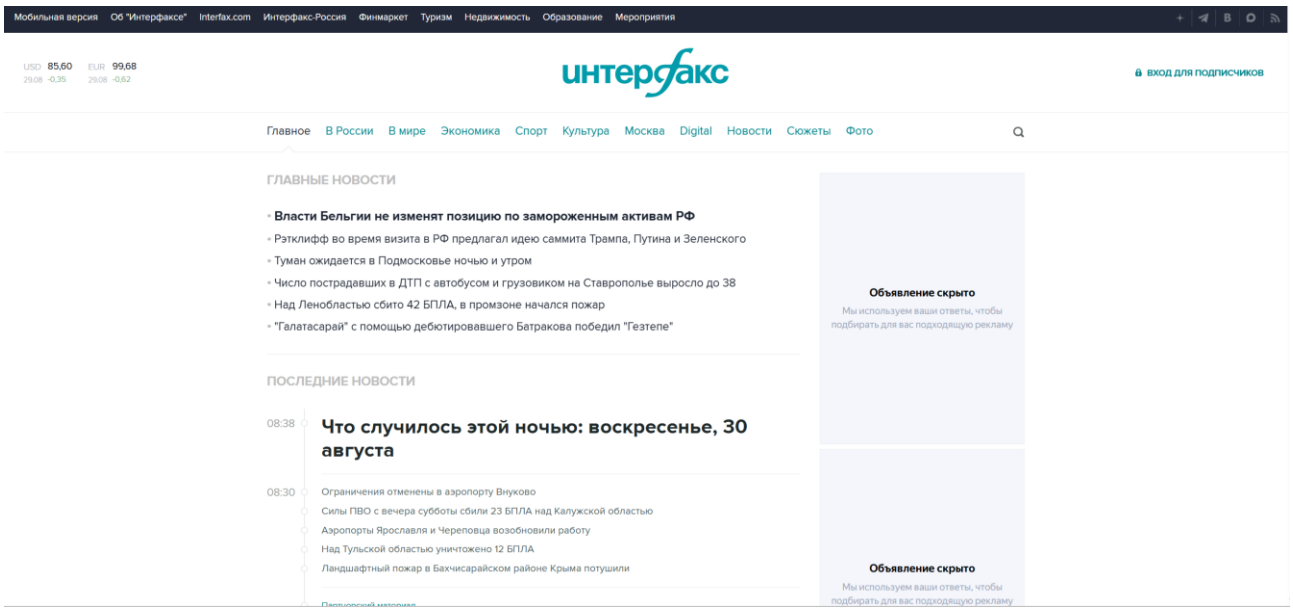

Рисунок 1 – Главная страница «Интерфакс»

В пределах основной ленты используется модуль «карточка новости», представляющий собой минималистичный контейнер, включающий заголовок,

временную метку, краткий анонс либо полный текст сообщения, а в отдельных случаях – иллюстративный материал; вариативность форматов анонсов, выражающаяся в различной длине текста, наличии или отсутствии фотографии и применении цветовых акцентов, позволяет редакции варьировать визуальный вес отдельных материалов и таким образом формировать многоуровневую иерархию внутри, на первый взгляд, однородного хронологического потока (рис. 2).

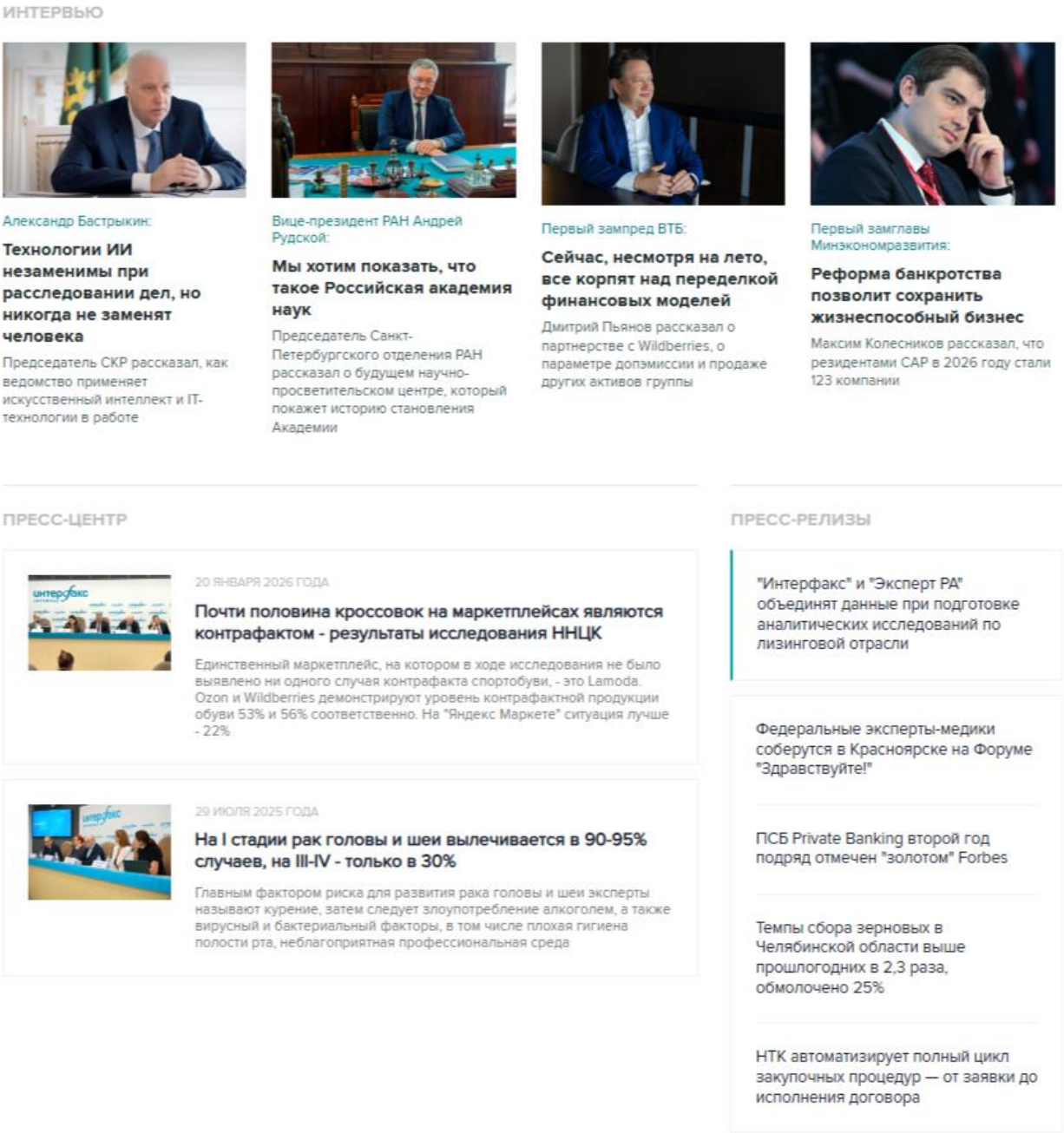

Рисунок 2 – Главная страница «Интерфакс»

Визуальная иерархия на главной странице «Интерфакс» строится не только за счёт размера и насыщенности заголовков, но и посредством избирательного использования цветовых маркеров, выделения отдельных блоков фоновым цветом и ритмического чередования текстовых и изобразительных элементов; в совокупности это создаёт ощущение упорядоченности в интенсивном

информационном потоке и одновременно обеспечивает быструю навигацию к наиболее значимым событиям дня, тогда как правая колонка, будучи композиционно отделена от основной ленты, функционирует как зона вторичного внимания, где пользователь может обращаться к популярным материалам, редакционным подборкам, интервью и официальным сообщениям, не прерывая основного сценария потребления новостей (рис. 2).

Адаптивный характер модульной сетки проявляется в том, что на устройствах с узким экраном, в частности на смартфонах, двухколоночная схема преобразуется в одноканальную вертикальную последовательность, при которой правая панель либо перемещается в нижнюю часть страницы, либо скрывается в специализированные вкладки меню; это соответствует заявленной редакцией цели повышения удобства чтения на мобильных устройствах и подтверждает направленность дизайна на кроссдевайсную доступность, при этом принцип «бесконечной» ленты сохраняется, обеспечивая непрерывность восприятия новостного потока независимо от типа используемого устройства. Иными словами, основная лента остаётся доминирующим композиционным элементом, тогда как правая панель выступает в роли вторичной зоны внимания, обеспечивая диверсификацию контента и поддержку альтернативных сценариев навигации.

Таблица 1 – Функциональные зоны главной страницы «Интерфакс» (структура, контент и визуальные средства)

Зона интерфейса	Функциональное назначение	Типология контента	Визуальные средства формирования иерархии
Шапка (header)	Навигация по сайту, доступ к ключевым рубрикам и поиску, выделение приоритетных тем	Главное меню (Россия, Мир, Бизнес, Спорт и др.), логотип, поисковая строка, в прошлых версиях – топ-5 новостей	Крупный логотип, контрастная полоса навигации, выделение активных пунктов меню, возможное цветовое кодирование рубрик
Основная лента (timeline)	Представление непрерывного хронологического потока новостей дня в обратном порядке	Краткие новостные сообщения, срочные новости, фотоновости, цитаты, ссылки на развёрнутые материалы	Вариативность форматов карточек (длина анонса, наличие/отсутствие фото), размер и насыщенность заголовков, цветовые акценты
Правая панель (сайдбар)	Дополнительная навигация по популярным,	«Самое читаемое», «Выбор редакции», «Фотогалереи»,	Вертикальное разделение на самостоятельные модули-

Зона интерфейса	Функциональное назначение	Типология контента	Визуальные средства формирования иерархии
	редакционным и жанрово специфическим материалам	«Интервью», «Пресс-центр», «Пресс-релизы»	контейнеры, заголовки блоков, превью изображений, нумерованные списки
Подвал (footer)	Служебная навигация, правовая информация, контакты, рубрикатор	Ссылки на разделы сайта, копирайт, контакты редакции, ссылки на соцсети	Менее контрастная цветовая гамма, компактное расположение ссылок, группировка по тематическим кластерам

Таким образом можно утверждать, что главная страница «Интерфакс» служит примером новостного интерфейса, в котором регулярность модульной сетки сочетается с композиционной вариативностью внутри отдельных контейнеров; сочетание единой хронологической ленты и тематически специализированных модулей правой колонки одновременно обеспечивает информационную упорядоченность, визуальное разнообразие и адаптивность, делая этот интерфейс репрезентативным объектом для изучения в области веб-дизайна новостных порталов и визуальной коммуникации в цифровой среде.

Список использованных источников

1. Информационное агентство «Интерфакс»: [офиц. сайт]. – URL: https://www.interfax.ru/ (дата обращения: 29.08.2026).

2. «Интерфакс» перезапустил свой сайт // Sostav.ru: [сайт]. – 2015. – 22 июня. – URL: https://www.sostav.ru/publication/interfaks-perezapustil-svoj-sajt-17336.html (дата обращения: 29.08.2026).

3. Информационное агентство «Интерфакс» обновило сайт // VC.ru: [сайт]. – 2019. – 16 апр. – URL: https://vc.ru/design/64833-informacionnoe-agentstvo-interfaks-obnovilo-sait (дата обращения: 29.08.2026).

4. «Интерфакс» провел редизайн сайта // Interfax Group: [сайт]. – 2019. – 16 апр. – URL: https://group.interfax.ru/interfax/about/news/interfaks-provel-redizayn-sayta/ (дата обращения: 29.08.2026).

5. «Интерфакс» впервые за 7 лет сменил дизайн // Snob.ru: [сайт]. – 2015. – 22 июня. – URL: https://snob.ru/selected/entry/94317/ (дата обращения: 29.08.2026).

6. «Интерфакс» завершил редизайн сайта Interfax-Russia.ru // Interfax Group: [сайт]. – 2020. – 6 апр. – URL: https://group.interfax.ru/interfax/about/news/interfaks-zavershil-redizayn-sayta-interfax-russia-ru/ (дата обращения: 29.08.2026).

7. Интерфакс – редизайн сайта информагентства // Motka.ru: [сайт]. – URL: https://www.motka.ru/portfolio/interfax-3-0 (дата обращения: 29.08.2026).

MODULAR ORGANIZATION AND VISUAL HIERARCHY OF THE NEWS INTERFACE ON THE HOMEPAGE OF INTERFAX

N.A. Arkhipova

MIREA – Russian Technological University,
Moscow International University
Moscow, Russia

This article examines the structural and compositional characteristics of the homepage of the Russian-language version of the news agency Interfax, with particular attention paid to the configuration of the modular grid, the organization of nested containers, the functional purpose of the main sections, and the means of constructing visual hierarchy; this approach makes it possible to identify regularities in the design of a news interface oriented toward a continuous chronological flow of events.

Keywords: web design, modular grid, Interfax, visual communication, interface, news portal, responsive design, chronological feed, visual hierarchy, compositional structure.

УДК 004.92

МОДУЛЬНАЯ СЕТКА И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ИНТЕРФЕЙСА ГЛАВНОЙ СТРАНИЦЫ «ТАСС»

Н.А. Архипова

МИРЭА – Российский технологический университет,
Московский международный университет,
г. Москва, Россия

В статье исследуются структурно-композиционные особенности главной страницы русскоязычной версии информационного агентства «ТАСС». Анализируются конфигурация модульной сетки, организация вложенных контейнеров, функциональное назначение основных разделов и средства формирования визуальной иерархии. Установлено, что интерфейс основан на шестиколонной сетке, дополненной самостоятельными тематическими модулями и правой оперативной лентой «Телеграф». Сочетание регулярной структуры и композиционной вариативности обеспечивает информационную упорядоченность, визуальное разнообразие и адаптивность интерфейса.

Ключевые слова: веб-дизайн, модульная сетка, «ТАСС», визуальная коммуникация, интерфейс, новостной портал, адаптивный дизайн.

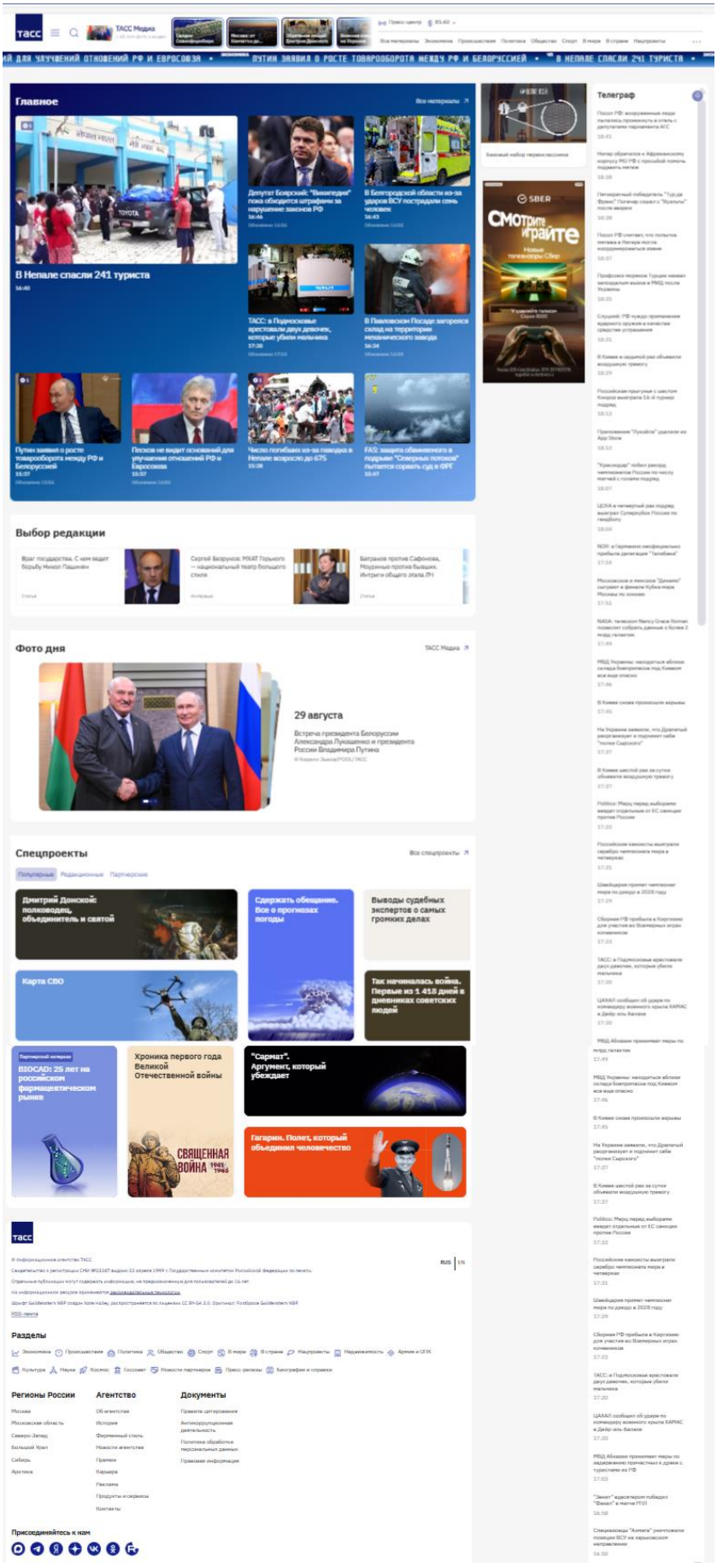

Рисунок 1 – Главная страница «ТАСС»

Главная страница современного информационного агентства представляет собой сложное цифровое пространство, в котором объединяются оперативные новости, тематические материалы, фотоконтент, спецпроекты и навигационные элементы. Эффективность такого интерфейса определяется не только содержанием, но и способом его визуальной организации.

Цель исследования – выявить особенности модульной сетки и композиционной структуры главной страницы «ТАСС» (от 29 августа 2026 г.), а также определить их влияние на восприятие и навигацию пользователя.

Объект исследования – визуально-коммуникативная среда главной страницы русскоязычной версии сайта «ТАСС».

Предмет исследования – модульная сетка, функциональное зонирование и средства визуальной дифференциации разделов.

В работе использованы методы визуально-композиционного, структурно-функционального и семиотического анализа.

Модульная структура страницы (рис. 1).

На главной странице «ТАСС» используется шестиколонная модульная сетка. Чёткие интервалы между колонками и отступы от краёв экрана формируют вертикальный ритм и обеспечивают последовательное движение взгляда сверху вниз. Горизонтальная ясность интерфейса поддерживается выравниванием заголовков, изображений и текстовых блоков по направляющим сетки.

При этом сетка не является полностью регулярной. Различия в размерах карточек, неодинаковая ширина модулей и асимметричная организация отдельных разделов создают визуальную динамику. Такие отклонения не нарушают целостности композиции, а препятствуют монотонности восприятия.

Важной особенностью является использование вложенных сеток. Основная структура страницы дополняется автономными контейнерами, организующими материалы по тематике и функциональному назначению. Каждый контейнер обладает собственной системой выравнивания, но сохраняет связь с общей сеткой посредством единых отступов, типографики и принципов группировки.

Анализ основных разделов.

– Навигационная область.

Верхняя часть страницы включает логотип «ТАСС», элементы глобальной навигации, поиск и ссылки на тематические и мультимедийные разделы. Она выполняет функцию первичной ориентации пользователя. Дополнительная горизонтальная строка оперативных сообщений усиливает ощущение постоянного обновления информационного потока.

– Раздел «Главное».

«Главное» является композиционным центром верхней части страницы. Раздел выделен синим фоном и включает одну крупную карточку с ведущей новостью, а также несколько небольших материалов.

Крупная карточка формирует основной визуальный акцент, тогда как малые модули создают второй уровень информационной иерархии. Сочетание разных масштабов позволяет одновременно представить наиболее значимое событие и несколько сопутствующих сообщений.

– «Выбор редакции».

Данный раздел представлен рядом компактных карточек, включающих заголовки, изображения и дополнительные сведения. Его функция заключается в выделении материалов, отобранных редакцией как значимые или содержательно перспективные. Горизонтальная организация блока обеспечивает равномерное распределение внимания между публикациями.

– «Фото дня».

Раздел построен на сочетании крупного изображения и текстового комментария. Фотография занимает доминирующее положение и выступает самостоятельным носителем информации, а текст выполняет пояснительную функцию. Тем самым новостной интерфейс дополняется форматом визуального свидетельства.

– «Спецпроекты».

«Спецпроекты» имеют наиболее сложную композицию. В разделе используются горизонтальные и вертикальные карточки, тематические плитки, фотографии, иллюстрации и графические элементы различного размера.

Разнообразие цветовых решений позволяет дифференцировать проекты и формировать их визуальную идентичность. Одновременно общие заголовок, поля и интервалы сохраняют единство раздела. Асимметричная организация блоков повышает динамичность страницы и демонстрирует гибкость вложенной сетки.

– «Телеграф».

Правая колонка занята вертикальной лентой «Телеграф», предназначенной для оперативного отслеживания текущих событий. В отличие от центральных блоков, она строится преимущественно на коротких текстовых сообщениях и временных отметках.

«Телеграф» реализует хроникальную модель представления информации. Если центральная область ориентирована на визуальное и тематическое ознакомление, то боковая лента обеспечивает быстрый мониторинг большого количества сообщений.

– Нижний информационный блок.

В нижней части страницы размещены логотип, сведения об агентстве, языковые переключатели, ссылки на тематические разделы, регионы, документы и социальные сети. Этот блок выполняет функцию вторичной навигации и содержит более полный перечень направлений сайта.

– Визуальная иерархия и адаптивность.

Визуальная иерархия формируется посредством размера, цвета, положения, плотности и типографики. Крупные изображения и карточки обозначают высокий информационный приоритет, верхнее расположение усиливает вероятность первичного внимания, а цветовые акценты помогают различать тематические блоки.

Различная плотность контента формирует разные сценарии взаимодействия. «Телеграф» рассчитан на быстрое последовательное чтение, тогда как крупные карточки и мультимедийные разделы предполагают более длительное ознакомление.

Модульная сетка адаптируется к различным размерам экранов. При изменении ширины окна изменяются пропорции карточек, количество элементов в ряду и способы размещения отдельных блоков. На мобильных устройствах многоколонная структура может преобразовываться в последовательность вертикальных модулей с сохранением общей иерархии.

Заключение.

Главная страница «ТАСС» представляет собой многоуровневую визуально-коммуникативную систему, основанную на шестиколонной модульной сетке и комплексе вложенных контейнеров. Сетка обеспечивает композиционный порядок, ритм и единое выравнивание элементов, а вариативность размеров и форм модулей поддерживает визуальную динамику.

Основные разделы выполняют различные функции: «Главное» представляет ключевые события, «Выбор редакции» реализует редакционный отбор, «Фото дня» обеспечивает визуальную подачу информации, «Спецпроекты» демонстрируют тематическое разнообразие, а «Телеграф» поддерживает оперативный мониторинг новостей.

Таким образом, модульная сетка «ТАСС» является не только техническим инструментом верстки, но и средством визуального кодирования редакционной структуры. Она объединяет оперативность, тематическую глубину, мультимедийность и навигационную доступность контента.

Список использованных источников

1. Официальный сайт информационного агентства «ТАСС» [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru (дата обращения: 29.08.2026).

2. Еременко С. С. Верстка и композиция главной страницы СМИ: сравнительный анализ региональных и федеральных изданий // Динамика медиасистем. 2025. Т. 5, вып. 1. С. 88–95. DOI: 10.47475/2949-3390-2025-5-1-88-95.

3. Зуева Г. С. Инфографика в информационном агентстве «ТАСС»: форматы, цели, функции // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. 2021. № 1 (243). С. 34–39.

4. Зеленцов М. В. Бизнес-процессы выпускающих редакций информационного агентства (на примере ТАСС) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4. С. 112–120.

MODULAR GRID AND ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF THE TASS HOMEPAGE INTERFACE

N.A. Arkhipova

MIREA – Russian Technological University, Moscow International University, Moscow, Russia

This article examines the structural and compositional features of the homepage of the Russian-language version of the TASS news agency. It analyzes the configuration of the modular grid, the organization of nested containers, the functional purpose

of the main sections, and the means used to create visual hierarchy. It is shown that the interface is based on a six-column grid, supplemented by independent thematic modules and a right-hand real-time feed called “Telegraph.” The combination of a regular structure and compositional variability ensures informational order, visual variety, and interface adaptability.

Keywords: web design, modular grid, TASS, visual communication, interface, news portal, responsive design.

УДК 378

ОБУЧЕНИЕ И ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ МЧС ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ПРОТИВОПОЖАРНОЕ ВОДОСНАБЖЕНИЕ»

С.С. Белкина

Уральский институт ГПС МЧС России,
г. Екатеринбург, Россия

В данной статье рассматривается значимость дисциплины Противопожарное водоснабжение в системе профессиональной подготовки пожарных. Показывается влияние на профессиональную подготовку курсантов и эффективность действий пожарных в условиях затяжных пожаров.

Ключевые слова: дисциплина Противопожарное водоснабжение, курсант, практические рекомендации, учебный процесс.

Дисциплина «Противопожарное водоснабжение» является одной из ключевых в подготовке специалистов МЧС России, поскольку обеспечение водой – это критически важная задача при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (ЧС), тушении пожаров и организации быта пострадавшего населения. Подготовка курсантов в этой области строится на принципах системности, практической направленности и интеграции современных технологий. В Уральском институте ГПС МЧС России дисциплина «Противопожарное водоснабжение» изучается с курсантами и студентами при реализации основных программ высшего образования по специальности «Пожарная безопасность» и по направлению подготовки «Техносферная безопасность».

Основная цель курса – сформировать у будущих офицеров компетенции для решения задач противопожарного водоснабжения в условиях ЧС мирного и военного времени. Корректировка учебной программы проводится регулярно, что позволяет интегрировать научные достижения в образовательный процесс. Задачи обучения включают:

–изучение теоретических основ водоснабжения объектов экономики и населённых пунктов;

– вопросы эксплуатации противопожарного водоснабжения в условиях низких температур, где проблемы наружного водоснабжения для районов

крайнего севера связаны с неблагоприятными факторами, а именно с увеличением тепло потерь, снижением пропускной способности и повышенным риском аварий [1].

–освоение методов развёртывания полевых систем водоснабжения для забора воды на нужды пожаротушения ландшафтных пожаров или в труднодоступных местах с применением инновационных предложений [2];

–обучение работе со специализированной техникой: насосными станциями, фильтрами, опреснительными установками;

–формирование навыков планирования водопотребления для различных групп населения и спасательных формирований.

В организации учебного процесса необходимо отметить, что навыки, полученные при изучении дисциплины «Противопожарное водоснабжение», способствуют эффективному тушения ландшафтных пожаров на начальной стадии, особенно в первые минуты, которые часто определяют исход ситуации и значительно снижают риск затяжных пожаров и последствия от них.

В соответствии с актуальными тенденциями развития системы образования в МЧС, учебный процесс претерпевает значительные изменения, смещая акцент с теории на практику. Модульная структура дисциплины –курс –обычно делится на несколько логических модулей. Теоретический модуль: основы гидравлики, классификация систем водоснабжения, нормативные требования к качеству питьевой воды. Тактико–специальный: планирование водообеспечения группировки сил РСЧС, выбор источников воды, организация защиты систем водоснабжения от поражающих факторов.

В соответствии с организационно–методическими указаниями Министерства ЧС РФ на 2025–2029 годы, происходит активная цифровизация обучения:

–применение виртуальных тренажёров и симуляторов. Курсанты отрабатывают действия по развёртыванию полевого водопровода в виртуальной среде, имитирующей различные условия местности и угрозы (например, загрязнение источника радиационно–химическим–биологическим–заражением);

–использование интерактивных карт и ГИС–технологий. Использование геоинформационных систем для анализа гидрологической обстановки в зоне ЧС, поиска альтернативных источников воды и прокладки маршрутов для водовозов;

–проведение практикумов на реальной технике. Значительная часть занятий проводится не в классах, а на полигонах учебно–научных комплексов и в действующих пожарно–спасательных частях, где курсанты работают с настоящими насосами, рукавными линиями и средствами очистки [3].

Оценка знаний и навыков курсантов носит комплексный характер и направлена на проверку не столько памяти, сколько способности применять знания в нестандартных ситуациях. Решение ситуационных задач, например, по определению время заполнения резервуара определённого объёма и рубежный контроль по практическим навыкам, отработка нормативов по установке мотопомпы, оценивается скорость и правильность действий.

Итоговым контролем может быть экзамен по решению комплексной тактической задачи. Например, курсанту надо разработать схему водоснабжения района после сильного землетрясения с учётом разрушения городской инфраструктуры. А также участие в комплексных учениях, как высшей формы оценки, где умение организовать водоснабжение является одним из критериев успешности выполнения общей задачи по ликвидации условной ЧС.

Качество подготовки оценивается не только по оценкам за экзамены. Внутренняя система мониторинга образовательных учреждений МЧС включает: анализ эффективности применения навыков выпускниками в реальных условиях службы через отзывы из подразделений и обратную связь от руководителей стажировок и практик о готовности выпускников к выполнению должностных обязанностей инженера по водоснабжению.

Акцент делается на сценарном анализе, межведомственном взаимодействии и психологической устойчивости специалиста.

Таким образом, подготовка по дисциплине «Противопожарное водоснабжение» эволюционирует от изучения схем и чертежей к формированию устойчивых практических навыков управления сложными инженерными системами в динамично меняющейся обстановке чрезвычайной ситуации.

Список использованных источников

1. Опарин, Д. Е. Вопросы эксплуатации системы водоснабжения при низких температурах / Д. Е. Опарин // Актуальные вопросы совершенствования инженерных систем обеспечения пожарной безопасности объектов: СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ XII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, Иваново, 22 апреля 2025 года. – Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2025. – С. 260-263. – EDN JBGDYK.

2. Опарин, Д. Е. Частные вопросы эксплуатации заборного оборудования из открытых источников для нужд пожаротушения / Д. Е. Опарин // Актуальные вопросы совершенствования инженерных систем обеспечения пожарной безопасности объектов: СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ XII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, Иваново, 22 апреля 2025 года. – Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2025. – С. 263-266. – EDN EEVMXA.

3. Карапузиков, А. А. Компетентностный подход в системе профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России / А. А. Карапузиков, Д. Е. Опарин, Т. Е. Могилевская // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 6-2. – С. 82-85. – DOI 10.37882/2223-2982.2025.06-2.19. – EDN GOKEJM.

TRAINING AND ASSESSMENT OF THE QUALITY OF TRAINING OF STUDENTS OF the EMERCOM OF RUSSIA IN THE DISCIPLINE “FIRE SUPPLY”

S.S. Belkina

Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Yekaterinburg, Russia

This article examines the significance of the discipline “Fire Supply” in the system of professional training of firefighters. It shows the impact on the professional training of students and the effectiveness of firefighters’ actions in conditions of prolonged fires.

Keywords: disciplines, fire water supply, cadet, practical recommendations, educational process.

УДК 378

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ДЛЯ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

С.С. Белкина

Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург, Россия

В данной статье рассматривается проблема, посвященная адаптации в педагогический процесс молодых преподавателей вузов МЧС России. Проведен анализ научных трудов, выделяющих данную проблему, а также представлены мотивы, способствующие успешной форме становления преподавателя.

Ключевые слова: молодой преподаватель, курсант, практические рекомендации.

Молодые педагоги сегодня сталкиваются с целым комплексом новых вызовов и возможностей, связанных как с цифровизацией образования, так и с изменениями в законодательстве и кадровой политике. Особого внимания требуют ключевые направления. Наставничество и профессиональное развитие в 2026 году стало обязательным для начинающих педагогов сроком не менее одного года. Это закреплено Указом Президента РФ № 498 «О дополнительных мерах поддержки учителей». Молодым специалистам гарантируется методическое сопровождение, бесплатное пользование электронными образовательными ресурсами, а также участие в программах профессионального роста и конкурсах мастерства.

В период подготовки курсантов отдаётся приоритет к формированию таких качеств, как дисциплина, ответственность, позитивное лидерство и, одновременно, умение курсанта и будущего специалиста работать в команде, что

требуется для успешного выполнения профессиональных задач и эффективного взаимодействия с коллегами [1]. Важно знать свои права для укрепления достоинства и предупреждать незаконные или несправедливые действия в отношении педагога. Так статья 47 Федерального закона № 273-ФЗ закрепляет право педагога на защиту от необоснованных обвинений и давления, в том числе и в цифровой среде. В каждой образовательной организации действует комиссия по урегулированию споров, а молодые преподаватели могут рассчитывать на бесплатную юридическую помощь при необходимости.

Важным аргументом в деятельности преподавателя является умение работать с цифровыми сервисами и профилактика рисков для адаптации в образовательном учреждении. Вводятся новые инструменты такие, как ГИС «Профилактика» и сервис «Цифровой психолог» во ФГИС. Молодым преподавателям важно освоить эти ресурсы для раннего выявления трудностей у обучающихся и оказания своевременной психолого-педагогической помощи. Существенную роль играют и цифровые образовательные платформы. Электронные учебные материалы, интерактивные сервисы и системы дистанционного обучения обеспечивают доступность образовательных ресурсов вне зависимости от территориального расположения обучающихся. Это особенно важно для системы МЧС России, деятельность которой нередко связана с работой в удалённых регионах. Цифровые платформы позволяют автоматизировать контроль знаний, повысить оперативность обратной связи и обеспечить непрерывность образовательного процесса [2].

Законодательные новшества в высшем образовании курсантов и студентов вузов МЧС России представлены введением важных изменений, направленных на повышение привлекательности службы и созданием дополнительных гарантий для обучающихся. Ключевое нововведение - право на отсрочку от призыва на военную службу. В соответствии с Указом Президента РФ от 12 мая 2026 года № 316 «О предоставлении права на отсрочку от призыва на военную службу гражданам Российской Федерации, обучающимся в образовательных организациях высшего образования, находящихся в ведении Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», курсанты очной формы обучения получили официальное право на отсрочку от армии. Ежегодно этой возможностью смогут воспользоваться до 200 курсантов-очников, поступающих в ВУЗы непосредственно после получения среднего профессионального образования. Это решение позволяет молодым специалистам сосредоточиться на учебе и профессиональном становлении без риска прерывания образовательного процесса из-за призыва. Педагогическая система ведомственного образования основывается на ряде принципов, определяющих содержание и организацию подготовки. К их числу относятся профессиональная направленность обучения, системность и преемственность, поэтапное усложнение содержания подготовки, единство обучения и воспитания, а также ориентация на реальные служебные задачи [3].

На очное обучение принимаются граждане РФ в возрасте 17–18 лет, не имеющие судимости и административных правонарушений, обладающие отличным здоровьем и физической подготовкой. Обязателен профессиональный психологический отбор и прохождение военно-врачебной комиссии. Срок обучения

составляет 4–5 лет, доступны бюджетные и коммерческие места. Наиболее востребованные специальности: «Пожарная безопасность» и «Техносферная безопасность». Важным составляющим компонентом для абитуриентов является поступление в колледжи и академии МЧС России после 9-го класса на программы среднего профессионального образования, а затем и возможность продолжать обучение в профильном вузе ведомства. Так же предусмотрены отдельные условия поступления и сокращённые сроки обучения для выпускников кадетских корпусов и колледжей.

Эти законодательные меры делают высшее образование в системе МЧС более доступным и привлекательным для молодежи, способствуют закреплению кадров в отрасли и обеспечивают преемственность профессиональной подготовки специалистов для защиты населения и территорий страны.

Для успешной деятельности необходимо, чтобы взаимодействие людей не противоречило установкам группы и подкрепляло ее ожидания в процессе совместной работы. Важна согласованность воспитательной работы, реализация единой рабочей программы воспитания, проведение мероприятий, приуроченных к Году единства народов России, а также поддержка традиций ВУЗа и вовлечение семей, обучающихся с созданием воспитательной среды и единого образовательного пространства [4].

Традиционно на протяжении нескольких лет молодые педагоги выстраивают одинаковый рейтинг трудностей, с которыми им приходится сталкиваться в профессиональной деятельности. Так, на первом месте – нехватка времени. Это безусловно связано и с необходимостью практически осваивать учительскую деятельность в условиях большой нагрузки. На втором месте – проблемы мотивации учащихся [5].

Практические рекомендации для молодых преподавателей включают ряд мероприятий:

– активно использовать возможности наставничества и повышения квалификации;

– осваивать цифровые сервисы для профилактики и сопровождения учеников;

– быть в курсе изменений законодательства и образовательных стандартов;

– участвовать в реализации программ профориентации и воспитательной работы;

– не бояться обращаться за поддержкой к администрации и коллегам.

Таким образом формируется современный портрет молодого педагога, готового работать в условиях быстро меняющейся образовательной среды России.

Список использованных источников

1. Опарин, Д. Е. Актуальные проблемы обучения с применением тренировочных комплексов и тренажеров в вузах МЧС России / Д. Е. Опарин // Актуальные вопросы профессиональной подготовки пожарных и спасателей : Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции, Иваново, 20 марта 2025 года. – Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы МЧС РФ, 2025. – С. 236-238. – EDN PKCXGG.

2. Опарин, Д. Е. Оптимизация процесса внедрения инновационных технологий в образовательный процесс вузов МЧС России / Д. Е. Опарин // Российский научный вестник. – 2026. – № 3. – С. 408-411. – DOI 10.24412/2782-3830-2026-3-408-411. – EDN IWQCGS.

3. Опарин, Д. Е. Педагогические аспекты подготовки курсантов вузов силовых ведомств: теория, практика и направления развития / Д. Е. Опарин // Российский научный вестник. – 2026. – № 4. – С. 513-518. – DOI 10.24412/2782-3830-2026-4-513-518. – EDN DYFQDF.

4. Буданов, Б. В. Формирование готовности курсантов образовательных организаций МЧС России к совместной деятельности / Б. В. Буданов, А. А. Карапузиков, А. Д. Низяков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2025. – № 10(281). – С. 41-47. – EDN KUIDGK.

5. Ванина, Э. В. Молодой педагог в образовательном пространстве: актуальные профессиональные дефициты и пути их компенсации / Э. В. Ванина // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. – 2024. – № 2-2(50). – С. 330-332. – EDN PIPOKK.

CURRENT ISSUES IN THE PEDAGOGICAL PROCESS FOR YOUNG TEACHERS

S.S. Belkina

Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Yekaterinburg, Russia

This article examines the problem of adapting young teachers at universities of the Russian Ministry of Emergency Situations to the teaching process. An analysis of scientific works highlighting this problem is carried out, and the motives that contribute to the successful professional development of a teacher are presented.

Keywords: young teacher, cadet, practical recommendations.

УДК 331.108.2

СОВРЕМЕННЫЕ СТИЛИ РУКОВОДСТВА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

А.А. Белоусова, М.С. Шейхова

Донской государственный аграрный университет, пос. Персиановский, Россия

В статье рассматривается современные подходы к управлению на экономических предприятиях. Анализируется ограниченность традиционной триады «авторитарный-демократический-либеральный» в пользу ситуационных и многомерных моделей.

Ключевые слова: Стиль руководства, экономическое предприятие, трансформационное лидерство, модель PAEI, ситуационный подход, управление персоналом, организационная культура, эффективность менеджмента.

Сегодня экономические предприятия работают в условиях повышенной неопределённости: они сталкиваются с санкционным давлением, необходимостью цифровой трансформации и сменой ценностных установок сотрудников. В такой обстановке традиционные управленческие подходы – будь то жёсткая иерархия или опора исключительно на материальное стимулирование – теряют эффективность. Согласно глобальным исследованиям, в 2024 году вовлечённость сотрудников упала до 21%, что приводит к масштабным экономическим потерям – до 8,9 трлн ежегодно.

Цель этой работы – изучить современные стили руководства, оценить их применимость для экономических предприятий и определить направление развития управленческих компетенций.

Классическая теория менеджмента, восходящая к исследованиям Курта Левина, долгое время опиралась на три базовых стиля: авторитарный, демократический и либеральный. Позже двумерные модели, такие как «Управленческая решётка» Р. Блейка и Дж. Моутон, дополнили анализ двумя измерениями: «ориентация на задачу» и «ориентация на человека». Однако современные учёные справедливо указывают, что поиск «идеального» стиля – бесперспективная задача.

Исследования на российских предприятиях показывают, что в отечественной практике по-прежнему преобладает авторитаризм и патернализм. Это противоречит потребностям инновационной экономики, где критически важна инициатива сотрудников. Авторитарный стиль, хоть и эффективен в кризисных ситуациях, в период стабильного роста подавляет креативность и провоцирует профессиональное выгорание. Демократический стиль, напротив, стимулирует творчество, но может приводить к размыванию границ ответственности и затягиванию принятия решений.

Современная управленческая наука смещает акцент со «стиля» на «лидерство» и «культуру лидерства». Анализ публикаций в научной электронной библиотеке Elibrary.ru позволяет выделить наиболее актуальные подходы для экономических предприятий.

Трансформационное и транзакционное лидерство. Транзакционный лидер действует по принципу «стимул – реакция»: он обменивает ресурсы на труд сотрудников. Трансформационный лидер, напротив, стремится изменить саму систему. Он мотивирует команду через общее видение будущего, интеллектуальную стимуляцию и индивидуальный подход. Для экономического предприятия это означает переход от формального выполнения KPI к созданию команд, способных генерировать инновации. В условиях снижения глобальной вовлеченности трансформационный подход помогает вернуть мотивацию и энергию к работе.

Ролевая модель PAEI. Одной из самых востребованных современных концепций является модель PAEI. Она фокусируется не на стиле одного

руководителя, а на наборе функций, необходимых в управленческой команде для долгосрочной эффективности предприятия. Модель выделяет четыре ключевые роли:

Producer (Производитель) – нацелен на результат;

Administrator (Администратор) – отвечает за порядок и процессы;

Entrepreneur (Предприниматель) – инициирует инновации и изменения;

Integrator (Интегратор) – формирует команду и корпоративный дух.

Практическое преимущество модели в том, что она признаёт естественные ограничения руководителя: невозможно быть идеальным во всём. Задача лидера – дополнить команду недостающими ролями. Внедрение PAEI помогает сократить потери от неэффективного управления, которые, по разным оценкам, могут достигать 11,4% инвестиций.

Ни одна современная модель не работает как универсальный шаблон. Ключевой навык современного руководителя – «стилевая гибкость» (situational leadership). Как отмечает топ-менеджер А. Одедесион, эффективный лидер осознанно комбинирует подходы: в кризисной фазе он действует директивно, а в период масштабирования переключается на роль фасилитатора и наставника.

Переход к современным моделям руководства требует трансформации операционной деятельности. Анализ успешных практик позволяет выделить ключевые инструменты внедрения:

1. *Переход от контроля к координации*. Вместо тотального контроля внедряются еженедельные Execution Review, где оценивается не процесс, а результат.

2. *Принцип «достаточной хорошести» (Good Enough).* Чтобы стимулировать предпринимательскую инициативу, руководитель должен преодолеть перфекционизм, устанавливая чёткие критерии качества для разных типов задач (например, для пилотного проекта и промышленного релиза).

3. *Развитие эмоционального интеллекта (EQ).* Современные сотрудники, особенно в цифровой среде, ожидают: умение слушать, эмпатия и психологическая безопасность, в команде становящиеся не менее важными, чем финансовое планирование.

4. *Институциализация критики.* Практика «Красных команд» (Red Teams), когда внешние эксперты или сотрудники из смежных отделов ищут слабые места в проекте, помогает избежать «эффекта группового единомыслия» и повысить качество стратегических решений.

Применение современных стилей руководства на экономическом предприятии – это не просто вопрос комфортных отношений в коллективе, а ключевой фактор экономической эффективности и выживаемости. Классические стили уступают место интегративным моделям, таким как PAEI и концепция трансформационного лидерства.

Современный руководитель – не приверженец одного неизменного стиля, а «стратег-гибрид», способный анализировать ситуацию, уровень зрелости команды и стадию жизненного цикла предприятия, чтобы выбрать оптимальные управленческие практики.

Список использованных источников

1. Горгуль Г. PAEI 2.0: пять шагов, которые усиливают стиль руководителя // РБК Компании. 2025. URL: https://companies.rbc.ru/news/ueozZuX3Ff/paei-20-pyat-shagov-kotoryie-usilivayut-stil-rukovoditelya/ (дата обращения: 03.03.2026).

2. Галиакберова А. А., Мухаметшин А. Г., Дырин С. П. и др. Типология стилей руководства в зависимости от характера принятия решений и ориентации на дело/человека // Управленческие науки / Management Sciences. 2024. Т. 14, № 3. С. 45-60.

3. Авдеева Е. А., Лобанова Г. А. Лидерство и управление современной организацией: обзор актуальных подходов // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2024. Т. 20, № 3. С. 6–16. DOI: 10.22213/2618-9763-2024-3-6-16.

4. Управление персоналом на предприятиях и в организациях // Национальный Открытый Университет "ИНТУИТ". Лекция 7. 2017. URL: https://intuit.ru/studies/courses/3640/882/lecture/31219 (дата обращения: 03.03.2026).

5. Одедесион А. Какой стиль управления принесет лучшие результаты // РБК Компании. 2025. URL: https://companies.rbc.ru/news/ATduGr03SI/kakoj-stil-upravleniya-prineset-luchshie-rezultatyi/ (дата обращения: 03.03.2026).

6. Митенков А. В. «Лидер» и «культура лидерства» в контексте трансформации системы управления организацией // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2024. № 3. С. 83-98.

7. Байханов И. Б., Дягилев В. В., Лаамарти Ю. А., Разов П. В. Социология управления: учебник. М.: ИНФРА-М, 2022. 174 с.

8. Филатов В. В., Петросян Д. С., Алексеев А. Е. и др. Менеджмент: традиционные и современные модели: справочная литература. М.: ИНФРА-М, 2024. 474 с.

MODERN LEADERSHIP STYLES IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF AN ECONOMIC ENTERPRISE

A.A. Belousova, M.S. Sheikhova

Don State Agrarian University,
Pos. Persianovsky, Russia

The article discusses modern approaches to management in economic enterprises. It analyzes the limitations of the traditional triad "authoritarian-democratic-liberal" in favor of situational and multidimensional models.

Keywords: Leadership style, economic enterprise, transformational leadership, PAEI model, situational approach, human resources management, organizational culture, and management effectiveness.

УДК 329.7

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙ «ИТТИФАК АЛЬ-МУСЛИМИН» В НАЧАЛЕ 20 ВЕКА

Р.Ф. Бикмаева, А.Н. Хажиева, И.З. Гарифуллин

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия

Начало XX века стало для Российской империи временем тектонических сдвигов. Революция 1905 года, потрясшая основы самодержавия, неожиданно открыла «окно возможностей» для народов, которые ранее были отстранены от большой политики. В этом водовороте событий мусульманская интеллигенция, прежде всего татарская, заявила о себе как о самостоятельной силе. В итоге в августе 1905 года на нижегородской земле родилась партия «Иттифак аль-Муслимин» («Союз мусульман»). Это была попытка найти баланс между требованиями модернизации, верностью религиозным корням и интеграцией в общероссийское политическое поле. По мнению авторов, изучавших этот период, партия испытала сильное влияние кадетской программы, однако внесла в неё уникальные пункты, связанные с религиозной автономией и управлением вакфами. Депутаты-мусульмане, координируемые «Иттифаком», активно отстаивали эти позиции в Государственной Думе. Позднее эта политико-правовая активность была проанализирована как пример удачного, хотя и недолговечного, отстаивания интересов общины в условиях империи [5].

Ключевые слова: Иттифак аль-Муслимин, Союз мусульман, джадидизм, Государственная Дума, мусульманская фракция, политический либерализм, Российская империя, религиозная автономия, партия кадетов.

Появление партии не было спонтанным. Ей предшествовало мощное движение джадидизма - реформаторского течения в исламе, выступавшего за переход на новые методы обучения (усул-и джадид) и синтез исламской культуры с достижениями прогресса. Лидеры этого движения, такие как Исмаил Гаспринский, Юсуф Акчура и Садри Максуди, понимали: без политического представительства их голос не будет услышан в Петербурге. Ключевую роль в организации сыграли Всероссийские мусульманские съезды. Первый съезд прошел 15 августа 1905 года в Нижнем Новгороде, прямо на пароходе «Густав Струве». Изначально планировалось создать не партию, а культурно-просветительский союз. Однако логика революционных событий требовала большего. Второй съезд (январь 1906 года, Санкт-Петербург) принял устав и временную программу, а третий съезд (август 1906 года) окончательно оформил «Иттифак» как полноценную политическую партию. Территория страны была разделена на 16 мусульманских районов - от Крыма и Кавказа до Сибири и Туркестана [4].

Особенность программы «Иттифак аль-Муслимин» заключалась в её двойственной природе. С одной стороны, партия взяла за основу программу Конституционно-демократической партии (кадетов). Отсюда шли требования: установление конституционно-парламентской монархии, всеобщее равенство перед законом, свобода слова, печати и собраний, отчуждение помещичьих земель за выкуп. С другой стороны, «Иттифак» был голосом конкретной общины. Поэтому в

программе появились уникальные пункты, отражающие чаяния уммы: религиозная автономия (требование полного равноправия ислама с православием), управление вакфами (возвращение контроля над имуществом мечетей в руки общины), образование (право на открытие школ по методу усул-и джадид и преподавание на родном языке), а также введение выборности муфтиев и кадиев, чтобы духовенство зависело от народа, а не от Министерства внутренних дел .Это позволяло партии маневрировать между общероссийскими либералами и консервативной массой своих единоверцев [5].

Наибольшего успеха «Иттифак» добился в парламентской деятельности. Поскольку партия так и не была официально легализована властями, её фактическим «фасадом» стала мусульманская фракция в Государственной Думе. Во время выборов в Первую Думу «Союз мусульман» заключил тактический союз с партией кадетов. Это было прагматичное решение: кадеты гарантировали культурно-национальную автономию, что для мусульманских либералов было важнее чисто экономических вопросов. В итоге в Первой Думе было 4 мусульманских депутата, а во Второй Думе – уже 34. Депутаты активно выступали за отмену национальных и религиозных, защищали интересы переселенцев и крестьян. Однако постоянное сотрудничество с оппозицией раздражало правые силы, что привело к травле партии в проправительственной прессе [1].

Жизнь партии оказалась недолгой. После поражения революции 1905-1907 годов наступила реакция. Третьеиюньский переворот 1907 года изменил избирательное законодательство в пользу великорусского населения, резко сократив представительство окраин. Лидеры партии подверглись репрессиям: Р. Ибрагимов и Ю. Акчура эмигрировали, Г. Баруди и Г. Буби были отстранены от деятельности, а С. Алкин лишён политических прав. В 1908 году Центральный комитет объявил о самороспуске. Функции координации перешли к мусульманской фракции Думы, которая просуществовала до начала Первой мировой войны. Хотя «Иттифак» перестал существовать как организованная партия, его идеи не умерли. В 1917 году, после Февральской революции, та же самая интеллигенция попытается реализовать старые программные пункты -провозгласить культурно-национальную автономию и созвать Миллэт Меджлиси [3].

«Иттифак аль-Муслимин» стала уникальным явлением. Она попыталась совместить исламскую идентичность с западным либерализмом .Даже несмотря на организационный крах, эта партия доказала: мусульмане Российской империи способны на самоорганизацию, диалог с властью и создание модернистской политической повестки .Её опыт показал, что империя, переставшая замечать интересы своих народов, неизбежно теряет их лояльность-урок, который актуален и в более широком историческом контексте [3].

Список использованных источников

1. Петрович И. К. Партия «Иттифак-аль-муслимин» в политической системе России начала XX в.: религиозные аспекты татарского либерализма // Исторический журнал: научные исследования. – 2022

2. Усманова Д. М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). – Казань: Издательство «Мастер Лайн», 1999. – 164 с.

3. Гафаров А. А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX вв.): монография / Казанский федеральный ун-т. – Казань: КФУ, 2014.

4. Ямаева Л. А. Союз российских мусульман // Башкирская энциклопедия: в 7 т. – Уфа: Науч. изд-во «Башкирская энциклопедия», 2011.

5. Романовская Л. Р., Фомичев М. Н. Политико-правовая активность российских мусульман в начале XX века: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016.

THE ACTIVITY OF THE “ITTIFAQ AL-MUSLIMIN” PARTIES IN THE EARLY 20TH CENTURY

R.F. Bikmaeva, A.N. Khazhieva, I.Z. Garifullin

Kazan State Power Engineering University,
Kazan, Russia

The beginning of the 20th century became a time of tectonic shifts for the Russian Empire. The Revolution of 1905, which shook the foundations of the autocracy, unexpectedly opened a "window of opportunity" for peoples who had previously been excluded from big politics. In this whirlpool of events, the Muslim intelligentsia, primarily the Tatar intelligentsia, declared itself as an independent force. As a result, in August 1905, on Nizhny Novgorod soil, the party "Ittifaq al-Muslimin" ("The Union of Muslims") was born. This was an attempt to find a balance between the demands of modernization, loyalty to religious roots, and integration into the all-Russian political field. According to authors who studied this period, the party experienced a strong influence of the Kadet program, but introduced unique points related to religious autonomy and the management of waqfs. Muslim deputies coordinated by "Ittifaq" actively defended these positions in the State Duma. Later, this political and legal activity was analyzed as an example of a successful, although short-lived, defense of community interests within the conditions of the empire [5].

Keywords: Ittifaq al-Muslimin, Union of Muslims, Jadidism, State Duma, Muslim faction, political liberalism, Russian Empire, religious autonomy, Kadet Party.

УДК 338.43

ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ШОКОВ

В.В. Бурьян, С.Г. Сафонова, М.С. Шейхова

Донской государственный аграрный университет,
посёлок Персиановский, Россия

Проведён комплексный анализ инновационно-инвестиционного развития регионального сельского хозяйства РФ в условиях внешних шоков (2016–2024 гг.). Исследование охватывает динамику инвестиций в основной капитал АПК,

влияние санкций, климатических вызовов и структурных трансформаций на эффективность аграрных систем (с акцентом на ЮФО). Использованы данные Росстата, отчёты Минсельхоза РФ, международные источники и публикации профильных исследователей. Показано, что инвестиции – ключевой фактор устойчивости аграрных систем, однако их структура и инновационный характер существенно различаются между регионами. Сформулированы рекомендации по усилению инновационной направленности инвестиций и повышению устойчивости сельского хозяйства к внешним потрясениям.

Ключевые слова: сельское хозяйство, инвестиции, инновации, устойчивость, внешние шоки, региональное развитие, Южный федеральный округ, аграрная политика.

Введение

Внешние шоки последних лет – пандемия COVID-19, геополитическая напряжённость и международные санкции – существенно повлияли на аграрный сектор РФ [6; 7]. Сельское хозяйство как стратегическая отрасль обеспечивает продовольственную безопасность, занятость и устойчивый рост регионов [2; 6], при этом инвестиции и инновации определяют способность отрасли адаптироваться к возрастающим рискам [1; 5].

Объём сельскохозяйственного производства достигает 8–9 трлн руб. (2024 г.), однако доля сектора в ВВП сокращается (~2,7% в 2024 г.) [10], что сигнализирует о структурных ограничениях despite государственную поддержку АПК [2]. Инвестиции в основной капитал обеспечивают обновление техники, рост продуктивности, внедрение цифровых технологий и научно-технический прогресс в агросекторе [4; 9].

Цель и задачи исследования

Оценить инновационно-инвестиционное развитие сельского хозяйства регионов РФ, выявить влияние внешних шоков на инвестиционную активность и определить структурные ограничения на федеральном и региональном уровне (с акцентом на ЮФО).

Задачи:

. Проанализировать динамику инвестиций в основной капитал сельского хозяйства РФ и по ФО (2016–2024 гг.).

. Оценить влияние санкций, климатических и экономических шоков на инвестиционную активность и инновационное развитие АПК.

. Сравнить инвестиционные процессы в ЮФО с другими федеральными округами.

. Представить аналитические таблицы по ключевым показателям.

. Сопоставить российские практики с зарубежными моделями поддержки аграрных инноваций.

. Сформулировать рекомендации по совершенствованию инвестиционной политики.

Материал и методы исследования

Источники данных: Росстат, Минсельхоз РФ, World Bank, FAO, OECD [1–9], публикации профильных исследователей.

Методы: динамический и сравнительный анализ инвестиционных потоков; структурный анализ распределения инвестиций; сравнение региональных моделей с федеральными и международными практиками; качественная экспертиза влияния экзогенных шоков.

Объект: система регионального сельского хозяйства РФ в условиях внешних шоков.

Предмет: инновационно-инвестиционные процессы в региональном сельском хозяйстве, включая динамику и структуру инвестиций, внедрение AgTech-решений, цифровизацию, импортозамещение и инструменты повышения устойчивости аграрных систем.

Результаты исследования и их обсуждение

Инвестиции в основной капитал сельского хозяйства в 2016–2024 гг. демонстрировали неоднородную динамику по федеральным округам. В 2016–2021 гг. наблюдался устойчивый рост – объём инвестиций увеличился более чем на 30% за счёт государственных программ поддержки АПК и благоприятной ценовой конъюнктуры [1; 2; 4; 6]. С 2022 г. динамика стала волатильной: санкции, рост стоимости заёмных ресурсов и неопределённость инвестиционного климата замедлили активность, особенно в капиталоёмких сегментах животноводства и переработки. При этом сохраняется рост инвестиций в растениеводство и инфраструктурные проекты, ориентированные на внутренний рынок [3; 5; 7].

Таблица 1 – Инвестиции в основной капитал сельского хозяйства, млрд руб.

Федеральный округ	2016	2020	2022	2024
ЮФО	265	310	345	372
ЦФО	420	470	495	510
ПФО	310	340	355	360
СФО	185	210	225	230
Другое	240	270	270	278
РФ всего	**1420**	**1600**	**1690**	**1750**

Доля ЮФО в общероссийских инвестициях сохраняется на уровне ~20% [1; 4]. При этом доля вложений в сельское хозяйство относительно ВВП остаётся небольшой, хотя абсолютные значения растут. Основной объём инвестиций направляется на механизацию, закупку техники и развитие племенного животноводства.

Инвестиционные потоки концентрируются в ограниченном числе округов с благоприятными условиями: ЮФО, ЦФО и ПФО – на их долю приходится 55–60% всех инвестиций в основной капитал сельского хозяйства РФ. ЮФО занимает особое положение благодаря высокой рентабельности растениеводства, концентрации агрохолдингов и активному внедрению цифровых решений. СКФО, СФО и ДФО отстают из-за климатических и инфраструктурных рисков, дефицита частных инвестиций и ограниченной доступности агротехнологий [2; 8; 9].

Внешние шоки – геополитические ограничения, волатильность мировых цен, валютные колебания, пандемические и климатические риски – с 2020 г. приобрели системный характер. Для ЮФО дополнительным фактором нестабильности стали климатические изменения (рост частоты засух, экстремальных температур). С одной стороны, шоки вызвали краткосрочное сокращение инвестиционной активности, с другой – стали катализатором структурных изменений и ускоренного внедрения инноваций в рамках импортозамещения и технологического суверенитета.

Импортозамещение трансформировалось от компенсаторной меры (2014–2016 гг.) к формированию внутренних инновационно-инвестиционных цепочек (2017–2024 гг.). Его ключевая особенность – технологизация: развитие собственных агротехнологий, селекционно-генетических центров, производства сельхозтехники, средств защиты растений и цифровых решений. По данным Минсельхоза РФ, уровень самообеспеченности по основным видам продовольствия в 2023 г. превышал пороговые значения Доктрины продовольственной безопасности по зерну, сахару, растительному маслу и мясу, при этом сохранялись уязвимости в сегментах семян, племенного материала и высокотехнологичного оборудования.

В ЮФО процессы импортозамещения проявляются наиболее наглядно: в Ростовской области и Краснодарском крае активно развиваются проекты по созданию отечественных семян зерновых и масличных культур [1; 3]. По данным ФГБУ «Россельхозцентр», доля отечественных семян по ряду культур ЮФО в 2022–2023 гг. демонстрировала положительную динамику [2; 5].

В международном контексте российская модель сопоставима с практиками Бразилии, Китая и Индии, где аграрный сектор рассматривался как драйвер технологического суверенитета, а государственная поддержка сочеталась с привлечением частного капитала и развитием AgTech-стартапов [6; 7]. Российская модель постепенно эволюционирует в аналогичном направлении [2; 5].

AgTech-решения становятся ключевым элементом адаптации: системы точного земледелия, спутниковый мониторинг, автоматизированное орошение, Big Data и ИИ для прогнозирования урожайности, цифровые платформы прослеживаемости. По аналитическим данным, внедрение точного земледелия позволяет сократить затраты на удобрения на 15–25%, расход топлива – до 20%, повысить урожайность на 10–18% и снизить экологическую нагрузку [2; 4; 9].

ЮФО формирует значительную долю валовой сельскохозяйственной продукции – более 20% валового сбора зерновых, существенную часть производства подсолнечника и овощей. Развитая логистическая инфраструктура (порты Азово-Черноморского бассейна) создаёт предпосылки для привлечения инвестиций. Однако округ в меньшей степени ориентирован на глубинную переработку и аграрную биотехнологию. Инновационная составляющая инвестиций неоднородна: в Краснодарском крае и Ростовской области активно внедряются точное земледелие и цифровые платформы, в других субъектах – фрагментарно. Сравнение с СФО и ДФО показывает, что ЮФО выигрывает за счёт плотности производства и логистики, но уступает по темпам внедрения AgTech-решений для экстремальных условий.

Полученные результаты подтверждают, что инновационно-инвестиционное развитие – ключевой фактор устойчивости региональных аграрных систем к внешним шокам. Регионы с развитой инновационной инфраструктурой и доступом к инвестициям оказались более устойчивыми. ЮФО – пример региона с высоким потенциалом адаптации, но сохраняющимися структурными ограничениями.

Дискуссионным остаётся соотношение экстенсивных и интенсивных факторов роста: значительная часть инвестиций по-прежнему направляется на расширение мощностей, а не на технологическую модернизацию, что снижает долгосрочный эффект импортозамещения.

Рекомендации

. Развитие региональных AgTech-экосистем на базе научно-образовательных центров, аграрных вузов и опытных хозяйств с участием бизнеса и венчурного капитала.

. Стимулирование частных инвестиций в аграрные инновации через налоговые льготы, субсидирование ставок и софинансирование НИОКР.

. Расширение программ технологического импортозамещения с созданием полного производственного цикла – от разработок до серийного выпуска.

. Межрегиональный трансфер лучших практик, включая пилотные проекты ЮФО, с масштабированием на другие округа.

Выводы

Инновационно-инвестиционное развитие регионального сельского хозяйства в условиях внешних шоков – ключевой фактор продовольственной безопасности и устойчивого социально-экономического развития территорий [2; 6]. Анализ 2016–2024 гг. показывает, что сочетание государственной поддержки, активизации инвестиций и внедрения инноваций позволяет аграрному сектору эффективно адаптироваться к внешним ограничениям.

ЮФО демонстрирует значительный потенциал, однако дальнейшее развитие требует усиления инновационной составляющей инвестиций, углубления переработки и расширения цифровизации [4; 8; 9]. Импортозамещение должно рассматриваться как стратегический инструмент формирования технологического суверенитета, а не как временная мера [2; 8].

Список использованных источников

1. Официальный сайт Росстат. Федеральная служба государственной статистики: статистические данные по рынку труда и сельскому хозяйству Российской Федерации // URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 26.01.2026).

2. Официальный сайт Министерство сельского хозяйства РФ : материалы и аналитические отчеты по развитию агарного сектора // URL: https://mcx.gov.ru (дата обращения: 26.01.2026).

3. Официальный сайт информационной группы «Интерфакс». Аналитика аграрного рынка труда и социально-экономического развития агарного сектора РФ. // URL: https://www.interfax.ru/ (дата обращения: 27.01.2026).

4. Официальный сайт ФГБУ «Центр Агроаналитики» – подведомственное учреждение Минсельхоза России // Статья «Инвестиции в основной капитал в АПК РФ в прошлом году составили 103,3%» // URL:

https://specagro.ru/news/202407/investicii-v-osnovnoy-kapital-v-apk-rf-v-proshlom-godu-sostavili-1033-lut?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 27.01.2026).

5. Официальный сайт Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Инвестиционная активность в агропромышленном комплексе. - // URL: https://issek.hse.ru/(дата обращения: 27.01.2026).

6. FAO/ Food and Agriculture Organization of the United Natijns. // URL: https://www.fao.org/home/en/ (дата обращения: 27.01.2026).

7. OECD/ Agriculture and Food. // URL: https://www.oecd.org/en/about/news/press-releases/2026/01/improving-productivity-growth-and-housing-affordability-would-support-australia-s-high-living-standards.html(дата обращения: 28.01.2026).

INNOVATIVE AND INVESTMENT DEVELOPMENT OF REGIONAL AGRICULTURE UNDER EXTERNAL SHOCKS

V.V. Burian, S.G. Safonova, M.S. Sheikhov

Don State Agrarian University,
Persianovsky, Russia

The article provides a comprehensive analysis of the innovative and investment development of regional agriculture in the Russian Federation under external shocks (2016–2024). The study covers investment dynamics in fixed assets of the agricultural sector, the impact of sanctions, climate challenges, and structural transformations on the efficiency of the AIC and regional agricultural systems (with a focus on the Southern Federal District). Official data from Rosstat, analytical reports from the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, international sources, and specialized publications were used. It is shown that investments remain a key factor in the sustainability of agricultural systems, but their structure and innovative nature vary significantly between regions. Recommendations are formulated to strengthen the innovative focus of investments and increase the resilience of agriculture to external shocks.

Keywords: agriculture, investment, innovation, sustainability, external shocks, regional development, Southern Federal District, agricultural policy.

УДК 338.43

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В АГРАРНОЙ ЭКОСИСТЕМЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В.В. Бурьян, М.С. Шейхова, С.Г. Сафонова

Донской государственный аграрный университет,
посёлок Персиановский, Россия

В статье исследуются региональные особенности управления человеческим капиталом в аграрной экосистеме на примере Южного Федеративного

округа в сопоставлении с Российской Федерацией в целом. Человеческий капитал рассматривается как ключевой фактор устойчивого развития аграрного сектора, определяющий производительность труда, инновационную активность и инвестиционную привлекательность труда, инновационную активность и инвестиционную привлекательность труда, инновационную активность и инвестиционную привлекательность сельского хозяйства РФ и материалов научных исследований проанализированы динамика занятости, уровень оплаты труда, кадровая обеспеченность и демографические ограничения аграрного сектора. Показано, что в ЮФО проблемы старения кадров, миграционного оттока и дефицита квалифицированных специалистов оттока и дефицита квалифицированных специалистов выражены менее остро, чем в среднем по РФ, однако сохраняются системные менее остро, чем в среднем по РФ, однако сохраняются системные диспропорции в уровне доходов и доступе к человеческому капиталу. Сформулированы направления совершенствования управления человеческим капиталом с учетом региональной специфики и лучших международных практик.

Ключевые слова: человеческий капитал, аграрная экосистема, рынок труда, сельское хозяйство, устойчивое развитие, ЮФО, региональная экономика.

Введение.

Устойчивое развитие агарного сектора в современных условиях все в большей степени определяется не только объемами государственной поддержки и уровнем технической оснащенности, но и качеством человеческого капитала. Именно человеческого капитал выступает системообразующим фактором повышения производительности труда, внедрения инноваций, адаптации агарного производства к технологическим, климатическим и инструментальными изменениям.

Аграрная экосистема региона представляет собой сложную социально-экономическую систему, включающую сельскохозяйственное производство, переработку, логистику, рынок труда, систему профессионального образования, научно-инновационную инфраструктуру и социальную сферу сельских территорий. В этой системе человеческий капитал является связующим элементом, определяющим устойчивость воспроизводственных процессов и конкурентоспособность агарного сектора в целом.

Для Российской Федерации управление человеческим капиталом в сельском хозяйстве осложняется демографическим спадом, старением кадров, миграционным оттоком молодежи и дефицитом специалистов с современными цифровыми и управленческими компетенциями. При этом региональная дифференциация данных проблем остается значительная.

Южный федеральный округ занимает особое место в аграрной системе страны, формируя значительную долю валовой продукции сельского хозяйства РФ. Однако даже при высоком производственном потенциале эффективность развития АПК напрямую зависит от способности региона формировать, удерживать и развивать человеческий капитал, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цель и задачи исследования.

Цель исследования – обосновать направления совершенствования системы управления человеческим капиталом в аграрной экосистеме региона на основе сравнительного анализа ЮФО и Российской Федерации.

Задачи исследования:

- проанализировать состояние и динамику человеческого капитала в аграрном секторе;
- выявить ключевые региональные ограничения его воспроизводства;
- оценить роль управления человеческим капиталом в повышении эффективности агарной экосистемы;
- разработать систему KPI управления человеческим капиталом и обосновать ее практическую значимость.

Материал и методы исследования.

Информационную базу исследования составили данные Росстата [1], Министерства сельского хозяйства РФ [2], аналитические материалы информационной группы «Интерфакс» [3], а также материалы международных организаций (FAO, OECD, Wjuld Bank) и научные публикации по проблематике человеческого капитала и агарного развития [4-7].

В исследовании использованы:

- методы сравнительного и динамического анализа;
- структурный анализ показателей рынка труда;
- элементы результативного (KPI-ориентированного) подхода;
- обобщение лучших региональных и международных практик.

Объект и предмет исследования.

Объектом исследования – аграрная экосистема региона как совокупность производственных, социальных и институциональных элементов.

Предмет исследования – система управления человеческого капиталом в сельском хозяйстве и ее влияние на устойчивость агарного развития.

Результаты исследования и их обсуждение.

1. Динамика занятости как базовый индикатор состояния человеческого капитала

Численность занятых в сельском хозяйстве является одним из ключевых количественных показателей, отражающих состояние человеческого капитала и устойчивость аграрной экосистемы. Сокращение занятости, наблюдаемое в последние годы, является следствием совокупного влияния демографических, технологических и институциональных факторов, включая механизацию производства и миграционные процессы [1].

Таблица 1 – Численность занятостях в сельском хозяйстве (млн чел.)

Год	ЮФО	РФ
2016	2,35	5,45
2020	2,21	5,10
2022	2,17	4,95

Год	ЮФО	РФ
2024	2,14	4,80
Отклонение 2024 от 2016	-0,21	-0,65
	-8,9%	**-11,9%**

Данные таблицы 1 показывают, что за период 2016-2024гг. сокращение занятости в сельском хозяйстве носит общероссийский характер. Однако в ЮФО темпы снижения менее выражены, чем в среднем по стране. Это объясняется высокой концентрацией агарного производства, сохранением крупных агрохолдингов и более устойчивой сезонной занятостью [2].

С точки зрения управления человеческим капиталом, данный факт свидетельствует о том, что ЮФО обладает более стабильной кадровой базой, однако количественная устойчивость занятости не компенсирует качественные проблемы – старение персонала, дефицит молодых специалистов и ограниченный приток кадров с современными компетенциями.

Переходя от анализа численности занятых к оценке экономических стимулов, необходимо рассмотреть уровень оплаты труда как ключевой фактор мотивации и воспроизводства человеческого капитала.

2. **Уровень оплаты труда и его влияние на воспроизводство человеческого капитала**

Таблица 2 – Среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве, тыс. руб.

Год	ЮФО	РФ
2016	21,4	23,6
2020	30,1	33,4
2022	38,6	41,8
2024	46,2	49,5
Отклонение 2024 от 2016	24,8	25,9
	115,9%	**109,7%**

Рост заработной платы в аграрном секторе ЮФО (смотреть таблицу 2) в целом соответствует общероссийским тенденциям [1]. За анализируемый период номинальная заработная плата увеличилась более чем в 2 раза. Однако при сопоставлении с уровнем оплаты труда в других отраслях экономики сохраняется уровнем оплаты труда в других отраслях экономики сохраняется устойчивый разрыв, снижающий привлекательность сельского хозяйства для молодежи и квалифицированных специалистов [3].

С точки зрения управления человеческим капиталом это означает, что рост заработной платы выполняет преимущественно компенсационную функцию, смягчая негативное влияние инфляции и роста издержек, но в меньшей степени стимулирует качественное обновление кадрового состава. В результате

воспроизводство человеческого капитала в агарной экосистеме остается ограниченным, а конкурентоспособность сектора на рынке труда – недостаточной.

3. Кадровая структура и квалификационные ограничения аграрной экосистемы

Качественные характеристики человеческого капитала во многом определяются возрастной и квалификационной структурной занятых. Для аграрного сектора характерна устойчивая тенденция старения персонала. По данным Росстата и отраслевых исследований, доля работников старше 50 лет в сельском хозяйстве ЮФО превышает 35% [3].

Данная тенденция формирует долгосрочные риски:

- снижение адаптивности к цифровым технологическим изменения;
- рост издержек на поддержание производственных процессов;
- дефицит управленческих и инженерных компетенций.

В то же время ЮФО демонстрирует более тесную связь между уровнем производительности и инвестициями в человеческий капитал по сравнению с рядом других регионов РФ [4, 7]. Это подтверждает, что именно качество управления трудовыми ресурвами становится ключевым фактором устойчивости аграрной экосистемы, а не только объемы производства или природно-климатические условия.

Пути совершенствования системы управления человеческим капиталом

На основе проведенного анализа предлагаются следующие направления совершенствования системы управления человеческим капиталом в аграрной экосистеме региона.

1. Развитие системы аграрного образования и переподготовки кадров

Развитие аграрного образования с учетом цифровизации и внедрения технологий точного землеведения [4] позволит:

- повысить квалификацию работников без увеличения численности персонала;
- сократить разрыв между требованиями производства и компетенциями работников;
- повысить производительность труда и технологическую устойчивость аграрных предприятий.

2. Повышение привлекательности сельских территорий

Развитие социальной инфраструктуры и жилищных программ [5] способствует:

- снижению миграционного оттока трудоспособного населения;
- закреплению молодых специалистов;
- формированию устойчивой социальной среды воспроизводства человеческого капитала.

3. Стимулирование молодежной занятости

Грантовые программы и инициативы типа «земский агроном» [6] обеспечивают:

- приток молодых кадров в агарный сектор;
- обновление кадровой структуры;
- снижение рисков кадрового дефицита в среднесрочной перспективе.

4. Интеграция управления человеческим капиталом в аграрную политику региона

Интеграция управления человеческим капиталом с использованием KPI – система мониторинга ключевых показателей эффективности сферы и цифровых платформ [7] позволяет прейти от формального учета занятости к управлению результатами и эффективности (смотреть таблицу 3).

Таблица 3 – KPI управление человеческим ресурсом

Группа KPI	**Показатель**	**Управленческий эффект**	**Вклад в устойчивость**
Кадровые	Доля работников до 35 лет	Обновление кадров	Снижение старения
Кадровые	Текучесть кадров	Стабильность занятости	Закрепление персонала
Квалификационные	Доля с профобразованием	Рост качества труда	Производительность
Доходные	Зарплата к среднерегиональной	Конкурентоспособность	Приток кадров
Производственные	Выработка на 1 работника	Экономическая эффективность	Рост отдачи
Инновационные	Доля обученных цифровым навыкам	Адаптивность	Инновации
Социальные	Обеспеченность жильем	Качество жизни	Устойчивость территорий

Использование данной системы KPI позволяет указать меры государственной поддержки с фактическими изменениями качества человеческого капитала и обеспечить результат-ориентированное управление аграрной экосистемой региона.

Выводы

Проведено исследование подтверждает, что человеческий капитал является ключевым фактором устойчивого развития аграрной экосистемы региона, определяющим производительность труда, инновационной потенциал и инвестиционную привлекательность сельских территорий. Анализ показал, что в Южном федеральном округе проблемы управления человеком капиталом выражены менее остро, чем в среднем по Российской Федерации, однако сохраняют системный характер.

Сокращение численности занятых, старение кадров и относительная низкая привлекательность сельского хозяйства на рынке труда формируют долгосрочные ограничения развития аграрного сектора. Рост заработной платы и сохранение занятости в ЮФО выполняют преимущественно стабилизирующую функцию, компенсируя демографические и экономические риски, но не обеспечивают качественного обновления человеческого капитала в полном объёме.

Сравнение ЮФО и РФ в целом позволяет сделать вывод о необходимости перехода от количественного подхода к управлению трудовыми ресурсами к качественно ориентированной модели, основанной социальной привлекательности сельских территорий. Именно интеграция управления человеческим капиталом в региональную аграрную политику с использованием KPI и цифровых инструментов способна обеспечить устойчивый рост эффективности аграрной экосистемы.

В целом совершенствование системы управления человеческим капиталом должно рассматриваться как стратегическое направление регионального развития, позволяющее перейти от поддерживающей модели аграрной политики к модели устойчивого результат-ориентированного развития.

Список использованных источников

1. Официальный сайт Росстат. Федеральная служба государственной статистики: статистические данные по рынку труда и сельскому хозяйству Российской Федерации // URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 12.01.2026).

2. Официальный сайт Министерство сельского хозяйства РФ : материалы и аналитические отчеты по развитию агарного сектора // URL: https://mcx.gov.ru (дата обращения: 11.01.2026).

3. Официальный сайт информационной группы «Интерфакс». Аналитика аграрного рынка труда и социально-экономического развития агарного сектора РФ. // URL: https://www.interfax.ru/ (дата обращения: 12.01.2026).

4. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Развитие человесеского капитала в сельском хозяйстве и сельских районах // URL: https://www.fao.org/home/en (дата обращения: 13.01.2026).

5. Organisation for Economic Co-operation and Development Rural development and human chital policy analysis. Анализ политики в области развития сельского районов и человеческого капитала // URL: https://www.oecd.org/ (дата обращения: 13.01.2026).

6. Официальный сайт Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Государственные программы занятости и развития трудового потенциала // URL: https://mintrud.gov.ru/ (дата обращения: 12.01.2026).

7. Торговля сельскохозяйственной продукции по странам происхождения и назначения. USDA ERS. Agricultural Resource Survey // URL: https://www.ers.usda.gov/ (дата обращения: 13.01.2026).

WAYS TO IMPROVE THE HUMAN CAPITAL MANAGEMENT SYSTEM IN THE AGRICULTURAL ECOSYSTEM: REGIONAL ASPECT

V.V. Burian, M.S. Sheikhova, S.G. Safonova

Don State Agrarian University,
Persianovsky, Russia

The article examines the regional features of human capital management in the agricultural ecosystem using the example of the Southern Federal District in comparison with the Russian Federation as a whole. Human capital is considered as a key factor in the sustainable development of the agricultural sector, which determines labor productivity, innovation activity, and investment attractiveness of labor, innovation activity, and investment attractiveness of agriculture in the Russian Federation. The article analyzes the dynamics of employment, wage levels, staffing, and demographic constraints in the agricultural sector. It has been shown that in the Southern Federal District, the problems of staff aging, migration outflow, and shortage of qualified specialists are less acute than in the Russian Federation as a whole, but they remain systemic.

Keywords: human capital, agricultural ecosystem, labor market, agriculture, sustainable development, Southern Federal District, regional economy.

УДК 378.147

РАЗВИТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Цяньхуэй Ван

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
г. Елец, Россия

В настоящей статье представлен теоретико-методологический анализ развития эстетической компетентности будущих учителей в процессе профессиональной подготовки. Актуальность проблематики обусловлена размытостью современных эстетических ориентиров, кризисными явлениями в науке об эстетике и повышением требований к эмоционально-ценностной составляющей педагогической деятельности. На основе анализа научной литературы эстетическая компетентность квалифицируется как интегративное личностное образование, включающее ценностно-смысловой, деятельностный и личностный компоненты, при этом эстетический вкус трактуется как регулятивный центр ценностных установок. Сравнительный анализ российских и китайских подходов к эстетической подготовке педагогов позволил установить общие векторы и национальные различия. Систематизированы педагогические условия, способствующие

развитию эстетической компетентности: повышение качества профильных дисциплин, интеграция эстетического компонента в профессиональные курсы, создание эстетически ориентированной образовательной среды и использование цифровых инструментов во внеаудиторной деятельности. В рамках исследования обоснована необходимость дифференциации содержания профессиональной подготовки в соответствии с профилем будущей деятельности выпускников.

Ключевые слова: эстетическая компетентность, эстетическое воспитание, профессиональная подготовка педагогов, структура эстетической компетентности, педагогические условия, сравнительный анализ, российско-китайский контекст, образовательная среда университета, инклюзивные аспекты, цифровизация образования.

В современном педагогическом дискурсе утвердилось понимание профессиональной компетентности учителя как интегративного личностного образования, в котором знания, умения и ценностные ориентации не просто сосуществуют, а находятся в состоянии взаимной обусловленности. В соответствии с этой логикой, результативность педагогического труда зависит не от количества освоенной информации, а от того, насколько органично учитель соединяет знания, практический опыт и ценностные установки в единой профессиональной позиции [1, с. 36]. Особый интерес в рамках данного подхода вызывает эстетический аспект профессиональной деятельности учителя. Традиционно этот аспект связывали с подготовкой преподавателей музыки и изобразительного искусства, однако современные условия расширяют его значение до универсального. Это связано с утратой устойчивых эстетических ориентиров в культуре, кризисным состоянием эстетики как научной дисциплины и возрастающими требованиями к эмоционально-ценностной зрелости современного педагога [4, с. 208]. Технологические трактовки профессиональной компетентности, доминирующие в педагогическом дискурсе, оставляют за рамками системного анализа ценностно-смысловые аспекты профессиональной деятельности, что, как показано в исследовании Арпентьевой с соавторами, создаёт предпосылки для профессиональных деформаций [1, с. 190]. Цель данного исследования заключается в теоретико-методологическом осмыслении сущности, структуры и факторов формирования эстетической компетентности будущих педагогов на основе сопоставления российского и китайского опыта.

В научной литературе эстетическая компетентность будущего педагога определяется как интегративное личностное образование, объединяющее гуманитарно-художественную эрудицию и практическую готовность к реализации эстетического потенциала в профессиональной деятельности [4, с. 209]. Формирование этого качества происходит как в условиях целенаправленного педагогического руководства, так и в процессе самостоятельной работы студентов. Внутренняя структура эстетической компетентности включает три взаимосвязанных компонента. Ценностно-смысловой компонент аккумулирует эстетическое сознание, вкус и грамотность, составляя аксиологическую основу профессиональной позиции. Деятельностный компонент охватывает творческие, коммуникативные и перцептивные умения, обеспечивая практическую реализацию

эстетических установок. Личностный компонент объединяет эмоциональность, рефлексивность и креативность, формируя субъектную позицию педагога в эстетически ориентированном взаимодействии [4, с. 210]. Несмотря на эвристическую ценность данной модели, она не даёт ответа на вопрос о том, какой из компонентов является системообразующим и как трансформируются связи между ними в процессе профессионализации. Тем не менее в рамках компетентностного подхода она предоставляет операциональную основу для диагностики и целенаправленного формирования эстетической компетентности [4, с. 209].

Особое место в ценностно-смысловом компоненте принадлежит эстетическому вкусу, который выступает интегральным показателем сформированности всей структуры. В научной литературе эстетический вкус определяется как устойчивое психическое образование, выполняющее регулятивную функцию по отношению к эстетическому сознанию и представляющее собой способность, востребованную в различных сферах деятельности [7, с. 10]. Он обнаруживается в чувствительности к восприятию эстетического, в способности аргументированно оценивать явления действительности и произведения искусства, а также в готовности осуществлять профессиональную деятельность по законам красоты [7, с. 8]. Становление вкуса неразрывно связано с развитием эстетического сознания и эстетической культуры личности, которая понимается как специализированная часть культуры общества, характеризующаяся совокупностью личностных ценностных ориентиров и способностью к ценностному восприятию действительности и её преобразованию по законам красоты [7, с. 15]. Эстетическое сознание выполняет двойственную функцию: с одной стороны, оно обеспечивает эстетическую оценку, с другой – мотивационную роль, побуждая к деятельности «по законам красоты» [4, с. 212]. Именно в единстве когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектов, по мнению автора, заключается системный характер эстетической компетентности. Представляется, что акцент на регулятивной функции вкуса и его связи с эстетическим сознанием позволяет рассматривать данный конструкт не как изолированное качество, а как элемент более широкой структуры, в которой оценочные, мотивационные и деятельностные механизмы находятся в состоянии функционального единства.

Российский и китайский подходы к эстетической подготовке учителей формируются под влиянием различных педагогических традиций и социокультурных условий, что порождает как общие, так и специфические черты. Проведённый сравнительный анализ выявляет принципиальные расхождения в трактовке эстетической компетентности в российской педагогической традиции. В исследовании Арпентьевой с соавторами данное качество представлено как органично связанное с общей культурой педагога и инклюзивными стратегиями обучения. Избранный авторами ракурс позволяет заключить, что школа, ориентированная исключительно на предметные результаты, неизбежно вытесняет эстетическое развитие на периферию, что, в свою очередь, провоцирует профессиональные деформации и снижает продуктивность педагогического труда [1, с. 189]. Инклюзивная концепция, напротив, как отмечается в том же исследовании, акцентирует целостность образования и необходимость создания условий для эстетического становления каждого обучающегося, причём не только посредством

отдельных дисциплин, но и через саму эстетику образовательного пространства [1, с. 190]. В данной логике эстетическая компетентность учителя утрачивает статус факультативного элемента и закрепляется в качестве неотъемлемой составляющей профессиональной культуры, охватывающей эстетику личности, среды и педагогического действия [1, с. 197].

Китайская система, в отличие от российской, демонстрирует глубокую историческую преемственность, коренящуюся в конфуцианской традиции, где эстетическое воспитание на протяжении веков рассматривалось как неотъемлемая часть нравственного совершенствования личности [8, с. 293]. Конфуций и его последователи полагали, что развитие способности воспринимать и создавать прекрасное имеет более высокую ценность, чем накопление отдельных знаний, поскольку искусство выступает средством достижения душевной гармонии и внутреннего равновесия [8, с. 294]. Переломным моментом в институционализации эстетического воспитания стала речь Цай Юаньпэя 1917 года, впервые обосновавшего его как самостоятельную образовательную цель, что впоследствии было закреплено на государственном уровне [8, с. 295]. Современный этап развития китайской педагогической мысли характеризуется утверждением эстетического воспитания в качестве самостоятельного направления, созданием нормативно-правовой базы, включая «Мнения о всестороннем укреплении и совершенствовании школьного эстетического воспитания в новую эпоху» (2020), а также реализацией политики «пяти образований одновременно», что свидетельствует о признании его самоценности в общей системе образования [5, с. 107; 8, с. 297].

Сопоставление образовательных практик двух стран позволяет выявить сходный круг проблем, связанных с содержательным и организационным обеспечением эстетической подготовки будущих педагогов. В обеих системах фиксируется комплекс взаимосвязанных трудностей: дефицит аудиторных часов, отрыв теоретической подготовки от практических навыков, а также кадровая недостаточность. Эти факторы не действуют изолированно: их взаимное усиление создаёт системный барьер для полноценной интеграции эстетической составляющей в педагогическое образование. Сокращение объёма эстетических дисциплин напрямую отражается на качестве выпускников: в процессе обучения студенты овладевают методикой передачи предметного содержания, однако не приобретают компетенций по формированию у школьников ценностного отношения к прекрасному. Расхождение между теоретическими знаниями и практическими умениями усугубляет данную ситуацию, порождая у будущих педагогов сомнения в действенности эстетически ориентированных методик, что в конечном счёте снижает их профессиональную состоятельность в решении воспитательных задач. Кадровый дефицит усиливает указанные проблемы на институциональном уровне, поскольку ограниченное число квалифицированных специалистов препятствует обеспечению преемственности эстетической подготовки в системе педагогического образования. В совокупности перечисленные факторы обусловливают необходимость пересмотра устоявшихся подходов, причём данный пересмотр должен учитывать как национальные наработки, так и международный опыт.

Решение выявленных проблем требует обращения к условиям, обеспечивающим эффективное развитие эстетической компетентности у студентов педагогических специальностей. В числе значимых условий выделяются повышение качества курсов эстетического цикла через обогащение содержания и расширение форм работы [6, с. 399], последовательная интеграция эстетического компонента в дисциплины различных профилей с учётом их внутреннего эстетического потенциала [6, с. 400], а также создание эстетически организованной университетской среды, включающей архитектурные решения, художественное оформление и культурные центры [6, с. 401]. М. Майла в своем исследовании отмечает значимость вовлечения студентов во внеаудиторную деятельность, культурные события и использование цифровых платформ с онлайн-курсами [6, с. 402–403]. Однако эффективность перечисленных условий не может признаваться универсальной для всех направлений подготовки, поскольку единые стандарты нивелируют профессиональные различия в содержании и методах. В гуманитарных направлениях приоритет отдаётся теоретическому осмыслению искусства, в творческих специальностях акцентируются практические навыки, в технических дисциплинах на первый план выходит эстетика функциональности и дизайна, в естественнонаучных – эстетика познания, в социальных – культурные контексты и коммуникативные практики. Дифференцированный подход обеспечивает гибкий учёт профессиональных запросов, однако сама по себе фиксация различий между профилями не решает проблемы интеграции эстетического компонента, в связи с чем необходимым условием остаётся разработка вариативных модулей, позволяющих адаптировать содержание подготовки к каждой конкретной области без утраты её системных оснований.

Эстетическая подготовка в российских и китайских вузах выходит за пределы художественных специальностей и включается в инженерные, естественнонаучные и иные непрофильные программы, приобретая межотраслевой характер [2, с. 145–148; 3, с. 135–136]. При общих тенденциях к гуманизации, междисциплинарности и цифровизации национальные различия сохраняются: в России акцент делается на классической европейской эстетике, в Китае – на сочетании национальных традиций и западных влияний [3, с. 135–136]. Расширение содержания эстетической подготовки, по утверждению Ван Ц. и Алмазовой И.Г., требует организации особой образовательной среды, трактуемой как экосистема, в которой пространственные, институциональные, культурные и коммуникативные факторы выступают в единстве, обеспечивая становление эстетико-практических способностей студентов как в ходе учебных занятий, так и на практико-ориентированных площадках и семинарах [2, с. 145–148]. Инь Хан, в свою очередь, акцентирует, что при общих векторах гуманизации и цифровизации национальные различия в эстетических ориентирах сохраняются, будучи детерминированными культурными традициями, что свидетельствует о значимости национальных эстетических доминант даже в условиях сближения образовательных стратегий [3, с. 135–136]. Эстетическая подготовка, сохраняя национальную специфику, перестаёт быть узкоспециализированной и превращается в общекультурный и профессиональный ресурс, однако её межотраслевой характер не

всегда подкреплён методическим обеспечением, а критерии отбора содержания и оценки сформированности компетентности для непрофильных специальностей остаются открытыми.

Проведённое исследование позволяет заключить, что эстетическая компетентность будущего педагога представляет собой не сумму изолированных умений, а системное образование, в котором ценностные установки, практический опыт и личностные качества находятся в состоянии функциональной взаимозависимости. Ключевым элементом данной структуры выступает эстетический вкус, задающий профессиональные ориентиры и направляющий педагогическую деятельность. Сравнительный анализ российской и китайской практик показывает, что при общем признании значимости эстетического воспитания акценты распределяются по-разному: в китайской традиции эстетика органично интегрирована с нравственным воспитанием, тогда как в российской она ориентирована на инклюзивность и универсальность образовательных подходов. Вместе с тем в обеих системах обнаруживаются сходные барьеры институционального и содержательного свойства: дефицит учебного времени, разрыв между теоретической подготовкой и практическими навыками, а также кадровая недостаточность. В совокупности эти обстоятельства актуализируют необходимость пересмотра подходов к эстетической подготовке. Основными направлениями такого пересмотра выступают интеграция эстетического компонента в профессиональное образование через междисциплинарные модули, усиление практической составляющей и создание поддерживающей образовательной среды.

Список использованных источников

1. Арпентьева, М. Р., Гасанова, Р. Р., Пупкова, М. С. Эстетическая подготовка педагогов: инклюзивные аспекты общего и дополнительного образования / М. Р. Арпентьева, Р. Р. Гасанова, М. С. Пупкова // Педагогический журнал. – 2020. – Т. 10, № 1-1. – С. 189-201. – DOI 10.34670/AR.2020.1.46.123. – EDN FDKRKF.

2. Ван, Ц., Алмазова, И. Г. Пути формирования эстетико-практических способностей у будущих педагогов в условиях университетской образовательной среды / Ц. Ван, И. Г. Алмазова // Развитие креативности личности в современном цифровом мультикультурном пространстве : Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции, Елец, 2025. – С. 144-149. – EDN TMBECV.

3. Инь Хан. Исследование модели интеграции эстетического образования и профессионального образования в китайских и зарубежных университетах в контексте современных международных тенденций / Инь Хан // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 2(111). – С. 135-137. – DOI 10.24412/1991-5497-2025-2111-135-137. – EDN LCNQUL.

4. Ли, Ю. Сущность и структура эстетической компетентности учителя музыки: аналитический очерк / Ю. Ли // Педагогический научный журнал. – 2024. – Т. 7, № 6. – С. 208-216. – EDN QUJSJJ.

5. Линь, С. Эстетическое воспитание как проблема в теории и практике высшего образования современного Китая / С. Линь // Педагогический научный журнал. – 2024. – Т. 7, № 3. – С. 105-110. – EDN DSNXYF.

6. Майла, М. Педагогические условия развития эстетической компетентности студентов / М. Майла // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. – 2024. – № 4-3. – С. 398-405. – DOI 10.33514/1694-7851-2024-4/3-398-405. – EDN CTWLCX.

7. Усенко, И. С. Роль эстетического воспитания в формировании личности будущего учителя / И. С. Усенко // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2: Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков. – 2023. – № 2(44). – С. 17-26. – EDN IXDCIQ.

8. Царик, И. А., Чжэн, И. Эстетическое воспитание в истории педагогической мысли Китая / И. А. Царик, И. Чжэн // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2021. – № 21-3. – С. 292-300. – EDN MKKBJZ.

DEVELOPMENT OF AESTHETIC COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Qianhui Wang

Bunin Yelets State University
Yelets, Russia

The article examines the theoretical and methodological aspect of developing aesthetic competence of future teachers in the process of professional training. The relevance of the study is substantiated by the erosion of aesthetic guidelines, the crisis of aesthetics as a science, and growing demands on the emotional and value sphere of the teacher's personality. Based on the analysis of scientific literature, the essence of aesthetic competence as an integrative property of personality is revealed, and its three-component structure is characterised, including value-semantic, activity-based and personal components. The Russian and Chinese approaches to aesthetic training of teachers are compared, identifying common trends and national differences. Pedagogical conditions ensuring effective development of aesthetic competence are systematised, including improving the quality of specialised courses, integrating the aesthetic component into professional disciplines, creating an aesthetically rich educational environment, and using digital technologies. The necessity of differentiating the content of training according to future professional profiles is substantiated. Prospects for further research are outlined.

Keywords: aesthetic competence, aesthetic education, professional training of teachers, structure of aesthetic competence, pedagogical conditions, comparative analysis, Russian-Chinese context, university educational environment, inclusive aspects, digitalisation of education.

УДК 316.356

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СУПРУЖЕСКОЙ ИЗМЕНЫ: ДИАГНОСТИКА, ПРИЧИНЫ И СТРАТЕГИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ В ПАРЕ

В.М. Васина

Онлайн-университет Talentsy,
г. Белгород, Россия

Статья посвящена психологическому анализу феномена супружеской измены. Рассматриваются личностные предикторы неверности, включая эмоциональную нестабильность и низкую саморегуляцию, а также роль привязанности в формировании готовности к измене. Предлагается трёхуровневая модель восстановления доверия, интегрирующая стабилизацию эмоционального состояния, терапевтическую проработку травмы и системные поведенческие изменения в паре.

Ключевые слова: супружеская измена, психологические факторы, диагностика, восстановление доверия, терапия пар.

Супружеская измена остаётся одной из наиболее разрушительных проблем в современной психологии семьи. По данным эпидемиологических исследований, более 25% состоящих в браке мужчин и около 20% женщин на протяжении отношений вступают во внебрачные сексуальные контакты. Неверность является третьей по распространённости причиной разводов, а для «обманутого» партнёра представляет собой сильнейшую психологическую травму, способную провоцировать депрессивные состояния и даже суицидальные попытки. Несмотря на высокую социальную значимость проблемы, в отечественной психологии отсутствует устоявшаяся научно-исследовательская традиция системного изучения причин и факторов супружеской неверности. Цель данной работы – интеграция современных научных данных о психологических факторах измены и разработка концептуальной модели диагностики и восстановления доверия, применимой в практике психологического консультирования [1].

Анализ личностных особенностей людей, склонных к супружеской неверности, позволяет выделить ряд устойчивых психологических характеристик. Эмпирические исследования показывают, что женщины, являющиеся инициаторами измены, демонстрируют достоверно более низкие показатели адаптивных способностей по сравнению с контрольной группой, что проявляется в трудностях реализации внутренних возможностей в значимых сферах жизни. Эти испытуемые характеризуются повышенным уровнем эмоционального дискомфорта, включая страх, тревогу, неуверенность в себе, подавленность и чрезмерную озабоченность, тогда как в контрольной группе чаще наблюдаются состояния уверенности, спокойствия и оптимизма.

Особого внимания заслуживают данные, полученные с использованием Фрайбургского личностного опросника. В группе женщин, имеющих опыт измены, были выявлены достоверно более высокие значения по шкалам

невротичности, депрессивности, застенчивости и эмоциональной лабильности по сравнению с контрольной группой. Эти результаты указывают на наличие выраженного невротического синдрома, склонности к аффективному реагированию, быстрой смене эмоциональных состояний и недостаточной саморегуляции. Примечательно, что такие личностные особенности, как неуверенность в себе и ощущение отчуждённости, могут выступать психологическими драйверами неверности, поскольку измена в этом случае становится источником поддержки извне, способом самоутверждения и поиска позитивных переживаний [2].

Важным прогностическим фактором выступает уровень эмоционального интеллекта. Исследования показывают, что женщины, склонные к изменам, демонстрируют более низкие показатели по шкалам управления чужими эмоциями и управления собственными эмоциями, что свидетельствует о трудностях в контроле интенсивности переживаний и произвольной регуляции эмоциональных состояний [3].

Теория привязанности предоставляет дополнительную объяснительную модель для понимания природы измены. Согласно этой теории, люди с тревожным типом привязанности склонны сомневаться в доступности близких, компенсируя это поиском постоянного подтверждения своей значимости. Исследования показывают, что в браке тревожная привязанность как самого человека, так и его партнёра предсказывает повышенную вероятность неверности. Механизм этого эффекта связан с тем, что постоянная потребность в подтверждении со стороны тревожно-привязанного партнёра может провоцировать супруга на поиск альтернативных отношений.

Феномен готовности к супружеской измене представляет собой сформированную предрасположенность, включающую три взаимосвязанных компонента: когнитивно-мотивационный, эмоциональный и личностный. Когнитивно-мотивационный компонент связан с осознанием причин измены, условий её осуществления и последствий, при этом ключевую роль играет сочетание семейной дисгармонии и особенностей самооценки супруга. Эмоциональный компонент проявляется в неудовлетворённости браком, сопровождающейся конкретными негативными эмоциями и чувствами. Личностный компонент определяется определёнными качествами личности, включая экстравертированность, эмоциональную нестабильность, открытость новому опыту и сознательность [4].

Выявлены значимые гендерные различия в структуре готовности к измене. Для женщин ключевыми коррелятами выступают низкая адаптивность, эмоциональная нестабильность и недостаточная саморегуляция, тогда как у мужчин факторы риска могут быть связаны с иными личностными особенностями. Эта дифференциация должна учитываться в диагностической работе с супружескими парами и при разработке индивидуальных стратегий консультирования.

Процесс восстановления доверия после измены требует последовательной работы на трёх уровнях: индивидуальном (работа с психологической травмой), диадическом (восстановление безопасности) и системном (изменение паттернов взаимодействия). Клинические модели указывают на то, что обнаружение измены часто переживается как травматическое событие, запускающее стрессовую реакцию с гипервигильностью, нарушениями сна, навязчивыми мыслями и

эмоциональной дисрегуляцией. Поэтому первоначальным этапом терапии должна быть стабилизация эмоционального состояния и физиологической регуляции [5].

Таким образом, супружеская измена как психологический феномен требует комплексного понимания на пересечении личностных особенностей, динамики привязанности и контекстуальных факторов. Личностный профиль людей, склонных к неверности, включает эмоциональную нестабильность, низкую саморегуляцию, сниженную адаптивность и трудности в управлении эмоциями. Структура готовности к измене включает когнитивный, эмоциональный и личностный компоненты и демонстрирует значимые гендерные различия. Процесс восстановления доверия рассматривается как стадийный, требующий последовательной работы от стабилизации через терапевтическую проработку травмы к системным изменениям в паре.

Список использованных источников

1. Мамедова, Е. О. Психологическое консультирование пар в ситуации измены / Е. О. Мамедова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2026. – № 3 (606). – С. 452-454.

2. Воронина, Т. Н. Психология супружеской измены: причины, готовность, гендерные различия / Т. Н. Воронина, А. С. Лукьянов // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–2. – С. 533.

3. Качалова, А. В. Супружеская измена как социально-психологический феномен / А. В. Качалова, И. А. Твелова // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 54–6. – С. 265–272.

4. Суслова, Т. Ф. Психология семьи с основами семейного консультирования: учебник и практикум для вузов / Т. Ф. Суслова, И. В. Шаповаленко. – Москва: Юрайт, 2025. – 343 с.

5. Шипова, Н. С. Совладание с переживанием измены в близких отношениях: дисс. канд. псих. Наук / Наталья Сергеевна Шипова. – Кострома, 2022. – 205 с.

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF ADULTERY: DIAGNOSIS, CAUSES, AND RECOVERY STRATEGIES TRUST IN A COUPLE

V.M. Vasina

Talentsy Online University,
Belgorod, Russia

The article is devoted to the psychological analysis of the phenomenon of adultery. Personal predictors of infidelity, including emotional instability and low self-regulation, as well as the role of attachment in the formation of readiness for betrayal, are considered. A three-level model of trust restoration is proposed, integrating the stabilization of the emotional state, therapeutic treatment of trauma and systemic behavioral changes in the couple.

Keywords: adultery, psychological factors, diagnosis, restoration of trust, couples therapy.

УДК 316.356

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ И РОЛЕВЫХ ОЖИДАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В.М. Васина

Онлайн-университет Talentsy,
г. Белгород, Россия

Статья посвящена психологическому анализу трансформации гендерных ролей в современной российской семье. Рассматриваются противоречия между эгалитарным гендерным сознанием и традиционным распределением домашних обязанностей, психологические последствия «двойной нагрузки» женщин и факторы, влияющие на удовлетворённость супружескими отношениями. Особое внимание уделяется поколенческим различиям в восприятии гендерных ролей и возможным стратегиям гармонизации семейных отношений.

Ключевые слова: гендерные роли, ролевые ожидания, российская семья, психологические аспекты, трансформация.

Современная российская семья переживает период глубоких трансформаций, связанных с изменением социально-экономических условий и пересмотром традиционных представлений о распределении семейных обязанностей. Как отмечают исследователи, за последние два десятилетия в гендерном сознании россиян произошли решительные сдвиги, однако их влияние на реальное распределение гендерных ролей в семье оказывается неоднозначным. Психологические аспекты этих изменений остаются недостаточно изученными, хотя именно они определяют удовлетворённость супружескими отношениями и психологическое благополучие членов семьи. Актуальность исследования обусловлена противоречием между декларируемым равенством и реальным распределением обязанностей, что создаёт напряжённость в семейных отношениях и требует психологического осмысления. Цель данной работы – анализ психологических механизмов трансформации гендерных ролей и ролевых ожиданий в современной российской семье, а также выявление факторов, способствующих гармонизации семейных отношений в условиях изменяющихся гендерных норм [1].

Одной из ключевых проблем современной российской семьи является расхождение между эгалитарными установками в сознании супругов и традиционным распределением домашнего труда. Результаты социологических исследований вскрывают значительные противоречия: при декларируемой приверженности принципам равенства фактическое распределение семейных обязанностей остаётся асимметричным. Это проявляется в сохранении традиционного

разделения на «мужскую» и «женскую» работу в бытовой сфере, где приготовление пищи и уход за детьми остаются преимущественно женской ответственностью . Психологически это противоречие порождает феномен «двойной нагрузки», когда женщины, наравне с мужчинами участвуя в профессиональной деятельности и внося равный вклад в семейный бюджет, продолжают нести основную ответственность за домашние обязанности. Данное явление имеет серьёзные психологические последствия: повышение уровня стресса, снижение удовлетворённости браком и возникновение скрытых конфликтов. Исследования показывают, что удовлетворённость супружескими отношениями во многом базируется, в том числе, на удовлетворённости распределением домашнего труда, что подчёркивает психологическую значимость данного аспекта [2].

Значимым фактором трансформации гендерных ролей выступают поколенческие различия в восприятии семейных обязанностей. Среди молодёжи наблюдается более широкое распространение эгалитарных представлений о распределении гендерных ролей в семье по сравнению с остальными возрастными группами. Однако внутри самой молодёжной группы сохраняется значительная дифференциация в зависимости от пола: молодые мужчины в большей мере привержены традиционным взглядам на разделение гендерных ролей, чем молодые женщины. Эта тенденция имеет психологические основания, связанные с условиями гендерной социализации в семье, а также с влиянием медиа-пространства, где развёрнута кампания по пропаганде традиционных гендерных ролей и стереотипов. Психологически это создаёт основу для конфликта ожиданий: молодые женщины, ориентированные на профессиональную самореализацию и равноправные отношения, могут сталкиваться с несоответствием ролевых ожиданий партнёров, что негативно сказывается на качестве семейных отношений [3].

В современной российской семье наблюдаются различные модели распределения гендерных ролей, включая неопатриархальную (спонсорскую), бикарьерную и эгалитарную. Каждая из этих моделей имеет свои психологические особенности и последствия для супружеских отношений. Неопатриархальная модель, при которой мужчина выступает основным кормильцем, а женщина берёт на себя домашние обязанности, сталкивается с вызовом экономической нестабильности, когда один заработок оказывается недостаточным для обеспечения семьи. Психологически это создаёт дополнительное давление на мужчину и одновременно ведёт к зависимости женщины, что может ограничивать её самореализацию. Эгалитарная модель, предполагающая равное распределение как финансовых, так и домашних обязанностей, психологически более благоприятна для развития личности каждого из супругов, однако требует высокой степени согласованности и развитых навыков коммуникации [4]. Как отмечается в исследовательской литературе, экономическая независимость женщин и их участие в трудовой деятельности становятся важными аспектами, влияющими на распределение домашних обязанностей, что требует пересмотра традиционных моделей взаимодействия. Психологически успешная адаптация к изменяющимся гендерным ролям связана с развитием «гендерной гибкости» членов семьи – способности к пересмотру устоявшихся стереотипов и формированию новых, более адаптивных форм семейных отношений [5].

Таким образом, трансформация гендерных ролей в современной российской семье представляет собой сложный психологический процесс, характеризующийся противоречием между эгалитарным сознанием и традиционным распределением обязанностей. Выявленные поколенческие различия свидетельствуют о постепенном сдвиге в сторону эгалитарных установок среди молодёжи, однако сохраняющаяся приверженность молодых мужчин традиционным ролевым моделям указывает на необходимость целенаправленной психологической работы по формированию гибких ролевых ожиданий. Ключевым фактором психологического благополучия супругов является удовлетворённость распределением домашнего труда, что требует не только изменения индивидуальных установок, но и развития навыков коммуникации и совместного принятия решений.

Список использованных источников

1. Калачикова О. Н., Груздева М. А. Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины: (на материалах социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 64–76.

2. Пищик В. И., Спивачук З. В. Отношения мужчины и женщины в условиях псевдопатриархальной семьи: социально-психологический взгляд // Человек. Сообщество. Управление. 2022. Т. 18, № 3. С. 108–114.

3. Римашевская Н. М, Малышева М. М, Писклакова-Паркер М. П. Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семьи и общества // Народонаселение. 2017. № 2. С. 28–40.

4. Ростовская Т. К, Заярская Г. В. Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 75–85.

5. Солодников В. В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 269–332.

THE TRANSFORMATION OF GENDER ROLES AND ROLE EXPECTATIONS IN THE MODERN RUSSIAN FAMILY: PSYCHOLOGICAL ASPECTS

V.M. Vasina

Talentsy Online University,
Belgorod, Russia

The article is devoted to the psychological analysis of the transformation of gender roles in the modern Russian family. The contradictions between the egalitarian gender consciousness and the traditional distribution of household responsibilities, the psychological consequences of the "double burden" of women and factors affecting marital satisfaction are considered. Special attention is paid to generational differences in the perception of gender roles and possible strategies for harmonizing family relations.

Keywords: gender roles, role expectations, Russian family, psychological aspects, transformation.

УДК 808.5

ЭФФЕКТИВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СПОСОБЫ И ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ФОРМАТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

К.Ю. Герасимова

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Представленная статья имеет обзорный характер. Акцентируется внимание на использовании ряда коммуникативных способов и приемов речевого воздействия для повышения эффективности и результативности межкультурного профессионального дискурса. Наиболее детально автор останавливается на имплицитном подходе и соответствующем синтезе приемов (семантические пресуппозиции, вопросительные предложения имплицитного свойства, логико-имплицитная связь, абсурдная логика, опровержение скрытого тезиса, апелляция к авторитетным источникам и фонду общих знаний, эллидированные сравнения, прагматические пресуппозиции, коммуникативные импликатуры) в рамках межкультурного общения, подкрепляя каждый случай соответствующими примерами. Помимо этого, в данной работе характеризуются наиболее действенные коммуникативные способы, которые могут использоваться в ходе речевого воздействия в рамках профессионального общения.

Ключевые слова: профессиональный дискурс, межкультурная коммуникация, имплицитный подход, речевое воздействие, коммуникативные способы, коммуникативные приемы

В современном профессиональном мире с его многозадачностью, динамичностью и обилием информации возрастает значимость владения синтезом эффективных коммуникативных способов и приёмов речевого воздействия в формате межкультурного общения. Это поможет обеспечить такой формат речевого воздействия на адресата, когда будет достигнут заранее планируемый результат в формате профессионального дискурса, а также сохранена позитивная динамика в отношениях между коммуникантами [2].

Отметим, что лучше отдавать предпочтение гармоничному синтезу эксплицитного и имплицитного подходов в процессе речевого воздействия в межкультурном профессиональном дискурсе. Однако в данной работе остановимся более подробно на применении имплицитного способа передачи информации в процессе межкультурного профессионального общения, так как именно он позволит избежать когнитивного диссонанса, преждевременной критики или полного отторжения полученных сведений со стороны адресата [1, с. 62-64]. Также

обозначим, что информация, полученная имплицитно, в том числе в рамках профессионального дискурса, чаще приводит к тщательно обдуманным и взвешенным решениям реципиента, что и является главной целью эффективного речевого воздействия, которое имеет положительную коннотацию и не приравнивается к манипуляции.

Среди действенных приемов имплицитного подхода в аспекте речевого воздействия выделяют (за основу взята классификация О.С. Иссерс [1, с. 65-79]:

– семантические пресуппозиции заключаются в таком выборе языковых средств (в частности, лексических единиц), чьи содержательные характеристики помогут создать планируемый адресантом эмоциональный эффект: “We are working to maintain your trust (the background information implies that people trust this company/employees)”. Зачастую предпочтение отдается языковым единицам с семантикой отрицания, чтобы посредством антонимичного способа подачи информации быстрее оказать речевое воздействие на реципиента;

– вопросительные предложения имплицитного свойства по своим функциональным и структурным характеристикам могут относиться к разным видам (риторические вопросы, эллиптические вопросительные конструкции, вопросы к подлежащему, частновопросительные конструкции). Данный прием является эмоционально окрашенным инструментом в формате речевого воздействия, и посредством передачи позитивной или негативной информации, зашифрованной в вопросе, создает иллюзию диалогического общения с адресатом. Например: “Can anyone who does not have enough experience working with real patients be a genuine doctor?”; “Isn’t it a real professionalism and true dedication to the work?”.

– логико-имплицитная связь соотносится с таким механизмом выстраивания аргументативной базы, когда ход рассуждения адресанта присваивается адресатом, и постепенно подводит последнего к нужным адресанту умозаключениям: “If you are really satisfied with low salary, absence of promotion, lack of additional days-off and remoteness of your workplace, then, surely, come and get a job at this company”.

– абсурдная логика заключается в активном использовании нелепых, невероятных аналогий из полярно разных сфер жизнедеятельности в ходе аргументации, что оказывает сильное эмоциональное воздействие на адресата. К примеру, “Bring a final report in time. Bring your whole self to work”.

– опровержение скрытого тезиса является более совершенным приемом когнитивного свойства, нежели чем абсурдная логика. В рамках этой техники речевого воздействия, когда в один ряд ставятся несовместимые факты, что само по себе вызывает отрицание и опровержение, адресант имплицитно подталкивает реципиента к нужным лингвистическим и экстралингвистическим действиям: “We ourselves choose clients for our private medical center!” (this statement contradicts a well-known idea that clients themselves choose commercial medical centers).

– апелляция к авторитетным источникам и фонду общих знаний представляет собой классический прием речевого воздействия, когда сообщаемая адресантом информация намеренно подается в обобщенном или обезличенном формате (все специалисты современности, всем известно, по мнению журналистов,

современной медициной доказано), что создает впечатление надежности и авторитетности сказанного: “It is well-known that it is rather difficult to find a qualified lawyer. But our specialists are good at any legal affairs”.

– эллидированные сравнения подразумевают корректное использование приема неявных (скрытых / «свернутых») сравнений, когда в имплицитной форме подчеркиваются преимущества или недостатки каких-либо профессиональных качеств, услуг, продукции и т.д. Посредством подобного сравнения адресат подводит слушателя к собственным умозаключениям относительно свойств или качеств чего-либо: “After getting services in our insurance company, customers always leave satisfied” (it is implied that the quality of services in other insurance companies are worse than in this one);

– прагматические пресуппозиции предполагают в качестве подтекста подаваемой адресатом информации некие факты, которые в равной мере известны говорящему и реципиенту. Данный прием способен оказать должный эффект на слушателя, когда адресант и адресат являются представителями одного и того же культурного кода, когда их картины мира идентичны. Без этого условия результат речевого воздействия будет не таким, как планировалось: “My mother-in-law gave me downhill skis and all the equipment... Well, no one has wanted to get rid of me so exquisitely, yet” (in some cultures a mother–in-law is the eternal antagonist of a son-in-law who is constantly poisoning his life. So, there are a lot of jokes about mothers-in-law);

– коммуникативные импликатуры подразумевают некий свод правил и закономерностей речевого общения, которыми в процессе коммуникации руководствуются адресат и адресант. Они представляют собой некий «кодекс коммуниканта». В частности, к ним относится смена коммуникативных ролей, очередности в процессе беседы, этикетные нормативы, характер и доля коммуникативной инициативы каждого из субъектов дискурса, тематическая уместность сказанного. Эффект речевого воздействия зависит от того, придерживаются ли отправитель и реципиент подобного «кодекса» или нет. К примеру (the dialogue shows the communicative roles of the speakers during a business talk, namely chairing a meeting):

Chair: Hello, everyone…

Carol: So I said, “It’s not good enough. We need two more sales people to cover the area properly.” And do you know what he said?

Michael: No, but I can imagine.

Chair: Right, so if we’re all here…?

Carol: Well, let’s get on with it. I’m very pressed for time. Where’s the agenda?

Chair: I thought we could do that together.

Michael: Oh, God!

Carol: Well, I want to talk about the training budget for next year. It doesn’t cover the customer care seminars we’d planned.

Michael: That’s right. We need at least another sum of money because…[4].

Все обозначенные приемы имплицитного подхода, которые могут быть применены в рамках речевого воздействия, в том числе в формате

межкультурного профессионального дискурса, имеют когнитивную основу и изучаются с позиций психолингвистики [1].

Используя в ходе речевого воздействия на адресата вышеозначенные вербальные и невербальные средства, адресант может прибегнуть к ряду коммуникативных способов, выбирая один из них в качестве ключевого или успешно комбинируя их. Стоит отметить, что часть из подобных способов имеет императивный характер, другая часть лишена императивности. Так, в ходе речевого воздействия, в том числе в рамках межкультурного профессионального дискурса, адресант может (на основе классификации И.А. Стернина [3, с. 59-61]:

– *доказывать*, что подразумевает создание четко выстроенной и логичной аргументативной базы (To make this deal really profitable we should stick to the plan. Firstly, we have to agree a new training budget. Secondly, get information about two new product ranges. Thirdly, agree on a process for evaluating customer satisfaction);

– *убеждать* – это означает, что адресант в ходе речевого воздействия уверяет оппонента в истинности какого-либо факта. Подобный способ убеждения в аспекте речевого воздействия в отличие от доказательства основан также на привлечении эмотивной составляющей, помимо логической диспозиции аргументов (“Well, first of all we are to plan the next sales conference with our partners. And then our sales managers should contact that company from Frankfurt and settle that case with the delivery of computers. That’ll work! Believe me, that’s the way it is!”);

– *уговаривать*, то есть побуждать адресата принять или одобрить позицию адресанта, зачастую основываясь лишь на субъективных факторах. Адресант взывает к чувствам и эмоциям реципиента (“Please, do this for me! I’ll be very grateful!”);

– *внушать*, что связано с сильным эмоциональным побуждением реципиента поверить адресанту без критического осмысления его доводов. Зачастую внушение основано на психологическом давлении;

– *приказывать*, что подразумевает субъект-объектное взаимодействие между собеседниками, жесткую иерархию социального характера. Приказ связан с побуждением адресата выполнить какие-либо действия вербального или невербального свойства, зачастую без каких-либо пояснений (“You must postpone the meeting until the following week”);

– *просить* – это означает побудить реципиента принять позицию адресанта добровольно, чаще всего исходя из хороших межличностных взаимоотношений собеседников, в знак уважения к нему, откликаясь на удовлетворение какой-либо возникшей в силу обстоятельств потребности (“As you are my best friend, please, help me to find the job!”). Просьба имеет положительную коннотацию, однако может быть результативно менее эффективной, чем приказ, так как предполагает различные варианты отказа или несвоевременного исполнения;

– *принуждать*, что связано с недобровольным выполнением адресатом каких-либо действий. Принуждение является радикальным форматом речевого воздействия, имеет полностью негативную коннотацию и никогда не

используется в аспекте эффективного речевого воздействия а формате межкультурного профессионального дискурса, так как изначально имеет разрушительную природу.

В заключении отметим, что грамотно сочетая различные способы и приемы эксплицитного и имплицитного подходов, адресант может достичь результативного речевого воздействия в аспекте межкультурного профессионального дискурса, а также сохранить коммуникативного равновесия в процессе общения.

Список использованных источников

1. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие / О.С. Иссерс. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 223 с.

2. Комлева Е.В. Алгоритм организации кооперативного общения в межкультурном профессиональном дискурсе / Е.В. Комлева, К.Ю. Герасимова, Д.В. Мирошникова. – Оренбург: Экспресс-печать, 2024. – 156 с.

3. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 227 с.

4. Business talk. Business English Trainer No.1. Business Spotlight. – Handelsblatt Audio Edition. – Düsseldorf. – Режим доступа: https://download.audible.com/adde/guides/Engl_CD_Booklet_1_online.pdf

EFFECTIVE COMMUNICATIVE METHODS AND TECHNIQUES OF VERBAL INFLUENCE IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL PROFESSIONAL DISCOURSE

K.Yu. Gerasimova

Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia

This article provides an overview of the subject, focusing on the use of various communicative methods and techniques of verbal influence. The latter are used to enhance both the efficiency and effectiveness of intercultural professional discourse. The author examines in greatest detail the implicit approach and the corresponding synthesis of techniques (semantic presuppositions, implicit interrogative sentences, logical-implicit connections, absurd logic, refutation of a hidden thesis, appeals to authoritative sources and shared knowledge, elliptical comparisons, pragmatic presuppositions and communicative implicatures) within the context of intercultural communication. Each point is illustrated with relevant examples. Additionally, the paper characterizes the most effective communicative methods applicable to verbal influence in professional interactions.

Keywords: professional discourse, intercultural communication, implicit approach, speech impact, communicative methods, communicative techniques.

УДК 372.21

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ПРОЕКЦИОННЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ГИПОДИНАМИИ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ДОО

В.В. Гордеева, П.Э. Мустафаева

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

В статье рассматривается проблема преодоления гиподинамии у детей дошкольного возраста в условиях цифровой образовательной среды детского сада. В качестве решения предлагается использовать интерактивные проекционные комплексы (пол, стена, песочница), которые трансформируют взаимодействие ребенка с гаджетами: вместо пассивного восприятия оно становится формой активной двигательной деятельности. Особое внимание уделяется специфике применения каждого вида оборудования, вопросам интеграции проекционных комплексов в образовательный процесс дошкольной образовательной организации, соблюдению санитарных норм экранного времени и требованиям безопасности.

Ключевые слова: интерактивные проекционные комплексы, дети дошкольного возраста, гиподинамия, физическая активность.

Современный этап развития дошкольного образования характеризуется противоречием между стремительной цифровизацией образовательной среды и физиологической потребностью ребенка в активном движении. Современное поколение детей, ежедневно использующих различные гаджеты, все чаще сталкивается с проблемой гиподинамии – патологического состояния, вызванного с недостатком двигательной активности. Гиподинамия в дошкольном возрасте опасна не только нарушениями осанки и снижением иммунитета, но также задержкой созревания высших психических функций, так как именно движение является естественным стимулятором развития головного мозга.

В рамках реализации ФОП ДО перед педагогами стоит задача создания такой цифровой среды, которая бы не провоцировала физическую пассивность, а выступала стимулятором развития моторной активности. Для решения этой задачи предлагается использование проекционных систем, таких, как интерактивный пол, стена и песочница, которые позволяют преобразовать цифровое взаимодействие из пассивного просмотра в активное физическое взаимодействие ребенка с техникой.

Эффективность этих технологий теоретически подкрепляется нейропсихологической теорией А.Р. Лурия, согласно которой, именно двигательная активность служит базой для развития интеллектуальных способностей детей.

В процессе работы с проекционным оборудованием ребенок сразу видит отклик на свои действия – будь то движение или прикосновение. Это стимулирует первый функциональный блок мозга, регулирующий энергетический тонус коры, а также мозжечок. Современные исследования подтверждают, что

мозжечок влияет не только на координацию движений, но и на управление вниманием и темп мыслительных процессов [2].

Интерактивные системы воплощают принцип сенсорной интеграции: визуальные образы, создаваемые проектором, сочетаются с сигналами от мышц (проприоцептивными) и органов равновесия (вестибулярными). В результате гиподинамию в цифровой среде удается преодолеть не путем отказа от технологий, а благодаря их преобразованию – они становятся площадкой для активной, динамичной деятельности.

Рассмотрим особенности применения разных типов оборудования в рамках решения обозначенной проблемы. Интерактивный проекционный пол – одно из самых эффективных решений для компенсации недостатка двигательной активности у дошкольников. Система выводит динамические изображения прямо на пол, превращая его в интерактивную игровую площадку: она реагирует на любые перемещения детей – на шаги, прыжки, бег.

Занятия с таким оборудованием предполагают значительную физическую нагрузку. В отличие от привычных сидячих занятий, здесь для решения образовательных задач (например, чтобы выбрать верное число, распределить предметы по группам или сложить слово) ребенку нужно активно двигаться. Ему приходится регулярно выполнять разнообразные движения: прыгать на одной или обеих ногах, бегать челночным бегом, делать приседания и наклоны. Подобная двигательная активность помогает укрепить мышцы ног и связки стопы, выступая действенным средством профилактики плоскостопия. При этом пятнадцатиминутное занятие на таком полу по уровню физической нагрузки сопоставимо с полноценной прогулкой умеренной интенсивности. Благодаря увлекательному игровому формату ребенок остается вовлеченным и не чувствует усталости – игровая мотивация поддерживает высокий уровень активности без ощущения переутомления.

Интерактивная стена смещает фокус двигательной активности на вертикальную плоскость – это особенно важно для предупреждения проблем с осанкой. Взаимодействие со стеной строится на прикосновениях руками либо на метании мягких мячей по движущимся виртуальным целям. В эпоху, когда дети подолгу смотрят в экраны гаджетов, опуская голову, работа с вертикальной проекцией побуждает их держать спину ровно, поднимать голову и активнее включать в работу плечевой пояс. Броски по целям – непростая координационная задача: нужно соотнести зрительное восприятие с моторным действием. Ребенок учится быстро оценивать траекторию движения объекта и точно рассчитывать бросок, тем самым совершенствуя глазомер, меткость и общую выносливость. Кроме того, стена служит эффективным инструментом психоэмоциональной разгрузки: возможность «разбить» виртуальное препятствие или «поймать» объект помогает снять мышечное напряжение, характерное для малоподвижного образа жизни, и направить избыток энергии в продуктивное русло.

Важным компонентом цифровой среды в ДОО выступает интерактивная песочница, объединяющая тактильную работу с песком и цифровую визуализацию. Несмотря на то, что основное внимание здесь уделяется мелкой моторике, ребенок остается достаточно подвижным: чтобы создать рельеф – возвести гору

или прокопать русло, – он совершает широкие движения руками, нагружая мышцы спины и пресса. В процессе игры ребенок постоянно меняет положение тела: наклоняется, приседает, тянется к дальнему краю песочницы. Проекционная система мгновенно раскрашивает созданный рельеф в зависимости от высоты: песок превращается в вулканы с лавой или в морские просторы с волнами. Такой подход дает сильную сенсорную стимуляцию, помогает нормализовать тонус мышц кистей и развивает тактильные навыки. Интерактивная песочница также хорошо справляется со снятием стресса и умственного утомления, восстанавливает работоспособность нервной системы и готовит ребенка к последующим занятиям. Сочетание натурального материала (песка) и цифровой анимации избавляет от однообразия и превращает решение познавательных задач в увлекательное исследование [1].

Все три комплекса – пол, стена и песочница – дополняют друг друга и в совокупности эффективно борются с детской гиподинамией. Пол дает нагрузку на ноги и тренирует общую выносливость, стена помогает формировать правильную осанку и оттачивать координацию «глаз – рука», а песочница способствует гармонизации мышечного тонуса и развитию точных движений пальцев. При этом применение такого оборудования должно быть продуманным и органично вписываться в образовательный процесс ДОО.

Проекционные комплексы уместно использовать как на физкультурных занятиях, так и в качестве коротких динамических пауз между занятиями. Например, пятиминутная активность на интерактивном полу после любого вида занятий в ДОО помогает ребенку избавиться от статического напряжения и снова сосредоточиться.

При работе с цифровыми инструментами педагогу важно учитывать нормы экранного времени, закрепленные в санитарных правилах: для старших дошкольников оно не должно превышать 15 минут. Тем не менее, даже такого временного промежутка достаточно, чтобы существенно повысить уровень двигательной активности детей. Роль педагога – выступить организатором и направляющим: он координирует действия детей и связывает физическую активность с обучающими задачами. К примеру, в игре на интерактивной стене можно предложить сбивать мячом только объекты из категории «дикие животные» – так двигательная нагрузка становится частью познавательного процесса. Такой подход позволяет избежать одностороннего развития и выстроить системную работу по преодолению гиподинамии.

Не менее значимы вопросы безопасности и правильной организации пространства. Зоны для интерактивных занятий должны быть освобождены от лишних предметов, оборудованы мягким или нескользящим покрытием, а спортивный инвентарь (мячи, палки) – быть легким и безопасным.

Таким образом, благодаря интерактивным проекционным комплексам педагог может стимулировать естественную двигательную активность ребенка. Пол, стена и песочница оказывают комплексное воздействие на дошкольников, поддерживая физическое и когнитивное развитие.

Список использованных источников

1. Гайдукова С. А. Использование интерактивного оборудования в ДОО / С. А. Гайдукова. – Тула: ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО», 2022. – 68 с.
2. Захарова Л. М. и др. Современные технологии дошкольного образования / Л. М. Захарова, Е. И.Андрианова, М. И. Богомолова. – Ульяновск: ИНФРА-М, 2020. – 251 с.

INTERACTIVE PROJECTOR COMPLEXES AS A MEANS OF OVERCOMING HYPOKINETICS IN THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF EARLY CHILDHOOD EDUCATION

V.V. Gordeeva, P.E. Mustafaeva

Penza State University,
Penza, Russia

The article examines the problem of overcoming physical inactivity in preschool children in the context of a digital educational environment in a kindergarten. As a solution, it is proposed to use interactive projection systems (floor, wall, sandbox), which transform the child's interaction with gadgets: instead of passive perception, it becomes a form of active physical activity. Special attention is paid to the specifics of using each type of equipment, issues related to integrating projection systems into the educational process of a preschool educational organization, compliance with sanitary standards for screen time, and safety requirements.

Keywords: interactive projection systems, preschool children, physical inactivity, physical activity.

УДК 372.21

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МНОГООБРАЗИИ КУЛЬТУР

В.В. Гордеева, Э.Э. Турлович

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

В статье рассматривается проблема формирования представлений о многообразии культур у детей в период дошкольного возраста. Обосновывается недостаточность чисто педагогических методов и необходимость учета средовых и групповых факторов, опосредующих процесс поликультурного воспитания дошкольников. Анализируются роль предметно-пространственной среды, групповой динамики детского коллектива, культурного капитала семьи и

профессиональной компетентности педагога как взаимосвязанных условий становления поликультурных представлений у детей.

Ключевые слова: поликультурное воспитание, дошкольный возраст, межкультурная компетентность, социализация.

В условиях современной глобализации, сопровождающейся интенсивной миграцией и урбанизацией, культурная неоднородность становится неотъемлемой чертой любого общества. В связи с этим воспитание толерантного отношения к культурному многообразию приобретает статус не только образовательного, но и общественно-политического приоритета. Дошкольный возраст является критически важным этапом для формирования межкультурной компетентности, так как именно в этот период закладываются базовые установки и навыки взаимодействия с представителями иных культур.

Тем не менее, традиционные педагогические инструменты зачастую не учитывают всю сложность этого процесса. Необходимо учитывать влияние семейного капитала, групповой динамики и институциональной среды на развитие ребенка.

Современные психолого-педагогические подходы к воспитанию рассматривают ребенка в период дошкольного детства не как пассивного реципиента взрослых воздействий, а как активного субъекта, конструирующего собственное понимание социального мира во взаимодействии со сверстниками и взрослыми. С этой точки зрения формирование представлений о многообразии культур – не результат трансляции знаний от педагога к ребенку, а продукт совместной деятельности, в которой культурные смыслы «выращиваются» в групповом контексте.

В современных условиях ключевая задача поликультурного воспитания детей дошкольного возраста заключается в подготовке личности, адаптированной к жизни в многонациональном социуме и обладающей установками на межкультурное взаимопонимание [1]. Данный подход смещает акцент с простого накопления этнокультурных знаний на развитие практических компетенций, необходимых для успешной интеграции и конструктивного взаимодействия в условиях культурного многообразия

Социальная среда дошкольной образовательной организации (ДОО) представляет собой многослойное образование. Она включает предметно-пространственное и человеческое окружение, а также институциональный контекст. Каждый из этих слоев влияет на то, какие представления о культурном многообразии формируются у ребенка.

Предметно-пространственная среда – не просто фон, а активный участник воспитательного процесса. Создание в группе уголков национальной культуры, мини-музеев, выставок предметов быта разных народов обеспечивает возможность не только рассматривания, но и практического действия с культурными артефактами. Как показывают исследования, «одним из условий приобщения дошкольников к национальной культуре является создание предметно-развивающей среды с целью «погружения» детей в этническое пространство» [3]. Смысл такого погружения заключается в том, что материальная среда кодирует определенную систему ценностей: если в окружении ребенка представлены предметы

разных культур, это формирует норму культурного многообразия как естественного состояния мира.

С точки зрения социологии, группа в детском саду – это первая серьезная социальная среда, в которой оказывается ребенок. То, как выстроены отношения между детьми и насколько разнороден состав группы, напрямую влияет на эффективность воспитания. Как отмечают Л.Д. Андреева и В.Э. Заболоцкая, лучший способ воспитать толерантность – это не просто рассказывать детям о традициях, а создавать условия для совместной деятельности. Когда дети вместе играют, участвуют в проектах или творческих заданиях, культурные различия становятся не препятствием, а преимуществом. Ведущая роль здесь отводится игре: использование народных сказок, костюмов и игр позволяет детям «прожить» культурное многообразие, превращая его в естественную часть своего жизненного опыта [2].

Эффективное поликультурное воспитание требует также выстраивания партнерства между ДОО и семьей. Это партнерство предполагает несколько уровней:

1) первый – информационный: родители должны понимать цели и содержание работы по поликультурному воспитанию, видеть его результаты;

2) второй – деятельностный: вовлечение семей в совместные мероприятия, например, праздники, проекты, выставки, в ходе которых родители выступают не зрителями, а участниками, носителями культурного опыта;

3) третий – ценностный: формирование общего поля понимания того, что культурное многообразие – это ресурс развития, а не угроза идентичности.

Особую значимость при этом приобретает этнокультурное исследование семей, чьи дети посещают ДОО. Знание национального состава, культурных традиций, языков позволяет выстроить содержание работы так, чтобы каждая культура, представленная в группе детского сада, получила отражение в образовательном процессе. Это превращает саму группу в модель поликультурного общества, где различия не стираются, а становятся основой для диалога.

Еще одним условием эффективного поликультурного воспитания дошкольников выступает профессиональная компетентность педагога. Педагог выступает посредником между ребенком и миром культур, и его собственные установки, знания, способность к эмпатии определяют качество этого посредничества.

Таким образом, если рассматривать воспитание дошкольников в духе поликультурности через призму психолого-педагогических подходов, становится очевидно: это не просто передача знаний от взрослого к ребенку, а сложный процесс, в котором участвует все окружение. Ребенок «конструирует» свое понимание мира, опираясь на опыт общения в группе, семейные ценности и атмосферу в детском саду. Чтобы воспитание в духе многообразия культур стало реальностью, а не просто строчкой в отчете, необходима слаженная работа всех звеньев: среда должна быть наполнена культурными смыслами, в группе должна царить атмосфера принятия различий, а родители и педагоги – разделять эти подходы. Только когда все эти условия работают сообща, воспитание превращается в эффективный механизм социализации.

Список использованных источников

1. Джуринский А. Н. Поликультурное образование в многонациональном социуме / А. Н. Джуринский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2018. – 252 с.

2. Заболоцкая В. Э., Андреева Л. Д. Формирование положительных взаимоотношений у детей старшего дошкольного возраста в условиях поликультурной образовательной среды / В. Э. Заболоцкая, Л. Д. Андреева // Международный студенческий научный вестник. – 2017. – № 4 (9). – С. 1312-1315.

3. Мамедова Ш. А., Петрова С. С. Методы поликультурного воспитания детей дошкольного возраста / Ш. А. Мамедова, С. С. Петрова // Мир педагогики и психологии. – 2023. – № 4 (81). – С. 152-158.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING IDEAS ABOUT THE DIVERSITY OF CULTURES IN PRESCHOOL CHILDREN

V.V. Gordeeva, E.E. Turlovich

Penza State University,
Penza, Russia

The article examines the problem of forming ideas about the diversity of cultures in children during the preschool period. The authors substantiate the insufficiency of purely pedagogical methods and the need to take into account environmental and group factors that mediate the process of multicultural upbringing of preschool children. The role of the material and spatial environment, the group dynamics of the children's collective, the cultural capital of the family, and the professional competence of the teacher as interrelated conditions for the development of multicultural ideas in children is analysed.

Keywords: multicultural education, preschool age, intercultural competence, socialization.

УДК 159

ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА

А.Н. Гутова

Томский государственный педагогический университет,
г. Томск, Россия

В статье рассматриваются основные подходы к пониманию природы психической травмы, её источники и виды, механизмы формирования травматического ответа, роль памяти, эмоциональной регуляции и нейробиологических систем стресса.

Ключевые слова: психологическая травма, травматический стресс, ПТСР, память, терапия.

Интерес к феномену « психологическая травма» обусловлен тем, что человек на протяжении жизни может сталкиваться с различными обстоятельствами, нарушающими привычное ощущение безопасности и предсказуемости мира, например, как потеря близкого человека, тяжелое заболевание, насилие, авария, внезапная разлука или даже само наблюдение за травмирующим событием. При этом, сам факт столкновения с неблагоприятным событием еще не означает обязательного возникновения психической травмы или психического расстройства. Одно и то же обстоятельство может иметь совершенно разное психологическое значение для разных людей, ведь для одного человека пережитое становится тяжелым, но постепенно перерабатываемым опытом, тогда как для другого оно может надолго изменить отношение к себе, окружающим людям и будущему.

Получается, что само понятие психической травмы является достаточно широким и используется для обозначения последствий переживания событий или обстоятельств, которые субъективно воспринимаются человеком как чрезмерно угрожающие, разрушительные или непосильные для имеющихся у него возможностей совладания. Но все же в отличие от обычного стрессового переживания, травматический опыт может затронуть фундаментальные представления человека о безопасности.

В психологическом смысле травма может возникать в ситуации, когда привычные способы адаптации оказываются недостаточными, то есть, к примеру. человек сталкивается с событием, которое невозможно быстро понять, предотвратить или эмоционально переработать; возникает состояние, при котором переживание происходящего превышает доступные в данный момент ресурсы психики; в результате событие не всегда становится частью целостной биографии, а может сохраняться как эмоционально насыщенный и недостаточно переработанный опыт.

Следует также разграничивать понятия стресса, психической травмы и посттравматического стрессового расстройства:

а) Стресс является универсальной реакцией организма и психики на значимые нагрузки и изменения.

б) Психическая травма описывает более глубокое нарушение процесса адаптации, связанное с переживанием чрезмерно угрожающего или разрушительного опыта

в) Посттравматическое стрессовое расстройство, в свою очередь, представляет собой клиническое состояние, возникающее у части людей после травматического события.

Таким образом, наличие травматического опыта не означает автоматически наличие психического расстройства.

Рассмотрим процесс формирования психической травмы.

Это, как правило, процесс, в котором внешнее событие взаимодействует с внутренней системой восприятия и переработки информации, и при столкновении с угрозой психика прежде всего мобилизует ресурсы, необходимые для сохранения безопасности, тем самым, активизируются физиологические

механизмы стресса, повышается уровень внимания к потенциальной опасности, изменяется эмоциональное состояние, усиливается готовность к защитному поведению.

В нормальной ситуации после прекращения угрозы происходит постепенное снижение напряжения, осмысление произошедшего и возвращение к относительно устойчивому состоянию, и такое пережитое событие со временем включается в автобиографическую память и становится частью прошлого опыта. Но а если событие оказывается слишком интенсивным, повторяющимся или происходит в условиях отсутствия поддержки и возможности восстановления, процесс переработки может затрудняться. И уже тогда воспоминания о произошедшем могут сохранять чрезмерную эмоциональную насыщенность: определенные звуки, места, слова, выражения лица или ситуации могут напоминать о пережитом и вызывать реакцию, непропорциональную настоящей ситуации. Получается, что человек словно продолжает реагировать на прошлую угрозу, хотя непосредственная опасность уже отсутствует.

С психологической точки зрения важным становится не только само воспоминание о событии, но и то значение, которое человек ему приписывает: если произошедшее воспринимается как доказательство собственной слабости, вины или неполноценности, последствия могут быть более выраженными, или, напротив, наличие поддерживающего окружения и возможность сформировать более целостное понимание события способны облегчить его переработку.

При чем, травматический опыт может быть связан как с единичным событием, так и с длительным воздействием неблагоприятных обстоятельств.

а) Единичная травматическая ситуация возникает, например, при аварии, внезапной потере, остром медицинском событии или другом неожиданном происшествии. В подобных случаях человек сталкивается с резким нарушением привычного состояния и необходимостью адаптироваться к последствиям произошедшего.

б) Однако хроническая психотравматизация, при которой угроза или эмоционально неблагоприятная среда сохраняются продолжительное время, может происходить в условиях постоянных семейных конфликтов, эмоционального или физического насилия, пренебрежения потребностями ребенка, непредсказуемого поведения взрослых, постоянного страха или отсутствия стабильной заботы.

При повторяющейся травматизации психика оказывается в ситуации, когда восстановление после стресса затрудняется постоянным возвращением угрозы. В таких обстоятельствах может быть особенно сложно сформировать устойчивое ощущение безопасности. Исходя из этого, хроническая травматизация способна оказывать более широкое влияние на развитие личности, поскольку затрагивает не отдельный эпизод, а повседневную систему отношений человека с окружающим миром. Особенно значимо это в детстве, когда именно отношения с близкими взрослыми являются важнейшим источником формирования представлений о безопасности, доверии и собственных возможностях.

Последствия психической травмы могут проявляться на разных уровнях: эмоциональном, когнитивном, поведенческом, межличностном и физиологическом, где их выраженность зависит от возраста человека, характера травмирующего события. Так, на эмоциональном уровне могут наблюдаться повышенная

тревожность, страх, раздражительность, чувство вины, стыд, эмоциональная нестабильность или, напротив, эмоциональное оцепенение и снижение способности выражать чувства. Иногда человек начинает избегать ситуаций, напоминающих о пережитом, поскольку они вызывают неприятные эмоциональные реакции. А вот на когнитивном уровне могут изменяться представления о себе и окружающем мире, то есть, человек может становиться более подозрительным, ожидать опасности, испытывать трудности с концентрацией внимания или постоянно возвращаться мыслями к произошедшему. У ребенка подобные изменения могут проявляться менее очевидно – например, в снижении интереса к занятиям, трудностях сосредоточения или изменении привычной игровой деятельности.

Поведенческие последствия могут включать избегание, агрессивные реакции, замкнутость, повышенную зависимость от взрослых, трудности расставания, нарушения сна и другие изменения привычного поведения. В детском возрасте также возможен регресс – временное возвращение к более ранним формам поведения, которые ранее уже были преодолены.

Травматический опыт даже способен отражаться и на межличностных отношениях, потому что человеку может быть сложно доверять другим, принимать помощь или чувствовать себя в безопасности в близких отношениях.

Исходя из выше описанного, работа с травматическим опытом требует осторожности и учета возраста, индивидуальных особенностей и актуального состояния человека.

Основой помощи является восстановление чувства безопасности.

В работе с детьми особое значение приобретает участие родителей и других значимых взрослых. Взрослым важно признавать эмоциональные реакции ребенка, не обесценивать его страхи и не заставлять его подробно рассказывать о пережитом, если он к этому не готов. Не менее важно поддерживать предсказуемость повседневной жизни.

Психологическая помощь может включать различные методы, направленные на снижение тревоги, развитие навыков эмоциональной регуляции, переработку травматических воспоминаний и восстановление чувства контроля. Конкретный метод должен подбираться специалистом с учетом возраста, состояния и характера травматического опыта. Но все же важным принципом является понимание того, что восстановление не обязательно означает полное забвение произошедшего. Более реалистичной целью является изменение отношения к травматическому событию: человек постепенно получает возможность воспринимать его как часть прошлого опыта, а не как постоянно происходящую угрозу.

Современный травма-информированный подход также предполагает создание среды, основанной на безопасности, доверии, уважении, сотрудничестве и поддержке самостоятельности человека.

Таким образом, травматический опыт способен нарушать привычное ощущение безопасности, изменять представления человека о себе и других людях, влиять на эмоциональную регуляцию, поведение и межличностные отношения. Но вместе с тем последствия травматического опыта не являются неизбежными. Значимую роль в восстановлении играют безопасная среда, эмоционально доступные отношения, поддержка семьи и своевременная профессиональная

помощь. И чем раньше замечаются изменения в эмоциональном и поведенческом состоянии ребенка, тем больше возможностей для предупреждения закрепления неблагоприятных последствий.

Список использованных источников

1. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука. 1988. 270 с.

MENTAL TRAUMA: FEATURES OF FORMATION AND CONSEQUENCES OF TRAUMATIC EXPERIENCE

A.N. Gutova

Tomsk State Pedagogical University,
Tomsk, Russia

The article discusses the main approaches to understanding the nature of mental trauma, its sources and types, mechanisms of formation of the traumatic response, the role of memory, emotional regulation and neurobiological stress systems.

Keywords: psychological trauma, traumatic stress, PTSD, memory, therapy.

УДК 378.147

ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ И ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВУЗЕ

В.А. Демьянов[1], Е.А. Нагорный[2], Г.И. Стате[3]

[1,2]Военный институт физической культуры,
г. Санкт-Петербург, Россия
[3]Северо-Кавказский федеральный университет,
Пятигорский институт (филиал),
г. Пятигорск, Россия

В статье рассматриваются вопросы интеграции современных педагогических и информационно-коммуникационных технологий в вузе, обосновывается процесс результативной подготовки квалифицированных выпускников вузов с помощью грамотного объединения современных информационно-коммуникационных и других педагогических технологий. Рассмотрены основные элементы данной интеграции.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, интеграция, высшее образование, образовательный процесс, дистанционное обучение.

Интеграция современных педагогических и информационно-коммуникационных и технологий (ИКТ) в вузе является важнейшим фактором для перехода системы образования на новый уровень, повышения качества преподавания учебных дисциплин, повышения мотивации студентов, стимулирования развития информационных компетенций обучающихся [1]. В связи с изменением требований рынка труда становится необходимым развивать технологии обучения в образовательной сфере. Приоритетной целью образования на сегодняшний день становится подготовка квалифицированных выпускников, способных профессионально решать задачи в постоянно меняющихся условиях.

Особенностью высшего образования сегодня становится стремительное увеличение объемов информации, что является основополагающим фактором, обуславливающим необходимость изменений в организации образовательного процесса. Интеграция ориентирована на гибкость и динамичность учебного процесса [2].

Информационные технологии в совокупности с другими современными педагогическими технологиями являются именно тем инструментом, который способен существенно ускорить передачу знаний, обеспечить более быструю адаптацию студентов к социальным изменениям. Обогащение современных педагогических технологий информационными не только изменяет и улучшает уже существующие методы и технологии обучения, но и формирует новые, связанные с применением компьютеров, планшетов, программных и аппаратных средств, видео- и теле-коммуникаций, специального оборудования, а также различных систем обработки информации. Интеграция информационно-коммуникационных и современных педагогических технологий в образовательном процесс является необходимым условием модернизации системы образования [3].

Вопрос интеграции современных педагогических и информационно-коммуникационных технологий в вузе получил широкое распространение. Ставя задачу подготовки студентов к жизни в информационном обществе, необходимо построить новую образовательную модель, основанную на интеграции ИКТ [5]. Поэтому, основой интеграции современных педагогических и ИКТ системный подход, основанный на обнаружении факторов, которые формируют целостные свойства системы с установлением связей между всеми элементами [4].

Реализация ИКТ в вузе проходит с использованием медиа-технологий, сетевых информационных ресурсов, электронных пособий [5]. Интеграция информационно-коммуникационных и других образовательных технологий происходит за счет включения данных инструментов в образовательный процесс. ИКТ могут также быть задействованы в реализации проблемных, дискуссионных, игровых технологий, технологий группового обучения [6].

Несмотря на коллективное взаимодействие, внедрение ИКТ способствует индивидуализации обучения, т. е. учету потребностей, способностей каждого обучающегося. И интеграция здесь нацелена на корректировку учебного процесса: темпа, времени усвоения, объема учебного материала, и т. д. За счет максимальной приближенности к возможностям и способностям студентов, направленности на индивидуальные стремления обучающихся происходит активизация учебно-познавательной деятельности студентов. Данная интеграция делает образовательный процесс гибким, элективным, и комплексным [7].

Интеграция может быть представлена проектно-деятельностной технологией, основой которой служит развитие творческой составляющей студентов, критического мышления, навыков ориентации в информационном пространстве, самостоятельности. Данная интеграция позволяет использовать творческие нестандартные задачи. Проектно-деятельностная технология нацелена на интегрирование умений, знаний и навыков обучающихся из различных областей, а также реализацию разнообразных методов обучения.

Особенностью модульной технологии является формирование целевой индивидуализированной программы по содержанию, темпу, уровню обучения, методам, способам самоконтроля и т. д. Проблемно-модульная технология нацелена на самостоятельную деятельность обучающихся. Это может быть исследовательская, коллективная, поисковая или творческая работа. Технология дает возможность каждому обучающемуся изучать материал согласно уровню его теоретических знаний и способностей [8].

Результатом интеграции может стать технология дистанционного обучения, исходным материалом для создания которой являются интерактивные ресурсы и системы, технологии удаленного доступа, проблемно- модульная технология, а также задействован широкий спектр новых информационных, телекоммуникационных технологий и технических средств. Это высший уровень интеграции, полученный слиянием ИКТ и образованием новых. Способом интеграции выступает внедрение содержательно-методической информации в ИКТ. Технология дистанционного обучения значительно облегчает образовательный процесс, делает его более гибким и личностно-ориентированным [9].

Таким образом, интеграция современных педагогических и ИКТ в образовательном процессе способна решить ряд задач, среди которых выделяются такие, как трансформация организации образовательного процесса познания за счет его сдвига в сторону системного мышления; эффективная организация познавательной деятельности студентов в ходе обучения; необходимость формирования открытой и доступной системы образования; ориентация образовательного процесса на личность; индивидуализация образовательного процесса; совершенствование дистанционной технологии обучения. Благодаря данной интеграции обучающиеся имеют более широкие возможности формирования профессиональной компетентности.

Список использованных источников

1. Третьяков А.А. и др. Концептуальные подходы к развитию инновационных процессов в научно-образовательной деятельности вуза // Право, история, педагогика и современность: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. – Пенза: Межотраслевой научно-информационный центр Пензенского государственного аграрного университета, 2026. – С. 749-752.

2. Ваганова О.И. и др. Интеграция современных педагогических и информационно- коммуникационных технологий в вузе // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9, № 2(31). – С. 233-236.

3. Бузников В.Ю. Компетентностный подход к психолого-педагогической системе личностно-ориентированного обучения в вузе // Психология и

педагогика: актуальные вопросы теории и практики: Сборник научных статей. – Москва: Сфера, 2024. – С. 68-70.

4. Марков И.С. и др. Актуальность информационного обеспечения в образовательном процессе подготовки специалистов МЧС России // Естественные науки и пожаробезопасность: проблемы и перспективы исследований: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Иваново: Ивановская ПСА ГПС МЧС РФ, 2026. – С. 814-818.

5. Нагорный Е.А. и др. Значимость инновационных процессов педагогической деятельности в современном образовательном пространстве // Право, история, педагогика и современность (шифр – МК-4-26): Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. – Пенза: Межотраслевой научно-информационный центр Пензенского государственного аграрного университета, 2026. – С. 741-745.

6. Демьянов В.А. и др. Комплексный характер инноваций в сфере современного образовательного процесса // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки: Сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции (шифр – МКСС). – Москва, 2025. – С. 26-31.

7. Ступакова Н.Б. и др. Психология учебной мотивации обучающихся в образовательном процессе // Право, история, педагогика и современность: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. – Пенза: Межотраслевой научно-информационный центр Пензенского государственного аграрного университета, 2026. – С. 752-755.

8. Стате Г.И. и др. Модернизация системы высшего образования в инновационной деятельности // Международная научно-практическая конференция по новым подходам в науке и образовании: Сборник статей конференции. – Бухара, Узбекистан: ООО "Институт цифровой экономики и права", 2025. – С. 61-64.

9. Гусев И.С. и др. Инновационный ресурс профессиональной подготовки в образовательной среде вуза // Психология и педагогика: история и современность: Сборник научных статей. – Ульяновск, 2025. – С. 18-20.

ISSUES OF INTEGRATION OF MODERN PEDAGOGICAL AND INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES I N HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

V.A. Demyanov[1], E.A. Nagorny[2], G.I. State[3]

[1,2]Military Institute of Physical Culture, St. Petersburg, Russia, Russia
[3]North Caucasus Federal University, Pyatigorsk Institute (branch), Pyatigorsk, Russia

The article discusses the integration of modern pedagogical and information and communication technologies in higher education institutions, substantiates the process of effective training of qualified university graduates through the competent

combination of modern information and communication and other pedagogical technologies. The main elements of this integration are considered.

Key words: information and communication technologies, integration, higher education, educational process, distance learning.

УДК 378.2

ПАТРИОТИЗМ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ВЕКТОР СОВРЕМЕННОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ОБРАЗОВАНИЯ, ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

Ж.Т. Дзампаева, Д.И. Джимиева

Государственный технологический университет,
Северо-Кавказский горно-металлургический институт,
г. Владикавказ, Россия

В статье обосновывается возможность и необходимость рассмотрения патриотизма в качестве системообразующего вектора, интегрирующего обучение, воспитание и образование в единый смысловой континуум. Исходным положением выступает противоречие между декларируемой целостностью образовательного процесса и фактической дискретностью его основных компонентов. На основе анализа категорий патриотизма, обучения, воспитания и образования предлагается понимание патриотизма как сложного рефлексивного отношения, включающего когнитивный, эмоциональный и деятельностный уровни, что позволяет ему выполнять функцию ценностно-содержательной доминанты. Показано, как патриотический вектор трансформирует отбор содержания учебных дисциплин, логику воспитательных практик и критерии образовательного результата. Особое внимание уделяется различию между «праздничным» (событийным) и системным пониманием патриотического воспитания, а также совместимости рефлексивного патриотизма с развитием критического мышления. Делается вывод, что без подобного вектора обучение остается набором сведений, воспитание - набором мероприятий, а образование - набором сертификатов, тогда как его внедрение позволяет восстановить внутреннее единство педагогического процесса.

Ключевые слова: патриотизм, образование, воспитание, обучение, рефлексивная идентичность, ценностные основания педагогики, интеграция обучения и воспитания.

В современной педагогической науке сохраняется устойчивое противоречие между декларируемой целостностью образовательного процесса и фактической дискретностью его основных составляющих: обучения, воспитания и образования как результата. Традиционно эти категории рассматриваются в связке, однако практика показывает, что связь эта часто носит формальный или механический характер. Обучение преимущественно ориентировано на трансляцию

знаний и формирование когнитивных умений, воспитание - на усвоение норм и ценностей, образование же трактуется либо как сумма первых двух компонентов, либо как сугубо индивидуальный «багаж» компетенций выпускника. Отсутствие единого смыслового основания, пронизывающего все три сферы, приводит к их параллельному, а не интегральному существованию. В поисках такого основания автор обращается к категории патриотизма, которая в силу своей аксиологической насыщенности, исторической глубины и способности одновременно затрагивать когнитивную, эмоциональную и деятельностную сферы личности может выполнять функцию системообразующего вектора.

Под системообразующим вектором в данном случае понимается ценностно-содержательная доминанта, задающая направление, внутреннюю логику и механизмы координации между обучением, воспитанием и образованием. В отличие от узко понимаемого «патриотического воспитания» как отдельного направления работы (классные часы, праздничные мероприятия, профильные смены), патриотизм как вектор предполагает не добавление новой дисциплины или раздела, а переосмысление уже существующего содержания всех учебных предметов и воспитательных практик через призму отношения к Отечеству. Это означает, что любая учебная задача, любой дидактический материал, любая форма внеаудиторной работы получает дополнительное, ценностное измерение, связанное с историей, культурой, научным и технологическим наследием страны. Именно это свойство - способность пронизывать всё образовательное пространство, не сводясь к локальным мероприятиям - отличает вектор от простого направления работы.

Обратимся к теоретическим основаниям такого подхода. В отечественной педагогике второй половины XX века неоднократно предпринимались попытки интегрировать воспитание в обучение, наиболее известные из которых связаны с идеями В.А. Сухомлинского о единстве учения и нравственного становления. Однако в условиях идеологизированной советской школы эта интеграция часто носила жёсткий, директивный характер, что в постсоветский период вызвало закономерную реакцию отторжения. Последующие три десятилетия характеризовались дрейфом в сторону деидеологизации образования, компетентностного подхода, где ценностная составляющая была либо вынесена «за скобки», либо сведена к набору общих деклараций. Результатом стал тот самый разрыв между знанием и смыслом, о котором пишут сегодня многие исследователи. Студент может демонстрировать высокие предметные результаты, но при этом не видеть связи между своими знаниями и судьбой собственной страны, не ощущать личной причастности к её прошлому и настоящему. Патриотический вектор, возвращённый в образование на новом - неидеологизированном, рефлексивном - уровне, способен этот разрыв ликвидировать.

Следует специально оговорить, о каком именно патриотизме идёт речь в контексте данной статьи. Автор исходит из понимания патриотизма как сложного, многоуровневого отношения, включающего: а) знание истории, географии, культуры, экономики своей страны; б) положительное эмоциональное переживание этого знания (чувство укоренённости, сопричастности, гордости, а в трагических эпизодах - скорби); в) готовность к действиям, направленным на благо

страны в широком смысле - от сохранения природы до профессиональной самореализации в отечественной науке, производстве или искусстве. Принципиально важно, что такое понимание не исключает критического отношения к отдельным фактам национальной истории или современным проблемам. Напротив, зрелый патриотизм предполагает способность видеть недостатки и стремиться к их исправлению, а не сакрализацию любого положения дел. Именно этот, рефлексивный тип патриотизма может служить системообразующим вектором, поскольку он не вступает в противоречие с развитием критического мышления и научного подхода, а органично дополняет их.

Переходя к анализу конкретных механизмов, необходимо рассмотреть, как патриотический вектор изменяет каждую из трёх составляющих образовательного процесса и связи между ними. В сфере обучения этот вектор проявляется прежде всего в отборе и контекстуализации содержания. Учитель физики, иллюстрируя закон сохранения энергии, может обратиться к истории создания отечественных гидроэлектростанций или к трудам А.Г. Столетова. Учитель химии, объясняя свойства полимеров, - к разработке синтетических каучуков С.В. Лебедевым в годы первых пятилеток. Учитель иностранного языка - к анализу текстов российских дипломатов XIX века или к современной научной коммуникации на русском языке в международных журналах. Важно подчеркнуть: речь не идёт о подмене предметного содержания идеологическими штампами. Речь идёт о восстановлении той естественной связи между научным знанием и его национальной, культурно-исторической укоренённостью, которая была разорвана в угоду абстрактному «общечеловеческому» подходу. Такое включение патриотического контекста не только повышает мотивацию (ученик видит, что наука не безлика, у неё есть имена, лица, судьбы, связанные с его страной), но и способствует более прочному запоминанию материала, поскольку новое знание встраивается в уже существующие эмоциональные и ценностные структуры личности.

Что касается воспитания, то здесь патриотический вектор меняет не столько содержание, сколько логику его развёртывания во времени. Классическая ошибка многих образовательных организаций - рассматривать патриотическое воспитание как отдельное событие или серию событий, приуроченных к памятным датам. Такой «праздничный» подход принципиально неэффективен, поскольку формирование идентичности требует не разовых акций, а повторяющихся, регулярных практик, встроенных в повседневный уклад. Когда поднятие флага и исполнение гимна становится еженедельным ритуалом, а не эпизодом к 12 июня; когда участие в благоустройстве школьного мемориала - не кампания на субботник, а непрерывная забота; когда уважительное отношение к старшим и к труду подкрепляется системой поощрений и образцами для подражания из реальной жизни, а не только из учебников - только тогда воспитание перестаёт быть параллельным процессом и сливается с обучением. Патриотический вектор здесь выступает как своего рода «клей», соединяющий отдельные воспитательные мероприятия в единую систему, где каждое действие имеет смысл не само по себе, а как часть большого целого - служения и сопричастности.

Наконец, образование как результат в рамках предлагаемого подхода перестаёт трактоваться исключительно как совокупность освоенных компетенций

или успешно сданных экзаменов. Образованный человек в патриотической системе координат – это не только тот, кто знает и умеет, но и тот, кто понимает, зачем он это знает и умеет, кому это нужно помимо него самого. Такой взгляд возвращает образованию его изначальный смысл - «образ», то есть создание образа себя, своей страны и своего места в ней. Выпускник школы или университета, прошедший через обучение и воспитание, организованные вокруг патриотического вектора, должен обладать устойчивой рефлексивной идентичностью: «я - наследник и продолжатель дела предков, я несу ответственность за будущее своего народа, я понимаю прошлое и вижу противоречия настоящего, но это не отталкивает меня от страны, а, напротив, делает мой выбор осознанным». Именно такая личность, а не носитель абстрактных компетенций, нужна современному обществу, сталкивающемуся с вызовами, требующими не только профессионализма, но и внутренней мотивации работать на благо своей земли.

Важно рассмотреть и возможные возражения. Наиболее распространённый контраргумент против усиления патриотической составляющей в образовании связан с опасением идеологизации, подавления критического мышления, превращения школы в инструмент пропаганды. Автор разделяет эти опасения, однако полагает, что они возникают именно из отождествления патриотизма с его примитивными, лозунговыми формами. Критическое мышление не только совместимо с рефлексивным патриотизмом, но и необходимо для него. Человек, которому запрещено сомневаться, чьё знание о стране ограничено парадной версией, не может испытывать зрелого патриотического чувства - он может испытывать либо страх, либо самообольщение. Напротив, патриотический вектор в том его понимании, которое предлагается в данной статье, предполагает диалог, дискуссию, право на неоднозначные оценки. Учебная работа над проектом «Противоречия петровских реформ» или «Экономические дилеммы индустриализации» воспитывает патриотизм глубже, чем десяток плакатов с лозунгами, потому что учит видеть сложность, но не отказываться от любви к своей земле из-за этой сложности.

Ещё один важный аспект, который нельзя обойти, - роль педагога как носителя и транслятора патриотического вектора. Ни одна программа, ни один учебник, ни одна методическая рекомендация не сработают, если сам учитель или преподаватель относится к своей стране инструментально, отчуждённо или, хуже того, с неприязнью. Дети и молодёжь обладают высокой чувствительностью к фальши: декларативный патриотизм, не подкреплённый реальным поведением педагога, его отношением к школьному двору, к судьбам выпускников, к местной истории, вызывает не уважение, а цинизм. Следовательно, формирование патриотического вектора в образовании невозможно без синхронной работы над профессиональным сознанием самого учителя. Это ставит новые задачи перед системой педагогического образования, курсами повышения квалификации и, шире, перед всей корпоративной культурой образовательных организаций.

Подводя итог, следует констатировать: патриотизм, понятый не как идеологический ярлык, а как сложное, рефлексивное отношение к Отечеству, способен выполнять функцию системообразующего вектора, интегрирующего обучение, воспитание и образование в единый смысловой континуум. В отличие от

декларативных призывов «усилить патриотическую работу», предлагаемый подход предполагает пересмотр самого содержания учебных дисциплин, логики воспитательных практик и критериев образовательного результата. Такой пересмотр не требует дополнительных часов в учебном плане или создания новых структур, но требует от педагогического сообщества переосмысления привычных форм работы и готовности видеть в любой учебной теме - от законов Ньютона до правил пунктуации - связь с историей, культурой и будущим своей страны. Без этого стержня обучение остаётся набором сведений, воспитание - набором мероприятий, а образование - набором сертификатов. С ним они обретают то, что утратили в последние десятилетия, - внутреннее единство и высший смысл.

Список использованных источников

1. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ.

2. Антонова, М. В. Педагогика: воспитание обучающихся и профориентационная работа : учебник для вузов / М. В. Антонова. – Москва : 2026.

3. Гражданское патриотическое воспитание молодежи : учебник для вузов / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук, Т. В. Макеева, В. Н. Гурьянчик.

4. Макаренко, А. С. Методика воспитательной работы. Избранные труды / А. С. Макаренко. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. (Антология мысли).

5. Савенков, А. И. Психология обучения : учебник для вузов / А. И. Савенков. – 3-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2026.

6. Симановский, А. Э. Психология обучения и воспитания : учебник для вузов / А. Э. Симановский. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026.

7. Этика: учебник для вузов / под общей редакцией А. А. Гусейнова. – Москва: Издательство Юрайт, 2026.

PATRIOTISM AS A SYSTEM-FORMING VECTOR OF THE MODERN RELATIONSHIP BETWEEN EDUCATION, UPBRINGING AND TRAINING

Z.T. Dzampaeva, D.I. Dzhimieva

State Technological University,
North Caucasus Mining and Metallurgical Institute,
Vladikavkaz, Russia

The article substantiates the possibility and necessity of considering patriotism as a system-forming vector that integrates teaching, upbringing, and education into a single meaningful continuum. The starting point is the contradiction between the declared integrity of the educational process and the actual discreteness of its main components. Based on an analysis of the categories of patriotism, teaching, upbringing, and education, the article proposes an understanding of patriotism as a complex reflexive attitude encompassing cognitive, emotional, and behavioral levels, which enables it to

serve as a value-content dominant. It is shown how the patriotic vector transforms the selection of subject content, the logic of educational practices, and the criteria of educational outcomes. Special attention is paid to the distinction between «event-based» (episodic) and systemic understandings of patriotic education, as well as to the compatibility of reflexive patriotism with the development of critical thinking. It is concluded that without such a vector, teaching remains a set of facts, upbringing remains a set of activities, and education remains a set of certificates, whereas its implementation restores the internal unity of the pedagogical process.

Keywords: patriotism, education, upbringing, teaching, reflexive identity, value foundations of pedagogy, integration of teaching and upbringing.

УДК 378.147.88

К ВОПРОСУ ОСВОЕНИЯ СТУДЕНТАМИ НАВЫКОВ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЛУАТАЦИОННОЙ РАБОТЫ СТАНЦИИ С ПОМОЩЬЮ УЧЕБНЫХ ТРЕНАЖЕРОВ

А.Д. Доможирова

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Важной частью учебного процесса будущих специалистов в области организации движения поездов являются лабораторные занятия. В рамках таких занятий обучающиеся учатся готовить маршруты, заполнять техническую документацию, передавать регламент, планировать работу участков и др. Современное оснащение лабораторий позволяет повысить эффективность учебного процесса с помощью тренажеров, с помощью которых студентам легче осваивать навыки, связанные организацией работы железнодорожных станций и диспетчерских участков.

В статье рассматривается современное состояние учебных лабораторий для занятий будущих специалистов, которые, будут организовывать эксплуатационную работу железнодорожной станции или диспетчерского участка.

Ключевые слова: навык, учебный тренажер, лаборатория, поездная работа, маневровая работа, дежурный по станции, железнодорожная станция.

Дежурный по станции – специалист, который обеспечивает вместе с другими работниками безопасность движения поездов и маневровых составов на железнодорожной станции. Важность подготовки такого будущего специалиста сложно переоценить. Наряду с общим пониманием технологии работы железнодорожных объектов будущий молодой специалист должен обладать прикладными навыками: приготовление поездных и маневровых маршрутов, ведение технической документации, передача регламента машинистам и др. Все это должно усваиваться обучающимися не только с помощью теоретических занятий

(изучение нормативной документации, логических карт, просмотра учебных фильмов и др.), но и путем отработки действий на учебном оборудовании.

Современное оснащение учебных лабораторий позволяет студентам готовить маршруты, контролировать с помощью световой индикации занятости путей и их участков, определять на основе звуковой сигнализации неправильность действий и многое другое [1,2]. Возможности современных учебных тренажеров представлены на рисунке 1.

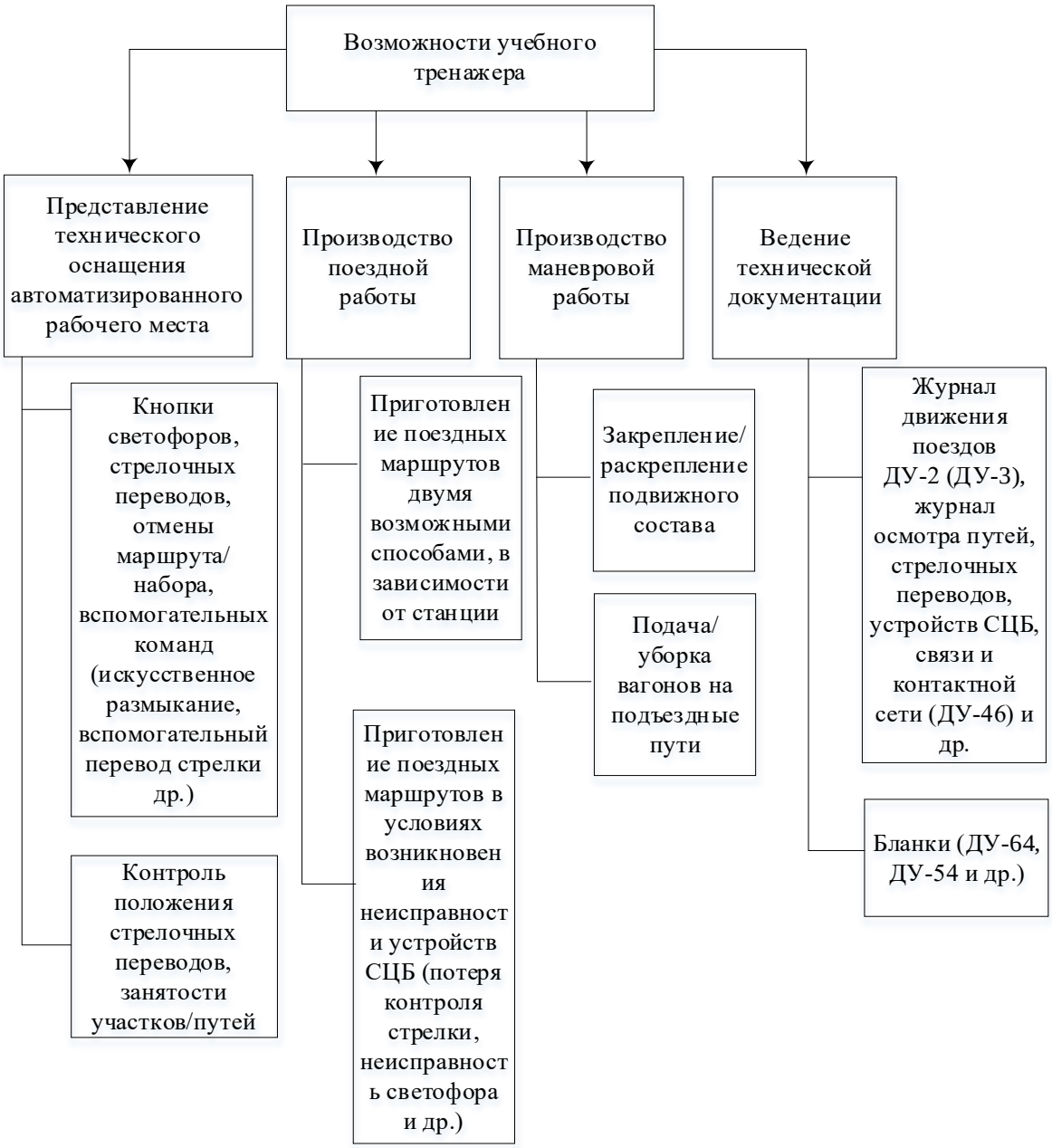

Рисунок 1 – Возможности учебного тренажера

На рисунке 1 представлен фрагмент примера манипулятора железнодорожной станции одной из деловых игр учебного тренажера. На одних станциях студенты готовят маршрут раздельным способом: сначала переводятся все стрелки, входящие в маршрут, затем открывается поездной (входной или выходной) или маневровый светофор; на остальных – маршрутным способом: нажимается кнопка светофора (начало маршрута) и кнопка светофора, задающего конец

маршрута [3,4]. Станции, которые включены в тренажер имеют разное путевое развитие. Будущие специалисты отрабатывают навыки, меняя станции, что развивает в них адаптивность и гибкость мышления, способность быстро приспосабливаться к новым обстоятельствам. Именно такие качества отличают в будущем успешного оперативного работника, занимающегося организацией движения поездов.

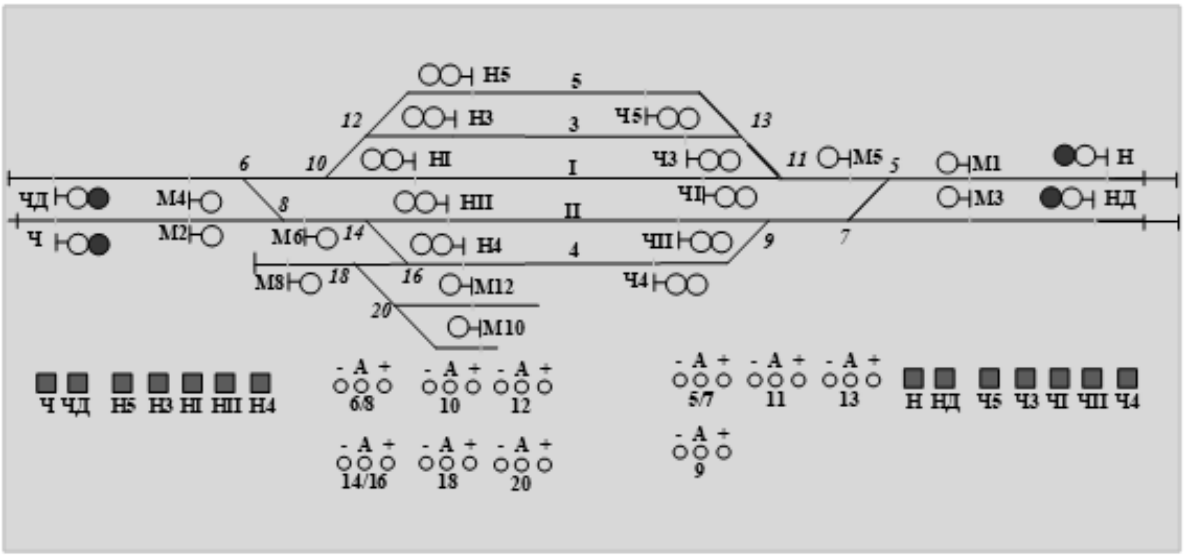

Рисунок 2 – Манипулятор железнодорожной станции учебного тренажера

Деловые игры тренажера позволяют отрабатывать действия при нестандартных ситуациях: неисправности стрелочных переводов, потеря контроля стрелочного перевода, неисправность светофора, срабатывание УКСПС (устройства контроля схода подвижного состава), ложная занятость/свободность изолированного участка и др. [5]. Тренажер фиксирует последовательность действий, их полноту и правильность выполнения студентами. В конце каждой игры преподаватель может посмотреть протокол, в котором фиксируются результаты пройденной обучающимися игры. Все отработанные игры сохраняются в профиле студентов, с помощью чего преподавателю легко отследить прогресс будущих специалистов в течение семестра.

Тренажеры включают сетевые игры, в рамках которых студенты отправляют друг другу виртуальные поезда, регулируют движение, согласовывают между собой действия. При затруднениях в работе одного обучающегося другой может ему помочь, что очень полезно для обеих сторон при осваивании материала [6,7]. К тому же при такой сетевой игре имеется возможность создания атмосферы схожей с реальной обстановкой на железнодорожном транспорте. Результат каждого обучающегося зависит от действий одногруппников, что повышает ответственность и вовлеченность в процесс решения оперативных задач.

Вместе со всеми перечисленными достоинствами тренажеры имеют недостатки. Одним из них является отсутствие актуальной программной реализации электронных журналов: ДУ-46 (журнал осмотра путей, стрелочных переводов, устройств СЦБ, связи и контактной сети), журнал учета закрепления подвижного состава на путях и др. На сегодняшний день не все станции сети дорог ОАО

«РЖД» сделали полный переход на электронный способ ведения журналов. Многие работники станций ведут и электронный, и бумажный вид журналов. Поэтому будущим специалистам выдаются журналы, которые они заполняют с последующей проверкой преподавателя.

Необходимость внедрения и использования учебного тренажера-манипулятора в учебный процесс студентов специальности «Эксплуатация железных дорог» и направления «Технология транспортных процессов» не вызывает сомнений.

Список использованных источников

1. Доможирова А.Д. К вопросу освоения студентами регламента переговоров / А.Д. Доможирова, Чубарова И.А. // Культура. Наука. Образование. – 2024. – №. 2 (71). – С. 139-142.

2. Оленцевич В.А. Повышение результативности обучающихся путем применения новых подходов к организации работы преподавателя / В.А. Оленцевич // Культура. Наука. Образование. – 2024. – №. 1 (70). – С. 88-92.

3. Маловецкая Е.В. Анализ применения системы КАСАНТ в управлении перевозочным процессом / Е.В. Маловецкая, А.Д. Доможирова, А.А. Ковтун // Экономика железных дорог. – 2026. – № 3. – С. 102-114.

4. Царегородцева Е.Ю. Новые бизнес-модели в логистическом процессе в условиях цифровизации / Е.Ю. Царегородцева // Экономика железных дорог. – 2025. – № 6. – С. 99-105.

5. Свидетельство № 2025610834. Программа для автоматизации формирования и организации движения кольцевых маршрутных поездов/ А.Д. Доможирова, А.Л. Казаков: № 2024689888; заявл. 09.12.2024; зарегистр. 14.01.2025.

6. Царегородцева Е.Ю. Новые технологии в перевозочном процессе / Е. Ю. Царегородцева // Экономика железных дорог. – 2025. – № 7. – С. 47-53.

7. Оленцевич В.А. Проблемы взаимодействия поколений как фактор влияния на кадровую политику предприятий железнодорожного транспорта / В.А. Оленцевич // Культура. Наука. Образование. – 2023. – Т. 4. – №. 69. – С. 151-156.

ON THE QUESTION OF MASTERING SKILLS IN ORGANIZING OPERATIONAL WORK OF A STATION BY STUDENTS WITH THE HELP OF TRAINING SIMULATORS

A.D. Domojirova

Irkutsk State Transport University,
Irkutsk, Russia

Laboratory classes are an important part of the training process for future train traffic management specialists. During these classes, students learn how to prepare routes, complete technical documentation, submit regulations, plan section work, and more. Modern laboratory equipment enhances the learning process by using simulators,

which help students master the skills associated with managing railway stations and dispatching stations.

This article examines the current state of training laboratories for future specialists who will manage the operational work of a railway station or control room.

Keywords: skill, training simulator, laboratory, train operation, shunting, station attendant, railway station.

УДК 378.147.88

О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА КАК ИНСТРУМЕНТА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ У СТУДЕНТОВ

А.Д. Доможирова

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Формирование культуры безопасности у будущих специалистов в сфере организации движения поездов является важной составляющей учебного процесса. В ходе лабораторных работ обучающиеся рассматривают последовательность выполнения действий в тех или иных ситуациях производства поездной и маневровой работы. Преподавателями подчеркивается и доказывается важность соблюдения таких порядков.

С помощью разработанных психологических моделей оценки человеческого фактора возможно разбирать каждое действие в рамках алгоритма на этапы обработки информации. Такой подход позволит более детально разбирать действия, выявлять потенциальные риски технологических нарушений. Использование таксономии ошибок Дж. Рауза и Т. Свенсона в качестве инструмента может быть помочь в формировании у студентов культуры безопасности.

Ключевые слова: психологическая модель, человеческий фактор, культура безопасности, технологические нарушения, таксономия ошибок.

Железнодорожный транспорт является сложной трудноформализуемой системой, так как помимо технических средств (подвижного состава, пути, устройств сигнализации, связи и др.) в нее входит человек (дежурные по станции, машинисты, работники пунктов технического осмотра и др.) [1]. Человек в этой системе должен выполнять свои должностные обязанности, следовать нормативным документам, соблюдать технологический процесс. На производстве, к сожалению, происходят события, когда исполнитель отходит от этого, следствием чего могут происходить сбои, аварии в транспортном процессе [2,3]. Для предотвращения технологических нарушений или сокращения их количества необходимо проводить оценку рисков, которые могут возникнуть при проявлении человеческого фактора в производственном процессе [4,5]. Для этого используют методику HFACS (Human Factors Analysis and Classification System),

модель SHELL, матричный метод и др. В рамках данного исследования рассмотрим таксономию ошибок Дж. Рауза и Т. Свенсона.

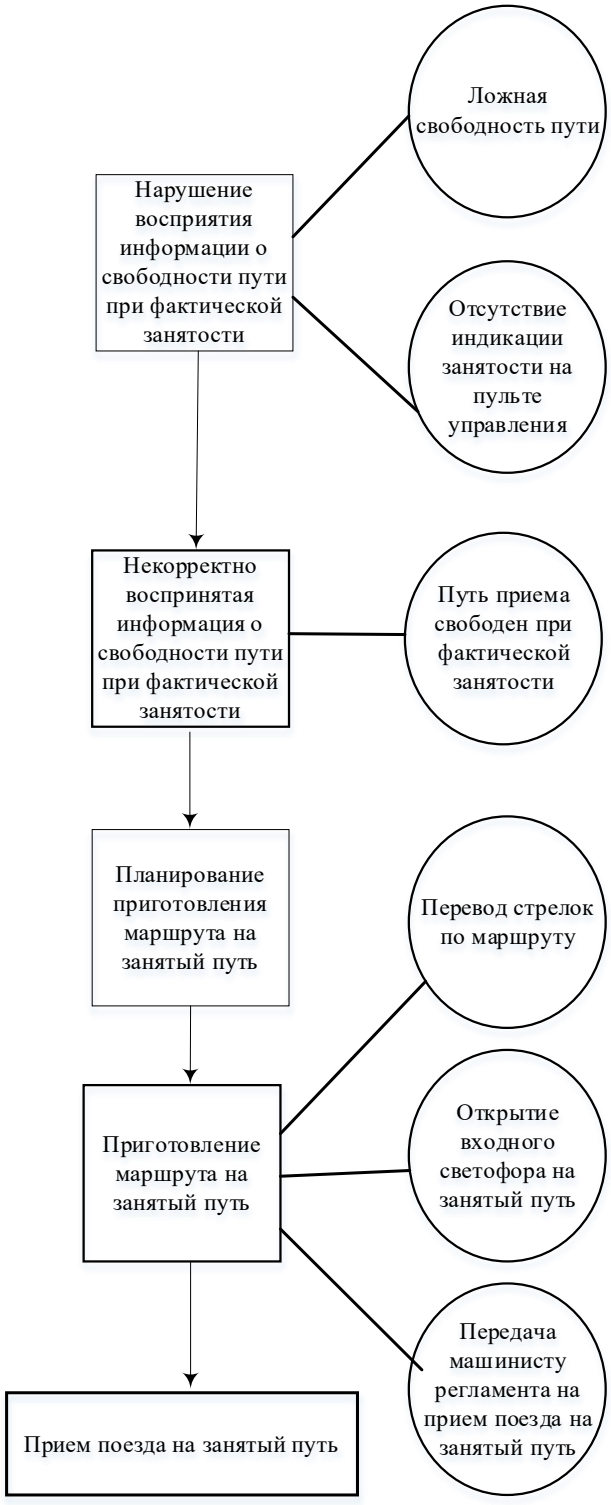

Рисунок 1 – Схема распределения ошибок по таксономии Дж. Рауза и Т. Свенсона на примере приема поезда на занятый путь

Таксономия ошибок Дж. Рауза и Т. Свенсона содержит следующие последовательно выполняемые шаги проверки:

− восприятие информации (пример: оценка поездной обстановки);

− анализ информации (пример: определение свободного пути, определение свободного и подходящего согласно специализации пути и т.д.);

− определение действий, согласно выводам анализа (пример: планирование нажатий на кнопки, переключение рукояток стрелочных переводов и т.д.);

− производство запланированных действий (пример: перевод стрелки под подвижным составом, неверно указанное место остановки на перегоне в бланке ДУ-64).

При возникновении технологических нарушений определяется шаг, в котором была допущена ошибка. Например, неверно воспринятая команда машинистом (шаг 1) или перевод стрелки, не входящей в маршрут (шаг 4).

Рассмотрим пример применения таксономии ошибок Дж. Рауза и Т. Свенсона при событии «прием поезда на занятый путь» [6]. На рисунке 1 представлена схема распределении возможных ошибок, которые могут быть допущены дежурным по станции, согласно рассматриваемой модели.

Фактором нарушения восприятия информации может быть загруженность канала связи другими участниками переговоров (дежурные соседних станций, поездной диспетчер, другие машинисты и др.). Из-за этого может быть неверно воспринята информация машинистом о пути приема.

Принципы, лежащие в основе рассматриваемой таксономии, имеют схожие черты с принципами культуры безопасности. Разборы со студентами примеров технологических нарушений по алгоритму таксономии ошибок Дж. Рауза и Т. Свенсона позволят развить самоконтроль, самоорганизацию, способность самопроверки, понять важность каждого шага в последовательно выполняемых действиях будущих специалистов.

Список использованных источников

1. Доможирова А.Д. К вопросу освоения студентами регламента переговоров / А.Д. Доможирова, Чубарова И.А. // Культура. Наука. Образование. – 2024. – №. 2 (71). – С. 139-142.

2. Оленцевич В.А. Комплексный подход к повышению уровня успеваемости студентов инженерных специальностей / В.А. Оленцевич // Культура. Наука. Образование. – 2026. – № 2 (79). – С. 88-93.

3. Маловецкая Е.В. Влияние выбора места дислокации вспомогательных локомотивов на сокращение потерь от задержек поездов на участке / Е.В. Маловецкая, А.Д. Доможирова, А.А. Ковтун // Экономика железных дорог. – 2026. – № 5. – С. 32-45.

4. Царегородцева Е.Ю. Информационная безопасность в образовании / Е.Ю. Царегородцева, З.В. Деменчук З.В. // Культура. Наука. Образование. – 2025. – № 1 (74). – С. 93-98.

5. Свидетельство № 2025610834. Программа для автоматизации формирования и организации движения кольцевых маршрутных поездов/ А.Д. Доможирова, А.Л. Казаков: № 2024689888; заявл. 09.12.2024; зарегистр. 14.01.2025.

6. Царегородцева Е.Ю. Новые технологии в перевозочном процессе / Е. Ю. Царегородцева // Экономика железных дорог. – 2025. – № 7. – С. 47-53.

ON PSYCHOLOGICAL MODELS FOR ASSESSING THE HUMAN FACTOR AS A TOOL FOR FORMING A SAFETY CULTURE AMONG STUDENTS

A.D. Domojirova

Irkutsk State Transport University,
Irkutsk, Russia

Developing a safety culture in future train traffic management specialists is an important component of the educational process. During laboratory work, students examine the sequence of actions to be performed in various train and shunting situations. Instructors emphasize and demonstrate the importance of adhering to these procedures.

Using developed psychological models for assessing human factors, it is possible to break down each action within an algorithm into information processing stages. This approach will allow for a more detailed analysis of actions and the identification of potential risks of technological violations. Using the error taxonomy of J. Rouse and T. Swenson as a tool can help foster a culture of safety in students.

Keywords: psychological model, human factor, safety culture, technological violations, error taxonomy.

УДК 336.225

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЫЕЗДНЫХ НАЛОГОВЫХ ПРОВЕРОК КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ СОБСТВЕННЫХ ДОХОДОВ БЮДЖЕТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.А. Детистова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Россия

В статье рассматривается эффективность выездных налоговых проверок как одной из эффективных форм налогового контроля. Она обеспечивается путем применения налоговыми органами системы мероприятий налогового администрирования, четко установленных нормами Налогового кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: налоговый контроль, выездные проверки, налоговые органы, налоговый учет, налоговое законодательство.

Среди форм налогового контроля, ведущее место занимают налоговые проверки, которые являются самой распространенной формой контроля, позволяющей наиболее эффективно отслеживать деятельность налогоплательщика [1].

В соответствии со статьей 87 Налогового кодекса РФ, налоговые проверки подразделяются на камеральные и выездные [2].

Проблема повышения эффективности налоговых органов является одним из основных аспектов налогового администрирования, ввиду того, что с одной стороны, ФНС играет главную роль в формировании и наполнении бюджета государства, а с другой – для осуществления деятельности требуются существенные бюджетные расходы [3].

Для анализа эффективности работы контрольных органов были использованы данные формы №2-НК «Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов» [4-7]. Проанализировав работу налоговых органов за 2022–2025 гг., можно сделать следующие выводы.

Количество выездных проверок в Российской Федерации сократилось на 46,97%. Количество выездных проверок, которые выявили нарушения, также сократилось на 45,57%. Дополнительно начисленные платежи (включая налоговые санкции) сократились на 17,08%. Эффективность работы контрольных органов в части выездных проверок, которые выявили нарушения, увеличилась на 2,51%. Эффективность работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к общему количеству выездных проверок увеличилась на 56,36%. Эффективность работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к количеству выездных проверок, которые выявили нарушения, также увеличилась на 52,33%.

Количество выездных проверок в Южном федеральном округе сократилось на 282 единицы. Количество выездных проверок в Южном федеральном округе, которые выявили нарушения, также сократилось на 257 единиц. Дополнительно начисленные платежи (включая налоговые санкции) в Южном федеральном округе сократились на 4 069 024 тыс. руб. Эффективность работы контрольных органов в части выездных проверок в Южном федеральном округе, которые выявили нарушения, увеличилась на 2,34%. Эффективность работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) в Южном федеральном округе к общему количеству выездных проверок в Южном федеральном округе увеличилась на 6010,88 тыс. руб. Эффективность работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) в Южном федеральном округе к количеству выездных проверок в Южном федеральном округе, которые выявили нарушения, также увеличилась на 5534,08 тыс. руб.

Наименьшее сокращение количества выездных проверок приходится на Республику Адыгея 2 единицы. Наибольшее сокращение количества выездных проверок приходится на Краснодарский край 137 единиц. Количество выездных проверок в Волгоградской области сократилось на 31 единицу, что в среднем является неудовлетворительным показателем среди регионов Южного федерального округа.

Наименьшее сокращение количества выездных проверок, которые выявили нарушения, приходится на Республику Адыгея 2 единицы. Наибольшее сокращение количества выездных проверок, которые выявили нарушения,

приходится на Краснодарский край 127 единиц. Количество выездных проверок, которые выявили нарушения, в Волгоградской области сократилось на 28 единиц, что в среднем является неудовлетворительным показателем среди регионов Южного федерального округа.

Наибольшее увеличение дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) приходится на г. Севастополь 795 201 тыс. руб. Наибольшее сокращение дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) приходится на Краснодарский край 2 894 630 тыс. руб. Дополнительно начисленные платежи (включая налоговые санкции) в Волгоградской области сократились на 1 750 399 тыс. руб., что в среднем является неудовлетворительным показателем среди регионов Южного федерального округа.

Наибольшая эффективность работы контрольных органов в части выездных проверок, которые выявили нарушения, приходится на г. Севастополь 100,00%, 100,00%, 100,00% и 100,00% соответственно, но при этом наибольшее увеличение эффективности работы контрольных органов в части выездных проверок, которые выявили нарушения, приходится на Астраханскую область 28,57%. Наименьшая эффективность работы контрольных органов в части выездных проверок, которые выявили нарушения, приходится на Республику Калмыкия 94,74%, 66,67%, 100,00% и 100,00% соответственно, но при этом в 2025 году по сравнению с 2022 годом ни в одном регионе Южного федерального округа не произошло сокращение эффективности работы контрольных органов в части выездных проверок, которые выявили нарушения. Эффективность работы контрольных органов в части выездных проверок, которые выявили нарушения, в Волгоградской области составила 97,14%, 100,00%, 100,00% и 100,00% соответственно, что в среднем является хорошим показателем среди регионов Южного федерального округа. Увеличение эффективности работы контрольных органов в части камеральных проверок, которые выявили нарушения, в Волгоградской области составило 2,86%, что в среднем является хорошим показателем среди регионов Южного федерального округа.

Наибольшая эффективность работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к общему количеству выездных проверок приходится на Республику Крым 81401,40 тыс. руб., 49878,46 тыс. руб., 26715,00 тыс. руб. и 87399,06 тыс. руб. соответственно, но при этом наибольшее увеличение эффективности работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к общему количеству выездных проверок приходится на г. Севастополь 100020,73 тыс. руб. Наименьшая эффективность работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к общему количеству выездных проверок приходится на Краснодарский край 20032,57 тыс. руб., 12509,89 тыс. руб., 15377,93 тыс. руб. и 19532,01 тыс. руб. соответственно, но при этом наибольшее сокращение эффективности работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к общему количеству выездных проверок приходится на Волгоградскую область

9850,52 тыс. руб. Эффективность работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к общему количеству выездных проверок в Волгоградской области составила 32950,34 тыс. руб., 17258,57 тыс. руб., 14855,03 тыс. руб. и 23099,82 тыс. руб. соответственно, что в среднем является удовлетворительным показателем среди регионов Южного федерального округа. Сокращение эффективности работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к общему количеству выездных проверок в Волгоградской области составило 9850,52 тыс. руб., что в среднем является худшим показателем среди регионов Южного федерального округа.

Наибольшая эффективность работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к количеству выездных проверок, которые выявили нарушения, приходится на Республику Крым 81401,40 тыс. руб., 49878,46 тыс. руб., 27783,60 тыс. руб. и 87399,06 тыс. руб. соответственно, но при этом наибольшее увеличение эффективности работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к количеству выездных проверок, которые выявили нарушения, приходится на г. Севастополь 100020,73 тыс. руб. Наименьшая эффективность работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к количеству выездных проверок, которые выявили нарушения, приходится на Краснодарский край 20943,14 тыс. руб., 13463,03 тыс. руб., 15712,24 тыс. руб. и 20136,09 тыс. руб. соответственно, но при этом наибольшее сокращение эффективности работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к количеству выездных проверок, которые выявили нарушения, приходится на Волгоградскую область 10819,65 тыс. руб. Эффективность работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к количеству выездных проверок, которые выявили нарушения, в Волгоградской области составила 33919,47 тыс. руб., 17258,57 тыс. руб., 14855,03 тыс. руб. и 23099,82 тыс. руб. соответственно, что в среднем является удовлетворительным показателем среди регионов Южного федерального округа. Сокращение эффективности работы контрольных органов в части дополнительно начисленных платежей (включая налоговые санкции) к количеству выездных проверок, которые выявили нарушения, в Волгоградской области составило 10819,65 тыс. руб., что в среднем является худшим показателем среди регионов Южного федерального округа.

Исходя из проведенного анализа деятельности ФНС России, МИ ФНС России по Южному федеральному округу, УФНС России по Республике Адыгея, УФНС России по Республике Калмыкия, УФНС России по Республике Крым, УФНС России по Краснодарскому краю, УФНС России по Астраханской области, УФНС России по Волгоградской области, УФНС России по Ростовской области, УФНС России по г. Севастополю, можно сделать вывод, что система ФНС достаточно эффективно проводит работу по выявлению недобросовестных

налогоплательщиков, увеличивая доначисления и одновременно снижая суммы недоимок по налогам и сборам.

Список использованных источников

1. Джураев Р.Н. Налоговая проверка как основная форма налогового контроля / Джураев Р.Н. // Сб. IV Международной научно-практической конференции «Научные достижения в XXI веке: модернизация, инновации, прогресс», г.-к. Анапа, 01 июня 2022 г. – Анапа: Издательство «НИЦ ЭСП» в ЮФО, 2022. – С. 33.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2026) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/

3. Анисимов А.Л. Эффективность налогового администрирования в налоговой системе Российской Федерации / Анисимов А.Л. // Journal of new economy. – 2015. – № 1. – С. 24.

4. Отчет по форме № 2-НК (2022) [Электронный ресурс] // URL: https://www/nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/12241965/

5. Отчет по форме № 2-НК (2023) [Электронный ресурс] // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/13646654/

6. Отчет по форме № 2-НК (2024) [Электронный ресурс] // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/14897956/

7. Отчет по форме № 2-НК (2025) [Электронный ресурс] // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/16246476/

ENHANCING THE EFFECTIVENESS OF FIELD TAX AUDITS AS A FACTOR IN INCREASING THE OWN REVENUES OF THE BUDGETS OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

D. A. Detistova

Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPA, Volgograd, Russia

The article examines the effectiveness of field tax audits as one of the effective forms of tax control. This is ensured through the application by tax authorities of a system of tax administration measures clearly established by the norms of the Tax Code of the Russian Federation.

Keywords: tax control, field audits, tax authorities, tax accounting, tax legislation.

УДК 339.3

УПРАВЛЕНИЕ ЗАКУПКАМИ НА РЫНКЕ ПЕРВИЧНЫХ АВТОЗАПЧАСТЕЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Т.Е. Евтодиева

Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Динамика рыночных изменений требует адаптации бизнес-процессов в области закупок к специфике текущего момента. В работе на примере дистрибьютера рассматривается опыт организации и управления закупками применительно к рынку первичных автозапчастей.

Ключевые слова: закупки, рынок первичных автозапчастей, управление закупками, функционал закупочных подразделений.

В основе процесса управления закупочной деятельностью в настоящее время лежит ориентация на потребителя, более детальное понимание его потребностей, углубленный анализ рисков по каждому процессу цепи поставок и адекватные анализ и оценка текущей ситуации, стремление к лучшему качеству с меньшими по отношению к конкурентам затратами. Динамично меняющаяся экономическая обстановка, в которой осуществляются поставки, с ее циклами профицита и дефицита, варьирующимися ценами, временем выполнения заказов, создают среду постоянных вызовов для предприятий, стремящихся получить максимальную выгоду.

Развитие бизнеса в сегменте реализации автозапчастей в России на текущем этапе обусловлено сложной и неоднозначной динамикой изменения внешнеполитических и экономических факторов. С одной стороны, политические санкции привели к возникновению торговых ограничений и существенному удорожанию импортных автомобилей на внутреннем рынке. С другой стороны, государственная политика в данный период была направлена на раскрытие потенциала отечественных предприятий, что способствовало значительному росту объемов производства и сбыта автомобилей российского производства [1, с.14]. Особо остро в текущих реалиях стоят вопросы организации закупок и поставок требуемой продукции от иностранных поставщиков в виду санкционных ограничений и трансформации систем товарообеспечения на рынке первичных автозапчастей.

Первичный рынок запчастей (OEM-рынок) - это рынок, для которого характерна продажа оригинальных автозапчастей. Детали первичного рынка никак не отличаются от тех, что используются при сборке автомобилей на автосборочных предприятиях автоконцернов, что гарантирует покупателю приобретение качественной детали от надежного производителя. Если еще в 2010 г доля этого сегмента составляла около 80%, то сегодня на смену высококачественным оригинальным запчастям и продукции всемирно известных марок пришли компоненты с «умеренным контролем» из Китая, Турции и России [2]. С российского рынка ушли производители и официальные представители многих зарубежных

компаний и брендов из–за введения санкций. В самом большом объеме санкции на рынке автомобильных запасных частей коснулись Европейских и Южнокорейских производителей. Официально заявили о прекращении деятельности или поставок в Россию и ушли из рынка такие бренды, как MOBIS (Hyundai/Kia); NGK; Denso; Gates; Schaeffler Group. На фоне этих изменений в рынке автозапчастей выросла доля параллельного импорта и зарубежных закупок. Так же, изменились правила рынка, в отсутствии прямого контроля со стороны компаний производителей, ценообразование стало более гибким и свободным. Ценообразованием могут заниматься компании дистрибьюторы основываясь на собственной политике, а не зависеть от установленных производителями рекомендованных оптовых цен.

Однако, потребители по-прежнему хотят приобретать для своих автотранспортных средств оригинальную продукцию. В результате продавцам, работающих в сфере продажи автозапчастей на первичном рынке приходится искать новые способы управления закупками.

Рассмотрим подходы к организации закупок на примере крупного дистрибьютера ООО «АвтоСоюз», специализирующегося на оптовой продаже запасных частей и комплектующих высокого качества для легковых и коммерческих автомобилей крупнейших мировых производителей и входящем в десятку лидеров отрасли в Южном федеральном округе.

Ключевыми преимуществам компании являются наличие прямых контрактов со многими производителями автозапчастей, что предоставляет возможность предложить оригинальную продукцию по конкурентным ценам и достаточном количестве, наличие дилерских и дистрибьюторских контрактов, а также эксклюзивных контрактов с производителями и поставщиками запасных частей. В широкое портфолио партнёров компании входят такие мировые бренды, как KYB, по продажам и ассортименту которого, компания занимает лидирующие позиции, Sangsin, Valeo, Sachs, Bosch, CTR, ILJIN, Denso, NGK, As Metal, SKF, Asam Automotive и другие мировые бренды производителей запасных частей. Компания ООО «АвтоСоюз» осуществляет внешнеэкономическую деятельность посредством импорта продукции из свыше десятка разных стран, в числе которых ряд европейских стран, ОАЭ, Корея и т.д.

Закупочной деятельностью в компании параллельно занимаются три подразделения компании – отдел снабжения, отдел ВЭД и отдел ассортимента. Такое распределение закупочной деятельности компании помогает правильно координировать огромный поток закупаемых товаров. ООО «АвтоСоюз» предлагает клиентам свыше более 10 000 000 артикулов запчастей, из которых более 100000 SKU имеются в наличии.

Рассмотрим функционал структурных подразделений, выполняющих закупочные процедуры.

Отдел снабжения координирует закупочную деятельность компании по отечественным брендам автозапчастей и контролирует отношения с поставщиками по всей России. По сути, отдел снабжения отвечает за несколько ключевых функций. Во–первых, он проводит анализ рынка отечественных производителей автозапчастей для определения необходимых брендов, которые пользуются

спросом на рынке России. Во–вторых, отдел снабжения устанавливает отношения с производителями и поставщиками отечественных брендов автозапчастей, ведёт переговоры с их торговыми представителями и подписывает дилерские соглашения с ними для дальнейшей организации поставок. Чтобы обеспечить наличие необходимого ассортимента в нужное время и в достаточном количестве, отдел снабжения компании активно занимается планированием объема закупок. Этот процесс включает в себя анализ рыночного спроса, статистику продаж и потребности компании и выявление сезонных колебаний.

Кроме того, отдел снабжения тесно сотрудничает с другими подразделениями компании, такими как отдел продаж, предоставляя им актуальную информацию от производителя относительно правильной комплектности, внешнего вида, технических характеристик и гарантийных сроков продукции.

В условиях новых реалий рынка и геополитической ситуации в России, из–за санкций, страну покинуло большое количество зарубежных производителей и официальных представителей зарубежных производителей автозапчастей. В связи с этим предприятие столкнулось с проблемой обеспечения клиентов качественными запасными частями зарубежных производителей. В результате сформировалась необходимость в осуществлении внешнеэкономической закупочной деятельности, что потребовало в закупочную систему интегрировать структурное подразделение, занимающееся поставками продукции из-за рубежа- отдел ВЭД. Отдел ВЭД координирует международную закупочную деятельность компании по зарубежным и оригинальным (OEM) брендам автозапчастей и контролирует отношения с зарубежными поставщиками и заводами–изготовителями в странах Европы, Азии и в ОАЭ. Отдел ВЭД осуществляет стратегический анализ рынка, занимается установлением долгосрочных партнерских отношений с производителями, ведет переговоры и подписывает международные контакты по поставкам автозапчастей, осуществляет контроль на каждом этапе цепи поставок в отношениях с зарубежными поставщиками и производителями. Деятельность отдела ВЭД ООО «АвтоСоюз» представляет собой сложный комплекс мер по управлению международными цепями поставок, включающий стратегический поиск партнеров, валютный контроль и таможенное администрирование.

Отдел ассортимента играет ключевую стратегическую роль в структуре компании и его роль заключается в адаптации и развития предложения компании к меняющимся запросам и развитию автомобильного рынка. Отдел ассортимента анализирует перспективные номенклатурные группы, определяет спрос на новые бренды. Специалисты отдела проводят первичные переговоры с представителями потенциально интересных брендов, выполняют контрольную закупку пробной партии и анализируют динамику спроса на новую линейку. После чего отделом выполняется анализ потенциального объема возможной партии закупок, после чего соответствующие данные передаются менеджерам отделов снабжения и ВЭД для дальнейшего ведения взаимоотношений с поставщиками и обеспечить требуемое количество, качество и глубину ассортимента.

Таким образом, применяемый подход к управлению закупочной деятельностью в дистрибутивной компании позволяет грамотно формировать

ассортиментную политику предприятия с учетом реального платежеспособного спроса, рыночных трендов и геополитической ситуации.

Список использованных источников

1. Баранова, А.А., Спиридонова, Г.В., Королёв, С.А. Специфика российского автобизнеса в сегменте продажи автозапчастей: тенденции, структура и ценообразование /А.А. Баранова, Г.В. Спиридонова, С.А. Королев // ЭСГИ.- 2019. -№4 (24)._С.13-19.- DOI: 10.24151/2409-1073-2019-4-13-19.- EDN: QKKWTJ

2. Ноунейм детали вытесняют оригинал. В России возникли риски с ТО иномарок. [Электронный ресурс]. - URL:// https://www.autonews.ru/news/6a32a0f99a7947e08cea86f7?ysclid=mrc4oqphdf817431809

MANAGING PURCHASES IN THE PRIMARY AUTOMOBILE PARTS MARKET UNDER SANCTIONS

T.E. Evtodieva

Rostov State University of Economics,
Rostov-on-Don, Russia

Dynamic market changes require adapting procurement business processes to the current situation. Using a distributor as an example, this paper examines the organization and management of procurement in the aftermarket auto parts market.

Keywords: procurement, aftermarket auto parts market, procurement management, procurement functions.

УДК 372.893

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ ВСЕОБЩЕЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Ю.В. Жерлицына, Н.А. Приходько, О.В. Вертелецкая, Н.А. Косинова

Белгородский институт развития образования,
г. Белгород, Россия

Статья рассматривает историческое просвещение в современном российском образовании как средство патриотического воспитания, формирования гражданской идентичности и защиты исторической правды.

Авторы подчёркивают, что цель исторического просвещения – не механическое заучивание фактов, а формирование у обучающихся: целостного и осмысленного взгляда на историческое развитие; навыков критического анализа информации для противодействия фальсификациям; духовно-нравственной культуры и общероссийской гражданской идентичности; активной гражданской позиции и патриотизма.

В статье подробно рассматривается структура исторического образования через взаимосвязь учебных курсов: «Всеобщая история» (глобальные процессы и развитие цивилизаций); «История России» (национальный контекст и вклад народов страны в мировую культуру); «История нашего края» (локальные процессы и их связь с общероссийскими и мировыми событиями); «Обществознание» (анализ современных социально-политических институтов).

В рамках методической организации уроков истории особое внимание уделяется реализации дифференцированного подхода, использованию разноплановых дидактических материалов, формированию навыков работы с историческими источниками, внедрению контрольно-измерительных материалов (КИМ) в образовательный процесс и обеспечению эффективной подготовки обучающихся к государственной итоговой аттестации (ОГЭ). Авторы анализируют современные вызовы для исторического образования, среди которых: информационная перегрузка, фрагментарность знаний, противоречивость источников и разнообразие интерпретаций истории.

Заключение подводит к выводу: системное историческое просвещение позволяет создать единое образовательное пространство, сформировать у учащихся целостное мировоззрение, развить чувство гражданской ответственности и бережное отношение к историческому наследию. Кроме того, оно выступает надёжным инструментом защиты исторической правды перед лицом современных информационных вызовов. Изучение истории становится инструментом формирования мировоззрения, способного укреплять единство общества и противостоять фальсификациям.

Ключевые слова: историческое просвещение, патриотическое воспитание, гражданская идентичность, национальная история, методическая организация обучения, защита исторической правды, всеобщая история, история России.

Историческое просвещение в образовании представляет собой системную, регулируемую государством деятельность, ориентированную на широкое распространение достоверных и научно обоснованных исторических знаний. В рамках общеобразовательной деятельности оно направлено на формирование у обучающихся научного понимания истории, укрепление исторической памяти и развитие гражданской идентичности, что закреплено законодательными актами, в том числе законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и Указом Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики в области исторического просвещения» [1] [2].

Цель исторического просвещения – не столько механическое освоение фактов, сколько формирование целостного и осмысленного взгляда на историческое развитие. Оно включает в себя повышение уровня знаний о ключевых событиях, датах и личностях, а также развитие навыков критического анализа исторической информации, позволяющих противостоять фальсификациям и интерпретациям, дезориентирующим общество. Важной задачей является также воспитание духовно-нравственной культуры через осознание историко-культурного

наследия и традиций, что способствует формированию общероссийской гражданской идентичности [2].

Отличие исторического просвещения от простого заучивания фактов заключается в комплексном и системном подходе к образованию, предусматривающем работу с разнообразными источниками, критическую оценку информации и закрепление исторических знаний в повседневной жизни. Такой подход требует использования различных форм деятельности: урочных занятий, внеурочных мероприятий, конкурсов и исследовательской работы, что способствует закреплению и расширению полученных знаний [5].

Учитывая национальные приоритеты развития РФ до 2036 года, историческое просвещение нацелено не только на передачу знаний, но и на воспитание гражданской ответственности и патриотизма через использование новых образовательных инструментов. Акцент на личностном росте обучающихся и вовлечении в проекты патриотического воспитания подтверждает интеграцию исторического образования с задачами формирования активной гражданской позиции [3].

Для формирования многомерного исторического сознания необходимо обеспечить изучение взаимосвязанных учебных курсов, каждый из которых раскрывает определённый аспект исторического и социального развития. Ключевую роль в этом играют: учебный предмет «История», объединяющий три содержательных блока:

– «Всеобщая история» – даёт представление о глобальных процессах и развитии мировых цивилизаций;

– «История России» – формирует понимание национальной истории и её места в мировом контексте;

– «История нашего края» – позволяет осмыслить локальные исторические процессы и их связь с общероссийскими и мировыми событиями.

Учебный предмет «Обществознание» – дополняет историческую картину анализом современных социально-политических институтов и процессов.

Интеграция этих курсов обеспечивает системное понимание исторического развития – от глобальных цивилизационных трендов до региональной специфики – и помогает учащимся увидеть преемственность и взаимосвязь исторических событий с современной социальной реальностью.

Историческое просвещение выстраивает баланс между изучением всемирной и российской истории. Всеобщая история даёт контекст: показывает глобальные тенденции, причины и следствия ключевых событий, место России в системе международных отношений. Например, изучение эпохи Великих географических открытий или Наполеоновских войн помогает понять, как мировые процессы влияли на развитие России. Отечественная история раскрывает уникальный путь страны, её цивилизационные особенности, вклад народов России в мировую культуру и науку. Через неё формируется осознание национальной идентичности и преемственности традиций. «История нашего края» расширяет локальную историческую перспективу, приобщая обучающихся к событиям, традициям и культурным особенностям своей непосредственной среды. Изучение истории региона способствует более глубокому личностному включению в

историческое пространство, укрепляет чувство принадлежности и уважение к культурному наследию, что положительно влияет на патриотическую направленность образовательного процесса.

Пример взаимосвязи: анализ причин Первой мировой войны в рамках всеобщей истории позволяет проследить их прямую связь с революционными событиями 1917 года в России (отечественная история), а также выявить специфику их проявления и последствия на региональном уровне.

Методическая организация уроков истории является необходимым условием обеспечения высокого качества исторического образования. Она позволяет структурировать учебный процесс таким образом, чтобы обеспечить целостность и системность восприятия исторического материала, создавая условия для формирования прочных знаний и умений у школьников.

Основой методической организации служит дифференцированный и вариативный подход к построению содержания уроков, который предполагает адаптацию программ и заданий с учетом индивидуальных особенностей и уровней подготовки обучающихся. Это способствует более глубокому усвоению учебного материала и развитию умений анализировать и интерпретировать исторические события с разных позиций. Сочетание аудиторной и самостоятельной работы, дополненное практическими и проектно-исследовательскими заданиями, способствует закреплению знаний. Кроме того, методическая организация предусматривает применение разнообразных дидактических материалов и интерактивных приемов, направленных на развитие умений смыслового чтения и критической работы с историческими источниками.

Методическая организация образовательного процесса должна включать систематическую оценку результатов обучения. Оптимальным инструментом для этого выступает применение контрольно-измерительных материалов (КИМ) и заданий в формате основного государственного экзамена (ОГЭ). Важно также работать с понятийным аппаратом через терминологические диктанты, кроссворды и задания на поиск ошибок, что укрепляет владение исторической терминологией и систематизирует знания [6].

Эффективное планирование, основанное на изучении спецификации экзаменационных заданий и демоверсий, позволяет создавать сквозное тематическое планирование, охватывающее различные этапы обучения с 5 по 9 класс. Контроль освоения материала включает текущий и тематический контроль знаний, обеспечивая своевременную коррекцию образовательного процесса и выявление затруднений [6].

Особое внимание уделяется организации работы с историческими источниками, что развивает навыки критического мышления и умение анализировать документы. Использование источников является неотъемлемой частью методики, позволяя обучающимся переходить от пассивного восприятия фактов к активному исследовательскому подходу [6].

Педагогам рекомендуется опираться на современные требования федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), которые предъявляют высокие требования к содержанию и организации уроков истории. Методические пособия и рекомендации помогают учителям реализовывать

учебный процесс с учетом новейших методик, поддерживая развитие смыслового восприятия и аналитических навыков у обучающихся.

Таким образом, системная и методически продуманная организация уроков истории создает основу для формирования целостного и критического восприятия исторического материала, обеспечивая прочность и глубину знаний обучающихся. При последовательном применении описанных принципов и инструментов существенно повышается эффективность исторического образования и формируется качественное историческое сознание.

Изучение отечественной истории в рамках исторического просвещения играет ключевую роль в формировании у обучающихся патриотизма и гражданской идентичности. Национальная история на уроках позволяет учащимся почувствовать связь с великим прошлым своей страны, осознать значимость культурного наследия и исторических подвигов, что способствует развитию чувства принадлежности и ответственности за будущее Родины. Исторический материал создаёт основу для воспитания устойчивых нравственных и гражданско-патриотических ценностей, являющихся фундаментом формирования осознанной гражданской позиции [4][5].

Патриотическое воспитание через изучение российской истории особенно эффективно, когда акцентируется внимание на ключевых событиях и героях, например, на Отечественной войне 1812 года и Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, в том числе об участниках специальной военной операции. Через рассказы о подвиге народа, его стойкости и самопожертвовании формируется чувство гордости и уважения к предкам, что стимулирует воспитание патриотизма на эмоциональном и интеллектуальном уровнях. Такие исторические эпизоды становятся символами национального единства и источником вдохновения для молодого поколения [4][8].

Кроме того, изучение национальной истории способствует укреплению национальной идентичности, которая не сводится только к знанию фактов, а включает осознание своей роли в историческом процессе и культуры страны. Этот процесс поддерживается не только через уроки истории, но и через активные формы работы – проектную деятельность, исследование семейных архивов и истории родного края, что помогает учащимся лично связать себя с национальным наследием и почувствовать сопричастность к общей исторической судьбе [7].

Качественное историческое образование, ориентированное на развитие гражданской позиции, требует не только передачи знаний, но и формирования у обучающихся ответственности за судьбу своей Родины, осознания необходимости уважения к культурным ценностям и традициям. Именно системное и осмысленное изучение истории становится фактором, обеспечивающим формирование у молодежи активной гражданской позиции и готовности к конструктивному участию в жизни общества [3][7].

Историческое просвещение, построенное на глубоком изучении отечественной истории, – это фундамент патриотического воспитания. Оно укрепляет национальную идентичность и помогает молодым людям осознать свою принадлежность к стране. Грамотно выстроенные учебные программы по национальной

истории воспитывают сознательных граждан: тех, кто умеет критически осмысливать прошлое и готов активно участвовать в построении будущего своего общества. [2][5].

Современное историческое образование сталкивается с рядом сложных вызовов, обострившихся в условиях цифровой информационной эпохи. Информационная перегрузка приводит к тому, что обучающиеся часто получают разрозненные и поверхностные сведения, не успевая выстроить из них связное, целостное понимание исторических процессов. Одновременно с этим возникает проблема фрагментарности знаний, когда исторические факты изучаются без должной взаимосвязи и глубокого осмысления, что негативно сказывается на формировании критического мышления и устойчивой исторической памяти.

Другая значимая проблема связана с противоречивостью источников и разнообразием интерпретаций истории, что создает у обучающихся трудности в отделении научных данных от идеологических и мифологических построений.

Таким образом, историческое просвещение создаёт единое образовательное пространство, где всеобщая и отечественная история дополняют друг друга; формирует у обучающихся целостную картину мира, сочетающую глобальные и национальные аспекты; воспитывает гражданскую ответственность и уважение к историческому наследию; обеспечивает защиту исторической правды в условиях информационных вызовов.

Благодаря этому подходу изучение истории становится не просто усвоением дат и событий, а инструментом формирования мировоззрения, способного противостоять фальсификациям и укреплять единство общества.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 20.08.2026).

2. Указ Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики в области исторического просвещения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476013/ (дата обращения: 20.08.2026)

3. Указ Президента РФ 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519680/ (дата обращения 01.09.2026).

4. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Историческое образование как фактор формирования российской гражданской идентичности и исторического сознания школьников // Нижегородское образование. 2024. № 1. С. 6-18.

5. Вяземский Е.Е. Историческое просвещение в современной России: сущность, специфика, задачи // Инновационные проекты и программы в образовании. 2025. № 5(101). С. 32-39.

6. Дятлова Е.Н. Историческое просвещение в системе общего образования: научные основы и образовательная практика// Человек и образование 2025. № 1. С. 92-102.

7. Гаврилова Э. Д. Историческое просвещение – новое направление деятельности современного российского государства // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – Т. 5–6 (92). – С. 86–88.

8. Павлов В. С. Роль исторического просвещения в государственной идеологии России / В. С. Павлов // Государство и право. – 2025. – Т. 33, № 1. – С. 27–32.

HISTORICAL EDUCATION AS THE FOUNDATION FOR THE STUDY OF WORLD AND NATIONAL HISTORY

Yu.V. Zherlitsyna, N.A. Prikhodko, O.V. Verteletskaya, N.A. Kosinova

Belgorod Institute for Education Development,
Belgorod, Russia

The article discusses the main problems of organizing advanced training on the example of teachers in terms of the existing legal contradictions. The authors identify priority areas of work to address the identified problems.

Keywords: historical education, patriotic upbringing, civic identity, national history, methodological organization of teaching, protection of historical truth, universal history, history of Russia

УДК 332.14

КАК КАЧЕСТВО ДОРОГ ВЛИЯЕТ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ

А.В. Залетов

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена анализу влияния качества автомобильных дорог на экономическую устойчивость регионов России. Рассматриваются механизмы воздействия дорожной инфраструктуры на региональное развитие через снижение транспортных издержек, расширение рынков сбыта и повышение мобильности населения. На основе данных о реализации национальных проектов и Стратегии пространственного развития выявляются ключевые эффекты и региональные диспропорции в доступности качественной дорожной сети.

Ключевые слова: качество дорог, региональная устойчивость, транспортная инфраструктура, пространственное развитие, транспортные издержки.

Качество автомобильных дорог является одним из ключевых факторов, определяющих устойчивость региональных экономик в России. Сеть

автомобильных дорог обеспечивает экономическую целостность, высокую скорость перемещения пассажиров и грузов, а также повышает качество жизни населения . Как отмечает ведущий эксперт Института экономики транспорта и транспортной политики НИУ ВШЭ Андрей Борисов, «основные механизмы влияния развития сети на экономический рост базируются на снижении транспортных издержек, расширении рынков сбыта и росте мобильности трудовых ресурсов». Развитие транспортного комплекса напрямую влияет на социально-экономическое развитие регионов, промышленности и всегда является одним из важнейших факторов улучшения качества жизни людей. Цель настоящей статьи – систематизировать данные о влиянии качества дорог на экономическую устойчивость регионов России и выявить ключевые вызовы и перспективы развития дорожной инфраструктуры [1].

Качественные дороги создают мультипликативный эффект для региональной экономики. По оценке заместителя директора дорожно-строительного института МАДИ Сергея Дмитриева, «снижение транспортных издержек на 10–15% ускоряет товарооборот и рост производительности. Количественная оценка показывает: каждый рубль инвестиций в дорожное строительство генерирует 2,5–3 руб. прироста валового регионального продукта в горизонте 3–5 лет». Этот эффект возникает благодаря тому, что снижение транспортных издержек позволяет предприятиям расширять рынки сбыта, снижать себестоимость продукции и повышать конкурентоспособность.

Исследования зарубежных экономистов подтверждают аналогичные закономерности. Анализ воздействия инвестиций в дорожную инфраструктуру на экономику регионов Евросоюза показал, что эффекты от снижения транспортных издержек существенно различаются между регионами. Наибольший прирост реального ВВП наблюдается в регионах Центральной и Восточной Европы, где сосредоточены основные инвестиции. Регионы, расположенные вблизи зон инвестирования, получают ограниченные положительные эффекты в виде перетока выгод, тогда как более удалённые регионы и страны за пределами ЕС испытывают незначительные негативные последствия. Эта закономерность демонстрирует, что качество дорог не только ускоряет экономический рост в «лидирующих» регионах, но и может усиливать межрегиональные диспропорции, если развитие инфраструктуры носит точечный характер [2].

Помимо прямого экономического эффекта, качество дорог оказывает значительное влияние на социальную устойчивость регионов. Эксперты подчёркивают, что национальный проект «Безопасные качественные дороги» был направлен на снижение неравенства – не только материального, но и неравенства в доступности базовых услуг. Как поясняла эксперт Юлия Грязнова, «появление нормальной дороги, по которой может проехать любой транспорт, а не только сложный вездеход, привело для сельских жителей к доступности базовых услуг. Сельские жители теперь могут доехать до города, где этот самый базовый набор услуг существует». Таким образом, качественные дороги обеспечивают доступность образования, здравоохранения и учреждений культуры для жителей сельских территорий.

Особую роль играет доступность дорог для людей с ограниченными возможностями здоровья. С развитием инфраструктуры эта категория граждан получила возможность более свободно перемещаться и вести активную жизнь. Кроме того, улучшение качества дорог стимулирует развитие автотуризма, что особенно важно для регионов с туристическим потенциалом, создавая дополнительные рабочие места и диверсифицируя экономику территорий. Вместе с тем в сельских районах проблема остаётся острой: по данным статистики, 9% региональных дорог и 41% местных дорог не имеют твёрдого покрытия, а ни один субъект РФ не был на 100% обеспечен подъездами к сельским населённым пунктам [3].

Несмотря на прогресс, достигнутый в рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги», завершённого в 2024 году, не удалось в полной мере устранить вызовы для экономической безопасности, связанные с высокой долей региональных и местных дорог, не соответствующих нормативным требованиям, недофинансированием дорожного хозяйства, низкими темпами инновационного развития и региональной дифференциацией в качестве дорожной сети . Анализ показывает, что регионы существенно различаются как по уровню экономического развития, так и по климатическим условиям, что сильно влияет на стоимость ремонта, строительства и эксплуатации трасс [4].

При этом, как отмечает заведующий лабораторией транспортно-логистических систем Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Юрий Щербанин, «чтобы проект развития дорожной сети в регионе окупился, желательно иметь уже развитый местный бизнес – именно снижение его издержек и повышение эффективности даст импульс развитию территории». В этой связи особое значение приобретает синхронизация дорожного строительства с планами развития конкретных территорий. Как отмечает министр экономического развития Максим Решетников, «важно увязать национальные проекты и отраслевые стратегии с пространственными приоритетами и с особенностями территорий, чтобы не было случаев, когда производство построено, а дорог для вывоза продукции нет или не хватает электроэнергии» [5].

Таким образом, качество автомобильных дорог является значимым фактором экономической устойчивости регионов России. Его влияние проявляется по трём основным направлениям: экономическому (снижение транспортных издержек, рост производительности, мультипликативный эффект инвестиций в ВРП), социальному (доступность базовых услуг, снижение неравенства, повышение мобильности населения) и пространственному (связанность регионов, формирование опорной сети расселения). Однако эффективность дорожных инвестиций существенно варьируется в зависимости от экономической специализации и пространственных ограничений регионов.

Список использованных источников

1. Адаменко А. А. Влияние состояния транспортной системы на экономику региона / А. А. Адаменко, А. С. Цысов // Вестник Академии знаний. 2021. № 46 (5). С. 15-18.

2. Александренко А. С. Направления развития транспортной инфраструктуры и их стратегии / А. С. Александренко, А. С. Ильиных // Фундаментальные и прикладные вопросы транспорта. 2022. № 1 (4). С. 34-40.

3. Белов С. А. Развитие автотранспортной инфраструктуры Ставропольского края за период 2017-2021 гг. // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2022. № 3. С. 10-13.

4. Болданова Е. В. Оценка реализации индикаторов национального проекта «Безопасные качественные дороги» / Е. В. Болданова, Г. Н. Войникова // Социальные и экономические системы. 2022. № 3 (27). С. 204-222.

5. Ворошилов Н. В. Тенденции, проблемы и перспективы реализации национального проекта России «Безопасные качественные дороги» // Вопросы территориального развития. 2022. Т. 10. № 2. С. 1-18.

HOW THE QUALITY OF ROADS AFFECTS THE ECONOMIC STABILITY OF RUSSIA'S REGIONS

A.V. Zaletov

Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Saint Petersburg, Russia

The article is devoted to an analysis of the impact of the quality of roads on the economic stability of Russian regions. The mechanisms by which road infrastructure affects regional development through reducing transport costs, expanding sales markets, and increasing population mobility are examined. Based on data on the implementation of national projects and the Spatial Development Strategy, key effects and regional disparities in the availability of a high-quality road network are identified.

Keywords: road quality, regional stability, transport infrastructure, spatial development, transport costs.

УДК 316.627

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОД ГЕРОИЗМА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ТРАДИЦИЯ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, СОВРЕМЕННОСТЬ

Н.Н. Зименкова, П.В. Мусиец

Военная академия воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, г. Тверь, Россия

В статье исследуется преемственность цивилизационного кода героизма в русской культуре от былинного эпоса и Великой Отечественной войны к Специальной военной операции. На основе сравнительно-исторического анализа

выявлены ключевые архетипы подвига: крайнее самопожертвование, многонациональное братство и духовная преемственность. Показано, что современный героизм носит осознанный характер, что имеет важное прикладное значение для военно-патриотического воспитания.

Ключевые слова: цивилизационный код, массовый героизм, преемственность, Великая Отечественная война, Специальная военная операция, архетип, военно-патриотическое воспитание.

В условиях геополитической турбулентности и информационного давления на российское общество вопросы сохранения цивилизационной идентичности выходят на первый план. Одним из ключевых элементов этой идентичности является феномен массового героизма, воспринимаемый в отечественной культуре как органичная черта национального характера. С началом Специальной военной операции возникла необходимость переосмысления ратного подвига в контексте исторической традиции, что и обусловливает актуальность данного исследования.

В рамках цивилизационного подхода, восходящего к трудам Н. Я. Данилевского [2] и развиваемого в современных исследованиях А. С. Панарина [3], «цивилизационный код» понимается как глубинная, устойчивая матрица ценностных ориентиров, культурных архетипов и исторического опыта, определяющая специфику развития общества и его реакцию на внешние вызовы. Именно этот код, а не конъюнктурные политические установки, выступает фундаментом феномена массового героизма в русской культуре.

Исторически сложившаяся парадигма героизма, берущая начало в античности, базируется на триаде качеств: мужестве, стойкости и самоотверженности. По своей сути, героизм – это «определённая форма поведения человека, которая с нравственной позиции оценивается как подвиг» [1]. Это добровольное самопожертвование индивида ради достижения целей, имеющих фундаментальную ценность для общества, что обуславливает высшую степень общественного признания такого деяния.

Исторически традиция героизма на Руси транслировалась как непрерывный диалог поколений. Архетип воина-защитника, заложенный в былинном эпосе, где физическая мощь подчинена нравственному долгу, эволюционировал через сакрализацию воинского долга в эпоху Куликовской битвы (концепция «воинства христолюбивого») и формирование всесословного патриотизма в Отечественную войну 1812 года. Окончательная кристаллизация образа произошла в годы Великой Отечественной войны (ВОВ), когда советский воин синтезировал былинную удаль, духовное подвижничество и воинскую доблесть. Массовость подвига (от защитников Брестской крепости до множества случаев самопожертвования по типу подвига А. Матросова) стала отличительной чертой российской ментальности.

Ключевой особенностью ВОВ был её экзистенциальный, цивилизационный характер. Анализ источников позволяет реконструировать трёхкомпонентную мотивацию советского воина: 1) защита «малой родины» (семьи и дома); 2) нравственно обусловленное неприятие жестокости оккупантов; 3) феномен «окопного братства» и коллективной ответственности. К 1943 году героизм

трансформировался из отчаянного самопожертвования в «квалифицированный», представляющий собой синтез духовной стойкости и профессионального мастерства.

С началом СВО общество стало свидетелем возрождения модели героического поведения, которая в позднесоветский и постсоветский периоды воспринималась частью исследователей как утраченная. СВО выявила противоречие между либерально-индивидуалистическими ценностями, доминировавшими в публичном дискурсе 1990–2000-х годов, и коллективистской традицией российской воинской культуры, которая оказалась определяющей силой, мотивирующей десятки тысяч граждан.

Сравнительный анализ героических проявлений в ходе Специальной военной операции выявляет воспроизводство архетипических моделей поведения, сформированных в годы Великой Отечественной войны, но адаптированных к условиям высокотехнологичного конфликта.

Выделяются три ключевые параллели, подтверждающие преемственность героической традиции:

1. Феномен крайнего самопожертвования. Он проявляется как в мгновенных актах спасения товарищей (накрытие вражеской гранаты телом, вызов огня на себя, что является прямым аналогом подвига А. Матросова), так и в осознанных тактических решениях экипажей бронетехники, вступающих в заведомо неравный бой для спасения основных сил (современный аналог воздушных таранов ВОВ). Психологический механизм, устойчиво закреплённый в национальной культуре, срабатывает как нравственный императив: меняется лишь техническая обстановка (от дзота до дрона), но суть жертвы ради спасения сослуживцев остаётся неизменной.

2. Феномен многонационального братства. Как и в годы Великой Отечественной войны, когда представители всех народов СССР плечом к плечу обороняли Брестскую крепость и Дом Павлова, сегодня дагестанцы, буряты, тувинцы, чеченцы, якуты и русские совершают совместные подвиги, подчёркивая единство Российской Федерации как общего цивилизационного дома. Герой СВО – это не индивидуалистический образ, заимствованный из массовой культуры, а представитель многонационального воинства, объединённого понятием «русские» в широком культурно-цивилизационном смысле.

3. Духовная преемственность. Если в Советской армии основу идейно-воспитательной работы составлял институт политработников, апеллировавших к коммунистической идеологии, то в современной российской армии одним из значимых элементов мотивации является институт военного духовенства. Открытие полевых храмов, молебны перед боевым заданием, исповедь и причастие воинов возрождают традицию «воинства христолюбивого», исторически восходящую к эпохе Куликовской битвы.

Принципиально важным качественным отличием современного героизма является его осознанный и глубоко мотивированный характер. Если в 1941 году защита страны потребовала всеобщей мобилизации в условиях внезапной экзистенциальной угрозы, то в современных условиях значительную часть боевых задач решают добровольцы и профессиональные контрактники, сделавшие осознанный, зрелый выбор. Это поколение прошло через информационные войны и

скепсис, и их патриотизм является результатом личного, выстраданного анализа, а не только следствием коллективного давления. Многие бойцы сознательно идут на фронт, следуя семейной традиции: «Дед дошёл до Берлина, я не могу его подвести».

Разумеется, представленная модель не претендует на тотальное описание мотивации каждого отдельного военнослужащего, поскольку в условиях реальных боевых действий спектр побуждений всегда статистически вариативен. Однако именно героический архетип выступает доминирующим, системообразующим фактором, обеспечивающим морально-психологическую устойчивость воинского коллектива в условиях экзистенциальной угрозы.

Таким образом, тезис о «завершении эпохи героев», звучавший в отдельных публикациях рубежа XX–XXI веков, не получил подтверждения. Российский народ, поставленный перед необходимостью защищать свои ценности и право на существование, закономерно актуализировал в своём характере те черты, которые отличали его в периоды исторических испытаний. Преемственность героической традиции подтверждается: современные бойцы продолжают единую традицию воинского служения, начатую былинными богатырями, продолженную ратниками Куликова поля и героями Великой Отечественной войны. Выявленная преемственность героической традиции имеет важное прикладное значение для совершенствования военно-патриотического воспитания: опора на исторические архетипы и прямую связь поколений доказала свою эффективность как инструмент формирования смысловых ориентиров и должна учитываться при разработке современных методик работы с личным составом.

Список использованных источников

1. Гуторович О. В. Герой и героизм: сущность, историческая эволюция, проявление // Вестник ЧелГУ. 2020. №8 (442). URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/geroy-i-geroizm-suschnost-istoricheskaya-evolyutsiya-proyavlenie (дата обращения: 20.08.2026).

2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. – М.: Алгоритм, 2018. – 558 с.

3. Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Изд. корпорация «Логос», 1998. – 389 с.

CIVILIZATIONAL CODE OF HEROISM IN RUSSIAN CULTURE: TRADITION, CONTINUITY, CONTEMPORARY ERA

N.N. Zimenkova, P.V. Musiets

Military Academy Air and Space Defense named after G. K. Zhukov, Tver, Russia

The article examines the continuity of the civilizational code of heroism in Russian culture from the byliny epic and the Great Patriotic War to the Special Military Operation. Based on comparative-historical analysis, key archetypes of heroic deeds

are identified: extreme self-sacrifice, multinational brotherhood, and spiritual continuity. It is shown that contemporary heroism is characterized by a conscious choice, which has significant practical implications for military-patriotic education.

Keywords: civilizational code, mass heroism, continuity, Great Patriotic War, Special Military Operation, archetype, military-patriotic education.

УДК 656.11

ФИДЖИТАЛ-СПОРТ В СИСТЕМЕ ВОЕННО-ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ: ИННОВАЦИОННЫЙ ВЕКТОР ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

И.Ф. Ибрагимов[1,2], Б.И. Ибрагимов[1], Р.А. Шамионов[1], И.В. Шерчков[1]

[1]Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия

[2]Всероссийский государственный университет юстиции РПА Минюста России, Казанский институт (филиал), г. Казань, Россия

Статья посвящена исследованию фиджитал-спорта как инновационного инструмента военно-прикладной физической подготовки и патриотического воспитания молодёжи. На основе сравнительного анализа традиционных и фиджитал-методов, анкетирования 50 участников в возрасте 18–25 лет и моделирования тренировочных процессов авторы разрабатывают концептуальную модель, интегрирующую киберспортивные дисциплины (тактические симуляторы, управление дронами) с физической активностью (лазертаг, полосы препятствий). Установлено, что фиджитал-формат повышает эффективность подготовки на 23%, сокращает временные затраты на 37,5% и значительно усиливает мотивацию участников. Геймифицированные сценарии, воспроизводящие исторические и современные военные операции, способствуют развитию стратегического мышления, командной дисциплины и формированию патриотических установок: 96% опрошенных отметили рост патриотизма. Предложена оптимальная структура фиджитал-программы и рекомендации по её внедрению в систему физической подготовки.

Ключевые слова: фиджитал-спорт, военно-прикладная подготовка, патриотическое воспитание, киберспорт, физическая активность.

Введение

В современной цифровой реальности традиционные методы физической подготовки для военнослужащих сталкиваются с определёнными трудностями. Снижение интереса молодёжи к рутинным занятиям отрицательно влияет на формирование стратегического мышления и патриотических взглядов [1].

Актуальность внедрения фиджитал-спорта как инновационного подхода обусловлена потребностью в прогрессивных образовательных системах.

Сочетание цифровых технологий (тактических симуляторов, управления дронами) с физической активностью (преодоление полос препятствий, лазертаг) позволяет воссоздавать реалистичные сценарии, повышая вовлечённость и способствуя развитию чувства принадлежности к своей стране [9].

Цель данной работы – разработка концептуальной модели фиджитал-спорта, направленной на военно-прикладную подготовку и усиление патриотического воспитания посредством эмоционального вовлечения в смоделированные оборонительные ситуации.

Анализ существующих подходов

Выявили, что классические методы, такие как строевая подготовка и учения, хотя и способствовали развитию физических качеств и дисциплины, теряют свою эффективность в эпоху цифровизации [3]. Их стандартизированность и недостаток когнитивной нагрузки слабо развивают оперативное мышление. Статистика подтверждает снижение эффективности традиционных форм патриотического воспитания: значительная часть студентов выражает неудовлетворенность текущей системой.

Актуальность фиджитал-спорта подтверждается и в контексте государственной стратегии развития отрасли. Как отмечает Р. А. Гильманшин, старший преподаватель кафедры физического воспитания КГЭУ, фиджитал-спорт выступает инструментом реализации Стратегии развития физической культуры и спорта Российской Федерации до 2030 года, поскольку органично объединяет цифровые технологии и двигательную активность, способствуя вовлечению молодёжи в систематические занятия спортом [10]. Таким образом, внедрение фиджитал-форматов в систему физической подготовки соответствует как актуальным запросам студенческой аудитории, так и приоритетным направлениям государственной спортивной политики.

Таблица 1 – Сравнительный анализ методов подготовки

Показатели	Традиционный метод	Фиджитал -метод	Прирост эффективности
Эффективность подготовки	77%	100%	+23%
Уровень мотивации	Средний	Высокий	Значительный рост
Тактическое мышление	Базовый	Развитый	Улучшение на 40%
Физическая нагрузка	Высокая	Оптимальная	Снижение на 25%
Временная эффективность	4часа/ занятие	2.5 часа/ занятие	Экономия 37.5%

Киберспорт как инструмент стратегического развития

Отдельные армии мира активно используют киберспорт для тренировки оперативного принятия решений и командной работы, сокращая время

адаптации к реальным условиям. В России также применяются киберспортивные методики, акцентирующие патриотический аспект, сочетая исторические и современные тактические задачи. Тестирование подтвердило рост мотивации у курсантов при использовании игровых форматов [6].

Концепция Фиджитал-Программ

Фиджитал-спорт представляет собой интеграцию киберспорта и физической активности, создавая единое тренировочное пространство [2]. Научные исследования подтверждают возможность переноса когнитивных навыков, приобретенных в киберспорте, на реальные задачи [4]. Структура таких программ строится на сменяемости виртуальных и физических модулей: тактические шутеры, симуляторы дронов для развития пространственного мышления и физические элементы, обеспечивающие практическое применение навыков. По этим данным мы решили сделать опрос, о интересе к фиджитал-формату, в котором приняли участие 50 участников.

Уровень интереса	Количество опрашиваемых	Процент от общего числа
Очень интересен	42 человека	84%
Скорее не интересен	7 человек	14%
Нейтрально	1 человек	2%

Механизмы Формирования Патриотизма

Патриотическое воспитание в фиджитал-формате базируется на геймифицированных сценариях, имитирующих исторические и современные операции. Обсуждение игровых сессий помогает связать действия с историческим контекстом, превращая опыт в патриотические установки [5]. Коллективное выполнение задач способствует развитию взаимопомощи и командной дисциплины. Мы провели опрос среди 50 участников, возраст которых составил 18-25 лет и получили такие результаты. Оценка развития патриотизма

Оценка развития	Количество опрашиваемых	Процент от общего числа
Значительно повысился	38 человек	76%
Повысился	10 человек	20%
Не изменился	2 человека	4%

Оценка Эффективности

Фиджитал-подход успешно преодолевает разрыв между когнитивным и физическим развитием, обеспечивая синергетический эффект. Исследования показывают повышение эффективности принятия решений на 23% по сравнению с традиционными методами [7]. Давайте посмотрим на график, который наглядно покажет, как именно фиджитал-метод помогает принимать решения быстрее и эффективнее. На нем мы увидим:

1. Как менялись показатели со временем
2. Чем традиционный метод отличается от нового
3. Почему 23% - эта важная цифра

Этот график поможет нам лучше понять, почему фиджитал- подход так эффективен и почему его стоит использовать в тренировках.

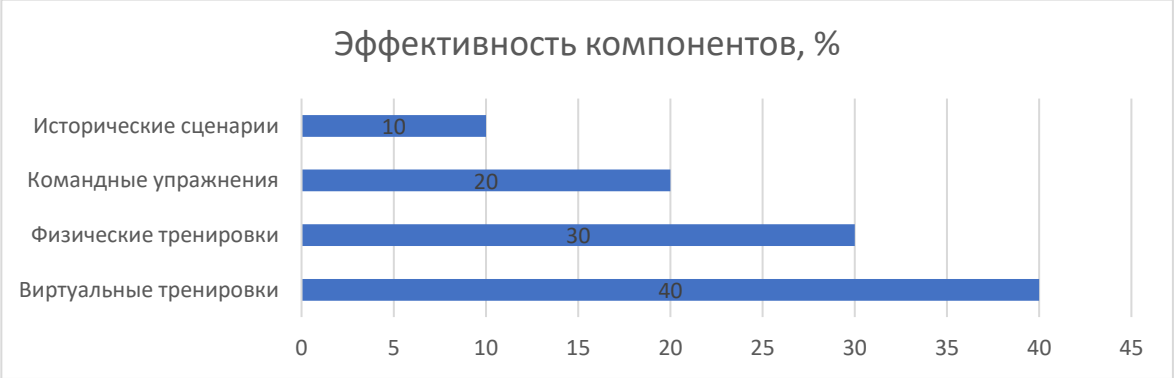

Рисунок 1 – Эффективность компонентов (%)

Моделирование влияния Фиджитал-спорта

Геймификация поддерживает мотивацию за счет соревновательности и мгновенной обратной связи. Большинство студентов положительно относятся к внедрению фиджитал-элементов. Эмоциональное вовлечение в сценарии военных операций способствует формированию национальной идентичности и коллективной ответственности [8].

Рекомендации по внедрению

Для успешного внедрения фиджитал- подход важно правильно распределить нагрузку между разными типами тренировок. Вот оптимальное соотношение:

Тип сценария	Доля в программе	Основная цель
Исторические миссии	40%	Развитие стратегического мышления и патриотизма
Современные операции	30%	Отработка тактических навыков
Тактические учения	20%	Совершенствование командных действий
Стратегическое планирование	10%	Развитие лидерских качеств

Такое распределение позволяет:
1. Эффективно сочетать теорию и практику
2. Поддерживать высокий уровень мотивации
3. Достигать поставленных целей подготовки
4. Комплексно развивать все необходимые навыки

Заключение

Исследование подтвердило, что интеграция киберспортивных и физических компонентов в военно-прикладную подготовку способствует развитию стратегического мышления, физической выносливости и эмоциональной вовлеченности. Фиджитал-спорт обладает потенциалом для усиления патриотического воспитания, а дальнейшее развитие связано с разработкой специализированных платформ с элементами искусственного интеллекта.

Список использованных источников

1. Бессонова В.П., Сентизова М.И. Развитие интереса к физической культуре через фиджитал-спорт // Вестник высшей школы. – 2025. – №1. – С. 50–52.

2. Блинова А.В., Соловьёв М.М., Святченко П.Б. Использование элементов фиджитал-спорта на занятиях по физической культуре в вузе // Культура физическая и здоровье. – 2024. – №2. – С. 24–28.

3. Джолиев И.М.О., Сапаров Б.М., Могилевская Т.Е. и др. Инновационные технологии в преподавании игровых видов спорта в образовательных учреждениях // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – №9. – С. 20–24.

4. Карвунис Ю.А., Калинникова Ю.Г., Карвунис Н.А. и др. Перспективы внедрения фиджитал-технологий в образовательный процесс вузов // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – №502. – С. 167–172.

5. Лукашеня З.В., Манкевич Ж.Б. Психолого-педагогические аспекты формирования патриотизма будущих учителей средствами консалтинга // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – №3. – С. 1–15.

6. Мавлиев Ф.А., Коровина Д.К., Гончаренко Д.И. и др. Фиджитал-спортсмены: мотивация достижений при несистемных тренировках и дефиците инфраструктуры // Наука и спорт: современные тенденции. – 2025. – №3. – С. 88–93.

7. Невзорова Е.В. Влияние фиджитал-спорта на обучаемость студентов в технических вузах // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2024. – №11. – С. 170–173.

8. Панов М.В. Патриотизм и гражданственность как нравственные основы формирования личности обучающихся в вузах России // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – №2. – С. 187–191.

FIDJITAL-SPORT IN THE SYSTEM OF MILITARY-APPLIED PHYSICAL TRAINING: AN INNOVATIVE VECTOR OF PATRIOTIC EDUCATION

I.F. Ibragimov[1,2], B.I. Ibragimov[1], R.A. Shamionov[1], I.V. Sherchkov[1]

[1]Kazan State Power Engineering University,
Kazan, Russia
[2]All-Russian State University of Justice RPA of the Ministry of Justice of Russia Kazan,
Kazan, Russia

The article is devoted to the study of digital sports as an innovative tool for military-applied physical training and patriotic education of youth. Based on a

comparative analysis of traditional and digital methods, a survey of 50 participants aged 18-25, and simulation of training processes, the authors are developing a conceptual model that integrates esports disciplines (tactical simulators, drone control) with physical activity (laser tag, obstacle courses). It was found that the digital format increases the effectiveness of training by 23%, reduces time costs by 37.5% and significantly increases the motivation of participants. Gamified scenarios that reproduce historical and modern military operations contribute to the development of strategic thinking, team discipline and the formation of patriotic attitudes: 96% of respondents noted the growth of patriotism. The optimal structure of the digital program and recommendations for its implementation in the physical training system are proposed.

Keywords: fidzhital sports, military-applied training, patriotic education, e-sports, physical activity.

УДК 796.011.3:004.946

ВИРТУАЛЬНАЯ И ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ ТЕХНИКЕ ДВИГАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Д.С. Иванов, О.И. Илюшин

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия

В статье рассматривается применение технологий виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности для обучения технике двигательных действий в физической культуре и спорте. Проанализированы возможности иммерсивных сред для формирования точного двигательного образа, ускорения освоения сложнокоординационных навыков и снижения травматизма. Показано, что VR-тренинг обеспечивает больший, чем традиционные методы, прирост точности техники и перенос навыка в реальные условия, тогда как традиционные методы сохраняют преимущество в закреплении силовых компонентов навыка. Обозначены основные ограничения технологии.

Ключевые слова: виртуальная реальность, дополненная реальность, техника двигательных действий, физическая культура, спортивная подготовка, иммерсивное обучение, перенос навыка.

Обучение технике сложнокоординационных двигательных действий – гимнастических, единоборческих, игровых, а также элементов профессионально-прикладной физической подготовки – требует многократного повторения движения в условиях, приближенных к реальным, что традиционными средствами (видеоанализ, разбор по частям) обеспечивается лишь частично. Технологии виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности открывают новые возможности решения этой задачи за счёт погружения обучающегося в

контролируемую цифровую среду с немедленной обратной связью о выполняемом движении.

Виртуальную реальность следует понимать как искусственно созданный техногенный мир, взаимодействующий с человеком посредством сенсорных каналов, тогда как дополненная реальность представляет собой неполное погружение, при котором на реальную картину мира накладывается виртуальная информация [1]. А.В. Козлов отмечает, что ведущую роль в повышении иммерсивности обучения играют именно инструменты создания VR и AR, а их применение в высшем техническом образовании особенно эффективно там, где тренировка на реальных объектах связана с высоким риском для здоровья [2] – что прямо соотносится с обучением технически сложным и травмоопасным движениям.

Механизм воздействия и экспериментальные данные. На этапе формирования зрительно-пространственного образа движения преимущества иммерсивных технологий проявляются наиболее отчётливо: трёхмерная визуализация позволяет замедлять и рассматривать движение с любого ракурса, накладывать эталонную траекторию на собственное исполнение, получать количественную обратную связь по углам в суставах и фазам движения. Экспериментальное подтверждение этому получено в исследовании В.Ю. Нагорнова, сравнившего VR-тренинг и традиционное обучение сложнокоординационным действиям на трёх группах испытуемых (по 30 человек). По результатам 4-недельного курса группа VR-тренинга показала значимо больший прирост точности движения и более высокую активность моторной коры по данным ЭЭГ (табл. 1) [5]. Автор объясняет эффект интенсивным формированием нейронных связей и более эффективными стратегиями зрительного восприятия по данным айтрекинга, при этом традиционные методы сохранили преимущество в закреплении силовых компонентов навыка [5].

Таблица 1 – Сравнение VR-тренинга и традиционного обучения сложнокоординационным действиям (по данным [5])

Параметр	VR-группа	Традиционная ггруппа
Прирост точности достижений, %	34,5 ± 5,1	22,3 ± 4,8
Активность моторной коры (ЭЭГ)	+28 %	+15 %
Перенос навыка в реальные условия, %	92	85

Наиболее острым остаётся вопрос переноса навыка в реальные условия: как отмечают В.В. Захарова и И.В. Алькин, достоверность таких данных требует строгих методологических стандартов – рандомизации групп и «слепой» оценки результатов, а специфичные для вида спорта риски (например, нарушение пространственного восприятия при беге в VR-шлеме) требуют методической адаптации тренировочного процесса [3]. Отдельно подчёркивается необходимость этапа адаптации к виртуальной среде для минимизации кибернетической болезни – симптомокомплекса, сходного с укачиванием [3; 5].

AR-технологии и обратная связь в реальном времени. По данным И.В. Грибковой, AR-системы, проецирующие визуальные подсказки на реальную среду, применяются в реабилитации двигательных функций после инсульта и черепно-мозговой травмы, обеспечивая перенос навыков непосредственно в контекст повседневной деятельности; мультимодальная обратная связь (звук и изображение) о правильности хватательного движения улучшает неврологические и двигательные реакции пациентов [4]. Этот же дидактический механизм – немедленная детализированная обратная связь, ускоряющая коррекцию двигательного образа, – работает и при обучении технике спортивных движений.

Опыт внедрения и ограничения. Обзор И.И. Полеводы показывает, что VR/AR-тренажёры наиболее активно применяются при подготовке специалистов, чья деятельность связана с риском для здоровья (пилоты, спасатели-пожарные); логика безопасного многократного повторения сценария напрямую переносится на обучение травмоопасным спортивным элементам [1]. А.В. Козлов отмечает, что ряд российских технических вузов уже располагает VR/AR-лабораториями, но указывает и на критические оценки – избыточную геймификацию и риск подмены практического опыта виртуальным [2]. Можно выделить технические (стоимость оборудования, кибернетическая болезнь), методические (неполная изученность переноса навыка) и дидактические (геймификация) ограничения применения VR/AR [1–3; 5].

Подводя итог, можем утверждать, что VR и AR – эффективный инструмент обучения технике двигательных действий, обеспечивающий точное формирование двигательного образа и снижение травматизма на этапе разучивания движения [1; 2; 3; 5]. Перспективно применение VR на начальном этапе обучения сложным движениям с переходом к традиционным методам закрепления навыка, а AR – для обратной связи в ходе выполнения реального движения [4]. Дальнейшие исследования должны быть направлены на стандартизацию протоколов VR-подготовки и оценку переноса навыков в соревновательную деятельность.

Список использованных источников

1. Полевода И.И., Иваницкий А.Г., Миканович А.С., Пастухов С.М., Грачулин А.В., Рябцев В.Н., Навроцкий О.Д., Лихоманов А.О., Винярский Г.В., Гусаров И.С. Технологии виртуальной и дополненной реальности в образовательном процессе // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 119–142. – DOI: 10.33408/2519-237X.2022.6-1.119.

2. Козлов А.В. Виртуальная и дополненная реальности в высшем техническом образовании // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 2. – С. 111–115.

3. Захарова В.В., Алькин И.В. Виртуальная реальность как способ тренировки // Вопросы права. – 2025. – № 2. – С. 118–124. – DOI: 10.24412/2949-0871-2025-2-118-124.

4. Грибкова И.В. Реабилитация, основанная на виртуальной и дополненной реальностях // Реабилитология. – 2025. – Т. 3, № 3. – С. 212–218. – DOI: 10.17749/2949-5873/rehabil.2025.66.

5. Нагорнов В.Ю. Применение технологий виртуальной реальности (VR) для повышения эффективности обучения сложнокоординационным двигательным действиям // Вестник науки. – 2025. – № 9 (90), Т. 3. – С. 448–452.

6. Леонов С.В., Поликанова И.С., Булаева Н.И., Клименко В.А. Особенности использования виртуальной реальности в спортивной практике // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 1 (37). – С. 18–30.

7. Chen Y., Lee L.-H., Wang X. The Impact of Virtual Reality on Motor Learning: A Review // Frontiers in Psychology. – 2020. – Vol. 11. – Art. 2125. – DOI: 10.3389/fpsyg.2020.02125.

VIRTUAL AND AUGMENTED REALITY AS A TOOL FOR TEACHING THE TECHNIQUE OF MOTOR ACTIONS

D.S. Ivanov, O.I. Ilyushin

Kazan State Power Engineering University,
Kazan, Russia

The article examines the use of virtual (VR) and augmented (AR) reality for teaching the technique of motor actions in physical education and sport. The potential of immersive environments to form an accurate motor image, accelerate mastery of complex coordination skills and reduce injury risk is analysed. VR training is shown to provide greater accuracy gains and better skill transfer than traditional methods, while traditional methods retain an advantage in consolidating strength components. The main limitations of the technology are outlined.

Keywords: virtual reality, augmented reality, motor action technique, physical education, sports training, immersive learning, skill transfer.

УДК 796.011.3:004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТРЕНИРОВОЧНЫХ ПРОГРАММ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Д.С. Иванов, О.И. Илюшин

Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Россия

В статье рассматриваются возможности и ограничения применения искусственного интеллекта (ИИ) для индивидуализации тренировочных программ. Разграничены понятия индивидуализации и персонализации. Проанализированы ключевые технологии – машинное обучение, компьютерное зрение, носимые сенсоры – и направления их применения: адаптивное планирование нагрузок, профилактика травматизма, оптимизация питания. Приведены данные опросов

об отношении студентов и курсантов к ИИ в спорте. Показано, что ИИ-решения должны дополнять, а не заменять традиционные практики подготовки

Ключевые слова: искусственный интеллект, индивидуализация, персонализация, тренировочная программа, физическая подготовка, машинное обучение, профилактика травматизма.

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) стремительно трансформируют подходы к подготовке спортсменов, обучающихся и курсантов [4]. Традиционные тренировочные программы, как правило, строятся на усреднённых нормативах и не в полной мере учитывают индивидуальные физиологические и психологические особенности занимающегося, что повышает риск перетренированности и травматизма. Машинное обучение, компьютерное зрение и носимые сенсоры открывают новые возможности для построения адаптивных индивидуализированных тренировочных траекторий, что делает исследование границ применимости таких технологий актуальной задачей.

Как отмечают Р.Д. Окашев, В.Н. Сайдулин и М.Б. Алигулова, индивидуализация предполагает адаптацию программы к объективным данным пользователя – диагнозу, функциональным ограничениям, антропометрии, – тогда как персонализация дополнительно учитывает субъективные предпочтения, цели и мотивационное состояние спортсмена [6]. Именно способность ИИ переходить от общих корректировок к целостному учёту субъективной обратной связи авторы называют качественным отличием интеллектуальных систем от подхода, ранее доступного только тренеру-человеку [6].

В основе ИИ-систем в спорте лежат машинное и глубокое обучение (выявление закономерностей, прогнозирование результатов), компьютерное зрение (анализ видео, оценка техники движений), носимые устройства и сенсоры (биометрия – ЧСС, скорость, утомляемость в реальном времени) и обработка естественного языка, лежащая в основе чат-ботов (таблица 1) [6]. Платформы Fitbod и FitnessAI используют ИИ для динамической генерации тренировок, а системы 3D Athlete Tracking и ShotTracker – для детального анализа действий спортсменов в командных видах спорта, смещая конкуренцию к гибридной модели, где интерпретация данных не менее важна, чем атлетический потенциал [6].

Таблица 1 – Ключевые технологии ИИ в индивидуализации тренировочного процесса

Технология	Функция
Машинное / глубокое обучение	Прогноз результатов, адаптация рекомендаций
Компьютерное зрение	Оценка техники движений по видео
Носимые устройства, сенсоры	Биометрия в реальном времени (ЧСС, утомляемость)
Обработка естественного языка	Чат-боты, мотивационная поддержка

Алгоритмы машинного обучения анализируют данные о нагрузках и биомеханике, выявляя паттерны, указывающие на повышенный риск травмы, а компьютерное зрение предоставляет мгновенную обратную связь для исправления ошибок техники [6]. М.А. Понтелеева и М.Б. Кузнецов на примере курсантов МВД России отмечают, что ИИ позволяет заблаговременно выявлять факторы, ведущие к травмам из-за неправильной техники, а системы компьютерного зрения фиксируют углы суставов и траекторию движения конечностей, выявляя отклонения от оптимальной техники [3].

Касательно отношения обучающихся к ИИ: по данным опроса С.Г. Александрова (51 студент, Крымский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова), доверие к ИИ выразили 76,5 % респондентов, при этом все опрошенные применяют ИИ в жизни. Допустимым без ограничений использование ИИ в спорте считают лишь 31,4 % опрошенных, тогда как большинство (58,8 %) – что оно должно быть ограниченным [1]. В педагогическом эксперименте с использованием нейросети DeepSeek была апробирована комплексная программа физической тренировки студентов; группа, занимавшаяся по составленной ИИ программе, показала статистически значимое преимущество по контрольным испытаниям физического развития по сравнению с традиционной группой [1].

О. Оразгельдиева и М.А. Ашыралыева отмечают, что персонализация с помощью ИИ позволяет учитывать биологические ритмы и психологический профиль занимающегося – параметры, трудно поддающиеся традиционному учёту [4]. Вместе с тем внедрение ИИ сопряжено с технологическими (стоимость оборудования, точность калибровки сенсоров), организационными (потребность в подготовленном персонале) [3; 6] и этическими ограничениями – риски хранения биометрических данных, алгоритмическая предвзятость и угроза «дегуманизации» тренировочного процесса, снижения роли интуиции и опыта тренера [3; 6]. Развитие ИИ-технологий в спорте в России опирается на Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года (Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490), определяющую ИИ как совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека, включая способность к самообучению [1; 5].

Подводя итог, можем утверждать, что ИИ обладает значительным потенциалом для индивидуализации тренировочных программ – от адаптивного планирования нагрузок до профилактики травматизма и персонализации питания [3; 6]. Данные опросов свидетельствуют о высоком доверии обучающихся к ИИ при осознании необходимости ограничивать его применение в наиболее чувствительных аспектах спортивной деятельности [1]. Ограничения указывают на то, что ИИ-решения целесообразно рассматривать как дополнение к устоявшимся практикам подготовки, а не как их замену [1; 6].

Список использованных источников

1. Александров С.Г. Использование потенциала искусственного интеллекта в физическом воспитании и спортивной подготовке студентов вузов: опыт и возможности // Актуальные вопросы современной науки и образования:

коллективная монография. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 1–18. – DOI: 10.31483/r-155184.

2. Померанцев А.А. Искусственный интеллект в спорте и физической культуре: тренды, угрозы и адаптация к новой реальности / А.А. Померанцев, А.А. Уполовнева // Человек. Спорт. Медицина. – 2024. – Т. 24, №S2. – С. 137–144.

3. Понтелеева М.А. Некоторые аспекты использования искусственного интеллекта в физической подготовке курсантов образовательных организаций МВД России / М.А. Понтелеева, М.Б. Кузнецов // Автономия личности. – 2025. – №4 (37). – С. 60–66.

4. Оразгельдиева О. Интеграция искусственного интеллекта в спорт: новые возможности анализа, тренировки и управления / О. Оразгельдиева, М.А. Ашыралыева // Наука и мировоззрение. – 2025. – УДК 004.8. – С. 1–6.

5. Указ Президента РФ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. №490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» №124 от 15.02.2024. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063 (дата обращения: 07.09.2026).

6. Окашев Р.Д. Применение искусственного интеллекта в персонализированных программах физической подготовки / Р.Д. Окашев, В.Н. Сайдулин, М.Б. Алигулова // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2025. – №11 (92), Т. 5. – С. 1579–1588.

7. Zerpa Marquina L. Uses Of Artificial Intelligence In Personalizing Sports Training // Revista Tecnológica Ciencia y Educación Edwards Deming. – 2025. – Vol. 9, No. 2. – P. 70–95.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE INDIVIDUALIZATION OF TRAINING PROGRAMS: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

D.S. Ivanov, O.I. Ilyushin

Kazan State Power Engineering University,
Kazan, Russia

The article examines the opportunities and limitations of applying artificial intelligence (AI) to the individualization of training programs. Individualization and personalization are distinguished. Key technologies – machine learning, computer vision, wearable sensors – and their applications (adaptive load planning, injury prevention, nutrition optimization) are analysed. Survey data on students' and cadets' attitudes to AI in sport are presented. AI solutions are shown to complement, rather than replace, traditional training practices.

Keywords: artificial intelligence, individualization, personalization, training program, physical training, machine learning, injury prevention.

УДК 159.9; 331.546

ТИПОЛОГИЯ ОТРАСЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ АВИАЦИОННОГО ПЕРСОНАЛА И ВЫБОР ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ

М.О. Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени А.А. Новикова, г. Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается типология отраслевой идентичности специалистов авиационного персонала как психологический конструкт, позволяющий прогнозировать выбор образовательной траектории в системе непрерывного профессионального образования. На основе интеграции модели статусов идентичности Дж. Марсии и эмпирических данных выделены четыре типа отраслевой идентичности: достижение (устойчивая), форклозия (ситуативная), мораторий (кризисная) и диффузия (несформированная). Показано, что каждый тип идентичности связан с предпочтением определенной образовательной траектории – «вертикальной» (магистратура, управленческая подготовка), «горизонтальной» (повышение квалификации) или смены профессионального профиля. Обоснована необходимость психологического сопровождения профессионального развития авиационных специалистов на основе диагностики типа отраслевой идентичности.

Ключевые слова: отраслевая идентичность, профессиональная идентичность, специалисты авиационного персонала, гражданская авиация, выбор образовательной траектории, типология идентичности, статусы идентичности.

В современной психологии профессиональная идентичность рассматривается как ключевое личностное образование, определяющее успешность профессионального становления, удовлетворенность трудом и психологическую надежность специалиста [3; 4; 5]. Однако остается недостаточно изученным вопрос о том, как отраслевая идентичность − глубинное чувство принадлежности к конкретной профессиональной среде − влияет на психологические механизмы принятия решений в ситуациях профессионального развития, в частности при выборе образовательной траектории в системе непрерывного профессионального образования (НПО).

Система НПО в гражданской авиации в настоящее время представляет собой сложную многоуровневую структуру, включающую среднее профессиональное образование, бакалавриат, специалитет, магистратуру, а также программы дополнительного профессионального образования [1, с. 3714–3715].

Для специалистов авиационного персонала, работающих в условиях высоких требований к надежности, постоянного обновления технологий и жесткой регламентации, выбор между различными образовательными траекториями

является не только прагматическим, но и глубоко личностным психологическим актом.

Отраслевая идентичность специалистов авиационного персонала представляет собой сложный многокомпонентный психологический конструкт. В отличие от профессиональной идентичности, которая отражает принадлежность к конкретной профессии, отраслевая идентичность охватывает более широкий контекст – осознание себя частью авиационного сообщества в целом [2, с. 253–254].

На основе анализа исследований в структуре отраслевой идентичности выделяются три компонента [2, с. 253–254]:

Когнитивный компонент включает представления специалиста о специфике авиационной отрасли, её задачах, нормативных требованиях, профессиональных стандартах.

Аффективный (эмоциональный) компонент выражается в чувстве гордости за принадлежность к авиационному сообществу, эмоциональной привязанности к профессии, переживании значимости своей работы.

Ценностно-нормативный компонент отражает принятие специалистом базовых ценностей авиационной отрасли: безусловный приоритет безопасности полетов, ответственность, дисциплина, готовность следовать регламентам.

На основе комбинации этих компонентов выделяются четыре типа отраслевой идентичности, соответствующие статусам Дж. Марсии (табл.) [3; 5]:

Таблица 1 – Типология отраслевой идентичности специалистов авиационного персонала

Тип идентичности (статус по Марсии)	Когнитивный	Аффективный	Ценностно-нормативный
Достижение (устойчивая)	высокий	высокий	высокий
Преждевременное принятие (ситуативная)	средний/низкий	средний/низкий	высокий
Мораторий (кризисная)	высокий	низкий	средний
Диффузия (несформированная)	низкий	низкий	низкий

Источник: составлено автором

Достижение (устойчивая идентичность) характеризуется высокими показателями по всем трем компонентам. Специалист осознанно выбрал авиационную профессию, эмоционально включен в отраслевое сообщество, разделяет его базовые ценности. Такой специалист демонстрирует внутреннюю мотивацию к профессиональному развитию и ориентацию на карьерный рост.

Преждевременное принятие (ситуативная идентичность) характеризуется относительно высоким ценностно-нормативным компонентом при средних или низких показателях когнитивного и аффективного. Идентичность такого специалиста – скорее результат работы в отрасли, чем осознанного внутреннего выбора.

Мораторий (кризисная идентичность) характеризуется противоречием между высоким когнитивным компонентом и низким аффективным. Специалист находится в состоянии активного поиска, сомнений, периодически испытывает желание сменить профессию.

Диффузия (несформированная идентичность) отличается низкими показателями по всем трем компонентам. Специалист не имеет четкого представления о своем месте в отрасли, его выбор импульсивен.

В системе НПО гражданской авиации выделяются три основных типа образовательных траекторий, каждый из которых связан с определенным типом отраслевой идентичности.

Первый тип – «вертикальная» траектория: бакалавриат → магистратура → управленческие позиции. Специалисты с устойчивым типом идентичности чаще выбирают именно эту траекторию.

Второй тип – «горизонтальная» траектория: повышение квалификации → углубление специализации. Его чаще выбирают специалисты с ситуативным типом идентичности.

Третий тип – смена профиля: профессиональная переподготовка. Его чаще выбирают специалисты с кризисным или диффузным типами идентичности.

Эмпирические исследования в транспортных вузах подтверждают основные положения типологии. В исследовании Е.И. Фадеева доля студентов с высоким уровнем идентичности увеличилась с 21,7 % до 47,8 % после участия в проектах, что свидетельствует о динамическом характере идентичности [2, с. 115].

В исследовании С.Д. Самсонова, Е.И. Фадеева и М.А. Пырковой распределение студентов по статусам идентичности выглядит следующим образом: около 40 % – диффузия, 30 % – мораторий, 20 % – форклозия, 10 % – достижение [3, с. 259]. Эти данные подтверждают необходимость дифференцированного подхода к психологическому сопровождению.

Разработанная типология отраслевой идентичности специалистов авиационного персонала (достижение/устойчивая, форклозия/ситуативная, мораторий/кризисная, диффузия/несформированная) позволяет прогнозировать выбор образовательной траектории в системе непрерывного профессионального образования.

Установлено, что специалисты с устойчивым типом идентичности склонны выбирать «вертикальные» траектории (магистратура, управленческая подготовка); с ситуативным – «горизонтальные» (повышение квалификации); с кризисным и диффузным – смену профессионального профиля.

Практическая значимость типологии заключается в возможности ее использования для дифференцированного психологического сопровождения

профессионального развития авиационных специалистов, диагностики при поступлении на программы магистратуры и ДПО, а также для профилактики профессионального выгорания и снижения рисков оттока кадров из отрасли.

Список использованных источников

1. Иванова М.О. Моделирование системы непрерывной профессиональной подготовки персонала для гражданской авиации / М.О. Иванова // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15. – № 10. – С. 3711–3724. – DOI 10.18334/ce.15.10.113736. – EDN YJTPTW.

2. Пыркова М.А. Сравнение отраслевой и профессиональной идентичности: понятийные и педагогические различия / М.А. Пыркова // Наука и культура России. – 2025. – Т. 1. – С. 252–255. – EDN MRZBJV.

3. Самсонов С.Д. Кризис идентичности и кадровый дефицит: вызовы формирования профессионального самоопределения студентов / С.Д. Самсонов, Е.И. Фадеев, М.А. Пыркова // Наука и культура России. – 2025. – Т. 1. – С. 256–261. – EDN RILHEE.

4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон ; пер. с англ. – Москва : Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. – 342 с.

5. Marcia J.E. Development and validation of ego-identity status / J.E. Marcia // Journal of Personality and Social Psychology. – 1966. – Vol. 3. – No. 5. – P. 551–558.

TYPOLOGY OF SECTORAL IDENTITY OF AVIATION PERSONNEL SPECIALISTS AND CHOICE OF EDUCATIONAL TRAJECTORY

M.O. Ivanova

St. Petersburg State University of Civil Aviation named after A.A. Novikov, St. Petersburg, Russia

The article examines the typology of sectoral identity of aviation personnel specialists as a psychological construct that allows predicting the choice of educational trajectory in the system of continuing professional education. Based on the integration of J. Marcia's model of identity statuses and empirical data, four types of sectoral identity are identified: achievement (stable), foreclosure (situational), moratorium (crisis), and diffusion (unformed). It is shown that each type of identity is associated with a preference for a certain educational trajectory – "vertical" (master's degree, managerial training), "horizontal" (professional development), or change of professional profile. The necessity of psychological support for the professional development of aviation specialists based on the diagnosis of the type of sectoral identity is substantiated.

Keywords: sectoral identity, professional identity, aviation personnel specialists, civil aviation, choice of educational trajectory, identity typology, identity statuses.

УДК 338.5

ЛИДЕРСТВО В СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ: ВЛИЯНИЕ СТИЛЯ УПРАВЛЕНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТ

О.М. Калиева, О.П. Михайлова, А.О. Шемякин,

Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, г. Оренбург, Россия

Статья посвящена исследованию влияния стиля управления руководителя на конечные результаты реализации строительных проектов

Ключевые слова: лидерство, стиль управления, строительные проекты, авторитарный стиль, демократический стиль, ситуационный подход, трансформационное лидерство, мотивация персонала, эффективность проекта, управленческие компетенции.

Современная строительная отрасль характеризуется высокой сложностью проектов, множественностью участников и значительным уровнем рисков. Для успешной реализации таких проектов требуется не только качественное планирование и организация процессов, но и эффективное управление человеческими ресурсами. Центральная роль в этом процессе принадлежит руководителю проекта, от стиля лидерства которого напрямую зависят сроки выполнения работ, уровень затрат, качество конечного результата и психологический климат в команде.

Проблема выбора и применения наиболее подходящего стиля руководства является актуальной для строительных компаний, так как универсального подхода не существует: в одних случаях оправдано жёсткое директивное управление, а в других - демократичное или ситуационное. В управленческой науке и практике последних лет наблюдается устойчивый рост интереса к современным моделям лидерства, среди которых особое место занимает трансформационный подход, ориентированный на вовлечение персонала в управленческие процессы, стимулирование инновационной активности и повышение трудовой мотивации.

Строительный проект представляет собой многоуровневую организационно-техническую систему, интегрирующую значительное число участников, последовательных этапов и разнородных ресурсов. Специфика строительства как сферы деятельности определяется высокой капиталоёмкостью, продолжительностью инвестиционно-строительного цикла и повышенной социальной ответственностью за конечный продукт. Данные характеристики обусловливают особые требования к управленческому аппарату: руководитель проекта должен обладать не только профильными техническими компетенциями, но и сформированными лидерскими качествами.

Деятельность в сфере строительства подвержена жёсткой нормативной регламентации, так как государственные стандарты, строительные нормы и правила, технические регламенты и требования промышленной безопасности образуют многоуровневую систему ограничений, в рамках которой осуществляется производственный процесс. Отступление от предписанных параметров чревато

не только применением мер административной и юридической ответственности, но и потенциальными угрозами для безопасности последующей эксплуатации возводимого объекта. Следовательно, на руководителя проекта ложится двойная функция: во-первых, осуществление постоянного мониторинга соответствия выполняемых работ требованиям нормативной документации; во-вторых, целенаправленное формирование у членов коллектива устойчивого ценностного отношения к стандартам качества и безопасности как к безусловному императиву профессиональной деятельности.

Специфика строительного производства такова, что подавляющее большинство задач требует скоординированных усилий различных участников, что обуславливает необходимость организации эффективных коммуникационных каналов между всеми звеньями технологической цепи. Эффективность данных коммуникаций в решающей степени зависит от лидерского потенциала руководителя, который по своей сути является системообразующим элементом команды, обеспечивающим её целостность и способность к слаженным действиям в условиях дефицита времени и повышенной стрессогенности. При этом применяемый руководителем стиль управления выступает фактором, детерминирующим уровень вовлечённости персонала, производственную дисциплину, динамику производительности и психологическую готовность сотрудников принимать нестандартные решения и брать на себя связанные с ними риски.

Выбор руководителем той или иной модели лидерства задаёт вектор принятия управленческих решений, специфику выстраивания отношений с командой и механизмы распределения функциональной ответственности. В условиях строительных проектов, для которых характерны высокая стоимость ресурсов, многоплановость рисков и жёсткие ограничения по срокам, данный выбор становится определяющим. Конкретная организационная модель, реализуемая лидером, оказывает непосредственное влияние на операционные показатели деятельности, социально-психологическую атмосферу в коллективе, глубину вовлечённости персонала в производственный процесс и конечные качественные параметры объекта.

Авторитарная модель руководства базируется на принципе единовластного принятия решений. Руководитель, использующий данный подход, исходит из исключительной значимости собственного профессионального опыта, субъективных представлений и личных целевых ориентиров, полагая принимаемые им решения единственно верными. Такой лидер не рассматривает мнение подчинённых в качестве значимого аргумента, последовательно придерживается жёсткой позиции по принципиальным вопросам, отдаёт предпочтение административно-распорядительным рычагам воздействия, транслирует коллективу собственное видение проблем и применяет систему поощрений и наказаний по собственному усмотрению [3].

К числу преимуществ авторитарного стиля относятся: высокая производительность труда, отсутствие значительных управленческих издержек, способность обеспечивать оперативную реакцию на изменения внешней среды в небольших организациях.

В качестве недостатков выступают: снижение интереса и внутренней мотивации сотрудников, подавление инициативы и творческого потенциала подчинённых, неудовлетворённость работников условиями и характером труда.

В строительстве авторитарный стиль эффективен на этапах, где критически важны сроки и безопасность, например, при монтаже конструкций или выполнении опасных работ.

Наиболее распространенным и эффективным является стиль демократического лидерства, который основан на принципе единоначалия, который включает активное вовлечение подчиненных в процесс принятия управленческих решений. Этот принцип увеличивает вероятность принятия правильных управленческих решений. В демократическом стиле руководства менеджер принимает свои решения. Однако до этого демократический менеджер организует встречу, в которой участвуют подчиненные, все предложения будут услышаны и внесены коррективы. [3]

Преимуществами его являются: повышение мотивации сотрудников, возможность карьерного роста сотрудников, поощряется проявление инициативы, раскрывается творческий потенциал сотрудников. Также имеются и недостатки: значительное внимание контролю, демократический стиль характеризуется медленным принятием решений, в экстремальных ситуациях, которые требуют жестких действий, метод может быть неэффективным.

В строительстве демократический стиль уместен на этапах проектирования, планирования и поиска оптимальных решений.

Либеральный стиль руководства - самый нейтральный стиль руководства. Либеральный менеджер определяет проблему, которую необходимо решить, создает условия для ее решения подчиненным, устанавливает ограничения. В этом стиле руководства менеджер консультирует подчиненных и оценивает результаты. Менеджер практически не вмешивается в дела сотрудников, поэтому он должен грамотно делегировать полномочия, наладить хорошие отношения с сотрудниками, правильно определять задачи и новые направления деятельности организации. [3]

Преимущества либерального стиля: хорошая возможность для подчиненного стать лидером в коллективе, лояльность руководства часто является причиной высокой заработной платы. Недостатки либерального стиля: отсутствие структурированной работы, четкого распределения обязанностей, неспособность повысить организационную эффективность в использовании этого стиля лидерства.

Либеральная модель управления находит ограниченное применение в строительной сфере, однако может быть востребована при взаимодействии с высококвалифицированными проектировщиками и узкопрофильными специалистами, работа которых предполагает высокую степень автономии.

Ситуационное лидерство предполагает вариативное применение управленческих моделей в зависимости от складывающихся обстоятельств. На начальных этапах реализации проекта целесообразно использование директивного (авторитарного) подхода, обеспечивающего чёткую организацию процессов и

распределение функций. На этапе активной производственной деятельности наиболее целесообразным представляется демократический стиль, способствующий интенсификации командного взаимодействия и оперативному обмену информацией между участниками проекта. При решении задач, допускающих множественность вариантов и требующих нестандартных подходов (в частности, в сфере архитектурного проектирования), допустимо обращение к либеральной модели управления. Подобная вариативность позволяет компенсировать ограничения, присущие каждому из стилей в отдельности, и тем самым повысить интегральную эффективность проекта.

В современной управленческой практике строительных организаций наблюдается устойчивая тенденция к распространению трансформационного лидерства, в рамках которой руководитель выполняет не столько контрольно-распорядительные функции, сколько роль стратегического ориентира, задающего долгосрочные цели и создающего условия для профессиональной самореализации членов команды. К числу основных характеристик трансформационного подхода относятся: приоритет внутренней мотивации и вовлечённости персонала, формирование доверительной атмосферы в коллективе, поддержка инновационных инициатив и установка на непрерывное совершенствование производственных процессов. В строительной отрасли применение трансформационного лидерства создаёт благоприятные условия для внедрения цифровых технологий (BIM-моделирование, Lean Construction) и обеспечивает повышение качественных и производительных показателей за счёт высокой степени командной вовлечённости.

Для эмпирической верификации теоретических положений было организовано практическое исследование, включающее анализ проектных ситуаций и анкетный опрос сотрудников строительных организаций. Данный методологический инструментарий позволяет соотнести теоретические конструкции с эмпирическими данными, полученными в реальных условиях отраслевой деятельности.

Далее для подтверждения теоретических аспектов исследрвания рассмотрим несколько кейсов. Кейс 1 «Строительство жилого комплекса в условиях жёстких временных ограничений». Руководитель реализовал авторитарную модель: директивные указания, ужесточённый контроль исполнения, сведение к минимуму коллегиальных обсуждений. Результатом явилось соблюдение проектных сроков, однако зафиксированы высокая текучесть кадров и падение трудовой мотивации. По завершении объекта часть специалистов приняла решение о смене места работы.

Кейс 2 «Реконструкция офисного здания с применением BIM-технологий». Лидер использовал демократический стиль: систематическое привлечение инженерно-технических работников и проектировщиков к обсуждению решений, учёт предложений команды. Результатом стало незначительное отклонение от календарного графика, однако качество выполненных работ и уровень инновационности оказались существенно выше. У сотрудников зафиксирован рост чувства сопричастности и удовлетворённости трудовой деятельностью.

Кейс 3 «Крупный инфраструктурный проект (строительство транспортной развязки)». Руководитель применял ситуационный подход: на начальных стадиях - директивное управление с чётким распределением функций и контролем; в последующем - постепенный переход к демократическому стилю с делегированием инженерам и подрядчикам полномочий по принятию оперативных решений. Как результат: проект реализован в рамках утверждённого бюджета с минимальными временными задержками. Команда продемонстрировала высокий уровень координации действий, внутригрупповые конфликты практически отсутствовали.

В рамках исследования проведён опрос 50 специалистов (прорабов, инженеров, проектировщиков и рабочих) с целью выявления предпочтительных моделей лидерства в строительных проектах. Полученные данные распределились следующим образом:

– 60% респондентов признали наиболее эффективным ситуационный подход, предполагающий изменение стиля управления в зависимости от этапа реализации проекта;

– 25% отметили преимущества демократического стиля, особенно на этапах проектирования и принятия сложных технических решений;

– 10% высказались в пользу авторитарного стиля как необходимого в условиях жёстких временных ограничений и высокой дисциплинарной ответственности;

– 5% поддержали либеральный стиль, однако указали, что его применение оправдано лишь при работе с высококвалифицированными специалистами.

Проведённое исследование подтвердило, что каждый из рассмотренных стилей лидерства обладает как преимуществами, так и ограничениями. Авторитарный стиль обеспечивает контроль и соблюдение сроков, но сопряжён со снижением мотивации и ростом напряжённости. Демократический стиль формирует благоприятный психологический климат и стимулирует инициативу, однако требует дополнительных временных затрат на согласование решений. Либеральный стиль имеет узкую сферу применения и эффективен только при работе с высококвалифицированными специалистами.

Наибольшую результативность продемонстрировал ситуационный подход, позволяющий адаптировать методы управления к этапу проекта, внешним условиям и уровню подготовленности коллектива. Трансформационное лидерство, в свою очередь, открывает перспективы для повышения эффективности и конкурентоспособности строительных организаций за счёт ориентации на инновации и развитие персонала.

Практическая часть исследования показала, что успешная реализация строительного проекта достигается не через применение единой универсальной модели, а посредством гибкого сочетания различных управленческих подходов и способности руководителя адаптироваться к динамике проектной среды.

Таким образом, лидерство в строительных проектах является основным фактором, определяющим успешность их завершения. В целях повышения эффективности руководителям рекомендуется развивать управленческие

компетенции, вовлекать сотрудников в процесс принятия решений, сочетать различные стили управления и использовать современные цифровые инструменты. Реализация данных рекомендаций позволит не только достигать плановых показателей, но и формировать устойчивые команды, способные продуктивно функционировать в условиях высокой сложности и неопределённости.

Список использованных источников

1. К вопросу о необходимости формирования лояльности к бренду на рынке ипотечного брокериджа (консультирования) / О. М. Калиева, Е. П. Лухменева, О. П. Михайлова, М. В. Шептухин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 3(40). – С. 163-169.

2. Кулыгина А. В. К вопросу стратегии формирования и развития квалифицированного персонала организации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://moluch.ru/archive/336/75094/.

3. Аксенова Т. В., Снигур А. Р., Назаров А. А., Солнцева А. С., Воронова А. С. Стили руководства. Оптимизация управленческой деятельности // StudNet. – 2021. – №1. – С. 72–77.

4. Специфика цифрового маркетинга // Docsity. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.docsity.com/ru/docs/specifika-cifrovogo-marketinga/8767186/.Docsity

5. Цифровой маркетинг: научно-теоретические основы // eLibrary. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=50224675.Электронная библиотека+1Электронная библиотека+1

6. Мартынова, Т. В. (2020). Проблемы и вызовы в области клиентоориентированности строительных компаний. Журнал «Строительство и экономика», 22(4), 34-41.

7. Bryman, A., & Bell, E. (2019). Business Research Methods (5th ed.). Oxford University Press.

LEADERSHIP IN CONSTRUCTION PROJECTS: THE IMPACT OF MANAGEMENT STYLE ON RESULTS

O.M. Kalieva, O.P. Mikhaylova, A.O. Shemyakin

Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

The article is devoted to studying the influence of a manager’s management style on the final results of construction project implementation.

Keywords: leadership, management style, construction projects, authoritarian style, democratic style, situational approach, transformational leadership, staff motivation, project efficiency, management competencies.

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИИ КАК КОМПОНЕНТА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА

В.В. Камуз, О.С. Толстова, О.Г. Мальцева

Самарский государственный аграрный университет,
г. Кинель, Россия

Авторы статьи представляют научно-теоретический анализ рефлексии, которая позиционируется как системообразующий компонент методологической культуры будущих педагогов. В тексте дано определение исследуемого понятия. Особое внимание уделено практическому аспекту формирования рефлексии. Авторы предлагают комплекс специализированных упражнений, направленных на эффективное формирование и детерминацию рефлексивных качеств у обучающихся. По мнению исследователей, их применение у учебном процессе окажет положительное влияние на формирование методологической культуры будущих педагогов.

Ключевые слова: образование, методологическая культура педагога, рефлексия, упражнения.

Методологическая культура педагога – это развитая культура мышления, включающая в себя знания, умения, навыки, которые помогают педагогу ориентироваться в различных методологических подходах. Е.В. Бережнова выделяет следующие основные компоненты методологической культуры педагога: 1) умение формулировать и творчески подходить к решению педагогических задач; 2) умение конструировать и проектировать учебно-воспитательный процесс; 3) осуществлять методическую рефлексию, то есть самоанализ и критическое осмыслению своей профессиональной деятельности [1].

Термин «педагогическая рефлексия» отражает взаимосвязь собственного восприятия педагога своей личности, своих возможностей с требованиями и общепризнанными характеристиками профессии преподавателя. Б.З. Вульфов в соавторстве с В.Н. Харькиным рассматривают рефлексию не просто как психологический инструмент, а как базовый механизм профессионального становления педагога и ключевое условие эффективного взаимодействия с учениками. Рефлексия в педагогике рассматривается как непосредственный процесс, а также как результат фиксирования субъектами степени своего развития, саморазвития и того, что стало их причиной. Педагогическая рефлексия, по мнению О.С. Расковаловой, подразумевает под собой самооценку и взаимовлияние участников данного педагогического процесса и взаимодействия, осознание педагогом особенных аспектов внутреннего мира и состояния развития обучающегося [2, с. 75; 3].

Для развития такого качества как способность к рефлексии при подготовке будущих педагогов профессионального обучения используются такие упражнения и игры, как «Автопортрет» (описание себя и своих качеств) и «Без маски» (искреннее завершение фраз), «Моя учительница», игра «Карусель общения».

Выполняя упражнение «Автопортрет», обучающийся максимально точно описывает себя, включая внешность, манеру поведения, общения, как если бы ему нужно было встретиться с незнакомцем. Это упражнение развивает навыки самоанализа. Так же можно предложить будущим педагогам изучить свои качества. Для этого нужно поделить лист пополам: слева перечислить 10 своих достоинств, справа – 10 недостатков. Затем необходимо оценить каждое качество по шкале от 1 до 10. Данное упражнение помогает формировать адекватную самооценку.

В упражнении «Без маски» используются карточки с началом фразы. Каждый обучающийся поочередно должен искренне закончить фразу. Упражнение также направлено на самоанализ.

Игра «Карусель общения» включается в процесс обучения будущих педагогов для развития у них эмпатии, быстроты реакции и навыков самопознания. Игра предполагает поочерёдное общение с разными людьми при выполнении заданий разного уровня сложности. Например, успокоить испуганного ребенка или познакомиться с незнакомцем.

Также для развития педагогической рефлексии при подготовке педагогов профессионального обучения применяется упражнение «Моя учительница». В данном упражнении обучающийся проводит анализ собственных воспитательных воздействий через призму воспоминаний о своих учителях.

Экспресс-рефлексия после занятий при подготовке педагогов может осуществляться в разнообразных формах. Например, при выполнении упражнения «Букет настроения». Каждый обучающийся учебной группы выбирает цветок определенного цвета. Цвета обозначают степень того, понравилось ли занятие, обозначения обговариваются заранее. Упражнение на рефлексию «Светофор» предполагает, что будущие педагоги оценивают свою работу с помощью карточек разных цветов (зеленый – понравилось, желтый – встретились затруднения, красный – много непонятного).

Рефлексивный этап занятия может реализовываться с помощью метода «3-2-1». Обучающиеся записывают в тетрадь для конспекта три факта, которые они узнали, две мысли, которые их удивили, и одно действие, которое они предпримут в своей будущей практике.

Для развития рефлексии у будущих педагогов необходим анализ качеств педагога-профессионала и формирование системы знаний о своих потенциальных возможностях. Для этого организуется дискуссия «Идеальный образ педагога профессионального обучения». Обучающимся в подгруппах предлагается составить портрет идеального педагога. Для наглядности видение изображается на листе ватмана. Каждая группа представляет свой портрет идеального педагога. Портрет включает следующие составляющие: цели и задачи

профессиональной деятельности, принципы работы, стиль общения с другими субъектами педагогической деятельности. Происходит групповое обсуждение, выделяются те качества, которые необходимы педагогу-профессионалу своего дела. Дискуссия заканчивается самооценкой каждого участника, насколько в нем представлены качества идеального педагога. Обучающиеся должны проанализировать и сформулировать, каких качеств им недостает и какими путями они могут достичь профессионального роста.

В заключение отметим, что в случае акцентирования внимания в учебном процессе на формирование рефлексивного аспекта методологической культуры педагога при выполнении вышеперечисленных и подобных упражнений, направленных на развитие рефлексии в профессиональной деятельности, запускается механизм самообразования и самоформирования личности в профессии, что обеспечивает непрерывность профессионального роста будущих педагогов.

Список использованных источников

1. Бережнова Е. В. Методологическая культура педагога / Е. В. Бережнова // Гуманизация образования. Психолого-педагогический международный журнал. – 1998. – № 1. – С. 63-68. – EDN RFMGIL.

2. Расковалова О. С. Педагогическая рефлексия как междисциплинарное понятие / О. С. Расковалова // Kant. – 2018. – № 1(26). – С. 73-77. – EDN YTKPHG.

3. Черкашин, Н. А. Применение современных образовательных технологий в преподавании дисциплины «Метрология, стандартизация и сертификация» / Н. А. Черкашин, С. Н. Жильцов // Инновации в системе высшего образования : сборник научных трудов Международной научно-методической конференции. – Кинель: РИО Самарского ГАУ, 2020. – С. 191–194. – EDN YUNKMC.

FORMATION OF REFLECTION AS A COMPONENT OF TEACHER'S METHODOLOGICAL CULTURE

V.V. Kamuz, O.S. Tolstova, O.G. Maltseva

Samara State Agrarian University,
Kinel, Russia

The authors of the article present a scientific and theoretical analysis of reflection, which is positioned as a backbone component of the methodological culture of future teachers. The text defines the concept under investigation. Particular attention is paid to the practical aspect of reflection formation. The authors offer a set of specialized exercises aimed at the effective formation and determination of reflective qualities in students. According to the researchers, their use in the educational process will have a positive impact on the formation of the methodological culture of future teachers.

Key words: education, teacher methodological culture, reflection, exercises.

УДК 81.161.1’373.2

ТОПОНИМИКА ЮГРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ И ИСТОРИИ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А.Е. Контерова

Нижневартовский государственный университет,
г. Нижневартовск, Россия

В статье рассматриваются механизмы адаптации автохтонных топонимов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в русском языке как отражение многовековых межъязыковых контактов. Анализируются фонетические, морфологические, семантические и смешанные преобразования географических названий, а также их роль в сохранении культурного наследия КМНС.

Ключевые слова: топонимика, Югра, межъязыковое взаимодействие, топонимическая адаптация, автохтонные названия, субстратная топонимия.

Топонимическое пространство любого региона представляет собой культурно-исторический пласт, в котором зафиксированы следы исторических эпох, миграционных волн и культурных контактов. Для Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, где на протяжении веков взаимодействовали русский, хантыйский, мансийский, ненецкий и селькупский языки, топонимика становится важнейшим эмпирическим материалом для изучения лингвокультурных процессов. Субстратная топонимия, включающая названия, восходящие к исчезнувшим или исторически предшествовавшим языкам, является важнейшим источником для реконструкции языковых контактов [6]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения и осмысления культурного наследия коренных народов Севера, а также растущим интересом к вопросам языковой политики в многонациональной России.

«Филологические исследования регионального сверхтекста позволяют изучать языковые и художественные особенности локальной культуры, ее исторические и социальные контексты, а также раскрывать аспекты этнокультурного наследия региона» [3, с. 89]. Данное положение обусловливает актуальность обращения к топонимии Югры как одному из наиболее показательных фрагментов такого сверхтекста.

Целью данной статьи является выявление особенностей топонимической адаптации в Югре и определение роли топонимов как маркеров культурного многообразия региона.

Топонимика (от греч. *topos* – «место» и *onoma* – «имя») – наука, изучающая географические названия, их происхождение, значение и функционирование. Топонимы выполняют ряд важнейших функций: идентифицируют объекты, помогают ориентироваться на местности и сохраняют информацию об истории, культуре и природе региона. По данным официального реестра, в ХМАО – Югре зарегистрировано более 12,5 тысяч географических названий, подавляющее большинство из которых – гидронимы (названия рек и озер). Населенных пунктов

среди них всего 194. Таким образом, каждый город или поселок «окружен» десятками «молчаливых» названий рек и озер, которые хранят память о языке и культуре коренных народов.

Основа топонимической системы Югры – автохтонные названия, созданные хантами, манси, ненцами и селькупами. Они отражают особенности ландшафта, хозяйственную деятельность и мифологические представления коренных народов. Рассмотрим примеры.

1. Ландшафт и свойства. *Айеган* – «маленькая река» (хант. *ай* – маленький, *еган* – река); *Сорумъеган* – «пересыхающая река». [Дмитриева, 2005]. Подобные названия выполняют функцию природной характеристики объекта.

2. Сакральность и мифология. *Тромъеган* (хант. *Торум* – верховное божество + *ехан* – «река») – «Божья река»**.** *Нумто* (ненецк. *Нум* – «небо» + *то* – «озеро») – «Небесное озеро». Подобные имена собственные выступают маркерами зон сакрального пространства [Поспелов, 2008].

3. Хозяйственная деятельность. *Самотлор* (хант. *сам* – «сердце» + *лор* – «озеро») – «озеро-сердце». Это название, отражающее округлую форму водоема, позднее приобрело всероссийскую известность благодаря открытию нефтяного месторождения [Поспелов, 2008].

При обращении к лексическому материалу важно учитывать его источниковедческий потенциал. Как справедливо подчеркивается в научной литературе, «Исследование лексических категорий и их стилистических особенностей представляет наиболее ценный по своему составу лексический ресурс» [1, с. 3]. Опора на подобный материал с привлечением этимологических и корпусных данных дает возможность увидеть не только внутреннее устройство языка, но и то, как он связан с историей и географией конкретного места.

Методика работы с лексикой многогранна. «Современное языкознание активно использует различные методы и подходы для изучения лексики, включая сравнительно-исторический анализ, этимологию, корпусные изучения и пр. Такие исследования позволяют более глубоко понять структуру и функции лексики в языке, а также ее связь с социокультурным контекстом» [2, с. 41]. Именно на этих принципах строится предлагаемый ниже анализ топонимического материала Югры. Именно эти методы лежат в основе анализа топонимического материала Югры, позволяют проследить, как слова, пришедшие из автохтонных языков, видоизменялись и адаптировались в русском языке. В процессе длительного языкового контакта автохтонные топонимы подвергались системной адаптации в русском языке. Выделяются следующие механизмы:

1. **Фонетическая адаптация.** Хантыйское название *Коголым* («вымерший мужчина») + *лор* («озеро») трансформировалось в *Когольмлор* под влиянием русской артикуляции. Аналогично, река *Вах* получила протетический звук *в-* для удобства русского произношения **[7].** Аналогично, хантыйские слова, содержащие звуки, отсутствующие в русской фонетической системе, подвергались заменам: носовые и ларингальные согласные упрощались, а сочетания согласных разделялись вставочными гласными **[5].**

2. **Морфологическая адаптация.** К хантыйским корням добавляются русские суффиксы и окончания: *Коньярка* (от *конь-яр* + рус. *-ка*), *Кальмяя* (от *каль-ма* + рус. *-я*) [4].

3. **Семантическая адаптация (калькирование).** Озеро *Емтор* (хант. *ем* – «священный» + *тор* – «озеро») переведено как «Священное озеро». Русское название «скрывает» хантыйское мышление, будучи «переодетым» в русские слова [5].

4. **Смешанная адаптация.** Река *Северная Сосьва*: мансийский корень *сос* («рукав», «протока») + коми формант *-ва* («вода») → «проточная вода». Русское уточнение «Северная» добавлено для отличия от Южной Сосьвы [7].

5. **Искусственная номинация.** Город *Ханты-Мансийск* до 1940 года носил название Остяко-Вогульск. Смена именования произошла не эволюционным путем, а в результате административного решения, в основу нового названия легли этнонимы двух коренных народов – «ханты» и «манси», что закрепило их официальное признание: этноним «ханты» + суффикс «-мансийск» (от этнонима «манси»).

Топонимическая карта Югры отражает не только языковые контакты, но и последовательность заселения территории. Наряду с автохтонными и гибридными наименованиями, выделяется поздний русский пласт. Он сформировался в период активного хозяйственного освоения и индустриализации, например, названия *Ларьяк, Покачи, поселок Белоярский.* Именно эта многослойность убедительно показывает: Югра – территория, где культурные традиции не изолированы друг от друга, а находятся в постоянном динамичном взаимодействии, порождая уникальные культурные формы.

Топонимы Югры – это не просто указатели на местности, а своего рода «говорящая карта», в которой зашифрована многовековая история межъязыковых контактов. Фонетические, морфологические и семантические преобразования демонстрируют, каким образом русский язык вбирает в себя иноязычные элементы, при этом сохраняя их исходные культурные смыслы. Осмысление топонимического материала открывает перспективы для более глубокого понимания культурного разнообразия страны, актуализирует ценность языкового наследия малых народов и имеет практическое значение – от создания экскурсионных маршрутов до разработки цифровых проектов.

Список использованных источников

1. Белькова А.Е. Контекстуальные синонимы как стилистическое средство выразительности в языке поэзии В.А. Мазина / А.Е. Белькова // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 3-9.

2. Белькова А.Е. Промысловая лексика югорских произведений как результат межэтнического взаимодействия (на материале сказов Маргариты Кузьминичны Анисимковой) / А. Е. Белькова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 39-52.

3. Белькова А.Е. Региональный сверхтекст в интерпретации этнической картины мира / А.Е. Белькова // Современная регионалистика: традиционные

подходы и новые направления: Сборник статей III Международной научной конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Н.А. Дворяшиной, Сургут, 26–27 октября 2023 года. – Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2024. – С. 89-93.

4. Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым / Т. Н. Дмитриева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 580 с.

5. Исламова Ю.В. Субстратная топонимия Нижне-Среднего Приобья / Ю. В. Исламова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Сургут, 2009. – 24 с.

6. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера / А.К. Матвеев. Часть I. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 346 с.

7. Поспелов Е.М. Географические названия России: топонимический словарь / Е. М. Поспелов. – М.: АСТ, Астрель, 2008. – 523 с.

TOPONYMY OF YUGRA AS A REFLECTION OF CULTURAL DIVERSITY AND THE HISTORY OF INTERLINGUAL INTERACTION

A.E. Konterova

Nizhnevartovsk State University,
Nizhnevartovsk, Russia

The article examines the mechanisms of adaptation of indigenous toponyms of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in the Russian language as a reflection of centuries-old interlingual contacts. The author analyzes phonetic, morphological, semantic, and mixed transformations of geographical names, as well as their role in preserving the cultural heritage of Indigenous Peoples of the North.

Keywords: toponymy, Yugra, interlingual interaction, toponymic adaptation, indigenous names, substratum toponymy.

УДК 332.1

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА: ОЦЕНКА РИСКОВ И УГРОЗ

А.Д. Котенев[1], Н.А. Осыко[2]

[1]Волгоградская академия МВД РФ, Донецкий филиал,
г. Донецк, Россия
[2]Краснодарский университет МВД России, Ставропольский филиал,
г. Ставрополь, Россия

В работе представлены теоретические подходы к определению сущности продовольственной безопасности, с акцентом на региональный аспект. Авторы сходятся во мнении о невозможности достижения продовольственного суверенитета государства, путем обеспечения продовольственной безопасности

отдельных регионов. Акцентировано внмание на необходимости развития сельскохозяйственного производства, с учетом региональных особенностей ведения хозяйственной деятельности. Анализ теоретических подходов позволил прийти к выводу о базировании продовольственной безопасности на территориальном разделении труда, учитывающим уровень потребления продовольствия, объемы переработки, а также учете существующих медициских норм потребления.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, экономическая безопасность, регион, сельскохозяйственные территории, аграрный рынок, доступность продовольствия, государственный суверенитет.

Проблематика обеспечения требуемого уровня продовольственной безопасности в настоящее время не только не теряет актуальности, но и приобретает особую значимость, как на уровне отдельных регионов, так и государства в целом.

Особую актуальность обеспечения продовольственной безопасности данная проблема приобрела в 2014 году после введения в отношении России экономических санкций, по факту являющихся элементами торговой войны. Принятие мер контрсанкционного реагирования, путем значительного увеличения объемов государственной поддержки участников аграрного рынка имеет важнейшее значение, выходящее за границы рассматриваемой отрасли хозяйствования.

Раскрывая проблему обеспечения требуемого уровня продовольственной безопасности, Абдурахманова Л.С. выделяет ряд факторов, препятствующих этому: во-первых, недостаточные темпы технико-технологической модернизации производственных фондов, приводящие к возрастанию импортозависимости в технике и иных материально-технических ресурсах; во-вторых, недоступность получения финансовых ресурсов на приемлемых условиях, что затрудняет процесс развития инфраструктуры, используемой в производстве продовольственных товаров. Современные условия хозяйствования демонстрируют наличие дисбаланса интересов производителей сельскохозяйственной продукции, ритейлеров и потребителей, заключающегося в разбалансировке механизма ценообразования и недоступности ряда продовольственных товаров отдельным категориям граждан.[1]

Характеризуя проблемы обеспечения продовольственной безопасности на региональном уровне, проанализируем авторские подходы в определении сущности данной экономической категории.

Раскрывая экономическую сущность продовольственной безопасности на региональном уровне, Косьмин А.Д. и Кузнецов В.В. указывают на ее статус, способствующий достижению государственного суверенитета. Она формирует вектор и обеспечивает баланс всех элементов системы безопасности. Базируясь на рациональном территориальном разделении труда в рамках аграрного производства, а также сочетании уровня потребления продовольственных товаров ввозимых и производимых на данной территории, продовольственная безопасность региона отражает способность производства, хранения, переработки и обеспечения продовольственными товарами населения с учетом научно-обоснованных медицинских норм. По мнению авторов, продовольственная безопасность

региона в отличие от национальной продовольственной безопасности неспособна обеспечить продовольственную независимость (автономность) государства. [3]

Трактуя продовольственную безопасность региона Яковлева С.И. и Дубинина Э.В. исходят из того, что это особое состояние экономики, характеризующее обеспеченность природно-технологическими ресурсами, потенциалом, а также необходимыми гарантиями, направленными на удовлетворение населения отдельной территории продовольственными товарами, с учетом их физиологических особенностей. [5]

Иного мнения придерживается Юнусова П.С., которая трактует указанную дефиницию как способность региона обеспечить в течение года все категории проживающего на территории стабильно действующей системой производства, хранения, переработки и продажи продовольствия в рамках научно-обоснованных медико-санитарных норм. Так, рассматривая продовольственную безопасность региона, автор раскрывает ее основные функции:

1. поддержание требуемого качества жизни населения данного региона, с учетом воспроизводства рабочей силы;

2. планомерное сокращение транспортно-заготовительных расходов;

3. обеспечение финансовой стабильности региона, в рамках дополнительных мер государственной поддержки;

4. недопущение дефицита продовольствия, прежде всего, в отношении социально незащищенных слоев населения;

5. наращивание производственного потенциала на основе стимулирования хозяйственной деятельности участников аграрного рынк. [4][

Обеспечение продовольственной безопасности во многом достигается благодаря сельскохозяйственному производству, роль и значение которого Баранова И.В. сводит к следующему:

1. обеспечение продовольствием население государства: стабильное функционирование производства способствует удовлетворению базовой потребности человека в продуктах питания;

2. формирование предложения на продовольственном рынке: выступая базовой отраслью аграрного производства, сельское хозяйство является основным источником производства продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья;

3. стабильное функционирование финансовой системы государства: спрос, формирующийся со стороны потребителей, прежде всего, базируется на потребности в продуктах питания, что находит свое отражение в устойчивости финансовой системы государства;

4. физическая доступность продовольственных товаров: ориентация на интенсификацию сельскохозяйственного производства в условиях разнородности природно-климатических условий хозяйствования;

5. экономическая доступность продовольствия: наличие риска в производственном процессе, заставляет производителей отражаеть его в цене готовой продукции. [2]

Таким образом, проблема продовольственной безопасности на уровне региона обусловлена комплексом объективных противоречий между растущими требованиями к устойчивости продовольственных систем, а также условий, которые выступают ограничителями указанного потенциала в развных субъектах государства. Глобальные вызовы современности в виде санкционых ограничений повышают зависимость отдельных территорий (регионов) от ряда внешних негативных факторов. Вместе с тем, специфика субъектов государства порождает неравномерность в имеющихся и формирующихся возможностях достижения требуемого уровня продовольственной безопасности.

Список использованных источников

1. Абдурахманова Л.С. Продовольственная безопасность региона: сущность, угрозы, факторы ее определяющие / Л.С. Абдурахманова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2016. – № 3 (65). – С. 20-25.

2. Баранова И.В. Роль сельского хозяйства в обеспечении продовольственной безопасности России / И.В. Баранова // Сибирская деревня: 70 лет с начала освоения целинных и залежных земель в России: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию с начала освоения целинных и залежных земель в России, Омск, 06 июня 2024 года. – Омск: Омский ГАУ им. П.А, Столыпина. – 2024. – С. 4-8.

3. Косьмин А.Д. Об измерении динамической системы продовольственной безопасности на региональном уровне / А.Д. Косьмин, В.В. Кузнецов // Право и управление. – 2023. – №4. – С. 15-27.

4. Юнусова П.С. Региональный уровень продовольственной безопасности: специфика, факторы обеспечения / П.С. Юнусова // Национальные интерес: приоритеты и безопасность. – 2009. – № 16. – С. 59–64.

5. Яковлев С.И. Анализ состояния продовольственной безопасности региона (на примере республики Башкортостан) / С.И. Яковлев, Э.В. Дубинин / Тенденции развития науки и образования. – 2023. – №102-4. – С. 83-87.

FOOD SECURITY IN THE REGION: ASSESSMENT OF RISKS AND THREATS

A.D. Kotenev[1], N.A. Osiko[2]

[1]Volgograd academy of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation, Donetsk branch, Donetsk, Russia
[2]Krasnodar university of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation, Stavropol branch, Stavropol, Russia

This paper presents theoretical approaches to defining the essence of food security, with an emphasis on the regional aspect. The authors agree that it is impossible to achieve state food sovereignty by ensuring food security for individual regions.

Emphasis is placed on the need to develop agricultural production, taking into account regional economic characteristics. An analysis of these theoretical approaches led to the conclusion that food security is based on a territorial division of labor, taking into account food consumption levels, processing volumes, and existing health standards.

Keywords: food security, economic security, region, agricultural territories, agricultural market, food availability, state sovereignty.

УДК 372.881.1

ПРЕПОДАВАНИЕ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

С.В. Кудряшова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Поволжский институт управления имени П.А.Столыпина – филиал, г. Саратов, Россия

Статья посвящена организации домашнего чтения на иностранном языке с учетом нового подхода к обучению. Особое внимание уделяется разработке разнообразных заданий с применением информационно-коммуникационных технологий, направленных на формирование продуктивных навыков и умений. Предлагаемые виды работы способствуют повышению мотивации студентов, активизации их самостоятельной деятельности и превращению домашнего чтения в интересный и эффективный компонент обучения иностранному языку.

Ключевые слова: чтение, домашнее чтение, иностранный язык, коммуникативный метод, информационно-коммуникационные технологии.

В нашем исследовании мы подробно остановимся на таком компоненте дисциплины «Иностранный язык» как домашнее чтение. Обучение чтению считается обязательным этапом для овладения иноязычной коммуникативной компетенцией, однако в связи с изменением подхода к преподаванию иностранного языка и активному проникновению информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ) в образовательный процесс методика обучения чтению изменилась.

Сегодня в связи с доминированием коммуникативного подхода в обучении иностранным языкам практика использования домашнего чтения существенно сократилась или практически полностью исчезла. Приоритет отдается устной коммуникации, диалогам и ролевым играм, которые обеспечивают более эффективное овладение языковой компетенцией. На занятиях можно отметить применение метода «интенсивного» чтения, то есть чтения небольших по объему текстов. Таким образом, изучая иностранный язык в течение нескольких лет, обучающиеся могут не прочитать ни одной книги на этом языке [2, с. 2].

К сожалению, отмечается заметный спад интереса обучающихся к чтению объемных текстов. Современным студентам с их клиповым сознанием сложно концентрироваться на чем-то длительное время, а также скучно выполнять условно-речевые упражнения. Поэтому преподавание домашнего чтения требует качественно нового подхода, который бы позволил выявить новые пути для достижения целей обучения с учетом положений современной методики преподавания и уровня развития современных ИКТ [1, с.253].

Роль домашнего чтения как формы самостоятельной работы на бумажных или статичных электронных текстах значительно снизилась, уступая место интерактивным и мультимодальным формам учебных активностей. Домашнее чтение, по нашему мнению, должно представлять собой не просто традиционную книгу с символами, а некий гипертекст, включающий в себя аудио и видеоматериалы, интерактивные и творческие задания, проекты, презентации, ролевые игры, общение на форумах и в социальных сетях, гиперссылки на справочные материалы и т.д. В процессе работы с текстом студентам можно предложить проблемно-ориентированные коммуникативные задания, поиск необходимых данных, систематизацию полученной информации, обсуждение в режиме «мозговой атаки», формулирование выводов и заключений и презентацию результатов [1, с.253-254]. Работа с текстом должна быть ориентирована на развитие продуктивных умений в устной и письменной речи. Таким образом, современные ИКТ внедряются в традиционное обучение и предоставляют обучающимся более разнообразные, эффективные и интерактивные возможности для освоения иностранного языка. Они способствуют активному вовлечению обучающихся, повышают мотивацию и обеспечивают немедленную обратную связь, что существенно превосходит по эффективности традиционные формы самостоятельной работы с текстами.

Работа с текстом до чтения, нацеленная на создание мотивации к чтению и развитие способности предполагать, предвидеть содержание текста, используя заголовки, иллюстрации, фоновые знания, должна быть разнообразной, интерактивной, творческой и по возможности персонифицированной. Например, можно предложить задание на развитие языковой догадки и формирование первичных ожиданий от текста. Студенты получают изображение обложки книги, название и имя автора. На интерактивной доске с помощью таких инструментов как *Padwork, VK Доска, Unidraw* они отвечают на вопросы о возможном сюжете произведения, жанре, основных проблемах и т.д. Затем группы представляют свои гипотезы и аргументируют их на языке оригинала.

Следующее задание нацелено на актуализацию лексики по теме произведения. Преподаватель предлагает название книги, имя главного героя или тематическое слово. Студенты составляют ассоциограмму на языке оригинала, наполняя ее ассоциациями, возникающими еще до чтения текста. Для этого можно воспользоваться онлайн-сервисами *Mentimeter, Wordwall, AnswerGarden*. После создания облака слов они объединяют слова в тематические группы, выбирают наиболее важные слова и составляют с ними предположения о содержании книги, отмечают незнакомые слова.

Далее обучающиеся знакомятся с историческим и культурным контекстом произведения, ищут информацию о писателе, его эпохе, современниках, истории написания произведения, месте действия, историческом периоде, социальных и культурных реалиях, особенностях быта и готовят презентацию или интерактивную карту с комментариями на языке оригинала. В виде проектной деятельности можно предложить студентам подготовить квест по произведению, по биографии писателя, по описанной эпохе или культурному событию, упомянутому в тексте.

С помощью *МТС Линк Доски, Joyteka, QuizWhizzer* преподаватель предлагает фотографии, иллюстрации, цитаты, имена или краткие описания предполагаемых персонажей, а студенты должны сопоставить имя и описание; определить возможные отношения между героями; предположить возраст, профессию и характер персонажей; составить «паспорт героя». Затем группы создают схему предполагаемых связей между персонажами.

Для контроля знаний о биографии писателя, реалиях, символах и культурных особенностей, которые могут встретиться в тексте, обучающимся можно предложить квиз с помощью *Google Lens, майКвиз, Quaize.* Студентам демонстрируются изображения предметов, блюд, праздников, жестов, элементов одежды или архитектуры, связанных с культурой произведения. Они определяют что изображено, в каком контексте это может использоваться, какое значение может иметь, существует ли аналог в их собственной культуре. После обсуждения обучающиеся составляют цифровой мини-словарь культурных реалий. Студентам предлагаются следующие задания: расположить события биографии в хронологическом порядке; сопоставить произведения и даты их создания; определить, какие факты могли повлиять на сюжет; выбрать достоверные и недостоверные сведения.

Отмечается интерес у обучающихся к работе с трейлером или фрагментом экранизации произведения. После просмотра студенты сравнивают свои предположения с аннотацией книги и обсуждают возможное развитие сюжета. Таким образом, совершенствуется умение прогнозировать содержание и анализировать визуальную информацию.

Используя онлайн-сервисы *Wordwall, Baamboozle, LearningApps,* преподаватель подбирает слова и выражения, которые встретятся в первых главах. Студенты сопоставляют слово с переводом или определением; находят лишнее слово; распределяют лексику по тематическим группам; угадывают значение по контексту; составляют предложения; записывают произношение сложных слов. Эти задания позволяют снять языковые трудности перед чтением оригинала.

Преподаватель предлагает несколько выразительных цитат из произведения. Студенты обсуждают, кто мог произнести эту фразу; кому она адресована; какие эмоции она выражает; в какой ситуации могла возникнуть. После чтения соответствующего фрагмента обучающиеся проверяют свои версии.

Для развития навыка говорения преподаватель предлагает студентам оживить персонажа. Обучающиеся получают краткое описание предполагаемого персонажа и создают аудио- или видеосообщение от его имени. В сообщении

необходимо представиться, рассказать о своём характере, описать жизненную ситуацию, выразить ожидания или опасения и т.д.

Работа с текстом во время чтения направлена на понимание содержания. Обучающиеся ведут дневник с помощью *Google Docs, Яндекс Документы, Padwork*, в который записывают факты, цитаты, характеристики персонажей и свое отношение к событиям и героям. Преподаватель обязательно должен контролировать понимание прочитанного, оценивать правильность умозаключений студентов, их умение осмыслить содержание и дать критическую оценку.

Сервисы *МТС Линк Доски, Flyvi, MindMeister* могут помочь студентам создать интерактивную карту персонажей с указанием имени, роли в сюжете, их внешности, черт характера, отношений с другими персонажами, ключевых поступков, цитат, подтверждающих характеристику.

Чтобы уметь анализировать авторский язык и контекст преподаватель загружает фрагмент текста, а студенты оставляют комментарии непосредственно рядом с предложениями. Они могут отмечать незнакомую лексику, метафоры и сравнения, важные детали, признаки характера героя, эмоционально окрашенные выражения. Каждый студент должен добавить несколько комментариев и ответить хотя бы на один комментарий одногруппника на языке оригинала.

Для развития умения понимать незнакомую лексику без постоянного обращения к словарю можно составлять глоссарий не в традиционном виде на бумажном или электронном носителе, а в приложениях *Quizlet, Lingualeo, Anki*. Там же параллельно создаются мини-игры для лучшего запоминания незнакомой лексики. Во время чтения студенты выбирают незнакомые слова, записывают предполагаемое значение, способ догадки, значение, найденное в словаре, и собственный пример. Затем преподаватель предлагает мини-тест: выбрать значение слова по контексту; сопоставить слово с определением; найти слово в тексте; определить его часть речи; заменить его синонимом. Важно оценивать не количество найденных слов, а способность использовать контекст и языковую догадку.

С помощью интерактивной карты *Google My Maps, Конструктор карт Яндекса, Genially* обучающиеся отмечают места, упомянутые в книге. К каждой точке они могут добавлять название места, цитату из текста, описание атмосферы, изображение, информацию о том, что произошло в этом месте, эмоциональную характеристику.

В качестве тренировки слуховых навыков можно использовать приложения по озвучиванию текста голосами известных людей, такие как *Zvukogram, Speechify, NaturalReader*. Это поддержит интерес к читаемому произведению, даст возможность развивать навыки аудирования, а кроме того, проверить корректность произношения.

Для развития навыка устной речи обучающиеся могут сами записывать монологи персонажей, а одногруппники должны прослушать сообщения и угадать героя, приводя доказательства из текста.

С помощью *VK Teams, Steam, Google Slides* обучающиеся могут создать виртуальный чат между персонажами. Реплики должны соответствовать характеру героя, его эмоциональному состоянию, отношениям с другими

персонажами и ситуации, описанной в книге. После создания чата студенты объясняют, почему герой использовал именно такие слова, какие чувства скрываются за репликами.

Помимо традиционного пересказа стоит предложить обучающимся диалоговую форму взаимодействия с выдвижением доказательств, аргументов и контраргументов, различные виды рассуждения, интерпретации.

Цель работы с текстом после чтения состоит в достижении понимания текста на уровне смысла и контроле понимания прочитанного. Студенты создают «социальную сеть» персонажа. Между героями они проводят линии разных типов: дружба, конфликт, родственные связи и т.д. Каждая связь должна быть подтверждена цитатой или эпизодом из книги. Можно предложить представить, как выглядел бы профиль героя в социальной сети: фотография, статус, подписки, публикации и комментарии.

С целью развития навыка устной речи, аргументации и интерпретации текста обучающиеся записывают подкаст в виде литературного обозрения, интервью с персонажем, сравнительного анализа книги и её экранизации или дискуссии между сторонниками разных интерпретаций.

Для развития навыка письма преподаватель предлагает студентам составить рецензию на книгу. В ней необходимо представить автора и произведение, обозначить жанр, кратко описать сюжет без подробного пересказа, охарактеризовать главных героев, назвать сильные и слабые стороны книги, выразить собственное мнение, порекомендовать или нет произведение определённой аудитории.

С помощью *Шедеврум, CapCut, Adobe Express* студенты могут создать буктрейлер. Он должен содержать название произведения и имя автора, ключевую проблему, визуальные образы, призыв прочитать книгу.

Обучающиеся могут разрабатывать собственные упражнения для тренировки тех или иных навыков. *Learningapps, Wordwal, DiaClass* помогают создавать интерактивные упражнения, чтобы студенты в игровой форме могли закрепить свои знания.

Организация обучения домашнему чтению на иностранном языке на сегодняшний день предполагает применение интегрированных мультимодальных платформ, адаптивных систем и автоматизированных средств оценки. Это обеспечивает индивидуализированный подход и повышает эффективность учебного процесса, делая его более гибким и соответствующим современным требованиям цифровой эпохи.

Обучающийся становится активным участником образовательного процесса, а преподаватель выступает в роли помощника, направляющего и стимулирующего обучение. Преподаватель обязательно должен контролировать понимание прочитанного, оценивать правильность умозаключений студентов, их умение осмыслить содержание и дать критическую оценку.

Безусловно, важна роль и компетентность преподавателя, который может поставить верные цели, спланировать ход занятия и разработать необходимые задания для развития определенных навыков. На первый план выходит

педагогическое мастерство преподавателя и его умение внедрять ИКТ в образовательный процесс.

Список использованных источников

1. Зимина Е. А. Преподавание домашнего чтения на занятиях по немецкому языку с использованием информационно-коммуникационных технологий (из опыта работы в неязыковом вузе) / Е. А. Зимина // Научный диалог. – 2018. – № 8. – С. 247–260.

2. Крашенинникова Н. А. Easy Reading: методическое пособие по домашнему чтению для студентов неязыковых специальностей вузов / Н. А. Крашенинникова, О. И. Осетрова. – Ульяновск: УлГУ, 2013. – 52 с.

TEACHING HOME READING IN A FOREIGN LANGUAGE USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

S.V. Kudryashova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch, Saratov, Russia

This article is devoted to organizing home reading in a foreign language activities based on a new approach to teaching. Particular attention is paid to developing a variety of tasks using ICT, aimed at developing productive skills and abilities. The proposed activities help increase student motivation, promote independent learning, and transform home reading into an engaging and effective component of foreign language learning.

Keywords: reading, home reading, foreign language, communicative method, information and communication technologies.

УДК 811.581

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ОБЩЕНИИ

Тяньюй Ли

Хубэйский технологический университет, Инженерно-технический институт, провинция Хубэй, Китай

В статье рассматриваются ключевые различия русского и китайского речевого этикета в контексте межкультурной коммуникации. Анализируются системы обращений, стратегии вежливости и статусная ориентация.

Обосновывается необходимость учёта культурно обусловленных норм для повышения эффективности российско-китайского взаимодействия.

Ключевые слова: речевой этикет, межкультурная коммуникация, система обращений, вежливость, статусная иерархия.

Речевой этикет представляет собой совокупность языковых средств и коммуникативных стратегий, регулирующих речевое поведение в соответствии с социальными нормами и культурными традициями. В условиях интенсификации российско-китайских контактов в политической, экономической и гуманитарной сферах проблема сопоставительного изучения русского и китайского речевого этикета приобретает особую актуальность, поскольку незнание культурно обусловленных различий может приводить к коммуникативным сбоям и формированию искажённых представлений о партнёре. Как справедливо отмечают исследователи, речевой этикет является явлением комплексным, включающим гетерогенные элементы плана выражения и восприятия, формировавшиеся у разных народов в течение значительных временных отрезков и продолжающие меняться под влиянием современного уклада жизни[1].

Система обращений является одним из наиболее ярких маркеров культурных различий между русским и китайским речевым этикетом. Комплексный сопоставительный анализ, проведённый на материале типовых коммуникативных сценариев и данных национальных корпусов, показал, что русская система обращений демонстрирует высокую степень вариативности, экспрессии и индивидуализации, тогда как китайская система характеризуется ритуализованностью, стабильностью и ориентацией на статусную иерархию . В русской коммуникативной традиции обращение по имени и отчеству является универсальной этикетной нормой, выражающей уважение и одновременно сохраняющей определённую дистанцию. Обращения по должности, профессии или социальному статусу в русском речевом этикете используются крайне ограниченно, преимущественно в официальных контекстах. В китайской культуре, напротив, обращение по профессии или должности является обязательным элементом коммуникации: слова «преподаватель», «директор», «врач» функционируют как этикетные формулы не только в профессиональной сфере, но и в повседневной жизни, как между малознакомыми, так и между близкими людьми . Более того, в китайском деловом общении не принято обращаться к подчинённым по имени ни в официальной, ни в неофициальной ситуации: используются конструкции с фамилией и компонентами «сяо» (маленький) или «лао» (старший) в зависимости от возрастного соотношения, а обращение по имени допустимо только со стороны близких друзей или родственников[2].

Использование местоимений «ты» и «вы» в русском и китайском языках обнаруживает существенные функциональные расхождения, которые нередко становятся источником коммуникативных трудностей. В русском языке выбор между «ты» и «вы» регулируется достаточно строгими правилами: «вы» используется при обращении к незнакомому или малознакомому адресату, в официальной обстановке, при подчёркнуто вежливом отношении, а также к старшему по

положению или возрасту; «ты» маркирует близкие, дружеские или фамильярные отношения и используется при обращении к младшему . В китайском языке, несмотря на наличие аналогичных форм «ни» и «нин», условия их употребления существенно иные. Форма «нин» используется значительно реже, чем европейское «вы», преимущественно по отношению к пожилым или малознакомым людям, тогда как «ни» функционирует как основная форма обращения в большинстве ситуаций, не являясь при этом полным аналогом русского «ты» . Показательно, что в китайской культуре руководитель обычно обращается к подчинённым на «ни», а использование «нин» в этом контексте может сигнализировать о напряжённой ситуации или намёке на увольнение; подчинённый же обращается к руководителю на «нин», что объясняется дистанцией власти и авторитетом . Таким образом, китайская система местоимений закрепляет асимметрию статусов, тогда как русская в большей степени ориентирована на тип отношений между коммуникантами [3].

Категория вежливости, являющаяся функционально-семантической универсалией, приобретает в каждой культуре специфические формы выражения. Культурологическое исследование различий между стереотипами русского и китайского речевого этикета выявило, что русский речевой этикет подчёркивает формальность и иерархичность, в то время как китайский ценит гармонию и коллективизм. Китайская коммуникативная культура характеризуется повышенной степенью вежливости, особенно к людям, старшим по возрасту или социальному положению, отсутствием категоричности в высказываниях и эмоциональной сдержанностью. Этикетной нормой в Китае считается избегание прямого отказа: китайцы готовы привести множество доводов и причин, чтобы обосновать нежелание выполнить просьбу, тогда как в русской культуре прямой отказ воспринимается как допустимая и даже предпочтительная форма коммуникации. Аналогичным образом различаются стратегии реагирования на похвалу: в ответ на комплимент китаец, следуя традиции самоумаления, начинает говорить о своих недостатках, что может быть неверно истолковано носителем русской культуры как излишняя самокритичность или даже неискренность [4].

Невербальный компонент речевого этикета также обнаруживает существенные культурные различия, которые необходимо учитывать в межкультурной коммуникации. В китайской культуре улыбка выполняет функцию, существенно отличную от русской: она не обязательно отражает реальные чувства говорящего, а является признаком уважительного отношения к собеседнику, которому не следует показывать свои истинные эмоции. Улыбка в Китае допустима даже при сообщении о неприятных событиях, что может восприниматься носителями русской культуры как неуместная или даже оскорбительная реакция . Кроме того, в Китае не принято делать замечания малознакомым или незнакомым людям, тогда как в России подобные коммуникативные акты considered допустимыми и даже ожидаемыми в определённых ситуациях. Для русской коммуникативной культуры характерна допустимость спора в гостях, который

рассматривается как форма общения, тогда как в китайской культуре спор с большой вероятностью будет воспринят как ссора и нарушение гармонии [5].

Таким образом, русский и китайский речевой этикет демонстрируют существенные различия в системах обращений, стратегиях вежливости, использовании местоимений «ты/вы» и невербальных компонентах коммуникации. Русская система характеризуется большей вариативностью и ориентацией на тип межличностных отношений, тогда как китайская отличается ритуализованностью, статусной иерархичностью и ориентацией на поддержание гармонии. Эти различия, укоренённые в историко-культурных традициях и подкреплённые когнитивными механизмами носителей языка, требуют целенаправленного изучения в рамках межкультурной коммуникации и преподавания русского и китайского языков как иностранных.

Список использованных источников

1. Ван Ляньцэнь. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ // Мир русскоговорящих стран. 2021. №4 (10). С. 52-67.

2. Хуэй Ян. Национально-культурная семантика русских и китайских антропонимов / Хуэй Ян, Юй Чжан, М. С. Соловьева // Вестник СВФУ. 2017. № 1 (57). С. 135-146.

3. Ван Цуйцуй, Руженцева Наталья Борисовна. Китайское и русское обиходно-бытовое и деловое общение: формулы речевого этикета // Педагогическое образование в России. 2016. №10. С. 31-37.

4. Цзян Сюй. Изучение китайско-русских межкультурных коммуникативных непониманий / Сюй Цзян. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2020. № 35 (325). С. 213-217.

5. Сюн Ц. Речевой этикет в русской и китайской лингвокультурах (на примере обращения и приветствия) // Litera. 2021. № 5. С. 47-58.

FEATURES OF SPEECH ETIQUETTE IN RUSSIAN AND CHINESE COMMUNICATION

Tianyu Li

Engineering and Technical Institute Hubei University of Technology, Hubei Province, China

The article examines the key differences between Russian and Chinese speech etiquette in the context of intercultural communication. The systems of address, politeness strategies, and status orientation are analysed. The necessity of taking culturally determined norms into account to improve the effectiveness of Russian-Chinese interaction is substantiated.

Keywords: speech etiquette, intercultural communication, system of address, politeness, status hierarchy.

УДК 32.019

ОБРАЗ КИТАЯ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МЕДИА

Тяньюй Ли

Хубэйский технологический университет, Инженерно-технический институт,
провинция Хубэй, Китай

В статье рассматриваются особенности конструирования образа Китая в российском медиапространстве в условиях углубления двусторонних отношений. Анализируются тематические приоритеты государственных и деловых изданий, роль культурной повестки и экономических нарративов. Выявляются различия в стратегиях фрейминга в зависимости от типа медиа и целевой аудитории.

Ключевые слова: образ Китая, российские медиа, медиадискурс, культурный фрейминг, российско-китайские отношения.

Современный этап российско-китайских отношений характеризуется беспрецедентной интенсивностью политического, экономического и гуманитарного взаимодействия, что закономерно отражается в медийном пространстве и актуализирует исследовательский интерес к проблематике конструирования образа Китая в российских средствах массовой информации. Актуальность данной темы обусловлена как возрастающей ролью медиа в формировании массовых представлений о внешнем мире, так и практическими потребностями выстраивания эффективной коммуникационной политики в условиях трансформации системы международных отношений. Образ Китая, репрезентируемый в российских медиа, представляет собой сложный, многослойный конструкт, в котором переплетаются исторические стереотипы, актуальные политические и экономические интересы, культурные коды и запросы различных аудиторных сегментов[1].

Теоретико-методологическая база исследования образа Китая в российских медиа опирается на междисциплинарный синтез теорий медиадискурса, межкультурной коммуникации, лингвистики и международных отношений. Как отмечается в научной литературе, российские СМИ формируют образ Китая с опорой на внутренние запросы и прагматические интересы, тогда как китайские издания подают образ России в стратегическом и культурно-историческом контексте. Данное наблюдение имеет принципиальное значение для понимания логики медийного конструирования: образ Китая в российском медиапространстве является не столько отражением объективной реальности, сколько продуктом целенаправленной работы журналистов и редакций, ориентированных на выполнение конкретных идеологических, политических и коммерческих задач. Новые медиа расширили возможности трансляции образов, но одновременно усилили конкуренцию за внимание аудитории, что влияет на глубину и качество контента [2].

Анализ тематических приоритетов российских медиа при освещении Китая демонстрирует устойчивое доминирование экономической проблематики. Согласно данным контент-анализа русскоязычных и англоязычных материалов

телеканала Russia Today за 2023–2025 годы, экономика и энергетика составляют 36% от общего объема сюжетов, связанных с Китаем, тогда как культурный обмен занимает 28%, политика безопасности – 22%, а сюжеты в жанре human-interest – 14%. Экономический фокус подкрепляется данными о рекордном двустороннем товарообороте, объем которого в 2024 году достиг 240 миллиардов долларов США. Показательно, что культурные сюжеты часто используются в качестве инструмента смягчения дискурса об экономической асимметрии, отмечаемой внешними аналитиками: позитивные культурные нарративы призваны компенсировать потенциально проблемные аспекты торгово-экономических отношений и создать общий благоприятный фон для восприятия Китая российской аудиторией [3].

Различия в стратегиях культурного фрейминга, выявленные в различных сегментах российского медиапространства, представляют особый исследовательский интерес. Официальные и деловые издания, такие как «Российская газета» и «Коммерсантъ», проявляют устойчивую тенденцию конструировать институционализированный, модернизированный и политически значимый образ Китая, систематически интегрируя культурные элементы в нарративы дипломатии, глобального управления, экономического сотрудничества и технологического развития. Такая подача ориентирована на формирование у аудитории представления о Китае как о стратегическом партнере и современном акторе мировой политики. В противоположность этому, развлекательные издания, в частности «Комсомольская правда», делают акцент на праздничных, повседневных и частично экзотизированных аспектах китайской культуры, адаптируя её к запросам массовой аудитории и подчеркивая визуальную привлекательность, традиционные практики и элементы культурного быта. Подобные различия указывают на многослойность медиадискурса и на то, что образ Китая формируется в зависимости от жанровой специфики и целевой аудитории каждого средства массовой информации [4].

Особого внимания заслуживает эволюция тематических акцентов в освещении Китая, отражающая общую динамику двусторонних отношений. Исследование телеканала Russia Today фиксирует переход от преимущественно культурного обмена к экономическому альянсу как доминирующей рамке репрезентации. Культурный блок, опирающийся на статистику перевода китайской литературы (400 китайских книг изданы в России в 2014–2023 годах) и планы совместного кинопроизводства, выполняет функцию гуманитарного обеспечения экономической повестки, тогда как собственно экономические сюжеты формируют ядро медийного образа Китая. Данная тенденция согласуется с официальной риторикой, подчеркивающей стратегический характер российско-китайского партнерства и его роль в построении многополярного мира.

Данные социологических исследований позволяют оценить эффективность медийных стратегий в формировании массовых представлений о Китае. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в июле 2026 года, 60% россиян ассоциируют Китай прежде всего с сильной экономикой и производственной мощью, тогда как культура и история занимают второе место по популярности ассоциаций (47%). При этом среди молодежи культурно-историческое измерение выходит на первый план, опережая экономические и производственные

характеристики. Показательно, что интерес к китайской культуре остается ограниченным: большинство молодых россиян, как и респондентов в целом, не смогли назвать ни одного произведения или автора китайской литературы. Туристический образ Китая оказался значительно менее выраженным – его упомянули лишь 8% опрошенных. Географическая близость влияет на восприятие страны: жители Дальневосточного федерального округа почти в 1,3 раза чаще называют Китай дружественным государством и союзником и положительнее оценивают двусторонние отношения. Эти данные свидетельствуют о том, что медийный образ Китая, будучи в целом позитивным и дружественным, остается преимущественно экономически детерминированным, а культурная составляющая выполняет скорее декоративную, нежели содержательную функцию [5].

Таким образом, образ Китая в современных российских медиа представляет собой динамичный, многоуровневый конструкт, в котором доминируют экономические и политические нарративы, подкрепленные культурными сюжетами преимущественно инструментального характера. Официальные и деловые издания конструируют образ Китая как стратегического партнера и современного глобального актора, интегрируя культурные элементы в более широкие нарративы сотрудничества и развития. Развлекательные медиа предлагают аудитории более доступный, экзотизированный и визуально ориентированный образ, адаптированный к запросам массового читателя. Социологические данные подтверждают эффективность медийных стратегий в формировании позитивного и дружественного восприятия Китая, хотя глубина знакомства с китайской культурой остается ограниченной.

Список использованных источников

1. Кирсанова А. М. Образ Китая в российских специализированных Интернет-СМИ // Архонт. 2019. №3 (12). С. 55-61.

2. Ли Цичжэн. Образ Китая в современных российских СМИ (по материалам Национального корпуса русского языка) // Litera. 2024. №5. С. 51-60

3. Го Лицзюнь. Образ цифрового Китая в российских средствах массовой информации // Научный диалог. 2020. № 10. С. 26-36.

4. Бицуева И. В. Эволюция образа Китая в российских СМИ (XVIII - начало XX вв.) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 4 (96). С. 97-103.

5. Хабаров А. А., Чудинов А. П., Ян Кэ. Образ Китая в российских и американских СМИ // Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92). С. 159-171.

THE IMAGE OF CHINA IN MODERN RUSSIAN MEDIA

Tianyu Li

Hubei University of Technology, Engineering and Technical Institute, Hubei Province, China

The article examines the features of constructing the image of China in the Russian media space amid the deepening of bilateral relations. The thematic priorities of

state and business publications, the role of the cultural agenda and economic narratives are analysed. Differences in framing strategies are identified depending on the type of media and the target audience.

Keywords: image of China, Russian media, media discourse, cultural framing, Russian-Chinese relations.

УДК 378.18:004

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ КУРАТОРА СТУДЕНЧЕСКОЙ ГРУППЫ В ВУЗЕ

Сюй Лю, М.Г. Сергеева

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Статья посвящена актуальной проблеме модернизации системы управления воспитательной деятельностью в вузе в контексте цифровизации образования. Целью работы является анализ и систематизация цифровых инструментов и технологий, способствующих повышению эффективности работы кураторов студенческих групп. В статье рассматривается потенциал использования информационно-коммуникационных технологий, платформ управления обучением (Learning Management Systems, LMS), мессенджеров, онлайн-опросов, элементов геймификации и аналитики обучения (learning analytics) в процессах планирования, организации, мотивации и педагогического мониторинга воспитательной работы. Особое внимание уделяется трансформации функций педагогического менеджмента в цифровой среде. На основе проведенного анализа авторами предложены практические рекомендации по интеграции современных цифровых решений в деятельность кураторов, что позволяет оптимизировать взаимодействие со студентами и повысить качество воспитательного процесса.

Ключевые слова: педагогический менеджмент; куратор студенческой группы; цифровая трансформация; воспитательная работа; цифровые инструменты; мотивация студентов; педагогический мониторинг; аналитика обучения; высшее образование; цифровая среда.

Сегодня цифровая трансформация высшей школы вышла за рамки популярного тренда – это базовое условие, без которого невозможно говорить ни о конкурентоспособности университета, ни о качестве подготовки выпускников. Подобные масштабные сдвиги в информационной среде неизбежно влекут за собой пересмотр устоявшихся подходов. И если дидактика адаптируется к ним сравнительно быстро, то сфера воспитательной работы со студентами требует серьезного концептуального обновления.

Опираясь на позиции И.Е. Жуковской и Г.Н. Крайнова, можно констатировать: цифровизация пронизывает все уровни университетской экосистемы. В этих условиях привычные методы педагогического воздействия стремительно

теряют эффективность, если их не адаптировать к новым реалиям [1]. Важно понимать, что внедрение технологий приносит не только новые возможности. Оно порождает целый комплекс организационных и психолого-коммуникативных вызовов, что диктует острую потребность в более гибком педагогическом сопровождении [2].

Особенно ярко это проявляется при работе с нынешними студентами, которые выросли в цифровой среде (так называемые digital natives). У современных студентов когнитивный профиль и сама манера работать с информацией выглядят довольно специфично. На первый план выходит клиповое мышление, остро ощущается потребность в мгновенной обратной связи, а объёмным классическим текстам всё чаще предпочитают визуальные форматы. Для традиционной системы кураторства в высшей школе эти особенности создают серьёзное напряжение. Она ведь исторически опиралась прежде всего на очные групповые встречи и устное инструктирование. Исследования цифровых навыков российских студентов, которые провели Ф. К. Уракова с коллегами, показывают: анализ цифровых компетенций учащихся остаётся очень востребованным направлением. Кроме того, полученные ими данные убеждают в том, что нельзя обойтись без учёта реального опыта взаимодействия студентов с цифровой образовательной средой [8].

Актуальность работы вырастает из довольно явного разрыва, который сложился сегодня в педагогической науке и практике.С одной стороны, существует объективная необходимость адаптировать методы педагогического менеджмента к условиям и реалиям цифровой эпохи. С другой стороны, методические основы применения цифровых инструментов непосредственно в повседневной деятельности куратора разработаны недостаточно полно. Проблемы цифровой дидактики сегодня достаточно широко освещены в российской и зарубежной научной литературе. При этом управленческие аспекты воспитательной работы в условиях цифровой среды изучены крайне фрагментарно.Существует разрыв между высоким техническим потенциалом современных цифровых платформ и аналитических инструментов (LMS, learning analytics, цифровой след) и их недостаточной интеграцией в повседневную практику наставников студенческих групп.

Целью данной статьи является комплексный анализ и систематизация цифровых инструментов, способных оптимизировать управленческие функции куратора, а также разработка практических рекомендаций по их внедрению в воспитательный процесс.

Основная часть

В структуре педагогического менеджмента деятельность куратора студенческой группы традиционно включает четыре ключевые функции: планирование, организация, мотивация и контроль. Цифровая трансформация вносит существенные коррективы в реализацию каждой из этих функций, предлагая новые инструменты для оптимизации воспитательного процесса. Проведенный нами анализ позволяет классифицировать цифровые инструменты куратора на четыре основные группы: коммуникационные, организационно-управленческие, мотивационные и аналитические. Рассмотрим каждую из них подробнее.

1. Коммуникационные инструменты и оперативное управление

Первая группа инструментов обеспечивает функцию оперативного управления и поддержания постоянной связи с группой. Традиционные стенды с расписанием и объявлениями в деканате практически полностью вытеснены цифровыми каналами. Мессенджеры (Telegram, WhatsApp) и социальные сети (ВКонтакте) становятся основной средой для информирования и сплочения коллектива.

При этом простое создание группового чата не дает ожидаемого эффекта. Для эффективного использования мессенджеров необходимо заранее сформировать единые правила «цифрового этикета» и четкую структуру коммуникации между участниками. В повседневной работе куратору целесообразно изначально разделить цифровые каналы коммуникации со студенческой группой. Каждый из них должен решать строго определенный круг задач.

Например, информационный канал целесообразно использовать исключительно для односторонней передачи официальных сведений от наставника к группе. Именно этот канал подходит для публикации официальных распоряжений, объявлений и информации о жестких дедлайнах по учебному процессу. Комментарии здесь лучше отключить – тогда важные объявления не потеряются в бесконечном потоке нерелевантной студенческой переписки.

Для свободного общения и обсуждений есть отдельный общий чат. Именно там кипит неформальная жизнь: можно задать любой вопрос, поделиться мнением о том, что сейчас волнует. Если куратор регулярно туда заглядывает, такой чат становится для него удобным рабочим инструментом. Он даёт возможность быстро улавливать настроения и проблемы в группе, запускать экспресс-опросы, а заодно гасить назревающие конфликты в самом начале.

Отдельный чат с активом – со старостой, профоргом и другими ответственными ребятами – нужен для более оперативного взаимодействия по текущим вопросам. Такой формат удобен при координации организационных вопросов, распределении поручений и подготовке групповых мероприятий.

Дополнительным средством упорядочивания цифровой коммуникации могут служить закреплённые сообщения и тематические хэштеги, например: #важно, #стипендия, #мероприятие. Их использование облегчает поиск нужной информации, снижает информационный шум, повышает адресность сообщений и делает взаимодействие куратора со студенческой группой более организованным.

2. Инструменты планирования и организации совместной деятельности

Для реализации функции планирования и организации мероприятий эффективны облачные сервисы совместной работы (Яндекс.Документы, Google Docs) и таск-менеджеры (Trello, Weeek). Эти инструменты позволяют перевести рутинные бюрократические процедуры в цифровой формат, существенно экономя время.

Рассмотрим алгоритм организации студенческого мероприятия с использованием цифровых инструментов:

Замысел и планирование: создание ментальной карты мероприятия в сервисе Miro или MindMeister для мозгового штурма с активом группы.

Распределение задач: использование канбан-досок (Trello), где создаются карточки задач («Подготовить сценарий», «Купить реквизит», «Пригласить гостей»). Куратор видит статус выполнения каждой задачи в реальном времени, что исключает необходимость постоянных очных планерок.

Работа с документацией: Перенос процессов редактирования рабочих сценариев и сметных документов в облачные сервисы для совместной работы позволяет полностью исключить путаницу, возникающую при бесконечной пересылке разных версий файлов по электронной почте. Помимо упорядочивания документооборота, совместное ведение единого расписания (например, в сервисе Яндекс.Календарь) выступает эффективным практическим тренажером для студентов. В естественном формате они осваивают ключевые навыки самоорганизации и тайм-менеджмента.

Уверенное владение подобными цифровыми инструментами дает весомые преимущества и самому куратору – оно заметно укрепляет его профессиональный авторитет в глазах студенческой молодежи. Сегодня цифровая грамотность уже не выступает как второстепенный полезный навык. Она является обязательной, неотъемлемой составляющей профессиональной компетентности педагогического работника. Итоговая эффективность любых инновационных подходов в воспитательной работе напрямую определяется личной готовностью наставника применять их в повседневной педагогической практике [3].

Сравнительный анализ традиционных и цифровых инструментов работы куратора представлен в табл. 1.

Таблица 1 – Трансформация инструментов работы куратора в условиях цифровизации

Функция менеджмента	Традиционные инструменты	Цифровые инструменты	Преимущества цифрового подхода
Информирование	Объявления на стенде, устные сообщения на перемене	Мессенджеры, push-уведомления, социальные сети	Быстрая доставка информации, повышение вероятности своевременного ознакомления, мультимедийность
Планирование	Бумажный журнал, ежедневник куратора	Облачные календари, таск-менеджеры (Trello, Яндекс.Трекер)	Совместный доступ, автоматические напоминания, визуализация
Мотивация	Личные беседы, устное поощрение, коллективные собрания	Онлайн-опросы, цифровые портфолио, публикация достижений, элементы геймификации	Повышение вовлеченности, учет интересов студентов, поддержка инициативы и обратной связи

Функция менеджмента	Традиционные инструменты	Цифровые инструменты	Преимущества цифрового подхода
Сбор данных	Бумажные анкеты, опрос «поднятием рук»	Google/Яндекс Формы, онлайн-опросы	Автоматическая обработка статистики, анонимность, удобство
Контроль	Проверка посещаемости по журналу, личные беседы	Аналитика LMS, цифровой след, электронный журнал	Оперативность мониторинга, выявление рисковых сигналов, дополнительная информация для педагогического сопровождения

3. Мотивационные инструменты цифровой среды

Отдельного внимания заслуживают элементы геймификации: цифровые значки, рейтинги активности, коллективные челленджи и проектные марафоны. Вместе с тем, подобные форматы требуют деликатного подхода. Недопустимо подменять подлинный воспитательный процесс механической погоней за рейтингами или банальным накоплением баллов. Истинное мастерство куратора состоит в том, чтобы заставить цифровую среду работать на внутреннюю мотивацию: пробуждать в студентах субъектность, поощрять инициативу и воспитывать ответственность за жизнь коллектива.

Лучше не забывать и про тот опыт, который студенты приносят с собой. Если вглядеться, интерактивные штуки реально выстреливают лишь в тех группах, где у ребят уже набрался какой-то цифровой опыт и они внутренне открыты к непривычным форматам [6]. Когда систему виртуальных поощрений выстраивают с умом, куратор получает рычаги, чтобы создать среду – живую, диалогичную и заточенную под конкретных людей, а не зацикленную на контроле. Цифра в этой ситуации не подминает под себя живое педагогическое общение, а скорее даёт дополнительную точку опоры: через неё можно поддерживать активность и постепенно выращивать то общее чувство группы, которое называют коллективной идентичностью.

4. LMS-платформы и аналитика данных в системе педагогического мониторинга

Цифровой след, который остаётся от студентов в системах управления учебным процессом – прежде всего в Moodle и в учебно-телекоммуникационной системе РУДН – это довольно серьёзный материал для наблюдений. Технологии учебной аналитики позволяют куратору меньше гасить пожары постфактум, а больше работать на опережение: вовремя замечать напряжённые точки и риски, пока они не переросли в открытый конфликт или в заметный спад успеваемости.

Если мы хотим увидеть реальное положение дел в группе, стоит отслеживать несколько параметров внутри цифровой среды.

Цифровая активность – как часто студент заходит в систему, сколько времени проводит с учебными материалами. Сильный провал здесь – ещё не

диагноз, но вполне себе звоночек, чтобы присмотреться внимательнее. Скажем, у иностранных студентов такое затишье часто объясняется не потерей мотивации, а накопившимся адаптационным стрессом или обычными сложностями межкультурного общения.

Академическая динамика тоже кое-что подсказывает куратору: автоматический, поэтапный сбор успеваемости даёт довольно быстро вычислить тех, кого прямо сейчас нужно поддержать адресно.

И само собой, из внимания нельзя выпускать социальное взаимодействие – то, насколько живо студенты заходят в форумы и включаются в совместные проекты. Эта сторона анализа помогает разглядеть неформальную расстановку сил внутри группы. У куратора появляется опора для осмысленного диалога с учащимися; заодно меньше риска некрасиво раздать ярлыки в духе «лидеры» и «аутсайдеры».

Внедрение learning analytics при этом, конечно, вешает на вуз целый ряд этических вопросов – тут и про то, как защищать конфиденциальность данных, и про то, насколько корректно все эти цифры потом интерпретируются [4; 5; 7]. Любые количественные показатели, зафиксированные в LMS, являются исключительно «сырой» информацией. Алгоритмы способны собирать точные статистические данные, но только наставник может наполнить их педагогическим смыслом. Именно поэтому цифровизация не заменяет институт кураторства, а наоборот – в определенном смысле повышает ценность эмпатичного гуманитарного участия в учебно-воспитательном процессе. Она освобождает кураторов от объемной рутинной оперативной работы, давая специалистам больше времени для глубокой, ориентированной на индивидуальное развитие студента поддержки и сопровождения.

Заключение

Сегодня в рамках цифровой трансформации высшей школы можно утверждать: цифровизация учебно-воспитательной среды вузов далеко не сводится к переводу административных и оперативных процессов в электронный формат. Речь идет о качественном изменении самой модели педагогического менеджмента в высшем образовании. Традиционный директивный стиль управления неизбежно заменяется более гибким сетевым взаимодействием между участниками учебного процесса. При таком подходе куратор студенческой группы перестаёт быть простым передаточным звеном для распоряжений руководства и превращается в настоящего наставника. Чтобы справляться с этой ролью, ему нужно свободно и в комплексе владеть разными цифровыми средствами: от инструментов быстрой связи до облачных сервисов планирования и разбора статистических данных.

Многие исследователи и преподаватели опасаются, что перевод повседневных повторяющихся задач на автомат способен отдалить наставника от студенческой группы. Однако опыт современных российских вузов говорит об обратном. Разумно настроенная автоматизация высвобождает самый дорогой педагогический ресурс – время на личное, душевное общение со студентами. Это выходит на первый план в период привыкания учащихся к условиям высшей школы и в особенности касается иностранных студентов. Именно они требуют

повышенного внимания к межкультурному общению и индивидуальной поддержке. Тут нельзя обманываться: даже самая совершенная платформа управления учебным процессом, даже тончайший разбор цифрового следа не способны заменить живое педагогическое чутьё и такт преподавателя.

Дальнейшее развитие кураторства в российских вузах прямо зависит от того, насколько сами учебные заведения готовы целенаправленно вкладываться в рост цифровой культуры преподавателей и сотрудников. Разрозненное применение отдельных приложений и служб должно постепенно уступить место созданию единой цифровой среды, нацеленной на воспитательную работу. Только в этом случае – при поддержке целевых программ повышения квалификации и развития профессиональных навыков преподавателей – цифровые инструменты смогут действительно работать на усиление воспитательного дела, а не оставаться простой данью технологической моде.

Список использованных источников

1. Жуковская И.Е. Основные тренды совершенствования деятельности высшего учебного заведения в условиях цифровой трансформации // Открытое образование. – 2021. – Т. 25. – № 3. – С. 15–25. – DOI: 10.21686/1818-4243-2021-3-15-25.

2. Калугина Т.Н., Тимченко М.В. Цифровизация высшего образования в 2021 году: вызовы для студентов университетов в России // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – Т. 5. – № 2. – С. 102–117. – DOI: 10.46539/gmd.v5i2.344.

3. Сорокова М.Г., Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Оценка цифровых образовательных технологий преподавателями вузов // Психологическая наука и образование. – 2023. – Т. 28. – № 1. – С. 25–39. – DOI: 10.17759/pse.2023280101.

4. Ferguson R. The State of Learning Analytics in 2012: A Review and Future Challenges. Technical Report KMI-12-01. – Milton Keynes: Knowledge Media Institute, The Open University, 2012.

5. Long P., Siemens G. Penetrating the Fog: Analytics in Learning and Education // EDUCAUSE Review. – 2011. – Vol. 46. – No. 5. – P. 30–40.

6. Novikova I.A., Bychkova P.A., Shlyakhta D.A., Novikov A.L. Attitudes towards Digital Educational Technologies Scale for University Students: Development and Validation // Computers. – 2023. – Vol. 12. – No. 9. – Article 176. – DOI: 10.3390/computers12090176.

7. Tsai Y.-S., Gašević D. Learning analytics in higher education – challenges and policies: a review of eight learning analytics policies // Proceedings of the 7th International Conference on Learning Analytics and Knowledge. – New York: ACM, 2017. – P. 233–242. – DOI: 10.1145/3027385.3027400.

8. Urakova F.K., Ishmuradova I.I., Kondakchian N.A., et al. Investigating digital skills among Russian higher education students // Contemporary Educational Technology. – 2023. – Vol. 15. – No. 1. – Article No. ep398. – DOI: 10.30935/cedtech/12600.

DIGITAL TOOLS FOR MANAGING EDUCATIONAL WORK BY A STUDENT GROUP CURATOR IN HIGHER EDUCATION

Xu Liu, M.G. Sergeeva

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

The article is devoted to the topical issue of modernizing the system of managing educational work at higher education institutions in the context of digitalization. The aim of the study is to analyze and systematize digital tools and technologies that contribute to improving the efficiency of student group curators. The article examines the potential of using information and communication technologies, learning management systems (LMS), messengers, online surveys, elements of gamification, and learning analytics in the processes of planning, organizing, motivating, and pedagogical monitoring of educational work. Special attention is paid to the transformation of pedagogical management functions in the digital environment. Based on the analysis, the authors offer practical recommendations for integrating modern digital solutions into the activities of curators, which makes it possible to optimize interaction with students and improve the quality of educational work.

Key words: pedagogical management; student group curator; digital transformation; educational work; digital tools; student motivation; pedagogical monitoring; learning analytics; higher education; digital environment.

УДК 004

ВИДЕОМЭППИНГ КАК ФОРМА СОВРЕМЕННОГО МЕДИАИСКУССТВА

Н.Р. Малихов

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Актуальность исследования обусловлена активным развитием технологий проекционного отображения и переходом цифрового искусства от экранных форм к пространственным практикам.

Ключевые слова: видеомэппинг, медиаискусство, цифровая среда, архитектура, пространственное искусство, медиадизайн.

Появление медиаискусства стало результатом постепенного проникновения научно-технических достижений в сферу художественного творчества. При этом, принципиально важно различать произведение традиционного искусства, переведенное в цифровой формат, и произведение, уже изначально созданное средствами медиатехнологий, к примеру, фотографирование картины или ее

сканирование создает цифровую копию уже существующего произведения, но при этом не превращает в медиахудожественный объект. В медиаискусстве технологическая среда участвует непосредственно в процессе формирования художественного содержания, структуры и способов восприятия произведения.

Это различие имеет особое значение для понимания видеомэппинга.В данном случае цифровое изображение не существует изолированно от технологии его воспроизведения, оно изначально проектируется с учетом конкретной поверхности, ее геометрии, положения в пространстве, то есть, особенностей восприятия, и следовательно, художественное произведение создается не только на компьютере, но и в процессе его взаимодействия с физической средой.

Современное медиаискусство характеризуется разнообразием художественных форм: цифровой живописью, компьютерной графикой, трехмерным моделированием, цифровой фотографией, компьютерной анимацией, интерактивными инсталляциями, виртуальными средствами и проекционными практиками. И уже границы между отдельными направлениями становятся все менее определенными, поскольку одно произведение может одновременно использовать несколько технологий и художественных методов.

Именно эта междисциплинарность и является одним из основных признаков современного медиаискусства. Художник работает не только с изображением, цветом и композицией, но также с программным кодом, трехмерной моделью, движением, светом, звуком, сенсорами, пространством и поведением зрителя. В этом контексте видеомэппинг становится логическим продолжением развития медиахудожественных практик: изображение, первоначально существовавшее на экране, выходит за его пределы и приобретает пространственное измерение.

Получается, что видеомэппинг представляет собой технологию проецирования визуального контента на физическую поверхность с учетом ее геометрии, размеров и пространственного положения, но в отличие от обычной проекции, при которой изображение воспроизводится на преимущественно плоском экране, он предполагает предварительное согласование цифрового изображения с конкретной физической формой. А вот для создания проекционной композиции необходимо изучить объект, определить его размеры и геометрические характеристики, создать или получить его цифровую модель, разработать визуальный контент и сопоставить отдельные элементы изображения с соответствующими участками реальной поверхности, и только после этого цифровое изображение посредством проекционной системы переносится на физический объект.

Современные исследования уже рассматривают проекционный мэппинг в связи с концепцией пространственной дополненной реальности, поскольку он это возможность накладывать виртуальную информацию непосредственно на реальные поверхности без необходимости использования индивидуальных шлемов или иных устройств виртуальной реальности. В результате цифровая информация становится частью непосредственно воспринимаемого пространства.

Одним из наиболее значимых направлений видеомэппинга является архитектурная проекция: здания, исторические сооружения, памятники, площади и другие элементы городской среды превращаются в своеобразные экраны,

обладающие собственной формой, фактурой, объемом и историко-культурным значением. Так, архитектурный фасад может восприниматься как разрушающийся, движущийся, меняющий цвет и фактуру или трансформирующийся в совершенно иную форму. В этом отношении архитектурный видеомэппинг можно рассматривать как форму временной художественной реконструкции пространства. Проекция способна не только украшать здание, но и формировать новую интерпретацию его истории, символики и культурного значения.

Исследования в сфере культурного наследия показывают, что проекционные инсталляции могут использоваться, например, для визуализации исторических изменений архитектурных объектов непосредственно в месте их расположения. Особенно перспективно применение данной технологии при работе с объектами культурного наследия: проекционная система дает визуальные реконструкции, демонстрируя исчезнувшие архитектурные элементы и рассказывая об исторических событиях. При этом физический объект сохраняет свою материальную целостность.

Видеомэппинг может существовать как линейная аудиовизуальная композиция, однако развитие интерактивных технологий позволяет значительно расширить его возможности: камеры, датчики движения, системы компьютерного зрения и другие устройства способны фиксировать присутствие человека и преобразовывать полученную информацию в изменение проецируемого изображения. И в таком случае поведение зрителя начинает влиять на произведение, например, движение человека может изменять форму виртуального объекта, запускать визуальные эффекты, менять цвет, направление движения или структуру проекции.

Но для создания качественной проекции необходимо решить ряд технических задач: точно сопоставить цифровую модель с физической поверхностью, учитывать положение проектора, геометрию объекта, освещение, цветовые характеристики поверхности и возможные препятствия. И поэтому дальнейшее развитие видеомэппинга связано с совершенствованием технологий компьютерного зрения, искусственного интеллекта, трехмерного моделирования, сенсорных систем и интерактивных интерфейсов.

Особенно интересным является направлением автоматизация процесса пространственной регистрации, например, технологии компьютерного зрения в системе распознавания формы объекта и адаптации изображение к его поверхности. Важное значение имеет и развитие технологий пространственного повествования в музеях, культурных учреждениях и исторических пространствах. Такие проекционные системы могут использоваться для реконструкции утраченных объектов, визуализации археологических данных, демонстрации архитектурных изменений и создания иммерсивных образовательных программ. Таким образом, видеомэппинг постепенно переходит от концепции «проекции на объект» к более сложной концепции «медиатизации пространства».

В конченом счете в отличие от традиционного экранного изображения, видеомэппинг не ограничивается плоскостью: он переносит медиальный образ непосредственно в физическое пространство, благодаря чему окружающая среда становится частью художественного произведения. И архитектурная

поверхность превращается в медианоситель, а цифровое изображение приобретает материально-пространственное измерение.

Список использованных источников

1. Маевская М.Е. Новые способы формирования образа города в цифровую эпоху. Современная архитектура мира. 2021. №. 2 (17). С. 199-221.

VIDEO MAPPING AS A FORM OF MODERN MEDIA ART

N.R. Malikhov

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

The relevance of the research is due to the active development of projection display technologies and the transition of digital art from screen forms to spatial practices.

Keywords: video mapping, media art, digital environment, architecture, spatial art, media design.

УДК 378

ПРЕОДОЛЕНИЕ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКА ТРУДА

Н.Р. Малихов

Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Россия

Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровая трансформация одновременно предъявляет новые требования к качеству человеческого капитала и изменяет саму структуру спроса на рабочую силу.

Ключевые слова: кадровый дефицит, цифровая экономика, рынок труда, демография, образование.

Цифровая экономика предполагает не просто использование компьютеров, информационных систем или отдельных цифровых инструментов, тут уже речь идет о более масштабной трансформации экономических и социальных процессов, при которой цифровые технологии становятся частью повседневной организации производства, управления, образования и занятости.

И на первый взгляд может возникнуть парадокс: технологический прогресс должен уменьшать зависимость экономики от человеческого труда, однако одновременно многие организации сталкиваются с нехваткой работников. Этот парадокс объясняется тем, что автоматизация замещает прежде всего определенные трудовые операции, но не отменяет необходимость человеческого участия в

экономике. Более того, цифровая трансформация создает спрос на новые профессии и компетенции, которые не всегда быстро формируются системой образования и профессиональной подготовки.

Следовательно, кадровый дефицит в цифровой экономике необходимо рассматривать не только как проблему недостаточного количества работников, но и как проблему несоответствия между структурой имеющегося человеческого капитала и структурой формирующегося спроса на труд. То есть, с одной стороны, уменьшение численности работников стимулирует предприятия активнее внедрять автоматизацию и цифровые технологии, но если организация не может расширить штат, она начинает искать возможность повысить производительность труда за счет технологий. Но с другой стороны, сама цифровая трансформация требует специалистов, способных создавать, внедрять и обслуживать эти технологии. Возникает своеобразная зависимость: дефицит работников стимулирует цифровизацию, а цифровизация одновременно формирует новый спрос на работников высокой квалификации.

Понятие кадрового дефицита обычно используется для обозначения ситуации, при которой работодатели не могут в необходимом объеме найти работников, обладающих требуемой квалификацией. Однако подобное определение является недостаточным для анализа современной экономики. Работодатель может испытывать нехватку кадров даже при наличии значительного числа людей, ищущих работу, например, если между их квалификацией, профессиональными ожиданиями и требованиями организации существует существенное несоответствие. Поэтому кадровый дефицит целесообразно рассматривать через несколько взаимосвязанных измерений.

Тут одним из фундаментальных факторов кадрового дефицита становится несоответствие между системой подготовки кадров и изменяющимися потребностями экономики.

Цифровая экономика предъявляет к работнику комплекс требований: уже недостаточно обладать только узкопрофессиональными знаниями. Во многих профессиях необходимо сочетание профессиональной компетентности с цифровой грамотностью, аналитическим мышлением, способностью работать с информацией, осваивать новые программные инструменты и взаимодействовать в цифровой среде. Например, специалист экономического профиля должен уметь работать с цифровыми системами анализа данных; менеджер – использовать инструменты цифрового управления; инженер – взаимодействовать с автоматизированными производственными системами; специалист по кадрам – работать с цифровыми платформами управления персоналом.

Таким образом, цифровая компетентность постепенно становится не отдельной профессиональной характеристикой, а частью большинства профессий.

Однако образование не может полностью устранить проблему кадрового дефицита только за счет подготовки новых специалистов. Формирование специалиста занимает годы, тогда как технологическая среда может измениться значительно быстрее. Поэтому приобретается актуальность в непрерывном образовании. Профессиональная переподготовка и повышение квалификации

становятся механизмом адаптации уже занятого населения к изменяющейся экономике.

Особенно важным становится переход от модели «образование – работа – завершение обучения» к модели непрерывного обновления человеческого капитала. Работник должен иметь возможность возвращаться к обучению на протяжении всей трудовой жизни. Это и помогает сформулировать принципиально важное положение: в цифровой экономике конкурентоспособность работника определяется не только объемом уже приобретенных знаний, но и способностью постоянно приобретать новые знания.

При этом цифровое образование должно быть доступно не только молодым людям. Если обучение будет ориентировано преимущественно на молодежь, значительная часть уже работающего населения окажется исключенной из процесса технологической адаптации. Поэтому цифровая трансформация образования должна охватывать работников разных возрастных групп.

Но все же особого внимания заслуживает вопрос о роли автоматизации.

Распространено представление, согласно которому цифровизация и искусственный интеллект должны привести к массовому исчезновению рабочих мест. Однако такая трактовка является слишком упрощенной, так как хоть и в действительности технологии прежде всего изменяют содержание трудовых процессов, и уже часть операций становится автоматизированной, однако одновременно возникают новые виды деятельности. В условиях кадрового дефицита автоматизация приобретает еще одну функцию – компенсаторную.

Если организация не может найти необходимое количество работников, она получает стимул заменить часть человеческих операций технологическими решениями. Таким образом, кадровый дефицит может ускорять автоматизацию.

Итогом, искусственный интеллект способен одновременно снижать спрос на определенные задачи и увеличивать потребность в более квалифицированных работниках. Например, отмечается, что нехватка навыков является одним из препятствий для внедрения ИИ, а распространение ИИ повышает спрос на работников с более высоким уровнем образования. Поэтому возникает новый тип кадровой проблемы: организации могут иметь оборудование, программное обеспечение и доступ к технологиям, но не иметь специалистов, способных эффективно их использовать. Следовательно, главной задачей становится не выбор между «человеком» и «машиной», а формирование такой модели взаимодействия, при которой технологии компенсируют нехватку человеческих ресурсов, а работники переходят к более сложным, творческим и управленческим задачам. Также работник становится более ответственным за собственную профессиональную траекторию: если раньше получение профессии могло обеспечивать относительно стабильную карьеру на протяжении длительного периода, то теперь профессиональная траектория становится более динамичной.

Таким образом, преодоление кадрового дефицита в цифровой экономике должно основываться на переходе от политики количественного восполнения рабочей силы к политике развития, сохранения и эффективного распределения человеческого капитала.

Список использованных источников

1. Чуланова О.Л. Современные технологии управления персоналом в условиях цифровизации: монография / О.Л. Чуланова. -Москва: ИНФРА-М, 2023. 188 с.

OVERCOMING THE PERSONNEL SHORTAGE THROUGH THE DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION AND THE LABOR MARKET

N.R. Malikhov

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

The relevance of the study is due to the fact that digital transformation simultaneously imposes new requirements on the quality of human capital and changes the very structure of labor demand.

Keywords: personnel shortage, digital economy, labor market, demography, education.

УДК 378.147.88

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ К ИНТЕГРАЦИИ ИИ-КОНТЕНТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Е.В. Маловецкая

Иркутский государственный университет путей сообщения,
г. Иркутск, Россия

В статье рассмотрены действующие методические подходы к формированию федеральных и отраслевых образовательных стандартов, а также проанализированы направления их трансформации в условиях массового внедрения ИИ-контента в образовательную среду высших учебных заведений. Показано, что текущая стандартизация опирается на компетентностный подход, синхронизацию с рынком труда и баланс унификации и гибкости. Обосновано, что интеграция ИИ требует явного закрепления правил использования ИИ-инструментов, пересмотра фондов оценочных средств, формализации рисков и этических ограничений. Предложены практические направления адаптации стандартов и методических рекомендаций, релевантные для прикладных инженерных направлений.

Ключевые слова: искусственный интеллект; образовательный стандарт; стандартизация; компетентностный подход; оценочные средства; ИИ-контент; системный анализ; управление рисками.

Интеграция ИИ в образовательный процесс перестала быть экспериментальной практикой и становится системной: вузы используют ИИ для генерации заданий, адаптивного обучения, модерации дискуссий, симуляций и автоматизированной обратной связи [1, 2]. Однако, действующие образовательные стандарты (ФГОС, отраслевые документы) не содержат прямых норм по работе с ИИ-контентом. Это создаёт правовую и методическую неопределённость: преподаватели и методисты вынуждены опираться на локальные акты вузов и неформальные практики.

Цель статьи – показать, как устроены текущие подходы к стандартизации образовательных стандартов, и предложить направления их трансформации с учётом массового применения ИИ в вузах. Особое внимание уделено системному подходу: ИИ-компонент рассматривается как подсистема в составе образовательной системы, а требования к нему – как формализованные ограничения и целевые показатели. В качестве прикладного кейса раскрыта реализация этих принципов в узкоспециализированной инженерной дисциплине железнодорожного профиля.

На сегодняшний день формирование образовательных стандартов опирается на устоявшиеся методологические принцы:

– компетентностный подход, при котором образовательный стандарт фиксирует не столько содержание, сколько результаты: что должен знать, уметь выпускник и формулируются через индикаторы (действия, результаты), которые затем детализируются в рабочих программах;

– синхронизация с рынком труда, заложенная в учебные программы при формировании профессиональных стандартов и учитывающая запросы работодателей: трудовые функции переводятся в образовательные компетенции;

– структурирование и унификация задают каркас документа (обязательная и вариативная части, блоки результатов, условия реализации, фонды оценочных средств), обеспечивая сопоставимость программ между вузами.

Проекты профессиональных стандартов проходят многоступенчатое обсуждение, включая профессиональные сообщества, работодателей, методические объединения. Стандарт устанавливает общие рамки, оставляя вузам возможность адаптации под специфику направления и региона. Такие подходы обеспечивают воспроизводимость и сопоставимость образовательных результатов, но не предусматривают механизмов для работы с ИИ-инструментами и контентом, созданным с их помощью.

Массовое применение ИИ ставит перед стандартизацией ряд вызовов. На сегодняшний день не определено, является ли ИИ инструментом или полноценным участником образовательного процесса (тьютор, соавтор). Задания, которые легко генерируются и решаются с помощью ИИ, теряют учебную ценность. ИИ-контент может содержать фактические ошибки («галлюцинации»), предвзятость, нарушения логики. Все чаще возникают вопросы авторства, конфиденциальности данных, ответственности за ошибки. Пока нет общепринятых критериев, по которым можно оценить полезность и корректность ИИ-контента [3, 4]. В результате вузы вынуждены разрабатывать собственные локальные правила,

что приводит к фрагментации практик и снижению прозрачности образовательного процесса.

Чтобы системно управлять интеграцией ИИ, действующие подходы к стандартизации должны быть дополнены новыми элементами. В рабочие программы и методические рекомендации следует включить отдельный блок «Использование ИИ-инструментов», где будут зафиксированы:

– допустимые сценарии применения (генерация черновиков, подбор примеров, визуализация данных);

– запрещённые сценарии (написание итоговых работ без участия студента);

– требования к прозрачности (указание, какие части работы подготовлены с помощью ИИ).

Включение данного блока в рабочие программы дисциплин позволит избежать разночтений и обеспечит единые правила игры для всех участников образовательного процесса. Традиционные оценочные средства и задания (рефераты, типовые расчёты, тесты) становятся менее информативными источниками результатов в условиях широкой доступности ИИ [5]. При составлении новых оценочных средств, методисты должны разрабатывать «ИИ-устойчивые» варианты, которые позволят оценивают не только результат, но и процесс:

– задания с рефлексией (описание хода решения, обоснование выбора метода, анализ ошибок);

– междисциплинарные задачи, требующие применения знаний из разных областей;

– задачи, основанные на личном опыте или локальных данных (например, анализ транспортной сети конкретного региона).

При составлении оценочных кейсов оценочных средств для инженерных и технических направлений (включая транспорт и системный анализ) особенно ценными будут задания, где студент должен интерпретировать результаты работы ИИ, проверить их на физическую и экономическую состоятельность, а также предложить альтернативные варианты решения [6].

Для оценки ИИ-компонентов и контента целесообразно использовать систему метрик, аналогичную тем, что применяются в системном анализе [7]:

– валидность: соответствие ФГОС и профессиональным стандартам (доля покрытых индикаторов);

– точность: отсутствие фактических ошибок и логических противоречий (по экспертной оценке);

– вариативность: разнообразие типов задач и сценариев;

– педагогическая полезность: доля заданий, признанных преподавателями полезными для формирования компетенций;

– адаптивность: способность подстраиваться под уровень студента (на основе цифрового следа).

Эти метрики могут быть интегрированы в процедуры внутренней оценки качества образования (самообследование) и использованы при выборе

ИИ-решений для вуза. Вместо единого «стандарта на ИИ» целесообразно развивать отраслевые рекомендации, учитывающие специфику разных направлений:

– в медицине – приоритет точности и безопасности;
– в инженерии – валидность расчётов и соответствие нормативам;
– в гуманитарных науках – критическое мышление и аргументация.

Новые подходы должны проходить тестовый пилотный режим в отдельных вузах и направлениях, с последующим сбором обратной связи и масштабированием лучших практик.

Текущая стандартизация образовательных программ опирается на компетентностный подход и баланс унификации с гибкостью [7], но не предусматривает механизмов для системной интеграции ИИ-контента. Для эффективного управления этим процессом стандарты и методические рекомендации должны быть дополнены явными правилами использования ИИ, пересмотренными фондами оценочных средств, системой метрик качества и блоками по управлению рисками и этикой. Трансформация должна идти по пути отраслевой дифференциации и пилотирования лучших практик, чтобы обеспечить педагогическую обоснованность и безопасность применения ИИ.

Для технических и инженерных направлений особенно важно сохранять акцент на верификации результатов, развитии критического мышления и ответственности за принимаемые решения. Именно эти компетенции будут востребованы в условиях широкого распространения ИИ-технологий.

Список использованных источников

1. Шарифбаева Х. Я., Абдурашидова М. Ж. К. Применение ИИ для персонализации обучения студентов вузов //Universum: технические науки. – 2024. – Т. 1. – №. 11 (128). – С. 24-29.

2. Кузьминов Я. И. и др. Отстающие и опережающие: как студенты используют генеративный искусственный интеллект в образовательных целях //Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34. – №. 6. – С. 9-35.

3. Маловецкая, Е. В. Инновационные методы обучения в современной педагогике: преимущества и вызовы / Е. В. Маловецкая // Организационно-методические аспекты повышения качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся по программам высшего и среднего профессионального образования : Сборник статей VII Всероссийской (национальной) научно-методической конференции, Пенза, 24–25 октября 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 127-131. – EDN RAVTEF.

4. Маловецкая, Е. В. Качество образования: технологии оценивания как инструмент трансформации образовательной системы / Е. В. Маловецкая // Проблемы управления качеством образования: Сборник статей XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 10–11 ноября 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 88-92. – EDN XZNGAB.

5. Гаврилюк Е. С., Изотова А. Г., Бикмулина Т. Н. Искусственный интеллект как актуальный инструмент менеджмента качества образовательного

процесса современных вузов //Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2025. – №. 1. – С. 91-100.

6. Коповой А. С., Смирнов В. М. Искусственный интеллект (ИИ) в профессиональном образовании //Мир науки, культуры, образования. – 2025. – №. 4 (113). – С. 129-132.

7. Юйхань М., Гукаленко О. В., Пустовойтов В. Н. Технологии искусственного интеллекта как инструмент системной интеллектуализации образовательной среды //Информатика и образование. – 2026. – Т. 41. – №. 1. – С. 49-56.

STANDARDIZATION OF APPROACHES TO THE INTEGRATION OF AI CONTENT INTO EDUCATIONAL STANDARDS: CURRENT STATE AND VECTORS OF TRANSFORMATION

E.V. Malovetskaya

Irkutsk State Transport University,
Irkutsk, Russia

The article examines the current methodological approaches to the formation of federal and sectoral educational standards, and also analyzes the directions of their transformation in the context of the mass implementation of AI content in the educational environment of higher education institutions. It is shown that current standardization is based on a competency-based approach, synchronization with the labor market, and a balance between unification and flexibility. It is substantiated that the integration of AI requires explicit consolidation of the rules for using AI tools, revision of assessment tools, formalization of risks, and ethical constraints. Practical directions for adapting standards and methodological recommendations relevant to applied engineering fields are proposed.

Keywords: artificial intelligence; educational standard; standardization; competency-based approach; assessment tools; AI content; systems analysis; risk management.

УДК 811.111

ДЕТЕРМИНИРОВАННАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ

Е.В. Маломанова

Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, Россия

Статья посвящена проблеме когнитивных трудностей, возникающих при чтении англоязычных академических текстов, обусловленных сложной

синтаксической структурой и высокой информационной плотностью. В качестве эффективного средства оптимизации чтения предлагается метод детерминированной синтаксической сегментации, основанный на формальных правилах выделения минимальных синтаксических единиц (предложений, клауз и синтагм). Описывается пошаговый алгоритм сегментации, включающий идентификацию границ предложений, их маркировку, выделение клауз и анализ синтагматических групп.

Ключевые слова: синтаксическая сегментация, детерминированный подход, когнитивная нагрузка, клауза, синтагма.

Академическое чтение англоязычных научных текстов представляет собой сложную когнитивную задачу из-за высокой плотности информации, длинных предложений с вложенными конструкциями и обилия терминов. Читатель одновременно выполняет синтаксический и смысловой анализ, при этом синтаксическая структура играет решающую роль в понимании, а сложные предложения замедляют процесс и ведут к потере логики. Поэтому поиск эффективных стратегий чтения крайне актуален. Одним из перспективных подходов является детерминированная синтаксическая сегментация – метод, основанный на формальных правилах выделения минимальных синтаксических единиц (предложений, клауз, синтагм) по легко идентифицируемым признакам, без привлечения сложных лингвистических знаний. В отличие от вероятностных методов, перебирающих множество вариантов, детерминированный подход использует фиксированные алгоритмы, что сокращает число интерпретаций и ускоряет обработку текста, позволяя читателю сосредоточиться на смысле, а не на синтаксической неоднозначности.

В основе детерминированной сегментации лежит идея, что восприятие информации требует её членения на законченные смысловые блоки. Метод опирается на строгие правила, что обеспечивает предсказуемость и воспроизводимость результата, в отличие от статистических моделей, которые оценивают вероятности. Хотя в ряде случаев один фрагмент может подпадать под несколько правил, общее число вариантов всё равно остаётся минимальным, и такая вариативность не критична. Это свойство особенно ценно для автоматического реферирования и анализа текстов, где важна однозначность.

Ключевыми единицами сегментации выступают предложение, клауза и синтагма. Предложение – минимальная самостоятельная единица с формальной и смысловой завершённостью. Клауза – предикативная единица, выражающая законченную пропозицию и служащая строительным блоком для развёрнутой аргументации. Синтагма – минимальная интонационно-смысловая единица, занимающая промежуточное положение между словом и предложением; она аккумулирует просодические признаки и облегчает восприятие текста, особенно при чтении вслух или мысленном проговаривании. Вместе эти три уровня образуют иерархию, позволяющую проводить сегментацию с учётом как синтаксических, так и интонационных параметров.

Алгоритм детерминированной сегментации включает несколько последовательных этапов. Первый – идентификация границ предложений на основе

формальных маркеров (точка, вопросительный знак, заглавная буква), что даёт первичное грубое разделение текста. Второй – синтаксическая маркировка выделенных предложений, присвоение им меток (главное, придаточное), что создаёт схему для дальнейшего анализа. Третий, наиболее важный, – выделение клауз, то есть предикативных единиц, которые несут отдельные пропозиции. Это позволяет разложить сложное предложение на дискретные информационные порции и облегчает понимание логики автора. Выделение клауз также помогает оценить синтаксическую сложность текста и диагностировать уровень академического письма. Четвёртый этап – анализ синтагматических групп, которые членят предложение на минимальные смысловые отрезки, способствуя оптимальному восприятию и выделению ключевых связей между элементами. В итоге читатель получает возможность последовательно обрабатывать текст по блокам, что снижает когнитивную нагрузку.

Применение сегментации к многоуровневым предложениям с придаточными и инверсиями значительно облегчает чтение, так как предварительное структурирование даёт ориентиры ещё до полного синтаксического разбора. Сложные периоды становятся доступными для осмысления, а читатель может сосредоточиться на аргументации, а не на грамматике. Сегментация выступает не просто техническим приёмом, а фундаментальным механизмом перехода от линейного текста к иерархической смысловой модели. Выделение клауз и синтагм позволяет строить ментальную модель, опираясь на порции информации, что особенно важно для понимания логических связей между тезисами и их обоснованиями.

Освоение методики требует понимания теоретических основ членения текста на сверхфразовые единства и абзацы, а затем – регулярной практики анализа сложных предложений. Это помогает преодолевать грамматические трудности и вырабатывать навык быстрого выделения смысловых ядер. В результате студенты и исследователи получают инструмент для осознанного анализа научной литературы.

Проведённое исследование подтверждает, что детерминированная синтаксическая сегментация эффективно снижает когнитивную нагрузку, ускоряет понимание и уменьшает число ошибок интерпретации. Метод особенно ценен в условиях роста объёмов научной информации на английском языке, так как не требует специальной лингвистической подготовки и легко алгоритмизируется. Разработанный пошаговый алгоритм прошёл апробацию на реальных академических текстах и показал свою практическую применимость. Важно, что методика может быть автоматизирована с помощью компьютерных инструментов, что открывает возможности для интеграции в программные средства анализа текста и делает её доступной для широкой аудитории.

Перспективы развития методики связаны с её внедрением в учебные курсы по академическому чтению и созданием автоматизированных систем реального времени, помогающих читателям в процессе работы. Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение правил для разных типов научных текстов и оценку долгосрочного влияния сегментации на глубину понимания, что

позволит уточнить рекомендации и усилить практическую отдачу от использования данного подхода.

Список использованных источников

1. Андрусенко Т.В. Технология обучения лингвистическому анализу текстов на занятиях по английскому языку // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – С. 28-32.
2. Виноградова С.Г. Коммуникативное членение английского сложного предложения в когнитивном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – С. 5-13.
3. Гудухина М.Н. Особенности использования предикативных структур в англоязычных научных текстах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – С. 86-97.
4. Лытаева М.А., Пестрикова Е.А. Структура академического чтения // Педагогика и психология образования. – 2024. – №3. – С. 153-173.
5. Манушкин Е.С., Клышинский Э.С. Метод автоматической генерации правил синтаксической сегментации // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – 2009. – №12. – С. 135-148.
6. Пушкина Е.Н. Анализ предложения и снятие грамматических трудностей англоязычных текстов профессиональной направленности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2020. – С. 177-185.
7. Серова Т.С., Сабитова А.Р. Моделирование простых предложений на иностранном языке при формировании лексико-грамматических навыков информативного чтения // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – №2. – С. 110-121.
8. Шпит Е. И., Куровский В. Н. Изучение англоязычного академического письма инструментами компьютерной лингвистики // Высшее образование в России. – 2020. – №7. – С. 89-103.

DETERMINISTIC SYNTACTIC SEGMENTATION OF ENGLISH-LANGUAGE TEXT AS A TOOL FOR OPTIMIZING ACADEMIC READING

E.V. Malomanova

Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russia

This article addresses the cognitive difficulties encountered when reading English-language academic texts due to their complex syntactic structure and high information density. A deterministic syntactic segmentation method based on formal rules for identifying minimal syntactic units (sentences, clauses, and syntagmas) is proposed as an effective means of reading optimization. A step-by-step segmentation algorithm

is described, including the identification of sentence boundaries, their marking, clause extraction, and syntagmatic group analysis

Keywords: syntactic segmentation, deterministic approach, cognitive load, clause, syntagma.

УДК 811.111

ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЙ АЛГОРИТМ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ИЕРОГЛИФОВ-ОМОФОНОВ

Е.В. Маломанова

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

Статья посвящена проблеме неоднозначной транслитерации английских имён собственных на китайский язык, вызванной множественностью иероглифов-омофонов и отсутствием единых правил их выбора. Анализ существующих подходов показал, что они не обеспечивают однозначности, что ведёт к вариативности в документах и коммуникации. Предложен формализованный алгоритм, основанный на трёх критериях: фонетическое соответствие, частотность иероглифа и семантическая нейтральность с культурной приемлемостью.

Ключевые слова: транслитерация, иероглифы-омофоны, фонетическая адаптация, семантическая нейтральность.

В условиях глобализации точная передача английских имён собственных на китайский язык критически важна для юридических, научных и коммерческих целей. Однако существующие методы, в частности система Палладия, допускают множественность вариантов записи из-за иероглифов-омофонов. Механизм транскрипции не жёстко регламентирован: один и тот же звук может передаваться разными знаками, что создаёт неоднозначность при идентификации личности. Корень проблемы – в различии письменностей: иероглифы обладают собственной семантикой и культурными коннотациями, поэтому при транслитерации необходимо учитывать не только фонетику, но и семантическую нейтральность, культурную приемлемость. Иностранные имена интегрируются в китайскую ономастическую систему, где любой знак осмысливается, и неудачный выбор может исказить восприятие.

Анализ традиционных подходов – транскрипции и калькирования – показывает их недостаточность. Китайский язык имеет лишь около 400 слогов, поэтому фонетическая адаптация часто искажает оригинал, а одному слогу может соответствовать множество омофонов, выбор между которыми субъективен. Транскрипция остаётся основным приёмом для личных имён, но она привносит в имя дополнительную семантику, что отличает её от аналогичных процессов в

языках с фонетической письменностью. Главный недостаток – отсутствие унифицированных правил: даже утверждённые рекомендации часто нарушаются в пользу благозвучности или традиции. Это порождает вариативность, особенно острую из-за идеографической природы письменности.

Ключевой источник неоднозначности – омофоны: иероглифы с одинаковым чтением, но разной семантикой и графикой. Их выбор требует учёта не только звука, но и культурно-ономастических норм; неверный омофон способен привнести нежелательные коннотации. Проблема усугубляется региональными различиями: в континентальном Китае, Гонконге и на Тайване для одного английского слова могут использовать разные иероглифы. Например, “blog” передаётся как 博客 (bókè) в Китае и Гонконге, но как 部落格 (bùluògé) на Тайване. Это подтверждает отсутствие однозначного соответствия между звуком и знаком. При этом китайская традиция отдаёт приоритет семантике, поэтому требуется баланс между точностью звучания и смысловой нейтральностью.

Для решения этой проблемы разработаны многоаспектные критерии детерминированного выбора. Первый – фонетическое соответствие: адаптация к слоговой структуре путунхуа, устранение или вставка гласных при стечениях согласных, замена отсутствующих звуков (например, [r] заменяется на 尔 [ěr] или 拉 [lā]). Примеры: бренд Hermes передаётся как 爱马仕 (àimǎshì), где конечный [m] сохраняется, а второй слог начинается с [sh]; Lancome → 兰蔻 (lánkòu), где конечный [m] опускается; Volvo → 沃尔沃 (wò'ěrwò), где [r] заменяется на 尔. Второй критерий – частотность иероглифа: использование распространённых знаков снижает когнитивную нагрузку и унифицирует запись. Третий – семантическая нейтральность и культурная приемлемость: иероглиф не должен иметь негативных коннотаций. Также важна прагматическая адаптация к высококонтекстной культуре и стилистическая интеграция в ономастическую традицию, что подтверждается успешными примерами нейминга брендов с «ненулевой» семантикой.

Алгоритм начинается с фонетического разбора: исходное имя приводится к последовательности допустимых слогов по правилам адаптации. Затем происходит сопоставление с таблицами соответствий, что даёт множество иероглифов-омофонов для каждого слога. На этом этапе проявляется вариативность, как в примере с “blog”. Далее применяется интегральный критерий, ранжирующий по трём параметрам: фонетическое сходство, частотность, отсутствие негативных коннотаций. Выбирается иероглиф, наилучшим образом удовлетворяющий всем трём условиям, что обеспечивает детерминированность результата.

Апробация проводилась на репрезентативной выборке имён с разной слоговой структурой, редкими фонемами и стечениями согласных. Алгоритм показал высокую точность: сравнение с экспертными переводами подтвердило корректность в подавляющем большинстве случаев; уровень ошибок для английского языка близок к 2 %, что согласуется с данными аналогичных систем.

Таким образом, разработанный детерминированный подход устраняет неоднозначность, обеспечивая однозначный, воспроизводимый результат, соответствующий фонетическим, семантическим и культурным критериям. Это делает его практически применимым для юридических, научных и коммерческих задач. Полученные результаты открывают перспективы адаптации алгоритма к другим языкам и интеграции в автоматизированные системы транслитерации.

Список использованных источников

1. Баранова М.Т., Прошина З.Г. Сравнительный анализ фонетических систем британского английского и мандаринского китайского языков // Молодой учёный. – 2025. – №28. – С. 256-258.

2. Ван Ляньцэнь Перевод имен собственных с русского на китайский язык (на материале перевода повести О. Мандельштама «Египетская марка») // Мир русскоговорящих стран. – 2020. – С. 57-65.

3. Старцева С.М. Ономастические реалии в историях Роберта ван Гулика и способы их перевода на китайский и русский языки // Вестник Московского государственного областного университета (Лингвистика). – 2018. – №2. – С. 190-198.

4. Хамаева Е.А. Проблемы перевода иностранных антропонимов на китайский язык // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – С. 142-149.

5. Ху Пэйпэй Варианты английских заимствований в китайском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – №4. – С. 864-872.

A DETERMINISTIC ALGORITHM FOR TRANSLITERATION OF ENGLISH PROPER NAMES INTO CHINESE: THE PROBLEM OF SELECTING HOMOPHONE CHARACTERS

E.V. Malomanova

Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russia

This article addresses the problem of ambiguous transliteration of English proper names into Chinese, caused by the multiplicity of homophone characters and the lack of uniform rules for their selection. An analysis of existing approaches revealed that they do not ensure unambiguity, leading to variability in documents and communications. A formalized algorithm based on three criteria is proposed: phonetic correspondence, character frequency, and semantic neutrality with cultural acceptability.

Keywords: transliteration, homophone characters, phonetic adaptation, semantic neutrality.

УДК 37.014.5

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС ООО

М.Н. Мамикова

Нижневартовский государственный университет,
г. Нижневартовск, Россия

В статье рассматривается проблема обеспечения качества школьного образования в контексте реализации Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (ФГОС ООО) и обновленных ФГОС. На основе анализа теоретических подходов и материалов практического исследования выявляются ключевые аспекты управления качеством: психолого-педагогические, кадровые и материально-технические условия.

Ключевые слова: школьное образование, ФГОС ООО, качество образования, управление качеством, индивидуализация образовательного процесса, образовательная среда, мониторинг.

С вступлением в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и последовательным обновлением ФГОС система общего образования России перешла на качественно новый этап развития. Стандарты определяют, какой должна быть основная образовательная программа школы, какие цели, содержание образования и результаты она предполагает, а также как организован образовательный процесс [6]. В условиях перехода на обновленные ФГОС перед общеобразовательными организациями (далее – ОО) встает задача пересмотра целевых основ функционирования, изменения содержания, форм и методов организации образовательного процесса. Оно представляет собой многомерное понятие, включающее качество образовательного процесса, качество ресурсообеспечения, качество управления и качество результатов работы [3].

В научной литературе качество школьного образования рассматривается в двух основных аспектах. Во-первых, как нормативный уровень, которому должно соответствовать качество воспитания, обучения и развития обучающихся. Во-вторых, как качество педагогического процесса и условий, в которых он осуществляется, включая качество подготовки кадров, технологий, финансовых и материальных условий. Так, согласно исследованиям Л.С. Подымовой, В.А. Сластенина, А.А. Майорова и др., качество образования определяется как степень соответствия совокупности свойств и результатов образования обучающихся прогнозируемым целям ОО на основе норм, требований, стандартов, потребностей и ожиданий субъектов образовательного процесса [3].

Управление качеством в ОО представляет собой скоординированную деятельность по руководству и управлению учреждением применительно к качеству. Оно включает в себя политику в области качества, планирование, управление, обеспечение и улучшение качества. Данный процесс предполагает ориентацию на потребителя, лидерство руководства, вовлечение сотрудников, постоянное совершенствование и принятие решений, основанных на фактах и данных.

Государство, общество и личность (обучающийся и его родители) выступают потребителями услуг ОО, что требует гибкого реагирования на их текущие и будущие потребности [1].

Одним из центральных принципов реализации ФГОС ООО является построение образовательного процесса с учетом индивидуальных особенностей каждого обучающегося. Современный подход к школьному образованию связан с переориентацией со знаниевого подхода на стратегию поддержки личностного становления каждого обучающегося, а также на системно-деятельностный подход, который лежит в основе организации учебной деятельности. Как отмечают А.Е. Белькова и Е.Н. Рымарева, «методически грамотная интеграция этнокультурного содержания в лингвистическое и литературоведческое образование обладает значительным педагогическим потенциалом, способствует не только эффективному усвоению языкового и литературного материала, но и обеспечивает комплексное духовно-нравственное развитие обучающихся» [1, с. 123]. Кроме того, важно учитывать, что точность и выразительность педагогической коммуникации напрямую влияют на качество образовательного процесса. Как подчеркивает исследователь, «лексические синонимы… со всей очевидностью обнаруживают свою предназначенность – служить средством многомерного представления объекта, инструментом коммуникативной «настройки», одним из ярких средств создания образности» [2, с. 7].

Индивидуализация также является неотъемлемым условием качественного образовательного процесса, поскольку она позволяет учитывать уникальные особенности и потребности каждого обучающегося. Как подчеркивается в коллективной монографии под редакцией А.В. Абрамова, «цель обучения в высшей школе состоит в формировании профессиональной компетентности как обобщенной характеристики специалиста» [5, с. 11–12]. Достижение данной цели невозможно без внимания к индивидуальным особенностям студентов, так как именно они определяют траекторию профессионального становления.

Индивидуализация основывается на предпосылке, что не может быть двух обучающихся, которые учатся и развиваются совершенно одинаково. Она требует внимательного наблюдения за обучающимися, выявления их интересов и сильных сторон, а также использования методов работы, соответствующих индивидуальному стилю учения каждого обучающегося. В этом контексте особое значение приобретает создание образовательной среды, которая обеспечивает максимальную реализацию образовательного потенциала пространства и способствует развитию инициативы, самостоятельности и функциональной грамотности обучающихся [1].

Материалы исследования, основанные на анализе деятельности общеобразовательной организации, демонстрируют практические аспекты реализации требований ФГОС ООО. Образовательный процесс в учреждении организован с учетом индивидуально-типологических особенностей обучающихся и строится на основе системно-деятельностного подхода. Данный подход обеспечивает системность и последовательность образовательной работы в течение учебного года, позволяет обучающемуся «проживать» учебные темы и лучше усваивать материал [1].

Важным аспектом является оценка качества условий. В ходе самообследования выявлено, что образовательная деятельность в школе организована в соответствии с основными требованиями ФГОС ООО и «Порядком организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам». Созданная в учреждении образовательная среда обеспечивает максимальную реализацию образовательного потенциала пространства, трансформируется в зависимости от образовательной ситуации и учебных тем [4].

Анализ качественного состава педагогов свидетельствует о высоком уровне кадрового обеспечения: 100% педагогов прошли курсы повышения квалификации по вопросам внедрения ФГОС ООО. Данный фактор является ключевым ресурсом обеспечения качества образования, так как именно педагоги непосредственно реализуют программу. Информационная открытость деятельности общеобразовательной организации обеспечивается посредством размещения информации на сайте школы в форме самообследования.

Проведенный анализ теоретических источников и материалов практического исследования подтверждает, что качество школьного образования является управляемым процессом, результатом деятельности всего педагогического коллектива. Основными условиями его достижения являются: создание образовательной среды, соответствующей требованиям ФГОС ООО (безопасность, доступность, трансформируемость, функциональность); высокий уровень профессиональной компетентности педагогических кадров; реализация принципа индивидуализации образовательного процесса; а также эффективное использование системно-деятельностного подхода.

Практическая значимость исследования заключается в понимании критериев качества школьного образования, что особенно ценно для молодых специалистов, начинающих трудовую деятельность в период обновления федеральных государственных образовательных стандартов. Система мониторинга качества образования, ориентированная на устойчивое развитие и формирование доказательной базы принятия решений, становится эффективным инструментом непрерывного совершенствования деятельности общеобразовательных организаций.

Список использованных источников

1. Белькова А.Е. Интеграция этнокультурного компонента в языковое и литературное образование Югры / А.Е. Белькова, Е.Н. Рымарева // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 1(110). – С. 123-125.

2. Белькова А.Е. Контекстуальные синонимы как стилистическое средство выразительности в языке поэзии В.А. Мазина / А.Е. Белькова // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 3–9.

3. Гордеева В.В. Индивидуализация образовательного процесса в соответствии с обновленными ФГОС / В.В. Гордеева, П. Э. Мустафаева // Вестник педагогических наук. – 2025. – № 5. – С. 269–275.

4. Педагогика: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Л.С. Подымова [и др.]; под общей редакцией Л.С. Подымовой, В.А.

Сластенина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 246 с.

5. Целеполагание в учебном процессе гуманитарного университета: коллективная монография / А.В. Абрамов, А.Е. Белькова, О.В. Баракова [и др.]. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2010. – 191 с.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 287 (с изменениями и дополнениями от 18.07.2022, 08.11.2022, 27.12.2023, 22.01.2024, 19.02.2024, 18.06.2025).

QUALITY MANAGEMENT IN SCHOOL EDUCATION UNDER THE CONDITIONS OF FSES BGE IMPLEMENTATION

M.N. Mamikova

Nizhnevartovsk State University,
Nizhnevartovsk, Russia

The article examines the problem of ensuring the quality of school education in the context of the implementation of the Federal State Educational Standard of Basic General Education (FSES BGE) and updated FSES. Based on the analysis of theoretical approaches and materials of practical research, the key aspects of quality management are identified: psychological-pedagogical, staffing, and material-technical conditions.

Keywords: school education, FSES BGE, quality of education, quality management, individualization of the educational process, educational environment, monitoring.

УДК 372.881.111.1

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ, НАПРАВЛЕННОГО НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАКОГНИТИВНЫХ НАВЫКОВ

О.Д. Медведева

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия

В статье представлены теоретические и практические аспекты проектирования содержания обучения иностранному языку, имеющего целью развитие иноязычных коммуникативных умений и метакогнитивных навыков. Методически обосновываются структура содержания и эффективные виды упражнений.

Ключевые слова: метакогнитивные навыки, soft skills, содержание обучения иностранному языку, развитие личности.

В современном стремительно развивающемся мире ключевыми факторами успешного обучения, личностного и профессионального становления являются владение навыками продуктивной межличностной коммуникации как на родном, так и на иностранном языках, высокий уровень развития управленческих и аналитических навыков, а также эффективное использование базовых цифровых технологий. Всё вышеперечисленное находит своё отражение в концепции метакогнитивных навыков – совокупности надпрофессиональных и познавательных навыков, включающих три подгруппы: медиативно-интерактивные, социоконструктивные и функционально-технологические [3].

Потребность в формировании данных навыков в процессе обучения в высшей школе обуславливает актуальность поиска целесообразных средств и методов в содержании существующих академических дисциплин, среди которых иноязычное обучение располагает наиболее подходящим инструментарием как дисциплина, способствующая гуманизации профессионального образования. В связи с этим цель статьи – спроектировать содержание обучения иностранному языку, направленное на развитие метакогнитивных навыков студентов вуза.

Анализ научно-методической литературы позволил автору выявить основные требования к современному содержанию обучения: иноязычная подготовка в высшей школе должна быть ориентирована на раннюю профессионализацию и практико-ориентированность обучения, что важно для повышения не только значимости получаемых знаний и навыков, но и мотивированности обучающихся, внутренняя мотивация к изучению иностранного языка которых обычно невысока [2]. Для соответствия данным требованиям в первую очередь необходимо менять подход к целеполаганию в обучении иностранному языку: развивающий потенциал дисциплины позволяет преподавателям организовать совокупное формирование иноязычной коммуникативной компетенции и метакогнитивных навыков, таким образом моделируя новую интегративную цель обучения.

Целевой уровень обучения определяет концептуальный, содержательный и результативный уровни, комплексность которых раскрывает развивающую, воспитательную, познавательную, социоконструктивную и культурологическую направленности процесса обучения [1]. Интеграция метакогнитивной составляющей в целевую влечет за собой наращивание и конкретизацию ожидаемых результатов, обеспечивает более осознанное усвоение студентами установок, знаний и навыков, усиливая ценностно-смысловой, рефлексивный и саморазвивающий аспекты всех направленностей.

Концептуально содержание обучению следует базировать на эффективных методических подходах к обучению иностранному языку, например:

– коммуникативно-когнитивный: обучение строится на решении практико-ориентированных коммуникативных задач, вовлекающих студентов в процесс осмысленного речевого действия, рефлексии и саморегуляции процесса общения, требующих активной аналитической и критической умственной деятельности, что положительно влияет на развитие всех групп метакогнитивных навыков и иноязычных умений;

– личностно-деятельностный: данный подход создает условия для естественного совершенствования метакогнитивных навыков и позволяет обучающемуся самостоятельно проектировать индивидуальную образовательную и развивающую траектории через педагогическую поддержку и тьюторство, формируя навыки самоконтроля, планирования и целеполагания;

– продуктивный: подход, ориентированный на создание осмысленных речевых и образовательных продуктов, способствующий развитию креативности, осознанности в выборе речевых и метакогнитивных стратегий, навыков самоанализа и коррекции.

В совокупности данные подходы создают целостную основу для интегративного формирования иноязычной коммуникативной компетенции и метакогнитивных навыков, а также определяют набор необходимых методических принципов обучения иностранному языку и развития метакогнитивных навыков, среди которых принципы контекстно-функциональной коммуникативной основы обучения, коммуникативно-интерактивной активизации личностного потенциала, профессионально-коммуникативной направленности обучения и другие [3]. Следование указанным принципам обеспечивает реализацию целевого уровня и приводит к ожидаемым результатам образовательной деятельности.

Методологическая обеспеченность иноязычного образовательного процесса позволяет спроектировать собственно содержание обучения иностранному языку и развития метакогнитивных навыков, которое должно быть аутентичным, проблемно-ориентированным, проектно-деятельностным, ситуативным и связанным с будущей профессиональной деятельностью обучающегося [4]. Лингвистический аспект содержания обучения следует представлять в виде языкового материала, который студенту необходимо самостоятельно структурировать и осмыслить. Вариативность и неоднозначность заданий стимулирует аналитические и исследовательские способности, а рефлексия после каждой изученной темы помогает лучшему усвоению и закреплению знаний.

Определяющим компонентом содержания обучения иностранному языку, направленного на развитие метакогнитивных навыков, становится психологический, подразумевающий использование речевых упражнений для развития необходимых навыков и умений [1]. Например, можно смоделировать задания, в которых студентам предлагается составить план своей деятельности или выполнения учебной задачи, провести самооценку и анализ образовательного продукта, а также порефлексировать на тему ценностно-смысловых ориентаций на иностранном языке.

Социокультурный компонент содержания обучению побуждает студента к анализу речевых ситуаций, отбору речевых средств и управлению коммуникативным поведением, что способствует расширению кругозора и развитию толерантности [1]. Соответственно, его стоит реализовывать через упражнения на анализ контекста, оценку вербальных и невербальных средств, сравнение стилей речи и культурных маркеров.

В то же время методологический аспект позволяет самостоятельно адаптировать уже усвоенные речевые и метакогнитивные стратегии к изменяющимся

условиям [1], что следует совершенствовать с помощью заданий, которые помогут обучающемуся научиться выбирать эффективные стратегии общения в разных контекстах, применять их в реальных коммуникативных ситуациях, выявлять возникающие в процессе общения языковые и речевые трудности и находить способы их преодоления.

Тематическую и ситуативную составляющие следует проектировать на основе мультимодальности предметного содержания, аутентичной и профессиональной тематики, а также с использованием цифровых технологий, что способствует организации более эффективной и интерактивной образовательной деятельности. Трансформация традиционных компонентов содержания обучения иностранному языку предложенным автором образом сможет привести к реализации результативного уровня обучения – повышению уровня развития иноязычной коммуникативной компетенции и метакогнитивных навыков.

Таким образом, нами было предложено и методически обосновано содержание обучения иностранному языку, которое способствует совершенствованию не только иноязычных коммуникативных умений, но и метакогнитивных навыков.

Список использованных источников

1. Бормосова, Н. Е. Основные компоненты содержания обучения иностранному языку / Н. Е. Бормосова, М. Н. Раздобарова // Новый вектор научного диалога : Сборник статей по итогам IV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции и VI Международной научно-практической конференции, Саратов, 27 февраля 2025 года. – Саратов: Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии им. Н.И. Вавилова, 2026. – С. 16-18. – EDN QOVNLQ.

2. Демина, О. А. Профессионализация содержания обучения дисциплины «Иностранный язык» в вузе при переходе на новую модель образования / О. А. Демина, Ю. В. Лоскутова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2026. – № 2-1(113). – С. 81-85. – DOI 10.24412/2500-1000-2026-2-1-81-85. – EDN LSNRIR.

3. Медведева, О. Д. Методические принципы развития метакогнитивных навыков студентов многопрофильного вуза в процессе изучения иностранного языка / О. Д. Медведева, А. В. Рубцова // Актуальные вопросы благополучия личности: психологический, социальный и профессиональный контексты : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 17 ноября 2022 года. – Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2022. – С. 172-174. – EDN WPURWZ.

4. Мохова, О. Л. Интеграция профессионального содержания в обучение иностранному языку: педагогические основания и ограничения / О. Л. Мохова, О. И. Башеров, П. И. Якушкина, Л. И. Циколенко // Управление образованием: теория и практика. – 2026. – № 2-1. – С. 42-52. – DOI 10.25726/v0795-3765-7228-m. – EDN YEIONA.

DESIGNING THE CONTENT OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN HIGHER EDUCATION AIMED AT DEVELOPING METACOGNITIVE SKILLS

O.D. Medvedeva

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

The article presents theoretical and practical aspects of designing the content of foreign language teaching focused on fostering foreign language communicative competence and metacognitive skills. The structure of the content and effective types of exercises are methodologically substantiated.

Keywords: metacognitive skills, soft skills, content of foreign language teaching, personality development.

УДК 378.016

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ РЕФРЕЙМИНГУ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Д.В. Мирошникова

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

В статье рассматривается рефрейминг как ключевой инструмент для снижения конфликтогенности в межкультурном деловом общении. Автор обосновывает актуальность обучения навыку рефреймирования в потенциально-конфликтных ситуациях общения, особенно для студентов, изучающих иностранный язык в качестве профессионального, и описывает практический модуль, интегрированный в учебный курс дисциплины «Практикум речевого общения». На примере анализа корпоративной переписки показано, как применение рефрейминга позволяет трансформировать потенциально конфликтную ситуацию в конструктивное взаимодействие. Делается вывод о значимости включения подобного практикума в программы языковой подготовки для формирования межкультурной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: рефрейминг, фрейм, межкультурное деловое общение, обучение иностранному языку.

Социокультурные и экономические трансформации, охватывающие разные стороны современной реальности, неизбежно вызывают изменения в способах общения, в том числе в профессиональной и деловой сферах. Увеличение числа коммуникативных ролей, ослабление формальных рамок делового общения, пренебрежение культурными особенностями партнёров, дефицит

профессионально-коммуникативного опыта у молодых специалистов, различие в поколениях, сглаживание социальных и гендерных границ приводят к росту конфликтности в межкультурном профессиональном взаимодействии.

В современной науке понятие «фрейм» (от англ. «frame» – рамка) выступает интегративной категорией, объединяющей множество концептов ментальных репрезентаций. Согласно фундаментальному определению М. Минского, фрейм представляет собой «структуру данных для представления стереотипной ситуации» [3, с. 94]. Данная дефиниция актуализирует три основных составляющих фрейма: его универсальность как когнитивного формата (охватывает зрительные образы, действия, рассуждения, нарративы в контексте коммуникативной ситуации); стереотипность как базового свойства репрезентируемых ситуаций общения и восприятия контекстов; структурность как принципа организации знаний о типизированных коммуникативных ситуациях. Исходя из вышеуказанного понимания фрейма, отметим, что фрейм представляет собой некую «опору» для успешного продуцирования и восприятия речи [1; 2].

В процессе познания задействованы два базовых когнитивных механизма: фрейминг (организация когнитивно-речевых структур в соответствии с коммуникативной целью и опытом говорящего и ее вербальное выражение, а также дискурсивный механизм управления восприятием) и рефрейминг, на рассмотрении которого мы остановимся более подробно.

Рефрейминг (от англ. «frame» - рамка) – понятие, широко используемое в психологии, практиках нейролингвистического программирования (НЛП) и в теории коммуникации. Суть рефрейминга заключается в изменении формы высказывания без изменения его содержания с целью снижения потенциала конфликтогенности ситуации общения.

В современных исследованиях теории коммуникации рефрейминг представляет собой метод изменения когнитивной и эмоциональной оценки ситуации посредством трансформации контекста, фокусировки на определенных коммуникативных элементах или значении высказывания [5]. В условиях межкультурного, в особенности делового общения умение пользоваться рефреймингом позволяет не допустить эскалации конфликта, восстановить профессиональные отношения и улучшить взаимопонимание в ситуациях бытовой и профессиональной коммуникации.

В основе рефрейминга лежит высказывание, и как показывает теория речевых актов, оно выполняет различные функции – утверждение, требование, извинение и т.д. Социолингвистика и теория полифункциональности дискурса указывают, что значение высказывания зависит не только от слов, но и от контекста, статуса участников и целей коммуникации. Эффективный рефрейминг не меняет функцию высказывания, а лишь влияет на его перцептивную сторону – способствует более комфортному восприятию намерения говорящего со стороны реципиента. В теории НЛП рефрейминг описывается как способ изменить внутреннюю репрезентацию события, что ведет к изменению эмоциональной реакции адресата [4].

Особенно важным представляется обучение рефреймингу студентов, изучающих иностранный (английский) язык в качестве профессиональной дисциплины, так как умение выстраивать бесконфликтное общение на иностранном

языке в устной и письменной форме – неотъемлемый компонент межкультурной коммуникативной компетенции, являющейся основой языкового образования.

В качестве дополнительного компонента для изучения теории и практики рефрейминга студентами мы ввели в дисциплину «Практикум речевого общения» для обучающихся по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование с двумя профилями (География и Иностранный язык) следующие разделы:

1. Теоретические аспекты рефрейминга (1,5 часа): виды (контекстуальный, содержательный, позитивный/негативный), роль эмпатии в построении эффективной коммуникации.

2. Лексико-структурные средства построения бесконфликтного общения (3 ч): фразы для смягчения намерения (hedging), вопросы-рефрейминг, парафраз, трансформация обвинений в запросы.

3. Практика на коммуникативных сценариях (6 ч): ролевые игры с обратной связью, видеоанализ коммуникативных ситуаций.

4. Автономные навыки (3 ч): самонаблюдение, дифференциация эмоциональной и фактической информации, создание «репертуара фраз».

В процессе обучения рефреймингу обучающиеся овладевают навыками активного слушания, переформулирования, использования вопросительных рефреймов, нейтрализация обвинительного тона, переключения фокуса на цели и интересы, возникновения и функционирования повседневной, антиципации и апперцепции. Обучение данным навыкам строится с опорой на познавательные механизмы и когнитивный аспект межкультурной коммуникации. Овладение иностранным языком предполагает не только развитие языковых и речевых умений и навыков обучающихся, но и формирование у них коммуникативного поведения посредством освоения типовых ситуаций общения, зафиксированных в когнитивных моделях, существующих и функционирующих по законам чужого языка, а также когнитивных техник работы с ними в рамках чужого языка.

Приведем пример из практики на коммуникативных сценариях, реализованных в малых группах обучающихся в аудиторных условиях. Для анализа обучающимися были собраны анонимизированные ситуации из корпоративной переписки и устного взаимодействия на английском языке. Материал подвергся дискурсивному и прагматическому анализу: идентификация иллокутивных целей, эмоциональной окраски, точек эскалации и уровня успешности попыток рефрейминга.

Пример рассматриваемой ситуации: клиент выражает недовольство посредством электронной почты. Анализу подверглась фраза покупателя: “I am extremely disappointed that your team missed the deadline. This project delay has cost us resources and credibility” («Я крайне разочарован тем, что ваша команда не уложилась в установленные сроки. Задержка с реализацией проекта стоила нам ресурсов и доверия»). Иллокутивная цель фразы – выражение неудовлетворения результатами работы, недовольство последствиями. Фраза имеет точку риска эскалации конфликта, который потенциально может трансформироваться в обвинение компании и угрозу потери клиента. Обучающимся было предложено сформулировать рефрейминг-ответ для снижения конфликтогенности ситуации, назвать и обосновать выбранные приемы рефрейминга. Приведем пример одного

из ответов: “Thank you for notifying us. I can hear how disruptive this delay has been. Let’s focus first on mitigating the impact: could you tell me which deliverables were most urgent so we can prioritize them immediately?” (Спасибо, что уведомили нас. Я понимаю, насколько серьезной была эта задержка. Давайте сначала сосредоточимся на смягчении последствий: не могли бы вы сказать мне, какие результаты были наиболее срочными, чтобы мы могли немедленно определить их приоритетность?). Для рефрейминг-ответа были выбраны три приема: признание эмоций (I can hear…), перенос фокуса с обвинения на решение, предложение конкретного шага. Использование данных приемов позволило снизить эмоциональное напряжение коммуникативной ситуации и перевести конфликтное общение в совместную работу над проблемой, тем самым сохранить деловые отношения с клиентом. Правильным решением обучающихся было признать вину компании и не использовать защитных фраз (например, “It wasn’s our fault”), которые усиливают конфронтационный тон.

В рамках раздела «Автономные навыки» студентам было предложено составить «портфель» важных фраз для типичных ситуаций делового общения в рамках профессиональной коммуникации. Каждый обучающийся создал своего рода «репертуар фраз» с типичными профессиональными потенциально конфликтогенными ситуациями, а также предложил варианты рефрейма для решения конфликтов.

На основе апробации предложенных разделов установлено, что обучающиеся проявили интерес к анализу реальных ситуаций делового общения посредством использования элементов ролевой игры, а также к изучению приемов рефрейминга, что позволило расширить спектр речевых ситуаций на занятиях. Обучение студентов приемам рефрейминга, включение элементов межкультурной коммуникации, развитие эмоционального восприятия ситуаций общения, несомненно, способствовали развитию у обучающихся межкультурной коммуникативной компетенции.

Таким образом, можно сделать вывод, что рефрейминг как практический инструмент для управления потенциально конфликтными ситуациями в английском общении является актуальным содержанием обучения студентов в рамках профильных дисциплин лингвистического цикла. Содержание обучения должно непременно включать рассмотрение теоретических аспектов сущности рефрейминга, его видов и способов реализации в коммуникативных ситуациях бытового и делового общения, изучение лексико-структурных шаблонов для успешного рефрейминга, а также интенсивную практику в реальных ситуациях общения. Внедрение таких разделов в дисциплины языкового профиля повышает коммуникативную компетентность обучающихся.

Список использованных источников

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Ирвинг Гофман; Пер. с англ., [вступ. ст.] А.Д. Ковалева, Ин-т социологии РАН и др.. – М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 302,[2] с.

2. Киндеркнехт, А. С. Рефрейминг как коммуникативная техника медиатора / А. С. Киндеркнехт // Российский лингвистический бюллетень. – 2024. – № 7(55).

3. Минский, М. Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. О.Н. Гринбаума; Под ред. Ф.М. Кулакова. - Москва: Энергия, 1997. – 151 с.

4. Мироненкова, Н. Н. Рефрейминг как дидактическая технология инициации смыслового выбора / Н. Н. Мироненкова, И. В. Абакумова // Science for Education Today. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 82-106.

5. Одинцова, И. В. Языковой рефрейминг как когнитивная операция в практике преподавания иностранных языков / И. В. Одинцова // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 4. – С. 54-58.

TEACHING STUDENTS REFRAMING IN CROSS-CULTURAL BUSINESS COMMUNICATION CONFLICT SITUATIONS

D.V. Miroshnikova

Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia

This article examines reframing as a key tool for reducing conflict in intercultural business communication. The author substantiates the importance of teaching reframing skills for use in potentially conflict-prone communicative situations – particularly for students studying a foreign language for professional purposes – and describes a practical module integrated into the «Speech Communication Workshop» course. Through an analysis of corporate correspondence, the article demonstrates how reframing can transform a potentially conflict-laden situation into a constructive interaction. It concludes that incorporating such practical training into language programs is essential for developing intercultural communicative competence.

Key Words: reframing, frame, intercultural business communication, foreign language teaching.

УДК 657.432

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЁТ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

И.Д. Мокеев[1]

Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Россия

В статье исследуются теоретические и практические аспекты бухгалтерского учёта дебиторской задолженности в российских организациях. Рассматриваются понятие и классификация дебиторской задолженности, требования нормативного регулирования, типичные ошибки при отражении задолженности на

[1] Научный руководитель — Р.Р. Дыганова, канд. экон. наук, доцент

счетах бухгалтерского учёта, а также современные подходы к управлению и контролю дебиторской задолженности. Предложены направления совершенствования учётных процедур.

Ключевые слова: дебиторская задолженность, бухгалтерский учёт, резерв по сомнительным долгам, инвентаризация, ФСБУ 27/2021, финансовая отчётность.

Введение

Дебиторская задолженность является одним из ключевых объектов бухгалтерского учёта практически в каждой коммерческой организации: в условиях развития рыночных отношений вопросы своевременного и достоверного отражения задолженности контрагентов приобретают всё большую значимость.

По данным статистики, доля просроченной дебиторской задолженности в совокупном объёме долгов российских предприятий неуклонно растёт: по итогам 2023 года она составила порядка 18–22% от общей суммы требований, что свидетельствует о существенном ущербе, наносимом неэффективным управлением задолженностью финансовому состоянию и платёжеспособности компаний.

Корректный учёт дебиторской задолженности позволяет не только формировать достоверную отчётность, но и своевременно выявлять риски неплатежей. Между тем на практике допускается немало ошибок, связанных как с неправильной классификацией задолженности, так и с несоблюдением требований действующих ФСБУ, что обусловливает актуальность настоящего исследования. Цель статьи – систематизация теоретических основ учёта дебиторской задолженности, выявление типичных ошибок учётной практики и разработка рекомендаций по их устранению.

1. Понятие и классификация дебиторской задолженности

Под дебиторской задолженностью понимается сумма долгов, причитающихся организации от юридических и физических лиц в результате хозяйственных взаимоотношений между ними; она отражает право требования к третьим лицам, являясь оборотным или внеоборотным активом в зависимости от срока погашения.

Наиболее распространённая классификация такова. По срокам возникновения выделяют текущую (до 12 месяцев) и долгосрочную (свыше 12 месяцев) задолженность. По объектам расчётов различают задолженность покупателей и заказчиков, поставщиков по выданным авансам, подотчётных лиц, работников по займам, бюджета по излишне уплаченным налогам и пр. По степени надёжности задолженность подразделяется на нормальную, сомнительную и безнадёжную (нереальную ко взысканию).

Правовой основой существования дебиторской задолженности служат положения Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующие обязательственные правоотношения, а также договорные отношения между сторонами сделки. Важнейшим ориентиром для целей учёта выступают Федеральный стандарт бухгалтерского учёта ФСБУ 27/2021 «Документы и документооборот в бухгалтерском учёте», а также ПБУ 4/99 «Бухгалтерская отчётность организации».

2. Нормативное регулирование учёта дебиторской задолженности

Ключевыми нормативными документами являются: Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте», устанавливающий общие принципы организации учёта; ФСБУ 27/2021 «Документы и документооборот в бухгалтерском учёте», регулирующий порядок формирования и хранения документов по расчётам; Инструкция по применению Плана счетов (утв. Приказом Минфина России от 31.10.2000 № 94н), определяющая порядок применения счетов 60, 62, 71, 73, 76; Приказ Минфина России от 13.06.1995 № 49, устанавливающий требования к инвентаризации расчётов.

С принятием новых ФСБУ (5/2019 «Запасы», 25/2018 «Аренда», 6/2020 «Основные средства») система регулирования сблизилась с МСФО. Для дебиторской задолженности особое значение приобретает концепция справедливой стоимости и оценка ожидаемых кредитных убытков, применяемые в МСФО 9 и постепенно внедряемые в российскую практику.

3. Порядок бухгалтерского учёта дебиторской задолженности

Синтетический учёт ведётся на счетах раздела VI «Расчёты» Плана счетов: задолженность покупателей и заказчиков отражается на счёте 62, авансы, выданные поставщикам, – на счёте 60. Возникновение задолженности отражается по дебету соответствующих счетов в момент признания выручки; погашение – обратной записью при поступлении денег или зачёте требований. Сомнительная задолженность резервируется на счёте 63, что уменьшает её балансовую стоимость.

Типичная схема проводок при продаже в кредит: Дт 62 / Кт 90.1 – признание выручки; Дт 51 / Кт 62 – поступление оплаты; Дт 91.2 / Кт 63 – начисление резерва; Дт 63 / Кт 62 – списание безнадёжного долга за счёт резерва (сама задолженность учитывается за балансом на счёте 007 в течение пяти лет). Аналитический учёт должен обеспечивать данные по каждому дебитору, виду расчётов и срокам возникновения – на практике это реализуется в учётных программах (1С:Бухгалтерия, SAP, «Парус» и др.).

4. Типичные ошибки учётной практики

Анализ типичных нарушений позволяет выделить несколько групп ошибок. Первая – ошибки классификации: долгосрочная задолженность нередко не переводится в краткосрочную по мере приближения срока погашения, что искажает структуру баланса (согласно ПБУ 4/99 активы делятся на внеоборотные и оборотные по сроку обращения – 12 месяцев после отчётной даты).

Вторая группа – ошибки при создании резерва по сомнительным долгам: многие организации формируют его формально, без реальной оценки платёжеспособности дебиторов, либо не создают вовсе, в нарушение ПБУ 4/99 и п. 70 Положения по ведению бухгалтерского учёта, что приводит к завышению задолженности в балансе.

Третья группа связана с нарушениями инвентаризации расчётов: она проводится реже, чем предписано (как правило, лишь перед годовой отчётностью), а акты сверки с контрагентами нередко подписываются формально.

Четвёртая группа – ошибки при списании задолженности с истёкшим сроком исковой давности (по ГК РФ – три года): такое списание на практике нередко откладывается или не производится вовсе.

5. Направления совершенствования учёта дебиторской задолженности

На основании анализа можно предложить следующие меры. Во-первых, разработать и внедрить внутреннее положение о кредитной политике, регламентирующее отсрочки платежа, лимиты задолженности по контрагентам, процедуры мониторинга и взыскания долгов – это упорядочивает расчёты и снижает кредитный риск.

Во-вторых, перейти к систематической оценке задолженности по методике группировки долгов по срокам просрочки («матрица резервирования»), заимствованной из МСФО 9, что обеспечивает более объективное формирование резерва.

В-третьих, внедрить электронный документооборот для ускорения сверок с контрагентами – операторы ЭДО делают этот инструмент доступным даже для малого бизнеса.

В-четвёртых, уделять больше внимания раскрытию информации о задолженности в пояснениях к отчётности: согласно ПБУ 4/99 следует указывать структуру задолженности, сроки её возникновения, сведения о резервах и обеспечениях.

Заключение

Бухгалтерский учёт дебиторской задолженности – сложный участок учётной работы, требующий строгого соблюдения нормативных требований. Задолженность является значимым элементом оборотных активов и оказывает непосредственное влияние на финансовую устойчивость организации; достоверное её отражение возможно лишь при правильной классификации, своевременном формировании резервов и регулярной инвентаризации расчётов.

Среди типичных ошибок выделяются: неправильная классификация по срокам, формальное создание резервов, нарушение порядка инвентаризации и несвоевременное списание безнадёжных долгов. Их устранение требует как организационных мер (регламенты, ЭДО), так и методологических улучшений (матрица резервирования, сближение с МСФО), что в итоге повысит качество финансовой информации и укрепит финансовую дисциплину организаций.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.06.2026). Текст: электронный.

2. О бухгалтерском учёте: федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 12.12.2023) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 10.06.2026). Текст: электронный.

3. Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учёта ФСБУ 27/2021 «Документы и документооборот в бухгалтерском учёте»: приказ Минфина России от 16.04.2021 № 62н // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400631776/ (дата обращения: 10.06.2026). Текст: электронный.

4. Кондраков Н. П. Бухгалтерский учёт (финансовый и управленческий) : учебник / Н. П. Кондраков. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: НИЦ ИНФРА-М, 2022. 584 с. ISBN 978-5-16-017308-2.

5. Мизиковский И. Е. Бухгалтерский учёт: учебник / И. Е. Мизиковский. Москва: Магистр: НИЦ ИНФРА-М, 2023. 624 с. ISBN 978-5-9776-0422-5.

6. Сигидов Ю. И. Оценка дебиторской задолженности: монография / Ю. И. Сигидов, М. А. Коровина. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2016. – 114 с. – ISBN 978-5-00097-175-8. – EDN: XGPJVP.

7. Бурсулая Т. Д. Резервы. Бухгалтерский учет и налогообложение: монография / Т. Д. Бурсулая. – Москва: КноРус, 2020. – 178 с. – ISBN 978-5-4365-6200-1. – EDN: ARAQEY.

8. Домбровская Е. Н. МСФО как основа разработки федеральных стандартов бухгалтерского учета: критический анализ результатов: монография / Е. Н. Домбровская, Э. С. Дружиловская [и др.]. – Москва: КноРус, 2021. – 320 с. – ISBN 978-5-4365-7052-5. – EDN: GTEJDE.

ACCOUNTING FOR ACCOUNTS RECEIVABLE: CURRENT PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

I.D. Mokeev[1]

Kazan State Power Engineering University,
Kazan, Russia

The article examines theoretical and practical aspects of accounts receivable accounting in Russian organizations. It considers the concept and classification of receivables, regulatory requirements, common errors in accounting practice, and modern approaches to the management and control of accounts receivable. Directions for improving accounting procedures are proposed.

Keywords: accounts receivable, accounting, allowance for doubtful debts, inventory count, FSBU 27/2021, financial statements.

УДК 94

УФИМСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА ВЛАСТИ

И.К. Молчанов

Университет «Синергия»,
г. Москва, Россия

В статье рассматривается роль государственного совещания антибольшевистских сил в сентябре 1918 года по продлению кризиса власти. Исследуются причины созыва и роль в Гражданской войне. Автор приходит к выводу, что

[1] Scientific advisor — R.R. Dyganova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

созыв такого совещания был неизбежен. В качестве аргументов приводится объединение Белых сил на Юге России и начало активного перехода большевиков к военному и государственному строительству.

Ключевые слова: УФА, Комуч, Гражданская война, интервенция, объединение, эсеры.

К началу осени 1918 года антибольшевистское движение на востоке России от Поволжья до Урала представляло собой конгломерат разрозненных сил, при отсутствии единого политического и военного центра. После падения советской власти в Поволжье, Сибири и на Урале летом 1918 года образовалось несколько независимых правительств: Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч) в Самаре, Временное Сибирское правительство в Омске, областное правительство Урала в Екатеринбурге, а также правительства казачьих войск и национальных автономий. Это стало возможным благодаря вооруженному мятежу Чехословацкого корпуса и его контактам с эсерами [3,5]

Важную роль в процессе координации между ними играли представители иностранной интервенции и Чехословацкого корпуса.[4]

Отсутствие координации данных правительств приводило к военным неудачам, экономическим противоречиям и политическим конфликтам [8].

Ключевым фактором, подтолкнувшим к объединению, стала военная обстановка. Падение Казани и Симбирска под ударами Рабоче-крестьянской Красной армии, создали прямую угрозу существованию Комуча. Чехословацкий корпус, бывший главной ударной силой белых, угрожал прекратить боевые действия в случае продолжения политической борьбы между правительствами [2 С 118; 6, С. 577]. В этих условиях необходимость создания единой власти стал ключевым вопросом всего восточного фронта.

Инициатива созыва общенационального форума принадлежала умеренно-социалистической организации «Союз возрождения России», которая стремилась преодолеть раскол между социалистами-революционерами (эсерами), доминировавшими в Комуч, и либерально-консервативными силами, представленными кадетами и сибирским правительством [9 с 135].

Уфимское совещание начало свою работу 8 сентября 1918 года и имело главную цель- консолидацию политической власти. Совещание должно было разрешить спор о правопреемстве. Самарский Комуч считал себя полномочным представителем разогнанного Учредительного собрания. Сибирское правительство претендовало на власть как орган, возникший в результате свержения большевиков на Урале и в Сибири и ставшей местным центром так называемого «областничества». В ходе совещания необходимо было принять конституционные акты, определяющие структуру, полномочия и принципы деятельности нового правительства до момента созыва нового Учредительного собрания, которое должно состояться после завершения Гражданской войны [7].

В совещании приняли участие 23 делегации от семи казачьих войск (Оренбургского, Уральского, Сибирского, Семиреченского, Енисейского, Астраханского, Иркутского), правительств Алаш-Орда (Казахстан), Башкирия, Туркестана, Уральского правительства, Сибирского областного правительства,

Комуча [10 С. 92]. Именно последние два правительства стали главными антагонистами совещания. Левое крыло, представленное Комучем выступало за создание ответственного перед Учредительным собранием коалиционного правительства, а Сибиряки выражавшие интересы казачества и умеренных либералов в лице представителей партии кадетов настаивали на формировании диктатуры, в формате Директории. По итогам работы принято решение о признании Всероссийского правительства единым носителем верховной власти в России, областные правительства передавали свои функции центральной власти. Директория выступала за созыв Учредительного Собрания и представить ему отчет о своей деятельности, как временный орган.

Аграрный вопрос, будучи ключевым для южного Урала и Западной Сибири оставался нерешенным. Земля оставалась в руках помещиков, но расширялась территория для трудового землепользования. Это была классическая формула в условиях Гражданской войны, так как белы не хотел лишиться поддержки ни богатых кадетов, ни крестьянства в условиях войны. Из-за этого можно говорить о таком явлении, как «не предрешённость» в решении ключевой проблемы.

Военный вопрос так же осложнялся проблемами строительства вооруженных сил. Белые испытывали такие же проблемы, как и Красная армия, при переходе от полупартизанских формирований к регулярной армии испытывала проблемы с дисциплиной. Сибирская армия выступала за невмешательство военных в политику, как раз, напротив, отстаивала широкие демократические права солдат и офицеров.

Однако, итогам работы Учредительного собрания усилилась власть военных, в том числе А.В. Колчака, так как Директория, состоявшая из пяти человек была образована исходя из персонального принципа, а не из партийного или коалиционного.

В ходе совещания его участники находились под постоянным давлением внешних сил в лице интервентов и наступающих в Поволжье частей Красной армии.

Для разрешения принципиальных разногласий была создана Согласительная комиссия. В ее состав вошли представители всех политических фракций по одному человеку от каждой. Именно эта комиссия, работавшая практически непрерывно, подготовила все ключевые решения, которые затем лишь формально утверждались пленумом Уфимского государственного совещания.

Принятие окончательного решения было ускорено особой позицией чехословаков - единственной на тот момент боеспособной антибольшевистской вооруженной силой, потребовавшей под угрозой оставления фронта отбросить всякие разногласия между участниками совещания.

23 сентября 1918 состоялось заключительное, пятое в общей сложности заседание Уфимского государственного совещания, на котором был принят «Акт об образовании Всероссийской верховной власти» и провозглашено создание Временного Всероссийского правительства [1. С. 737].

Ключевые решения принимались из-за этого крайне поспешно и необдуманно. Многие из участников надеялись на возрождение Учредительного

собрания в ближайшем будущем, поэтому рассматривали данные договоренности, как временные.

Уфимское государственное совещание стало высшей точкой попыток построения широкой антибольшевистской коалиции на демократической основе. Его целями были объединение Востока России, прекращение гражданской войны внутри самого белого движения и создание легитимной альтернативы советскому режиму.

Вместе с тем, работа совещания показала невозможность синтеза совершенно противоположных идей. С одной стороны выступали представители левого толка социалисты-революционеры, с другой стороны сибирские консервативные правые силы, опирающиеся на военных.

Хрупкость договоренностей усугублялась сложностями на фронте. Уже в октябре Директория эвакуировалась из Уфы в Омск, который стал новой столицей Белой России, а 18 ноября 1918 года произошел политический переворот и была установлена военная диктатура адмирала А.В. Колчака, бывшего члена директории и военного министра.

Можно констатировать, что опыт Уфимского государственного совещания доказал, что бескомпромиссность политических целей и отсутствие доверия между участниками делают любую подобную конструкцию нежизнеспособной перед лицом радикальных военных диктатур.

Список использованных источников

1. Багаутдинов, Р. О. Уфимское государственное совещание 1918 года / Р. О. Багаутдинов // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 1-1. – С. 737-739. – EDN PEGUZJ.

2. Васильченко, М. А. Чехословацкий корпус в борьбе за Поволжье (май – ноябрь 1918 года) / М. А. Васильченко. – Саратов : Техно-Декор, 2021. – 172 с. – ISBN 978-5-907175-69-3. – EDN FORIVN.

3. Васильченко, М. А. Чехословацкий корпус в Поволжье в 1918 году / М. А. Васильченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2013. – Т. 13, № 3. – С. 83-87. – EDN ROCYBL.

4. Васильченко, М. А. Чехословацкий корпус и антибольшевистские силы Поволжья: ключевые аспекты взаимодействия / М. А. Васильченко, Е. В. Панин // Манускрипт. – 2020. – Т. 13, № 7. – С. 26-29. – DOI 10.30853/manuscript.2020.7.4. – EDN LNDQSW.

5. Васильченко, М. А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне : : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Васильченко Максим Анатольевич. – Саратов, 2014. – 26 с. – EDN ZPJVKJ.

6. Гинс, Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920 / Г.К. Гинс. - М.: Айрис-пресс, 2008. - 672 с.

7. Казанчиев, А. Д. Уфимское Государственное совещание как пик консолидации антибольшевистского лагеря / А. Д. Казанчиев // 1917 год в судьбах народов России: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 29 ноября 2017 года / Ответственный редактор Фролова И.В.. Том 1. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2017. – С. 81-84. – EDN YRNLOE.

8. Мельгунов, С.П. Трагедия адмирала Колчака. В 2 кн. Кн. 1: Части I, II / С.П. Мельгунов; предисловие А.С. Кручинина. - М.: Айрис-пресс, 2004. - 576 с.

9. Назыров, П. Ф. Уфимское государственное совещание: документы и материалы / П. Ф. Назыров, О. Ю. Никонова // Вестник Челябинского государственного университета. – 1999. – № 1(9). – С. 127-140. – EDN WKNOVJ.

10. Самигуллин, В. К. Уфимская директория и ее конституция / В. К. Самигуллин // Вестник ВЭГУ. – 2016. – № 1(81). – С. 86-97. – EDN RDWZBR.

THE UFA STATE CONFERENCE AND ITS ROLE IN OVERCOMING THE CRISIS OF POWER

I.K. Molchanov

Synergy University,
Moscow, Russia

The article examines the role of the state conference of anti-Bolshevik forces in September 1918 in prolonging the crisis of power. The reasons for convening the conference and its role in the Civil War are explored. The author concludes that convening such a conference was inevitable. The arguments presented include the unification of the White forces in the South of Russia and the beginning of the Bolsheviks' active transition to military and state-building efforts.

Keywords: UFA, Komuch, Civil War, intervention, unification, Socialist-Revolutionaries.

УДК 37.013.73

ВЛИЯНИЕ МЕХАНОТЕРАПИИ НА ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩУЮ СИСТЕМУ ШКОЛЬНИКА С НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

О.Н. Муравьева, А.И. Муравьева

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
г. Красноярск, Россия

Статья посвящена исследованию влияния механотерапии на формирование здоровьесберегающей системы школьников с нарушениями опорно-

двигательного аппарата (ОДА). Обоснована целесообразность интеграции механотерапии в здоровьесберегающую среду образовательной организации.

Ключевые слова: механотерапия, здоровьесберегающие технологии, нарушения опорно-двигательного аппарата, сколиоз, реабилитация, корригирующие упражнения.

Нарушения опорно-двигательного аппарата представляют собой одну из наиболее распространённых патологий детского возраста. По данным Всероссийской диспансеризации, болезни костно-мышечной системы у детей колеблются в пределах от 7,4 до 54 на 1000 детей, причём в процессе обучения в школе распространённость сколиозов возрастает в 3,5–4 раза. Каждому пятому старшекласснику ставится диагноз «патологическая осанка», причём половину случаев составляют нарушения во фронтальной плоскости, основная часть которых классифицируется как сколиоз I степени [1].

Сколиоз (от греч. scolios – «изогнутый, кривой») – стойкое деформирование позвоночника, характеризующееся боковым искривлением в левую, правую или обе стороны. Другой особенностью сколиоза является торсионное вращение позвоночника вокруг своей оси, из-за чего заболевание способствует серьёзным нарушениям строения и функционирования многих внутренних органов [2].

Анализ факторов, способствующих формированию нарушений ОДА у школьников, показывает, что основными причинами являются: быстрый рост позвоночного столба при недостаточно развитом мышечном корсете, незрелость нейромышечной регуляции, гиподинамия, а также дефицит двигательной активности, вызывающий статическое перенапряжение мышц. Установлено, что при снижении минеральной плотности кости возрастает вероятность формирования сколиоза, ротированной осанки и воронкообразной деформации грудной клетки [6].

Важную роль играет организация ортопедического режима в образовательной организации. Поскольку главный принцип лечения сколиоза – разгрузка позвоночника, большое значение имеет правильная организация рабочего пространства, соответствие мебели гигиеническим нормативам, а также контроль за формированием двигательных привычек школьников [3]. Необходимо постоянно следить за позами детей и препятствовать появлению положений, негативно влияющих на состояние позвоночника.

Здоровьесберегающие технологии в образовательной среде предполагают комплексный подход к укреплению здоровья. В содержательном плане система профилактики нарушений осанки решает три основные задачи: обучение отдельным элементам правильной осанки; устранение избыточного мышечного напряжения; формирование прочного двигательного стереотипа и появление «чувства осанки» – умения удерживать правильную осанку в любых условиях [6].

Для профилактики нарушений осанки у детей крайне важны правильный режим дня, полноценное питание, сон на ортопедическом матрасе, точный подбор обуви, правильная организация рабочего пространства. Для выработки

навыка правильной осанки детям необходима полноценная двигательная активность – прогулки, подвижные игры, гимнастика, занятия спортом, закаливание, профилактический массаж [2].

В процесс формирования правильной осанки должны быть включены все участники образовательно-воспитательного процесса – педагоги, дети и их родители. Уроки физической культуры имеют все необходимые условия для профилактики нарушений осанки: обязательное выполнение общеразвивающих упражнений, возможность использования фронтального метода организации занимающихся, возможность осуществления целенаправленной работы. Однако формировать и следить за осанкой только на уроках физической культуры невозможно – для этого нужны дополнительные часы здоровья, которые зачастую не проводятся [5].

Исследователи отмечают, что для формирования правильной осанки у детей необходимо расширение спектра внедрения разных видов физической культуры: фитбол, релакс, спортивные танцы, ритмоатлетика, массаж и другие. При сколиозе у детей необходимо применять асимметричные упражнения. К средствам реабилитации относятся психотерапевтическое воздействие, медикаментозная коррекция, ЛФК, физиотерапия, массаж, трудотерапия, курортно-санаторное лечение и другие методы [5].

Механотерапия (от греч. mechanē – «машина, орудие» и therapeia – «лечение») – метод лечебной физкультуры, включающий выполнение регулируемых движений, осуществляемых с помощью механотерапевтических аппаратов, облегчающих движения или, наоборот, требующих дополнительных усилий для их выполнения [4].

История развития механотерапии как одного из видов ЛФК началась в XIX веке, когда шведский физиотерапевт Густав Цандер создал новую систему гимнастики, которую назвал машинной. В 1865 году в Стокгольме он открыл институт врачебной гимнастики, где основной методикой стали дозированные занятия на лечебных тренажёрах. Всего Г. Цандер создал около 70 различных аппаратов, некоторые из них используются до сих пор.

В современной редакции принципы механотерапии могут быть изложены следующим образом: исходное положение пациента должно учитывать его конституциональные особенности и характер решаемых задач; движения должны максимально соответствовать анатомическим, физиологическим и биомеханическим требованиям; нагрузочное усилие должно изменяться согласно законам биомеханики и мышечной деятельности [4].

Различают два основных вида механотерапии:

- пассивная механотерапия – движения осуществляются с помощью специального привода (мотора) аппарата. Аппарат медленно сгибает и разгибает конечность в заданных пределах, пациент лежит и не напрягается. Задача – не дать суставу застыть и постепенно вернуть ему привычный размах. Такие аппараты используют на ранних этапах восстановления, когда активно двигать больно или пока нельзя. Пассивная механотерапия решает задачи поддержания нормального

объёма движений в суставах, предотвращения атрофии мышц и снижения риска пролежней;

- активная механотерапия – пациент приводит аппарат в движение за счёт мышечного усилия. Этот формат применяется на завершающих этапах реабилитации или у пациентов с лёгкой степенью нарушений. Активная механотерапия включает велотренажёры, беговые дорожки, тренажёры для укрепления мышечного корсета, восстановления ходьбы и улучшения подвижности суставов [4].

Активно-пассивная механотерапия – смешанный формат: аппарат задаёт движение, но пациент участвует в нём в меру своих возможностей. Такой подход обеспечивает плавный переход от полной зависимости от оборудования к самостоятельной двигательной активности [4].

Классификация аппаратов механотерапии (по В.И. Довгань, И.Б. Темкину, 1981) включает четыре группы: диагностические аппараты с биологической обратной связью; поддерживающие и фиксирующие аппараты; тренировочные аппараты и тренажёры; комбинированные аппараты, моделирующие целостные локомоторные акты. По типу устройства различают блочные, маятниковые, изокинетические и комбинированные (общеукрепляющие) тренажёры [4].

Современные аппараты для механотерапии, предназначенные для работы с детьми, оснащаются системами биологической обратной связи (БОС), функцией распознавания и расслабления мышечной спастики, мотивационными играми, что помогает создать положительный эмоциональный настрой и снизить страх перед процедурами. Аппараты рассчитаны на детей ростом от 110 см и весом от 30 кг, параметры регулируются индивидуально [4].

Механотерапия относится к здоровьесберегающим технологиям и может применяться для облегчения выполнения движений при недостаточности двигательной функции (роботизированная пассивная механотерапия) и в целях тренировки с возрастающей интенсивностью, направленной на укрепление двигательной, сердечно-сосудистой и дыхательной систем (активная механотерапия). Поскольку местное воздействие при механотерапии ограничено, целесообразно применять её в качестве дополнения к лечебно-оздоровительной физкультуре. Механотерапия достаточно часто включает комплексные индивидуальные занятия с применением методик кинезотерапии и ЛФК [4].

Применение механотерапии в образовательной среде приобретает особое значение в свете необходимости внедрения медико-технических инновационных технологий. В настоящее время число учащихся, имеющих нарушения здоровья и освобождённых от тяжёлых физических нагрузок, постоянно растёт, что делает актуальным включение механотерапии в учебный процесс. Опыт показывает, что создание кабинетов эрго- и механотерапии в общеобразовательных школах, оснащённых специализированным оборудованием, позволяет эффективно решать задачи коррекции нарушений ОДА непосредственно в условиях образовательной организации [4].

Выводы:

1. Механотерапия является эффективным средством коррекции нарушений ОДА у школьников. Она обеспечивает дозированное локальное воздействие на мышечно-связочный аппарат, увеличивает объём движений в суставах, снижает мышечную асимметрию и улучшает силовые показатели. По данным исследований, после курса механотерапии сила мышц верхних конечностей увеличивается в 1,5–2 раза, а асимметрия мышц тазового пояса и спины существенно уменьшается [4].

2. Целесообразность интеграции механотерапии в здоровьесберегающую среду образовательной организации обоснована как с медицинской, так и с педагогической точек зрения.

Таким образом, механотерапия занимает важное место в здоровьесберегающей системе школьника, воздействуя на физиологический, психологический и образовательный уровни здоровья.

Список использованных источников

1. Авилов, А. Н. Здоровьесбережение в начальных классах средней школы / А. Н. Авилов, Ю. И. Медведев // Вестник научных конференций. – 2024. – № 10-3(110). – С. 10-12. – EDN HUITIL.

2. Диагностика, профилактика и коррекция нарушений опорно-двигательного аппарата у детей и подростков : Материалы III научно-практической конференции с международным участием, Москва, 04–05 декабря 2014 года / ФГБНУ РАМН. – Москва: Всероссийское общество развития школьной и университетской медицины и здоровья, 2014. – 101 с. – ISBN 5-94302-009-8. – EDN VMTSXL.

3. Завьялова, Т. П. Профилактика нарушений опорно-двигательного аппарата у обучающихся : Учебное пособие / Т. П. Завьялова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 1 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-08622-5. – EDN AQUHZB.

4. Пенькова, И. В. Профилактика нарушений опорно-двигательного аппарата детей в процессе обязательных занятий по физической культуре : монография / И. В. Пенькова ; Министерство внутренних дел Российской Федерации, Омская академия. – Омск : Омская академия МВД России, 2010. – 210 с. – ISBN 978-5-88651-483-4. – EDN QYFPQN.

5. Перов, Е. В. Перспективы механотерапии при реабилитации пациентов с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата / Е. В. Перов, И. Д. Крылова, Е. Р. Минкайдарова // Наукосфера. – 2023. – № 2-2. – С. 46-49. – EDN NKGNQV.

6. Терентьева, М. А. Нарушение опорно-двигательного аппарата детей школьного возраста / М. А. Терентьева, Т. Н. Дейкова // Физическая культура и спорт: проблемы и перспективы : Материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Сургут, 18 ноября 2002 года – 19 2022 года / Редактор А.А. Исаев. – Сургут: Сургутский государственный университет, 2022. – С. 475-477. – EDN CIPWSK.

THE IMPACT OF MECHANOTHERAPY ON THE HEALTH-PRESERVING SYSTEM OF A SCHOOLCHILD WITH MUSCULOSKELETAL DISORDERS

O.N. Muraveva, A.I. Muraveva

Krasnoyarsk State Pedagogical University by V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia

The article investigates the impact of mechanotherapy on the development of a health-preserving system for schoolchildren with musculoskeletal disorders (MSD). Based on the analysis of scientific and methodological literature, it is demonstrated that incorporating hardware-based and тренажёр-assisted methods into a set of rehabilitation measures helps increase the range of motion in joints, reduce muscle asymmetry, improve the functional state of the muscular corset, and foster a conscious attitude towards health. The paper substantiates the feasibility of integrating mechanotherapy into the health-preserving environment of an educational institution.

Keywords: mechanotherapy, health-preserving technologies, musculoskeletal disorders, scoliosis, rehabilitation, corrective exercises.

УДК 796.011.3

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ

А.В. Неймышев, Д.А. Скупкин. В.А. Федюнин

Уральский государственный университет путей сообщений, г. Нижний Тагил, Россия

В статье представлены показатели физической подготовленности студентов 17-18 лет. Также было проведено сравнение мужских и женских показателей.

Ключевые слова: Студенты, мужчины, девушки, физическая подготовленность, Гарвардский степ-тест, гибкость, выносливость.

Проблема здоровья студентов высших учебных заведений в настоящее время является государственной задачей, так как именно студенческая молодежь является наиболее социально не защищённой и чувствительной к социально-экономическим преобразованиям, происходящими в России за последние десятилетия [2]. Исследования ученых показали, что в последние годы наблюдается снижение физического здоровья студентов и его основных характеристик – уровня физического их развития и физической подготовленности, позволяющих им адаптироваться к различным факторам среды обитания, а также к выполнению нагрузок различной природы и силы [1,3,4].

Таким образом, актуальность данной темы обусловлена необходимостью оценки физической подготовленности студентов, так как здоровье и физическая активность играют важную роль в общей успеваемости и эффективности учебного процесса. Анализ показателей физической подготовленности студентов поможет выявить проблемные зоны и разработать программы по улучшению физического состояния, что в свою очередь повысит общую эффективность образовательного процесса. Кроме того, изучение этой темы позволит более глубоко понять взаимосвязь между физическим здоровьем и успехами в учёбе, что важно для создания осознанного подхода к здоровому образу жизни студентов.

Для анализа физического развития использовались такие показатели, как рост, масса тела и обхват грудной клетки, и такие индексы, как индекс массы тела и индекс Пинье. Для анализа физической подготовленности студентов использовались такие педагогические тесты, как бег на месте за 10 секунд (быстрота), сгибание и разгибание рук в упоре лёжа (сила), поднимание туловища из положения лёжа на спине за 30 секунд (сила), челночный бег 3х10 м (координация), наклон туловища вперёд из исходного положения стоя на тумбе (гибкость) и Гарвардский степ-тест (выносливость). Для анализа кардио-респираторной системы использовались показатели АД, ЧСС и ЖЕЛ.

Полученные средние результаты по тестированию физической подготовленности студентов представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Средние показатели физической подготовленности.

	Бег на месте за 10 секунд	Сгибание и разгибание рук	Поднимание туловища из положения лёжа на спине за 30 секунд	Челночный бег 3х10 м (сек.)	Наклон туловища вперёд стоя на тумбе (см)	Гарвардский степ-тест
М	21,5	38	28	7,94	6,5	110,24
Ж	19	6,5	25	8,85	17,5	60

Анализируя средние показатели быстроты, можно сделать вывод, что достоверных различий в показателях между мужчинами и девушками не установлено (табл. 1).

В ходе исследования силовых способностей нами было выявлено, что средние показатели у мальчиков выше на 32,5, чем девочек (табл. 1). Такая разница может свидетельствовать о том, что силовые качества у мужчин развиты гораздо лучше, чем у девушек.

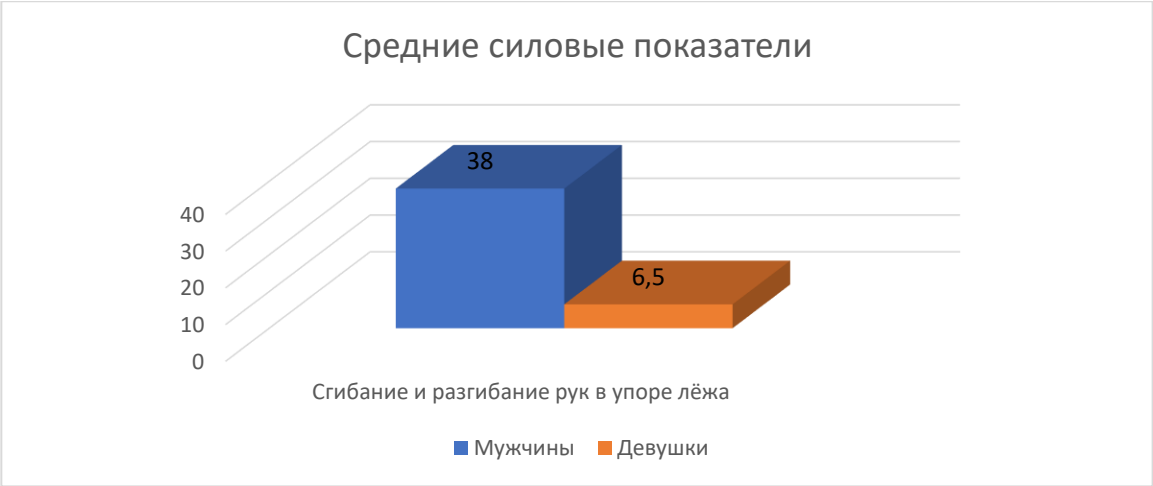

Рисунок 1 – Средние силовые показатели

Анализируя средние показатели координационных способностей, мы можем увидеть, что средние показатели у мальчиков выше на 0,91, чем у девочек (табл. 1). Такая разница может свидетельствовать о том, что координационные способности лучше развиты у лиц мужского пола.

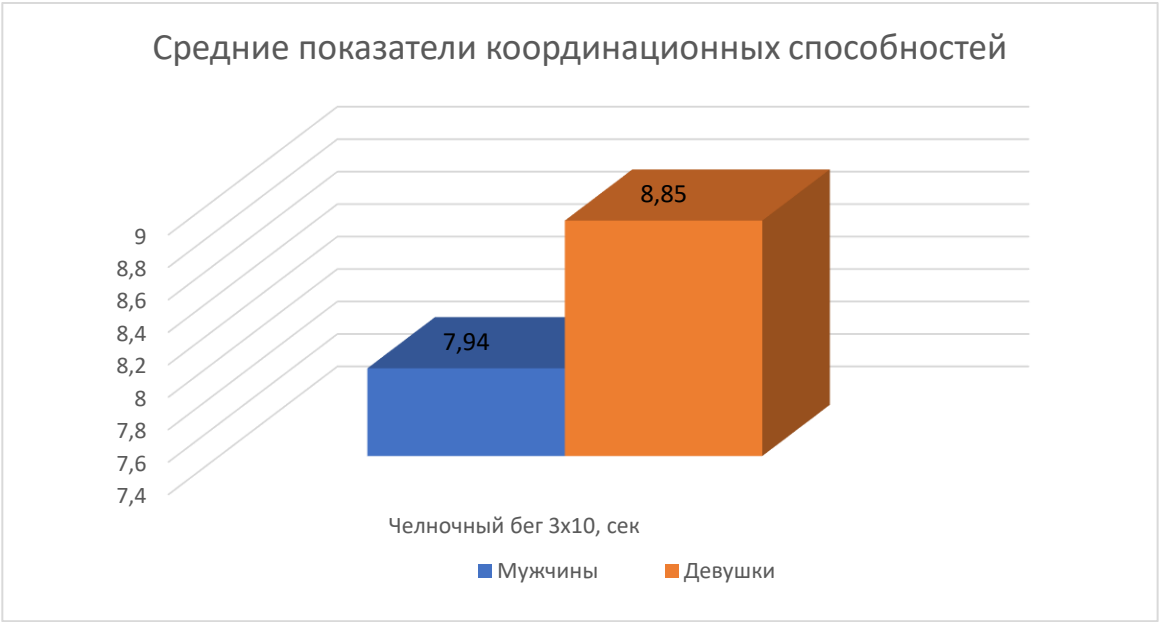

Рисунок 2 – Средние показатели координационных способностей

В ходе исследования гибкости, нами было выявлено, что показатели гибкости выше у девушек на 11 см, чем у мужчин (табл. 1). Данная разница может свидетельствовать нам о том, что гибкость гораздо выше у лиц женского пола.

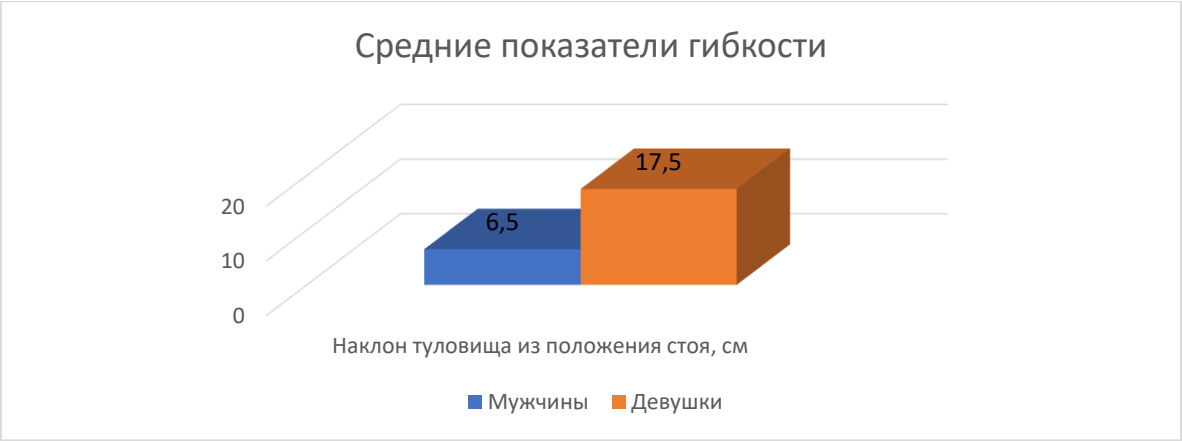

Рисунок 3 – Средние показатели гибкости.

Анализируя показатели выносливости, нами было установлено, что показатели выносливости выше у мужчин на 50,24 (табл. 1). Данная разница может говорить нам о том, что мужской организм более вынослив, чем женский.

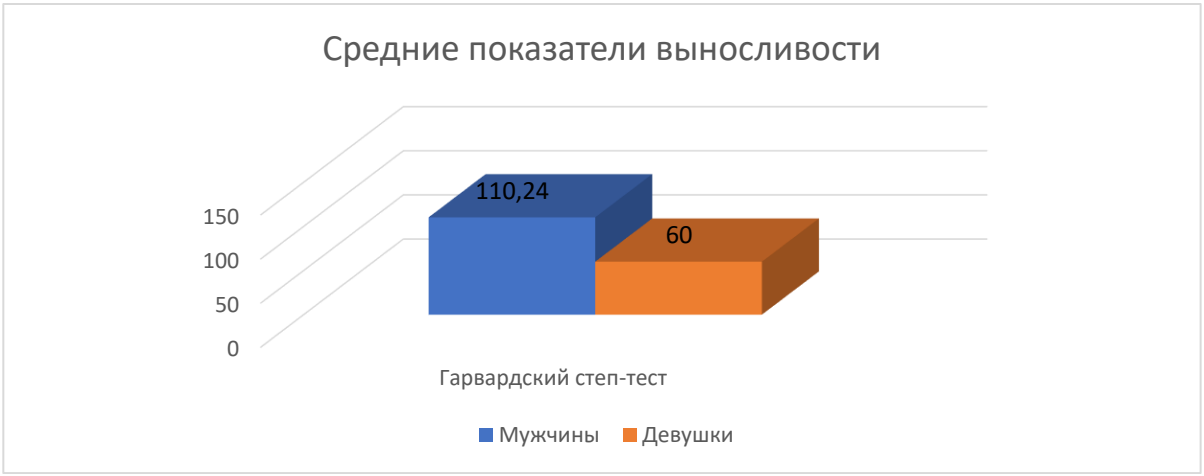

Рисунок 4 – Средние показатели выносливости

Во время выполнения Гарвардского степ-теста было выявлено, что 75% студентов справились с выполнением данного теста, а 25% - сошли с испытания. Это может свидетельствовать нам о том, что у большей части студентов уровень выносливости высокий, а у 25% - низкий и требует повышения. Для повышения уровня выносливости рекомендуется применять индивидуальный подход на занятиях по физической культуре и давать индивидуальные упражнения и нагрузку для развития данного качества.

Таким образом, из совокупности всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что мужской организм обладает более высокой физической подготовленностью, чем женский.

Список использованных источников

1. Виленский М.Я. , Горшков А.Г. Физическая культура и здоровый образ жизни студента: учебное пособие. – М.: КНО-РУС, 2012. – 240 с.

2. Карабинская О.А., Изатулин В.Г., Макаров О.А. и др. Оценка медико-биологических и социально-гигиенических факторов, влияющих на формирование образа жизни студентов медицинского вуза // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). – 2011. – Т. 102. №3. – С.112-114.

3. Ильинич В.И. Физическая культура студента: учебник / Под ред. В.И. Ильинича. – М.: Гардарики, 2001. – 448 с.

4. Кучма В.Р. и др. Современные технологии оздоровления детей и подростков в образовательных учреждениях: пособие для врачей. – М.: Медицина, 2002. – 69 с.

ANALYSIS OF STUDENTS' PHYSICAL FITNESS INDICATORS

A.V. Neymyshev, D.A. Skupkin, V.A. Fedyunin

Ural State University of Railway Transport,
Nizhny Tagil, Russia

The article presents the physical fitness indicators of students aged 17-18. A comparison of male and female indicators was also carried out.

Keywords: Students, men, women, physical fitness, Harvard step test, flexibility, endurance.

УДК 339.543:656.61(985)

ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ

М.Г. Николенко

Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина,
г. Москва, Россия

В статье рассматривается таможенно-тарифное регулирование международных транспортных коридоров как институциональный фактор их конкурентоспособности на примере Северного морского пути. Показано, что эволюция таможенного пространства ЕАЭС и опыт либерализации таможенных процедур на дальневосточном направлении внешнеторговой деятельности формируют ориентиры для донастройки таможенного администрирования на трассе СМП. Проанализированы институциональные новации последних лет – единое электронное окно оформления судозаходов, зелёные коридоры с азиатскими партнёрами, пилотный проект применения блокчейн-технологий, – и определены

направления гармонизации таможенных процедур с международными стандартами транзитных перевозок.

Ключевые слова: таможенно-тарифное регулирование; международные транспортные коридоры; Северный морской путь; Евразийский экономический союз; таможенное администрирование; транзитные перевозки; институциональная среда; Арктика.

Международные транспортные коридоры – это не только инфраструктура и коммерческие договорённости между перевозчиками. Конкурентоспособность коридора часто определяют таможенно-тарифные нормы: от них зависят скорость, стоимость и предсказуемость прохождения груза через границу. На маршрутах с несколькими юрисдикциями институциональная составляющая нередко весит не меньше портовых мощностей. Готовый физически коридор теряет привлекательность просто потому, что оформление занимает больше времени, чем сама перевозка.

Северный морской путь – случай промежуточный. Маршрут одновременно является национальной транспортной артерией и формирующимся звеном евразийских коридоров между Европой и Азией. Таможенный режим на трассе СМП выстраивался постепенно, и до сих пор донастраивается: часть процедур унифицирована в рамках права Евразийского экономического союза, часть сохраняет национальную специфику, связанную с особым статусом акватории и требованиями безопасности арктического судоходства.

Единое таможенное пространство на постсоветской территории прошло несколько этапов: от Таможенного союза к Единому экономическому пространству и затем к ЕАЭС. Каждый переход сопровождался пересмотром тарифных обязательств участников и унификацией процедур [4], а число разрозненных национальных таможенных режимов на пути транзитного груза сокращалось. Компании из стран за пределами ЕАЭС часто выполняют перевозки по СМП, и для них важен не сам факт существования внутреннего таможенного союза, а степень его согласованности с внешними партнёрами по тарифным вопросам.

Влияние таможенно-тарифной политики на структуру внешней торговли не сводится к прямому эффекту от изменения ставок пошлин. Затрагивается и география торговых потоков, и выбор логистических маршрутов. По данным статистической оценки взаимосвязи динамики внешней и взаимной торговли с таможенно-тарифной политикой Российской Федерации, изменения тарифного регулирования отражаются на структуре товарооборота с заметным временным лагом, а не сразу [2]. Отсюда следует важное для транспортных коридоров обстоятельство: тарифная политика способна годами позже менять распределение грузов между маршрутами. Коридор, проигрывающий по тарифным условиям сейчас, впоследствии частично восстанавливает свою долю – если инфраструктура и институциональная среда успевают подстроиться под новую конфигурацию торговли.

Похожее заключение следует из анализа влияния тарифного регулирования на динамику импорта. Потенциальный эффект тарифных мер зависит от эластичности спроса на конкретные товарные группы и от наличия альтернативных

каналов поставки [5]. Основные грузы транзита через Арктику – сжиженный природный газ, уголь, продукция лесопромышленного комплекса – товары с низкой эластичностью спроса. Поэтому грузовая база СМП слабо реагирует на отдельные тарифные решения. Выигрыш от либерализации таможенных процедур здесь проявится скорее в сокращении времени оформления, чем в приросте объёмов торговли.

Дальневосточное направление внешнеторговой деятельности заслуживает отдельного упоминания. Дальневосточные порты формально конкурируют с СМП за часть транзитного грузопотока между Азией и Европой. Оценка эффективности мер таможенно-тарифного регулирования применительно к дальневосточному вектору фиксирует измеримый экономический эффект от либерализации процедур именно там, где она сопровождалась параллельным развитием портовой и логистической инфраструктуры [3]. Сама по себе, в отрыве от инфраструктурных вложений, либерализация такого эффекта не даёт. Перенос этого наблюдения на Арктику означает: таможенные новации без развития ледокольного флота, портовых мощностей и связи инфраструктурное отставание маршрута не компенсируют.

На трассе СМП институциональные новации последних лет отчасти уже следуют этой логике. Единое электронное окно для оформления судозаходов сократило время оформления для участников перевозок из стран Азии почти до двенадцати часов против суток в 2022 году. Зелёные коридоры с Китаем и Индией сопровождались ростом доли контейнеризированных грузов до 23% против 9% годом ранее [1]. До показателей Суэцкого маршрута, где доля контейнеризации доходит до 50–60%, СМП пока далеко. Но разница в темпах говорит сама за себя: цифровизация таможенных процедур приносит эффект быстрее, чем капиталоёмкое строительство новой портовой инфраструктуры.

Федеральная таможенная служба в 2023 году запустила пилотный проект применения блокчейн-технологий при оформлении грузов на трассе СМП. Задача – сделать цепочку поставок прозрачнее и снизить издержки, связанные с бумажным документооборотом между юрисдикциями [1]. Традиционное тарифное регулирование такие решения не заменяют, но заметно меняют его практическое исполнение. У гармонизации таможенных правил с международными требованиями появляется, помимо нормативного, ещё и техническое измерение: несовпадающие электронные форматы документов сами по себе становятся барьером для транзита.

Таможенно-тарифная сторона есть и у институциональной неопределённости, о которой обычно говорят применительно к арктическим проектам в целом. Разрешительные процедуры для судов под иностранным флагом на трассах СМП пока обременительнее, чем на альтернативных маршрутах. Гармонизация внутренних правил с международными стандартами транзитных перевозок не завершена. Перевозчики со смешанными грузопотоками, не привязанные напрямую к российским экспортёрам, из-за этого расхождения оценивают транзитные издержки СМП как менее предсказуемые по сравнению с южными маршрутами, вне зависимости от их фактической стоимости.

Целевой показатель грузопотока в 80 млн тонн к 2030 году требует, по действующим оценкам, от 250 до 320 млрд рублей инвестиций в судостроительный кластер «Звезда», а также решения проблемы кадрового дефицита в отрасли [1]. Рост физических объёмов перевозки не конвертируется автоматически в рост доли маршрута среди международных транспортных коридоров – без сопоставимого совершенствования институциональной среды. Сложные процедуры оформления способны обесценить часть эффекта даже от новых судов и терминалов.

В литературе предложена модель интеграции СМП в систему международных транспортных коридоров через создание единого арктического оператора и развитие мультимодальных хабов [1]. Эта модель подразумевает и перестройку таможенного администрирования. Единому оператору логистики нужен один режим таможенного сопровождения груза на всём протяжении маршрута, а не набор разрозненных процедур на отдельных участках. Потребуется более тесная координация между таможенными органами прибрежных регионов, институтами развития и операторами портовой инфраструктуры, чем сложилась сейчас.

Рассмотренные наблюдения складываются в общий вывод. Таможенно-тарифное регулирование международных транспортных коридоров работает не изолированно, а как часть более широкой институциональной среды, рядом с инфраструктурными вложениями, международными договорённостями и технологиями администрирования. Для Северного морского пути практический вывод таков: конкурентоспособность маршрута наращивается не столько через изменение отдельных тарифных ставок, сколько через гармонизацию таможенных процедур с международными стандартами, проведённую синхронно с инфраструктурным развитием акватории.

Список использованных источников

1. Саламатов В.Ю., Метелева Е.А., Проскурин А.В. Интеграция северного морского пути с международными транспортными коридорами // Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – № 7. – С. 7–27. DOI 10.24412/2072-8042-2025-7-7-27. EDN STSOUD.

2. Сомов В.Л., Попов В.В. Статистическая оценка взаимосвязи динамики и структуры внешней и взаимной торговли с таможенно-тарифной политикой Российской Федерации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2019. – № 1(75). – С. 132–136. EDN ZAYAJN.

3. Каленкин В.М., Грачев Р.М. Влияние таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности на экономику России // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор: сборник научных трудов, Владивосток, 06 ноября 2024 года. – Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2024. – С. 180–188. DOI 10.24412/c1-36450-2024-5-180-188. EDN KTLGRI.

4. Урусова Э.А., Межак А.К., Шумилова Т.Э. Таможенный союз и создание Единого экономического пространства // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 1(49). – С. 281–296. EDN SNKJMH.

5. Арапова Е.Я., Хмаренко Е.С. Основы внешнеторговой политики России: оценка потенциального влияния тарифного регулирования на динамику импорта // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13, № 4(349). – С. 631–646. DOI 10.24891/ni.13.4.631. EDN YLOORJ.

CUSTOMS-TARIFF REGULATION OF INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDORS: THE INSTITUTIONAL DIMENSION ON THE EXAMPLE OF THE NORTHERN SEA ROUTE

M.G. Nikolenko

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Moscow, Russia

The article examines customs-tariff regulation of international transport corridors as an institutional factor of their competitiveness, using the Northern Sea Route as a case study. It is shown that the evolution of the EAEU customs space and the experience of liberalizing customs procedures in the Far Eastern direction of foreign trade provide reference points for adjusting customs administration along the NSR. Recent institutional innovations are analyzed - a unified electronic window for vessel-call clearance, green corridors with Asian partners, and a pilot blockchain project - and directions for harmonizing customs procedures with international transit standards are identified.

Keywords: customs-tariff regulation; international transport corridors; Northern Sea Route; Eurasian Economic Union; customs administration; transit shipping; institutional environment; Arctic.

УДК 172.4

МОРАЛЬ В ПРАВЕ И ПОЛИТИКЕ

С.А. Нимченко, К.А. Киреев[1]

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

В статье исследуется диалектическое взаимодействие морали, права и политики в условиях современных социальных вызовов. Показывается, что, несмотря на общие генезис и цель – регуляцию общественных отношений, – право и мораль обладают разной природой, механизмами действия и сферами влияния. Особое внимание уделяется конфликтному полю политики, где прагматические установки часто вступают в противоречие с нравственными императивами. Актуализация проблемы осуществляется через анализ новых феноменов: цифровой

[1] Научный руководитель – Хоружая С.В., профессор кафедры истории и политологии, д. филос. н.

этики, прав человека в виртуальном пространстве, манипулятивных технологий в политических коммуникациях. Доказывается, что устойчивое развитие социума невозможно без поиска баланса между легальностью и легитимностью, формальным законом и моральным консенсусом. Право выступает минимально необходимой гарантией морального порядка, а мораль – его смысловым фундаментом и критическим ориентиром.

Ключевые слова: право, мораль, нормы права, политика, политическая этика, социальные нормы, цифровая этика, легитимность, права человека, публичная сфера.

Мораль и право с древнейших времен выступают конституирующими регуляторами жизни общества, исторически развиваясь из единого нормативного комплекса обычаев, традиций и табу. «Первоначально право и мораль представляли собой единый нормативный комплекс... Их последующая дифференциация стала результатом усложнения социальной структуры» [1, с. 23]. Однако в современном публичном дискурсе нередко звучат упрощенные утверждения о якобы избыточности морали («совести») в мире, где для социального порядка достаточно формальных предписаний, запретов и санкций права. Подобный правовой позитивизм игнорирует тот факт, что сама легитимность закона и эффективность его действия коренятся в его соответствии коллективным моральным представлениям о справедливости. Целью данной работы является анализ сложной взаимосвязи морали, права и политики, а также актуализация этой проблематики в контексте вызовов XXI века: цифровизации, трансформации публичной сферы и кризиса доверия к институтам.

Эволюция правовой нормы из социальных практик (обычаев, ритуалов, табу) подтверждается историей и свидетельствует об их общем источнике – необходимости поддержания целостности социума. Как отмечают исследователи, «именно то, что признано в социуме как запрет, идентифицирует принадлежность к той или иной социокультурной группе через их представление о нежелательном и не должном» [2, с.14]. Однако в процессе социальной дифференциации произошло их принципиальное размежевание.

Мораль представляет собой императивный способ регуляции, апеллирующий к ценностям, долгу, совести и общественному мнению. Ее нормы носят неинституционализированный, часто неформализованный характер, их санкции идеальны (чувство вины, общественное осуждение), а сфера регулирования шире, включая мотивы и внутренний мир личности. В этой дихотомии ключевым отличием морали является ее дискурсивная природа. Как отмечал Ю. Хабермас, «моральные нормы... могут быть обоснованы только дискурсивно, через аргументацию, в которой участники, свободные от принуждения, совместно ищут ответ на практические вопросы» [3, с. 103-104].

Право же – это система формальных, установленных или санкционированных государством норм, обеспечиваемых его принудительной силой. Оно регулирует прежде всего внешнее поведение, оставляя «внутреннего человека» вне своей прямой юрисдикции. Таким образом, нарушение правовой нормы (противоправное деяние) почти всегда является аморальным поступком, но далеко не

всякое нарушение морали (например, лицемерие или черствость) является противоправным. Их соотношение – это постоянное взаимодействие «минимума морали», получившего формальное закрепление (право), и «максимума морали», остающегося областью личного выбора и общественного идеала.

Сфера политики представляет собой наиболее конфликтную зону взаимодействия морали и целерациональности. Политический прагматизм, ориентированный на эффективность, удержание власти и реализацию интересов, далеко не всегда соответствует высокоморальным критериям. Зачастую выбор делается в пользу сиюминутных политических установок в ущерб нравственным устоям, что ведет к цинизму и эрозии общественного доверия. Политики действуют, руководствуясь собственной картиной мира, что в условиях «деградирующего» типа мышления и сознания, который может массово распространяться в обществе в кризисные периоды [4, с. 5], чревато глубокими нравственными деформациями публичной сферы.

Ключевым концептом, связующим политику и мораль, выступает легитимность – признание власти обществом не только по факту (легальность), но и по праву, в силу ее соответствия ценностным ожиданиям. Возвращаясь к идеям Ю. Хабермаса, можно утверждать, что «легитимность порядка, основанного на праве, коренится не только в его легальности... но и в признании его притязания на справедливость в рамках коммуникативно структурированной общественности» [3, с. 157]. Право, лишенное морального фундамента, превращается в инструмент подавления, а политика, игнорирующая нравственные императивы, – в технологию манипуляции, что ведет к утрате легитимности.

Современность вносит новые, подчас парадоксальные аспекты в обсуждаемую дилемму, требуя переосмысления классических категорий.

Возникновение виртуального пространства поставило вопрос о применении традиционных норм к новым реалиям. Законодательство хронически отстает, а моральные ориентиры размыты. Моральная норма о неприкосновенности частной жизни сталкивается с бизнес-моделями, построенными на сборе и монетизации персональных данных. Правовой ответ (GDPR в ЕС) – попытка вписать цифровую реальность в морально-правовое поле, но его применение вызывает новые этические споры о «согласии».

Моральный принцип уважения человеческого достоинства получает трагическое воплощение в троллинге и травле в сети. Законодательство пытается квалифицировать это как правонарушение, но скорость и масштаб цифрового насилия делают правовую защиту неэффективной.

Когда функцию ограничения вредоносного контента выполняют частные корпорации через непрозрачные алгоритмы, возникает проблема «приватизации права» и цензуры, ставящая под вопрос реализацию фундаментального права.

Технологии влияния на сознание подменяют моральную аргументацию и рациональный диалог манипуляциями, атакуя саму основу хабермасовской «коммуникативно структурированной общественности».

Использование Big Data для адресной подачи разного, часто манипулятивного контента разным группам избирателей нарушает принципы равенства и

прозрачности избирательного процесса, размывая общее информационное пространство.

Технологии создания гиперреалистичных подделок ставят под удар саму возможность установления истины как основы моральной и правовой оценки, подрывая доверие – фундаментальную категорию общества.

Проблемы цифровой эпохи прямо противоречат условиям «идеальной речевой ситуации» Хабермаса. Вместо симметричных возможностей для дискурса мы наблюдаем структурированное асимметричное влияние, что делает подлинный публичный диалог о нормах и ценностях крайне затруднительным.

Таким образом, взаимоотношения морали, права и политики носят характер динамичного и зачастую противоречивого взаимодействия. Этот процесс особенно очевиден в цифровую эпоху, где стремительное развитие технологий создает нормативные лакуны. Право, выполняя роль «минимума морали», обеспечивает базовую стабильность и защиту. Однако именно мораль задает смысловые горизонты для развития права и критическую перспективу для оценки политических действий. «Право, утратившее связь с моральными устоями общества, теряет легитимность и превращается в механическое орудие власти» [1, с. 28]. В современном мире, где технологические изменения опережают нормативное осмысление, а публичная коммуникация подвергается новым рискам, поиск баланса между правовым формализмом, политической эффективностью и нравственной ответственностью становится практическим императивом.

Устойчивое развитие социума возможно только при условии, что правовые нормы не просто не идут вразрез с моралью, но активно воплощают и защищают выработанный в условиях подлинного диалога общественный консенсус о справедливости, достоинстве и общем благе. Цифровая эпоха, обостряя старые и порождая новые конфликты, делает эту задачу как никогда сложной и актуальной.

Список использованных источников

1. Фатхутдинова, А. М. Исторические и современные аспекты формирования морали и права / А. М. Фатхутдинова // Современный юрист. – 2016. – № 2(15). – С. 21-33. – EDN VUCYIJ.

2. Хоружая, С. В. Смысловая сфера культуры: модусы кризисного развития: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Хоружая Светлана Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2008. – 38 с. – EDN ZNUQYV.

3. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.

4. Хоружая, С. В. Социокультурная деградация (Социологический анализ): специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Хоружая Светлана Владимировна. – Краснодар, 2003. – 171 с. – EDN QDWICX.

5. Хоружая, С. В. Деградация и кризис: социокультурный подход / С. В. Хоружая // Общество: политика, экономика, право. – 2008. – № 1. – С. 111-114. – EDN NRTPGT.

MORALITY IN LAW AND POLITICS

S.A. Nimchenko, K.A. Kireev

Kuban State Agrarian University named after I.T.Trubilin,
Krasnodar, Russia

The article examines the dialectical interaction of morality, law, and politics in the context of contemporary social challenges. It demonstrates that despite their common genesis and goal–the regulation of social relations–law and morality possess different natures, mechanisms of action, and spheres of influence. Particular attention is paid to the conflict field of politics, where pragmatic objectives often clash with moral imperatives. The problem is actualized through the analysis of new phenomena: digital ethics, human rights in virtual space, and manipulative technologies in political communications. It is argued that the sustainable development of society is impossible without finding a balance between legality and legitimacy, formal law, and moral consensus. Law acts as a minimally necessary guarantee of moral order, while morality serves as its semantic foundation and critical benchmark.

Key words: law, morality, legal norms, politics, political ethics, social norms, digital ethics, legitimacy, human rights, public sphere.

УДК 378.14:355.233

ЭТАПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.Н. Перцев

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков
имени Героя Советского Союза А.К. Серова,
г. Краснодар, Россия

В статье профессиональная социализация курсанта военного вуза рассматривается как объект целенаправленного организационно-педагогического управления. Обосновывается выделение трёх этапов профессиональной социализации курсанта – адаптационного, идентификационного и интеграционного, – каждому из которых соответствует специфический набор управленческих функций и средств воздействия субъектов управления военного вуза. Показано, что учёт этапности процесса позволяет выстраивать дифференцированное управленческое сопровождение профессионального становления курсанта на протяжении всего периода обучения в военном вузе, обеспечивая преемственность диагностических, организационных, мотивационных и контрольно-рефлексивных воздействий.

Ключевые слова: профессиональная социализация, курсанты военного вуза, этапы социализации, организационно-педагогическое управление, военное образование.

Военные вузы сегодня готовят офицеров в изменившихся условиях, и это заставляет по-новому взглянуть на то, как выстраивается личность будущего командира в стенах училища. Профессиональная социализация курсанта – процесс, который слишком часто сводят к банальному «привыканию» к распорядку, хотя на деле речь идёт о гораздо более сложном движении: курсант постепенно осваивает нормы профессии, присваивает её ценности, учится действовать так, как действует офицер. В отечественной педагогике за социализацией закрепилось понимание её как процесса двустороннего – человек не просто впитывает общественный опыт, но и воспроизводит его, принимая заодно нормы, роли, ценностные установки среды (А.В. Мудрик [5]). Часть этого пути курсант проходит стихийно, часть – под влиянием осознанных воспитательных усилий вуза. Но военная среда вносит в эту схему собственные поправки. Закрытость училища, жёсткая регламентация быта уставом, единоначалие, постоянное соседство учёбы и службы – всё это создаёт условия, в которых стихийная социализация работает плохо и часто не туда. Именно поэтому она нуждается в осознанном управленческом сопровождении, способном компенсировать дефициты естественного хода событий (Д.В. Коряковцев [3]).

Отсюда и складывается ключевое для этой темы понятие – организационно-педагогическое управление профессиональной социализацией курсантов. Речь не о наборе отдельных воспитательных мероприятий, а о системной работе командного и преподавательского состава: планомерной, рассчитанной не на один семестр. Задача такого управления – выстроить условия, в которых курсант шаг за шагом осваивает нормы, ценности и поведенческие модели офицерской профессии, а не сталкивается с ними хаотично. При этом управление не заканчивается на этапе постановки задач – оно требует постоянного мониторинга и готовности вовремя скорректировать курс, подстроив индивидуальную траекторию под конкретного курсанта (И.В. Белюшина [1]).

От разовых воспитательных акций управленческий подход отличается прежде всего тем, что выстраивается по стадиям – связанным, вытекающим одна из другой. У каждой стадии свои временные рамки, свои задачи, своя ведущая для курсанта деятельность и свой набор управленческих функций, которые реализует руководство училища (В.С. Елагина, В.М. Рогожин [2]; А.А. Манин [4]; А.В. Опошнянский [6]).

Рассмотрим эти стадии по порядку.

Первый курс – это, по сути, стадия адаптации, и даётся она курсанту тяжелее всего: вчерашнему школьнику приходится буквально с нуля встраиваться в жёсткую, непривычную среду военного училища. Здесь важно как можно быстрее разобраться с уставом, распорядком дня, требованиями дисциплины – и при этом не потерять темп в учёбе, которая по интенсивности не идёт ни в какое сравнение со школьной. Командиры, преподаватели и воспитатели в этот период заняты в основном двумя вещами: присматриваются к новичкам

(диагностическая функция) и помогают им организоваться (организационная функция). Присматриваются – значит изучают личностные особенности, ценности, мотивацию, устойчивость к стрессу, стараются пораньше заметить признаки дезадаптации, пока те не переросли в серьёзную проблему. Организационная же часть работы держится на наставничестве: старшекурсники и офицеры-воспитатели помогают собрать первичные коллективы и задать в них здоровый климат.

Ко второму-третьему курсу начинается стадия идентификации – и здесь меняется уже не поведение, а внутренняя позиция курсанта. Ценности военной службы постепенно перестают восприниматься как чужие правила и становятся собственными убеждениями. Курсант больше не просто приспосабливается к обстановке – он пробует разные роли внутри подразделения: где-то выступает командиром, где-то наставником, а где-то остаётся рядовым членом коллектива наравне со всеми. Управленческий акцент на этом этапе смещается к мотивации и коррекции. С одной стороны, поощряется учебная, научная и общественная активность, вовлечённость в спорт и культурную жизнь – это подпитывает профессиональный интерес и даёт проявиться лидерским задаткам. С другой – приходится вовремя реагировать на негативные явления в коллективе, будь то неуставные отношения или попытки неформального отрицательного лидерства, и индивидуально работать с теми, кому профессиональная роль пока не по силам или у кого падает мотивация к учёбе.

На старших курсах наступает интеграция: курсант переходит от поиска себя к настоящему самоутверждению в профессии, сверяя собственные ожидания от карьеры и службы с тем, чего профессия требует на самом деле. Управление здесь приобретает контрольно-рефлексивный характер: оценивают, насколько сформированы профессионально значимые качества, организуют стажировки и практики, максимально похожие на условия будущей службы, помогают выстроить собственную траекторию профессионального роста. Особый акцент здесь делается на психологической готовности к смене статуса – от опекаемого обучающегося к офицеру, который сам отвечает за подчинённых и за выполнение боевых задач.

Все три стадии держатся вместе только за счёт того, что управление ими системно, а не разрозненно. Диагностические данные, накопленные к концу одной стадии, становятся отправной точкой для планирования работы на следующей – так исключаются разрывы в развитии курсанта (Е.П. Седых [7]). Многое здесь зависит от согласованности действий командования подразделений, преподавателей и воспитательных структур: если требования, которые предъявляются курсанту на разных уровнях вузовской жизни, расходятся, а учебные, служебные и воспитательные задачи вступают в противоречие друг с другом, эффективность социализации неизбежно падает (Д.В. Соловей, В.И. Спирина [8]).

Итак, профессиональная социализация курсанта военного вуза – процесс поэтапный и закономерный, и его результат определяют не отдельные, пусть даже удачные воспитательные акции, а целостная, продуманная система организационно-педагогического управления, гибко настроенная под задачи каждой стадии. В конечном счёте именно такая система позволяет выпустить из стен

училища не просто грамотного специалиста, а офицера с устойчивой профессиональной идентичностью и осознанным чувством долга.

Список использованных источников

1. Белюшина, И. В. Особенности социализации курсантов военных вузов войск национальной гвардии Российской Федерации / И. В. Белюшина // Научное мнение. – 2023. – № 6. – С. 65–69.

2. Елагина, В. С. Педагогические условия адаптации курсантов к обучению в военном вузе / В. С. Елагина, В. М. Рогожин // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 2. DOI: 10.17513/spno.29555.

3. Коряковцев, Д. А. Личностная и профессиональная социализация курсантов: исследование проблемы / Д. А. Коряковцев // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 77-2. – С. 235–237. EDN: EBQVVA.

4. Манин, А. А. Социализация курсантов военного вуза / А. А. Манин, Е. А. Поляков, И. М. Садыков // ЦИТИСЭ. – 2020. – № 4 (26). – С. 66–79. DOI: 10.15350/2409-7616.2020.4.07.

5. Мудрик, А. В. Социализация человека / А. В. Мудрик. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 304 с.

6. Опошнянский, А. В. Особенности профессиональной социализации курсантов в условиях военного вуза / А. В. Опошнянский // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 1. – С. 98–101.

7. Седых, Е. П. Системный подход к управлению образовательной организацией / Е. П. Седых // Научный журнал «GLOBUS»: Психология и педагогика. – 2021. – Т. 7. – № 4 (44). – С. 3–5. DOI: 10.52013/2713-3060-44-4-1. EDN: QCEPJO.

8. Соловей, Д. В. Особенности образовательной среды военного вуза / Д. В. Соловей, В. И. Спирина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 36–43.

STAGES OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF MILITARY UNIVERSITY CADETS: A MANAGERIAL PERSPECTIVE

A.N. Pertsev

Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov,
Krasnodar, Russia

The article examines the professional socialization of a military university cadet as an object of purposeful organizational-pedagogical management. Three stages of a cadet's professional socialization are substantiated – adaptive, identification and integrative – each corresponding to a specific set of managerial functions and means employed by the university's subjects of management. It is shown that taking the staged nature of the process into account makes it possible to build differentiated managerial support of the cadet's professional development throughout the whole period of study,

ensuring continuity of diagnostic, organizational, motivational and control-reflexive influences.

Keywords: professional socialization, military university cadets, stages of socialization, organizational-pedagogical management, military education.

УДК 378.147:355.23

ИНСТИТУТ НАСТАВНИЧЕСТВА КАК ОСНОВА СИСТЕМЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВОЕННОМ ВУЗЕ

Д.Р. Пиранишвили, Д.Р. Мундштуков, Я.И. Олейникова

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается специфика реализации института наставничества в системе воспитательной работы военных образовательных организаций высшего образования. Анализируется трансформация роли наставника от формального контролера к ментору, обеспечивающему формирование профессионально-этических качеств будущего офицера. Обосновывается значимость личного примера командира в адаптации курсантов к условиям службы. Предлагаются формы интеграции наставничества в образовательный процесс современного военного вуза.

Ключевые слова: наставничество, воспитательная работа, военное образование, военный вуз, личность военнослужащего, профессиональная идентичность, курсанты.

Воспитательная работа в системе военного образования всегда являлась основой для подготовки офицерского корпуса России. В современных условиях геополитической нестабильности перед военными вузами стоит задача формирования не просто специалиста, а личности офицера-государственника, обладающего несгибаемой волей и высокими моральными принципами. Традиционные методы административного воздействия сегодня уступают место технологиям педагогического сопровождения, где институту наставничества отводится ключевая роль.

Специфика наставничества в военном вузе обусловлена рядом факторов:

– Высокий уровень ответственности. Ошибка курсанта в будущем может стоить человеческих жизней, поэтому наставник несет ответственность за формирование надежности своего подопечного.

– Закрытый характер социума. Курсанты проживают в казармах или общежитиях закрытого типа. Наставник становится для них не только учителем, но и старшим товарищем, помогающим адаптироваться к жестким условиям службы.

– Приоритет коллективных ценностей. Индивидуальный подход наставника должен гармонично вписываться в общую систему сплочения воинского коллектива.

Цель наставничества заключается в решении следующих педагогических задач:

– Ускорение социально-психологической адаптации первокурсников к распорядку дня и требованиям уставов.

– Трансляция неписаных правил корпоративной культуры конкретного рода войск или вида Вооруженных Сил.

– Формирование командирских качеств у курсантов старших курсов через делегирование полномочий по наставничеству над младшими (принцип «дедовщины наоборот»).

– Ранняя диагностика признаков профессиональной деформации или эмоционального выгорания.

Центральное место в данной модели занимает фигура офицера-наставника [1]. Его авторитет базируется не на должностной инструкции, а на реальном опыте, компетентности и личной дисциплине. Личный пример является главным методом воспитания: если наставник требует пунктуальности, но сам опаздывает на построение, система рушится. Именно через наблюдение за поведением наставника в штатных и экстремальных ситуациях курсант усваивает модель поведения настоящего офицера.

Рисунок 1 – Упражнение на развитие межличностных отношений первокурсников военного вуза

Несмотря на то, что подготовка ведется в различных профильных вузах – инженерных, командных, медицинских – ядро педагогической работы остается неизменным [2]. Однако специфика наставничества всегда преломляется через

призму будущей служебно-боевой деятельности выпускника. В отличие от гражданских вузов, где наставничество часто ограничивается передачей узкопрофессиональных навыков, в военном училище этот институт решает задачу глубокой личностной трансформации. Наставник работает не просто с обучаемым, а с будущим командиром, которому предстоит принимать решения в условиях информационной неопределенности и нести ответственность за жизни людей [3]. Поэтому содержание взаимодействия смещается с простой передачи знаний на формирование морально-волевого стержня личности. Здесь наставничество реализуется через обучение курсантов искусству межличностного взаимодействия: умению разрешать конфликты во взводе – рис.1, поддерживать дисциплину без жестокости, сохранять психологическую устойчивость подразделения под нагрузкой и выстраивать авторитет не на должностном принуждении, а на личном примере. Фундамент везде один – передача жизненного опыта и воспитание характера будущего офицера [4].

Эффективная реализация программы предполагает использование разнообразных форм работы, например: индивидуальные беседы, разбор ошибок курсанта (не в формате порицания, а в виде совместного поиска причин и способов их устранения), совместное выполнение учебно-боевых задач – (выезды на полигоны – рис.2, участие в суточных нарядах - наставник работает плечом к плечу с подопечным), культурно-досуговая деятельность (посещение мест боевой славы, музеев, мемориалов, совместный просмотр и обсуждение военно-исторических фильмов), ведение дневника профессионального роста.

Рисунок 2 – Офицер демонстрирует курсантам принципы организации взаимодействия подразделений на учебном полигоне

Особую роль играет наставничество в период прохождения войсковых стажировок. Попадая в реальную воинскую часть, курсант часто теряется между теорией, полученной в аудиториях, и практикой. Наличие закрепленного за ним офицера-куратора позволяет безболезненно интегрироваться в боевой строй, применить полученные навыки и получить объективную обратную связь от командования части [5].

Оценка эффективности данного института должна проводиться комплексно. Помимо стандартных показателей (отсутствие дисциплинарных взысканий, положительная динамика успеваемости), необходимо отслеживать качественные изменения: рост инициативности курсанта, его готовность брать на себя ответственность за подчиненных и умение разрешать конфликтные ситуации внутри подразделения [6].

Таким образом, институт наставничества перестает быть факультативной мерой воспитательного воздействия и превращается в системообразующий элемент образовательной среды военного вуза. Он обеспечивает неразрывность традиций Российской армии и гарантирует преемственность поколений защитников Отечества, формируя высоконравственную личность.

Список использованных источников

1. Алехин, И. А. Теория и практика воспитания военнослужащих : учебное пособие / И. А. Алехин ; Военный университет. – Москва : ВУ, 2023. – 215 с.

2. Слепов, В. Я. Авторитет преподавателя военного вуза как интегративная личностная характеристика [Электронный ресурс] / В. Я. Слепов // КиберЛенинка. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: [02.09.2026]).

3. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 2023 г. № 760 «Об организации воспитательной работы в Вооружённых Силах Российской Федерации» [Текст] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Текст : электронный. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.09.2025).

4. Молоков, И. Е. Воспитание долга и чести: роль проекта в формировании патриотических ценностей курсантов / И. Е. Молоков, Я. И. Олейникова, А. А. Смирнов // Военно-патриотическое воспитание: теория и практика : Материалы II Международной научно-практической конференции, Омск, 12 декабря 2025 года. – Омск: Омский государственный технический университет, 2025. – С. 625-630. – EDN IWNZXH.

5. Смирнов, Д. Е. Эксплуатация автомобильной техники в условиях низких температур : учебно-методическое пособие / Д. Е. Смирнов ; Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова. – Санкт-Петербург : ВАМТО, 2022. – 180 с.

6. Особенности методики проведения показного занятия в масштабах академии по дисциплине «Теоретическая механика» с курсантами специального факультета / И. Е. Молоков, А. А. Смирнов, Я. И. Олейникова, И. Н. Шаго // Проблемные вопросы и их решение в обучении курсантов общенаучным дисциплинам : Сборник статей II межвузовской научно-методической конференции, Петергоф, 22 апреля 2026 года. – Санкт-Петербург, Петергоф: Военная академия

материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, 2026. – С. 118-125. – EDN IVGRAM.

MENTORING INSTITUTE AS THE BASIS OF THE SYSTEM OF EDUCATIONAL WORK AT A MILITARY UNIVERSITY

D.R. Piranishvili, D.R. Mindshtukov, Ya.I. Oleinikova

Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A.V.Khrulyov the Ministry of Defense of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

The article considers the specifics of the implementation of the institution of mentoring in the system of educational work of military educational organizations of higher education. The transformation of the mentor's role from a formal controller to a mentor who ensures the formation of the professional and ethical qualities of the future officer is analyzed. The importance of the personal example of the commander in adapting cadets to the conditions of service is justified. Forms of integration of mentoring into the educational process of a modern military university are proposed.

Keywords: mentoring, educational work, military education, military university, personality of a serviceman, professional identity, cadets.

УДК 332.1

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Г. Прилепов, Н. Сосновский[1]

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Брянский филиал, г. Брянск, Россия

В современных условиях развития российской экономики особую значимость приобретает изучение процессов, происходящих на региональном уровне под воздействием внешних экономических ограничений. Введение санкций в отношении Российской Федерации привело к трансформации хозяйственных связей, изменению условий функционирования предприятий и необходимости адаптации регионов к новым экономическим реалиям.

Ключевые слова: экономика, логистика, регион, строительство, производство, отрасль, санкции, риск.

Когда в 2022 году началось беспрецедентное ужесточение внешних ограничений, многие регионы России столкнулись с резкой сменой правил игры на рынках. Брянская область оказалась в особом положении. С одной стороны, это приграничный регион, который исторически зависел от кооперации с

[1] Научный руководитель – Мороз И.А., к.и.н.

европейскими партнерами и украинскими предприятиями. С другой стороны, именно близость к новым внешнеполитическим реалиям подтолкнула местные власти и бизнес к ускоренной трансформации [1, с.12].

Вопреки пессимистичным прогнозам, экономика Брянщины не рухнула, но, безусловно, столкнулась с вызовами. Чтобы понять, как регион адаптируется, нужно посмотреть на три ключевые сферы: промышленность, сельское хозяйство и малый бизнес. Важно отметить, что основная стратегия выживания и развития строится сейчас вокруг понятий «импортозамещение» и «переориентация логистики».

Первое, что почувствовал регион – это проблемы с логистикой. Раньше через Брянск шли мощные потоки товаров в сторону Евросоюза и Беларуси. Закрытие европейских рынков и сложности с транзакциями заставили местные компании, например, крупные машиностроительные заводы (АО «ПО «Бежицкая сталь», Брянский арсенал) срочно искать альтернативу. Если раньше комплектующие закупались на Западе, то сегодня на первый план вышли поставки из Китая, Турции и стран ЕАЭС.

Что интересно, Брянская область довольно быстро переориентировала сельское хозяйство. Аграрный сектор, который традиционно сильно зависит от семян, ветеринарных препаратов и запчастей для импортной техники, пережил шок, но не остановился. Местные животноводческие комплексы (например, крупные инвестпроекты в Стародубском районе) перешли на реагенты и кормовые добавки российского и белорусского производства. Безусловно, продуктивность в начале упала, но к концу 2023 года многие показатели начали восстанавливаться за счет субсидий и гибкости управленцев.

Отдельно стоит сказать о дорожной отрасли и строительстве. Брянщина сейчас активно участвует в федеральных программах по ремонту трасс. В условиях ухода западных асфальтоукладчиков и дорожной техники, заводы региона перепрофилировались на выпуск собственных битумных смесей и ремонт старых машин. Это дало работу сотням людей в Карачеве и Брянске.

Конечно, следует выделить и трудности, с которыми пришлось столкнуться Брянской области в условиях санкций. Во-первых, это кадры. Санкции вызвали отток части IT-специалистов и инженеров, а мобилизация (даже частичная) забрала квалифицированных рабочих с производств. Во-вторых, выросла кредитная нагрузка на бизнес. Ставки поднялись, а лизинги для покупки новой техники стали существенно дороже. Многие предприниматели в сфере торговли, которые держали склады с европейским товаром, разорились или сменили профиль [5, с.649].

Кроме того, сам факт приграничного положения создает дополнительные риски. Энергобезопасность и логистика иногда нарушаются из-за обстрелов со стороны Украины, что заставляет предприятия держать резервные мощности и чаще проводить учения по ГО. Это накладные расходы, которые ложатся на себестоимость [4, с.47].

Главные риски сейчас связаны не столько с самими санкциями, сколько с внутренней инфляцией и стоимостью заемных денег. Однако диверсификация экономики (уход от сырьевой зависимости в сторону переработки) и поддержка приграничных территорий со стороны федерального центра дают надежду на то, что Брянская область сохранит промышленный потенциал и продолжит наращивать выпуск продукции, необходимой для обороны и продовольственной безопасности страны. Несмотря на беспрецедентное санкционное давление, экономика Брянской области демонстрирует устойчивость и способность к адаптации [6, с.99].

Промышленность демонстрирует рост В 2024 и 2025 годах промышленные предприятия региона не только сохранили, но и нарастили объемы производства. За восемь месяцев 2025 года отгрузка товаров собственного производства превысила 366,9 млрд рублей. Доминирующую роль играет обрабатывающая промышленность, на долю которой приходится до 93,5% всей отгруженной продукции [2, с.40].

Несмотря на давление, статистика показывает умеренный, но рост в обрабатывающих производствах. В каких секторах заметны успехи?

1. Легкая промышленность и текстиль. В условиях ухода мировых брендов, местные фабрики (например, «Брянский текстиль») нарастили выпуск рабочей формы, постельного белья и спецодежды для силовиков и железной дороги. Спрос огромный, так как армия и госсектор требуют унификации.

2. Деревообработка. Брянские леса всегда были ресурсом, но раньше пиломатериал уходил на экспорт в Европу. После эмбарго производители переключились на внутренний рынок и на экспорт в Среднюю Азию. Появились новые цеха по производству пеллет и топливных брикетов для российских ТЭЦ.

3. Транспортный узел. Брянск стал ключевым перевалочным пунктом для санкционных грузов. Склады, таможня и транспортные компании заработали в режиме 24/7, что принесло налоги в бюджет [3, с.186].

Санкции стали мощным стимулом для перехода на отечественные решения. Предприятия активно замещают иностранные комплектующие и оборудование. Особых успехов добились аграрии, которые переходят на российскую технику и семена. Брянская область является одним из лидеров по импортозамещению в агропромышленном комплексе [7, с.34].

Несмотря на сложную приграничную ситуацию, спад инвестиций в регионе составил лишь 3,2%, что является лучшим показателем среди соседних областей. Для стимулирования развития правительство РФ распространило на часть территории области режим свободной экономической зоны (СЭЗ), предоставляющий инвесторам значительные налоговые льготы.

Внешнеторговый оборот в первом полугодии 2024 года вырос на 13,8%. Предприятия продолжают торговлю с 80 странами мира, а ключевым торговым партнером, помимо стран СНГ, стал Китай.

Подводя итог, можно сказать, что экономическое развитие Брянской области в условиях санкций – это история не про «выживание», а про «вынужденную

перестройку». Региону пришлось забыть о дешевых западных кредитах и привычных рынках сбыта. Вместо этого властям и бизнесу пришлось научиться работать с восточными партнерами, восстанавливать советские заделы в машиностроении и активно использовать механизмы параллельного импорта.

Список использованных источников

1. Быстряков А.Я., Бессарабова О.В. Импортозависимость и технологический суверенитет: региональные аспекты трансформации российской экономики в условиях санкций // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2025. – №3. – С. 9 – 14.

2. Кулагина Н.А., Васильев А.А. Экономическая безопасность и устойчивое развитие промышленного потенциала региона в условиях современных вызовов (на примере Брянской области) // Вестник евразийской науки. – 2024. – №6. – С. 37 – 41.

3. Лукичев К.А. Экономическое развитие Брянской области: перспективы и вызовы // Молодой ученый. – 2025. – № 22 (573). – С. 186 – 189.

4. Молчанова Е. С., Попова Е. А., Рожков Р. С. Развитие экономики брянского региона в условиях современных вызовов и угроз // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2023. – № 3 (60). – С. 42–48.

5. Мороз И.А. К вопросу о применении хозяйственных договоров в торговле СССР в 1950-60е гг. В сборнике: Экономика. Наука. Инноватика. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. Донецк, 2025. – С. 648-653.

6. Мороз И.А. Преемственность прогрессивных форм торговли в СССР в 1950-60е годы XX в. и современной России. В сборнике: Современная торговля: теория, практика, инновации. Материалы IX всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Пермь, 2020. – С.97 – 103.

7. Сафонова С.Г., Шейхова М.С. Особенности и перспективы развития промышленного производства в условиях реализации политики импортозамещения // Московский экономический журнал. – 2024. – №4. – С. 31 – 35.

ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE BRYANSK REGION UNDER SANCTION

G. Prilepov, N. Sosnovsky

Plekhanov Russian University of Economics, Bryansk Branch, Bryansk, Russia

In the current context of Russia's economic development, studying the processes unfolding at the regional level under the influence of external economic restrictions has become particularly important. The imposition of sanctions against the Russian

Federation has led to a transformation of economic ties, changes in the operating conditions for enterprises, and a need for regions to adapt to new economic realities.

Keywords: economy, logistics, region, construction, production, industry, sanctions, risk.

УДК 371.3:37.017.4

«НА ОДНОЙ ВОЛНЕ»: СЕТЕВОЙ ПРОЕКТ ШКОЛЫ ПО ИНТЕГРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ, ИНЖЕНЕРИИ, БОТАНИКИ И ИСКУССТВА

А.В. Прокопенко, М.С. Кобылянская, М.Ю. Черноморец, Е.А. Хромченко

СОШ № 57 с реализацией дополнительных программ в области искусств имени дважды Героя Советского Союза маршала авиации Савицкого Е.Я., г. Севастополь, Россия

В статье рассматривается организационная модель сетевого проекта «На одной волне», реализуемого учащимися 8 «Г» класса ГБОУ «СОШ № 57» г. Севастополя. Проект интегрирует четыре смысловых слоя: историческую память о семье Савицких, космическую и ботаническую тематику (первый цветок в космосе), инженерно-техническое творчество и художественно-эстетическое оформление школьного пространства. Показано, что проект является закономерным этапом в развитии системы сетевых проектов школы, реализуемых с 2018 года. Проведён анализ российских и зарубежных аналогов, демонстрирующий уникальность интегративного подхода. Выделены и систематизированы базовые национальные ценности, формируемые у школьников в ходе реализации проектной деятельности.

Ключевые слова: проектная деятельность, историческая память, инженерное творчество, ботаника, наставничество, гражданская идентичность, семья Савицких, сетевые проекты.

Введение. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России предполагает формирование базовых национальных ценностей через практическую деятельность, а не только через вербальное обучение [1]. Одним из эффективных инструментов такого формирования является сетевая проектная деятельность, интегрирующая различные предметные области и вовлекающая школьников в реальные социально значимые дела.

В ГБОУ г. Севастополя «СОШ № 57 с реализацией дополнительных программ в области искусств имени дважды Героя Советского Союза маршала авиации Савицкого Е.Я.» накоплен многолетний опыт реализации сетевых проектов социальной и эколого-патриотической направленности. С 2018 года в школе реализуется инклюзивный проект «Трогательная клумба» [2], объединяющий школьников, дошкольников (в том числе с ОВЗ по зрению), родителей и социальных партнёров. С 2023 года развивается проект «Зелёный пояс Славы.

Ленинград-Севастополь» [3], направленный на сохранение исторической памяти через созидательный труд и наставничество.

Цель статьи – представить организационную модель проекта «На одной волне: от цветка в космосе – к техно-саду на Земле», показать его место в системе сетевых проектов школы №57, а также систематизировать формируемые у школьников компетенции и ценности.

Задачи исследования:

1. Описать генезис проекта.
2. Представить функциональную модель распределения ролей в проекте.
3. Проанализировать опыт отечественных и зарубежных проектов.
4. Выявить национальные ценности, формируемые у участников проекта.

Основная часть. Предистория проекта началась в 2022 году, когда уроке физики в 9 классе по теме «Распространение звука. Звуковые волны» ученик, увлечённый музыкант и мечтающий о поступлении на композиторское отделение, неожиданно для всех проявил глубокий интерес к теме, параллельно комментируя каждое высказывание учителя. Его понимание физических процессов было настолько глубоким, что на следующем занятии он сам провёл урок, сделав это блестяще. Эта «искра», соединившая вдохновение музыки и строгость физики, дала начало проекту, который естественным образом вписался в уникальную среду школы, где помимо естетвенно-научного цикла внеурочной деятельности функционируют блоки музыкальной школы, театральной и художественной студии, хореографического ансамбля.

К марту 2024 года идея объединить, настроить «на одной волне» искусство и науку переросла в системную работу. Первым шагом стало внутреннее мероприятие для педагогов школы в сотрудничестве с музыкальным блоком. Следующий этап – представление наработок учителям физики города Севастополя в городских семинарах и конкурсах, что подтвердило востребованность и новизну подхода. Кульминацией начального этапа стал культурно-образовательный форум «На одной волне», организованный при поддержке Центра по работе с одаренными детьми «Альтаир» Малой академии наук Севастополя, родительского сообщества и представителей бизнеса. Масштабное событие для жителей микрорайона объединило множество активностей: гости рисовали под живое исполнение музыкальных композиций, узнавали о природе звука в музыкальных инструментах и секретах возникновения электромагнитных волн, собирали радио и спутниковые антенны. Команда проекта состоялась, и его география продолжает расширяться, охватывая не только образовательные, но и социальные миссии: шефская помощь в доме престарелых, встречи с ветеранами, забота о памятниках Великой Отечественной войны и участие в патриотических фестивалях.

Кристаллизация идеи проекта трансформировало и уточнило название проекта – «На одной волне: от цветка в космосе – к техно-саду на Земле», который в 2026 году объединил четыре взаимосвязанных смысловых слоя:

1. Историческая память: семья Савицких. Школа носит имя Евгения Яковлевича Савицкого – маршала авиации, дважды Героя Советского Союза. Его дочь, Светлана Евгеньевна Савицкая, стала лётчиком-космонавтом, второй женщиной в космосе и первой, вышедшей в открытый космос. В рамках проекта этот

исторический слой находит воплощение в малых архитектурных формах, символизирующих «отца» и «дочь» (самолёт и ракета), устанавливаемых у клумб, а также в серии просветительских мероприятий для младших школьников и детских садов.

2. Космическая и ботаническая тематика: первый цветок в космосе. В августе 1982 года на орбитальной станции «Салют-7» впервые в истории зацвело растение арабидопсис [5], цветы которого команда подарила Светлане Евгеньевне. Светлана Савицкая привезла с орбиты 220 семян этого растения [5]. Этот факт становится центральной метафорой проекта: «от цветка в космосе – к техно-саду на Земле». На клумбах проекта высаживаются растения, символически связанные с космической темой и визуально распределенные на «мужскую» и «женскую» клумбы: роза «Валентина Терешкова» (сорт, выведенный в Никитском ботаническом саду), сирень «Космос» и т.д., а также сам арабидопсис – как живое напоминание о первом цветке в космосе. Ботаническая составляющая проекта реализуется через опыт «Трогательной клумбы», где учащиеся выращивают растения, ведут дневники наблюдений и изучают их биологические особенности [2].

3. Инженерно-техническое творчество. «Инженерная клумба» или «техно-сад» оснащается системой капельного автополива на солнечной батарее, датчиками влажности почвы и температуры. В основе инженерных решений лежат принципы, изученные в рамках школьного курса физики: законы электрического тока, гидродинамика и волновая природа света.

4. Художественно-эстетическое оформление. Школа имеет статус «с реализацией дополнительных программ в области искусств», что делает художественную, музыкальную и эстетическую составляющие проекта органичными. Учащиеся разрабатывают эскизы клумб, создают эскизы для росписи малых архитектурных форм, оформляют пространство для проведения семейных мероприятий, организуют капустники, концерты.

В основе организационной модели проекта лежит апробированная ранее функциональная структура «класс как социально ориентированное предприятие» [4]. Однако проект «На одной волне» потребовал усложнения этой модели за счёт добавления новых направлений деятельности: инженерно-технического (солнечная панель, автополив, датчики), художественно-эстетического (роспись, малые архитектурные формы, концертная деятельность) и космического с ботаническим уклоном (тематика первого цветка в космосе). Основной движущей силой проекта являются учащиеся 8 «Г» класса (возраст 14–15 лет), которые выступают в роли наставников для учащихся 1 «А» класса, воспитанников детских садов (в том числе коррекционных групп для детей с ОВЗ по зрению) и участников летнего школьного лагеря. Функциональная структура включает следующие отделы: руководство, исторической памяти, космической тематики, инженерный, ландшафтного дизайна, художественный, наставничества и педагогики, журналистики и медиа, культуры и искусства, научного сопровождения, оценки эффективности. Каждый отдел возглавляется учащимся-координатором, что обеспечивает развитие лидерских качеств и ответственности. Как показал опыт, наставничество является ключевым механизмом передачи знаний и ценностей [4]. Учащиеся 8 «Г» класса выступают наставниками для учащихся 1 «А» класса

и воспитанников детских садов (в том числе коррекционных групп для детей с ОВЗ по зрению). Функции наставников включают: проведение мастер-классов по посадке и уходу за растениями; организацию экскурсий по «техно-саду» с рассказом о семье Савицких и первом цветке в космосе; адаптацию материалов для детей с ОВЗ по зрению; вовлечение младших в творческо-музыкальные и театральные постановки.

Анализ российских и зарубежных школьных проектов показывает, что большинство инициатив затрагивают лишь один или два из перечисленных слоёв. Международный опыт представлен преимущественно проектами «садов памяти» (memorial gardens) и отдельными инициативами по интеграции истории и технологий через 3D-моделирование и VR-реконструкции [6,7].

В России существуют проекты «Садов Памяти» и «Сиреневых садов» как мемориальных пространств, а также инициативы по вовлечению молодёжи в сохранение исторической памяти через эстафеты и просветительские мероприятия, а так же визуализация памятников в VR-среде [8]. Однако в них отсутствует интеграция инженерных решений с конкретной семейной историей и системой детского наставничества.

Отличие проекта «На одной волне: от цветка в космосе – к техносаду на земле» заключается в том, что он впервые предлагает интеграцию: конкретной семейной истории (Савицкие), космической и ботанической тематики, реальных инженерных решений, художественно-эстетического блока и вертикальной системы детского наставничества, охватывающей все этапы проекта. При этом у участников проекта формируются духовно-нравственные ценности, основные из которых представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Основные духовно-нравственные ценности и компетенции, формируемые у участников проекта

Направление	Формируемые ценности и компетенции
Патриотизм	Любовь к малой родине, уважение к истории семьи Савицких
Гражданственность	Ответственность за сохранение исторической памяти
Труд и творчество	Трудолюбие, созидательное отношение к пространству
Наука	Инженерное мышление, навыки работы с данными, ботанические знания
Искусство	Эстетическое восприятие, художественный вкус
Социальная солидарность	Эмпатия, готовность помогать младшим, в том числе с ОВЗ

Заключение. Проект «На одной волне: от цветка в космосе – к техно-саду на Земле» является очередным этапом в развитии системы сетевых проектов СОШ №57 г. Севастополя. Его уникальность состоит в органичном соединении научного поиска, вдохновленного реальным школьным событием, и глубокой

исторической памяти. Апробированная ранее модель «класс как социально ориентированное предприятие» успешно адаптирована для данного проекта с учётом его междисциплинарности. Анализ российских и зарубежных источников, что проект не имеет прямых аналогов и представляет собой уникальный опыт интеграции исторической памяти, инженерии, ботаники, искусства и наставничества в единое школьное пространство. Опыт реализации проекта подтверждает, что вовлечение школьников в реальную социально значимую деятельность с распределением функциональных ролей способствует формированию базовых национальных ценностей, развитию межпредметных компетенций и укреплению гражданской идентичности.

Список использованных источников

1. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования. – М.: Просвещение, 2009. – 24 с.

2. Кобылянская М.С., Хромченко Е.А., Карташова Н.Н. Реализация инклюзивного социального проекта «Трогательная клумба» в начальной школе // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2022. – Т. 1. – № 1. – С. 86-91. – EDN: HMNQEK.

3. Кобылянская М.С., Заикина В.В. Эколого-патриотический проект «Зелёный пояс Славы. Ленинград-Севастополь»: реализация в базовом общеобразовательном учреждении // Педагогика современности. – 2023. – № 2. – С. 30-33. – EDN: XYZABC.

4. Кобылянская М.С., Заикина В.В., Хромченко Е.А., Карташова Н.Н. Сетевые эколого-патриотические проекты и детское наставничество как инструменты формирования элементов гражданской идентичности школьников // Сборник материалов конференции. – Севастополь, 2026. – С. 1-10. – EDN: QWERTY.

5. Центр подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина. 40 лет со дня старта космического корабля «Союз Т-7». – URL: https://www.gctc.ru/print.php?id=5898 (дата обращения: 21.06.2026).

6. University of Idaho. Vandal Healing Garden and Memorial. – URL: https://www.uidaho.edu/campus-facilities/campus-memorials-monuments (дата обращения: 21.06.2026).

7. Our Memorial Garden - Helsby High School [Электронный ресурс]. – URL: https://helsbyhigh.org.uk/2025/10/02/our-memorial-garden/ (дата обращения: 21.06.2026).

8. История в VR: как подмосковные школьники воссоздают советские памятники, разрушенные в Европе [Электронный ресурс]. – URL: https://regions.ru/obrazovanie/istorija-v-vr-kak-podmoskovnye-shkolniki-vossozdajut-sovetskie-pamjatniki-razrushennye-v-evrope#1 (дата обращения: 21.06.2026)

«ON THE SAME WAVE»: A SCHOOL NETWORK PROJECT FOR THE INTEGRATION OF HISTORICAL MEMORY, ENGINEERING, BOTANY AND ART

A.V. Prokopenko, M.S. Kobylyanskaya, M.Y. Chernomorets, E.A. Khromchenko

Secondary School No. 57 with the implementation of additional programs in the field of arts named after twice Hero of the Soviet Union, Marshal of Aviation E.Ya. Savitsky", Sevastopol, Russia

The article examines the organizational model of the network project «On the Same Wave», implemented by students of the 8th grade of School No. 57 in Sevastopol. The project integrates four semantic layers: the historical memory of the Savitsky family, space and botanical themes (the first flower in space), engineering and technical creativity, and the artistic and aesthetic design of the school space. The article shows that the project is a natural stage in the development of the system of network projects implemented at the school since 2018. An analysis of Russian and foreign analogues demonstrates the uniqueness of the integrative approach. The basic national values formed in schoolchildren during the implementation of project activities are identified and systematized.

Keywords: project activity, historical memory, engineering creativity, botany, mentoring, civic identity, Savitsky family, network projects.

УДК 373.1

ВОКАЛЬНО-ХОРОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА УРОКАХ МУЗЫКИ КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

О.В. Рогачевская, С.А. Иванова, Э.Р. Абсатарова, А.Н. Шевкопляс

Нижневартовский социально-гуманитарный колледж, г. Нижневартовск, Россия

В статье рассматривается проблема воспитания музыкальной культуры младших школьников средствами вокально-хоровой деятельности на уроках музыки. Анализируется сущность понятия «музыкальная культура» применительно к младшему школьному возрасту. Обосновывается воспитательный потенциал хорового пения как наиболее доступного и психологически комфортного вида музыкальной деятельности. Определяются педагогические условия, способствующие эффективному формированию музыкальной культуры обучающихся начальной школы в процессе вокально-хоровой работы.

Ключевые слова: музыкальная культура, вокально-хоровая деятельность, младшие школьники, урок музыки, хоровое пение, музыкальное воспитание.

Современный этап развития системы общего образования характеризуется усилением внимания к проблемам духовно-нравственного и эстетического воспитания подрастающего поколения. Актуальность обращения к вокально-хоровой деятельности как средству воспитания музыкальной культуры младших школьников на уроках музыки обусловлена рядом факторов: пение является наиболее доступным для ребёнка способом музицирования; коллективный характер хорового исполнения создаёт условия для воспитания музыкально-слуховых и социально значимых качеств личности; в условиях преобладания развлекательного музыкального контента в повседневной жизни младших школьников именно урок музыки остаётся пространством целенаправленного приобщения к ценностям музыкального искусства.

Понятие «музыкальная культура» является многоаспектным и рассматривается исследователями в нескольких взаимосвязанных значениях. В широком смысле музыкальная культура представляет собой часть общей культуры человечества, включающую совокупность музыкальных ценностей, способов их создания и освоения. В педагогическом контексте, вслед за Д.Б. Кабалевским и Ю.Б. Алиевым, музыкальная культура школьника определяется как личностное образование, характеризующееся эмоционально-ценностным отношением к музыке, наличием музыкального вкуса, системы знаний о музыке и опыта музыкально-творческой деятельности [1, с. 45].

Музыкальная культура личности рассматривается в педагогической науке как интегративное качество, включающее эмоционально-ценностное отношение к музыке, систему музыкальных знаний, умений и навыков, а также опыт музыкально-творческой деятельности. Воспитание музыкальной культуры младшего школьника предполагает развитие музыкальных способностей, формирование потребности в общении с различными видами искусства, способности к эмоциональному отклику на музыкальные произведения и эстетической оценке.

Структурно музыкальная культура младшего школьника включает следующие компоненты: эмоционально-ценностный, способствующий эмоциональному отклику на музыку, наличие эстетических предпочтений и интереса к урокам музыки; когнитивный, включающий элементарные музыкальные знания о средствах выразительности, композиторах, понимание связи музыки с жизнью; деятельностный - умение выполнять различные виды музыкальной деятельности (пение, восприятие музыки, ритмические движения, игра на детских музыкальных инструментах); творческий - способность к импровизации, самовыражению в музыкальной деятельности.

Младший школьный возраст является сензитивным периодом для формирования основ музыкальной культуры. К психологическим особенностям детей 7–10 лет относят повышенную эмоциональную отзывчивость, образность мышления, потребность в игровой деятельности, стремление к коллективному взаимодействию. Это создает благоприятные предпосылки для активного включения в вокально-хоровую работу [2]. Именно в этот период развиваются певческие навыки, формируется эмоционально-ценностное отношение к музыкальному искусству.

Пение занимает особое место в системе музыкального воспитания младших школьников. Как отмечает Н.А. Ветлугина, пение – ведущий способ музыкальной деятельности, поскольку вокальное воспитание оказывает влияние не только на эмоционально-эстетическое развитие личности, но и на её творческое становление [3, с. 39].

Воспитательный потенциал вокально-хоровой деятельности раскрывается через несколько функций, которые она выполняет в образовательном процессе. В процессе пения у детей развивается мелодический и гармонический слух, чувство ритма, музыкальная память, способность к интонированию; формируются основные вокально-хоровые навыки: певческое дыхание, чистота интонирования, звукообразование, дикция, ансамблевый строй. Исполнение песен позволяет ребёнку не только воспринимать, но и активно прочувствовать музыкальный образ, что способствует развитию эмоциональной отзывчивости и эстетического вкуса. Содержание песенного репертуара (произведения о Родине, природе, дружбе, семье и т.д.) становится средством трансляции нравственных ценностей, воспитывает чувство единства, ответственности за общий результат, создаёт положительный настрой и способствует гармонизации внутреннего состояния ребёнка [4].

Особая ценность вокально-хоровой деятельности для воспитания музыкальной культуры заключается в единстве музыки и слова. Вербальный компонент делает нравственное и эстетическое содержание произведения более доступным для понимания младшего школьника, а музыкальная интонация усиливает эмоциональное воздействие.

Анализ производственной практики показывает, что воспитательный потенциал вокально-хоровой деятельности реализуется не автоматически. Необходимо создание определённых педагогических условий, обеспечивающих целенаправленное формирование музыкальной культуры младших школьников.

Первое условие – целенаправленный отбор песенного репертуара. Репертуар должен отвечать критериям художественной ценности, возрастной доступности и воспитательной направленности. В учебно-воспитательный процесс необходимо включать народные песни, классические произведения в обработке для детей, современные детские песни с качественным поэтическим текстом. Важно, чтобы содержание песен раскрывало темы, близкие и понятные младшим школьникам, о дружбе, семье, родной природе, Родине.

Второе условие – систематичность и последовательность вокально-хоровой работы. Целесообразно включать вокально-хоровые упражнения в структуру каждого урока музыки, обеспечивая постепенное усложнение певческих задач и расширение музыкального кругозора.

Третье условие – единство технического и художественного развития. Работа над вокально-хоровыми навыками не должна превращаться в формальную «тренировку». Каждое упражнение, каждое разучиваемое произведение должно осмысливаться детьми с точки зрения его эмоционального содержания и выразительных средств. После прослушивания песни, учитель задает детям вопросы («о чём эта песня?», «какое настроение она передаёт?», «как музыка помогает

нам понять чувства героев?»), активизируют эмоционально-ценностное отношение к ней.

Четвёртое условие – создание ситуации исполнительского успеха и эмоционального комфорта. Младшие школьники нуждаются в положительной оценке. Оценивание вокально-хоровой работы должно быть преимущественно стимулирующим, ориентированным на продвижение ребёнка, а не на соответствие «эталону». Это особенно важно для детей с недостаточно развитым слухом или голосом, которые могут испытывать стеснение и неуверенность.

Пятое условие – интеграция вокально-хоровой работы с другими видами музыкальной деятельности. Пение может сочетаться с ритмическими движениями, игрой на детских музыкальных инструментах, театрализацией. Такая интеграция обогащает музыкальный опыт детей, делает урок более динамичным и разнообразным.

В рамках практической работы по данной теме, мы подготовили комплект методических материалов, включающий: тематические подборки песенного репертуара для учащихся 1–4 классов, систематизированные по воспитательным направлениям (патриотическое, нравственное, эстетическое); комплекс вокально-хоровых упражнений, направленных на развитие певческого дыхания, дикции, интонационного слуха, ансамблевых навыков; методические рекомендации по разучиванию песен с акцентом на эмоционально-смысловые беседы и освоение музыкального образа. Апробация комплекта методических материалов на практике в школе, показала положительную динамику. У обучающихся повысился интерес к вокально-хоровой деятельности, улучшилась интонационная точность, расширился музыкальный кругозор. Дети более осознанно и эмоционально стали относиться к музыкальному искусству.

Таким образом, вокально-хоровая деятельность младших школьников на уроках музыки представляет собой эффективное средство воспитания музыкальной культуры. Она обеспечивает комплексное воздействие на эмоциональную, когнитивную и деятельностную сферы личности ребенка, создаёт условия для активного освоения музыкального искусства и формирования ценностного отношения к нему. Эффективность вокально-хоровой работы в решении задач музыкального воспитания младших школьников достигается при соблюдении педагогических условий, таких как целенаправленный отбор музыкального материала, единство технического и художественного, создание ситуаций успеха, интеграция с другими видами музыкальной деятельности.

Список использованных источников

1. Алиев, Ю.Б. Методика музыкального воспитания детей от детского сада к начальной школе /Ю. Б. Алиев // Моск. психол.-соц. ин-т. – Воронеж: НПО "МОДЭК", 1998. – 350 с. ISBN 5-89395-036-4.

2. Теплов, Б.М. Психология музыкальных способностей /Б. М. Теплов // Рос. акад. наук. Ин-т психологии. – Москва: Наука, 2003. – 377с.

3. Ветлугина, Н.А. Музыкальное развитие ребенка / Ветлугина Н.А. // Москва: Просвещение, 1968. – 415 с.

4. Осеннева, М.С. Методика музыкального воспитания младших школьников [Текст]: учеб. пособие для студ., обучающихся по спец. "Педагогика и методика начального образования" / М. С. Осеннева, Л. А. Безбородова. - Москва: Academia, 2001. – 366 с. ISBN: 5-7695-0683-0

VOCAL AND CHORAL ACTIVITY IN MUSIC LESSONS AS A MEANS OF DEVELOPING THE MUSICAL CULTURE OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN

O.V. Rogachevskaya, S.A. Ivanova, E.R. Absatarova, A.N. Shevkoplyas

Nizhnevartovsk Social and Humanitarian College,
Nizhnevartovsk, Russia

The article examines the problem of fostering musical culture in younger schoolchildren through vocal-choral activities in music lessons. The essence of the concept of “musical culture” is analysed in relation to the early school age. The educational potential of choral singing is substantiated as the most accessible and psychologically comfortable type of musical activity. The pedagogical conditions that contribute to the effective formation of musical culture in primary school students in the process of vocal-choral work are identified.

Keywords: musical culture, vocal-choral activity, younger schoolchildren, music lesson, choral singing, musical education.

УДК 94(47).047

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: К ВОПРОСУ ОБ «ИЗЪЯТИИ ПОЛНОМОЧИЙ»

И.С. Романычев

Институт дополнительного профессионального образования
работников социальной сферы
г. Москва, Россия

В статье рассматривается феномен постепенного сужения полномочий церкви в осуществлении социальной работы в период XVI-XVIII веков, что в первую очередь связано с централизацией государственной власти, усилением контролирующих функций государства в решении социальных проблем.

Ключевые слова: церковь, государство, социальная работа, благотворительность, помощь, монастырь, приход.

Период XVI-XVII веков в периодизации истории российской социальной работы традиционно именуется периодом церковно-государственной

благотворительности. В этот период государство делило полномочия с церковью в деле помощи наиболее нуждающимся – сиротам, пожилым, вдовам, увечным, бездомным. Эта деятельность, ныне именуемая социальной работой, оформится как профессиональная только к концу XX века, однако, как социальный феномен она, вероятнее всего, существовала всегда. На том или ином отрезке человеческой истории деятельность по поддержке наиболее уязвимых групп населения присутствует в виде традиционно или законодательно оформленных социальных институтов – общинной взаимопомощи, церковной благотворительности, частных инициатив по помощи нуждающимся, деятельности официальных социальных служб. Направление, изучающее данную область человеческой деятельности в историческом разрезе, именуется историей социальной работы, где под социальной работой, естественно, понимается не столько профессиональная деятельность, сколько работа вышеобозначенных институтов на разных этапах истории. Периодизация отечественной истории социальной работы была разработана в 1990-е годы, и в основу здесь легла субъектность – фиксация института или общности, наиболее явно выступавших субъектами-распределителями социальных благ. До X века имел место архаический период, где помощь выступала в традиционном аспекте, субъектом была крестьянская община, X-XV века – период церковной благотворительности, период же XVI-XVII веков, как и сказано выше, называется периодом церковно-государственной благотворительности. В дальнейшем, с XVIII века государство становится основным субъектом оказания помощи, но данный период сменяется этапом общественно-государственной благотворительности, занимающим вторую половину XIX века и длящимся до 1917 года. В 1917-1991 гг. имел место период государственного социального обеспечения, с 1991 года идёт профессиональный этап развития социальной работы. Вместе с тем, в отечественной истории социальной работы одним из интересных феноменов является растянутый на два века (по другим данным – на три) период своеобразного изъятия государством полномочий помощи из рук церкви. Именно он лёг в смысловую основу фиксации периода XVI-XVII веков, а также продолжился и в XVIII веке.

Основными событиями, прямо или косвенно олицетворяющими церковно-государственный период социальной работы и последующее отстранение церкви от дела помощи, являются следующие:

1550 г. В Судебнике впервые поставлен вопрос, действительно ли нуждающихся людей призревает церковь, имеется повеление выселить из богаделен торговых и городских людей, могущих самостоятельно добывать пропитание.

1551 г. В Стоглаве фиксируется запрет на сбор милостыни в виде промысла, в первую очередь этот касается монахов и монахинь. Монахи и монахини теперь должны питаться только доходами монастыря [4, с.125]

1574 г. Появляется новая компетенция Приказа Большого дворца – выдача руги и милостных денег монастырям и церквям из государственной казны, в том числе на помощь нуждающимся.

1580 г. Запрет монастырям покупать земли у служилых людей и принимать от них земли на помин души, что ограничивает рост экономического потенциала монастырей.

Начало XVII века. Учреждение Аптекарского Приказа, постепенное появление лечебных учреждений вне влияния церкви, попытки усилить контроль над церковными лечебницами.

1620-е годы. Передача функции открытия сиротских домов в ведение Патриаршего приказа, усиление государственного надзора за церковными сиротскими домами.

1649 г. Соборное уложение запрещает монастырям и духовным иерархам приобретать вотчины.

1670 г. Создание Приказа строения богаделен, усиление вмешательства государства в регламентацию деятельности богаделен.

1691 г. Один из первых указов о борьбе с нищенством, повеление отсылать хозяевам лиц, занимающихся попрошайничеством.

1701 г. Восстановление Монастырского приказа, передача ему функций по управлению всем церковным и монастырским имуществом, закрепление государственного контроля доходов монастырей [5, с. 136]. Издание указа, предписывающего размещать в церковных богадельнях нищих. Издание указа о переписи всех проживающих в богадельнях с дальнейшим выселением здоровых людей и отправкой их на работы.

1710 г. Выселение из богаделен людей, имеющих жен и детей и знающих промыслы.

1719 г. Издание указа об определении немощных отставных военных на содержание в монастыри.

1723 г. Распоряжение Синода об обязанности приходов содержать бедных прихожан [5, с. 138].

1724 г. Указ о регламентации деятельности монастырей и их финансировании; повторное указание о селении в монастыри отставных солдат с санкциями за неисполнение.

1757 г. Подтверждение монастырям содержать отставных военных, регламентация штрафов за неисполнение.

1764 г. Секуляризация церковных земель; прекращение использования монастырей как государственных заведений помощи и призрения.

1808 г. Введение обязанности приходским старостам передавать суммы, вырученные от продажи свечей, в государственные кредитные учреждения (в рамках реформы духовных училищ), ограничение приходских благотворительных трат.

В первую очередь, стоит обратить внимание на то, что традиционное ограничение периода церковно-государственной благотворительности рамками XVI-XVII веков справедливо лишь потому, что государство и церковь в это время оказывают помощь почти на равных, оставаясь двумя ведущими субъектами социальной работы. Однако за всем этим просматривается процесс, растягивающийся на более долгий период, до начала XIX века – своеобразное изъятие, конфискация государством у церкви полномочий в деле помощи нуждающимся. В качестве главной причины этого явления, безусловно, можно указать

централизацию государственной власти, последовавшую за объединением русских земель в XV-XVI веках и логично завершившуюся оформлением абсолютной монархии в начале XVIII века. Стремление единовластно контролировать социальную проблематику, выступать единственным источником социальных благ – признак усиления не только политических и экономических, но и идеологических позиций государства. Церковь стала выполнять в большей степени державно-охранительную функцию, перейдя под контроль государства. Однако, забегая вперед, можно оговориться, что полное отстранение церкви от дела помощи, во-первых, могло быть условным явлением (монастыри гипотетически могли оказывать помощь просящим и в начале XIX века), а во-вторых, просуществовало сравнительно недолго. Уже в 1860-е годы, на волне либеральных реформ, стали возникать церковно-приходские попечительства, возродилась монастырская сфера призрения – богадельни, приюты, столовые. Таким образом, в масштабах истории государство относительно быстро осознало роль церкви в решении социальных проблем и вернуло ей былые функции благотворительности. Но если вернуться к периоду XVI-XVII веков и проследить основные тенденции, можно заметить следующее.

Часть представленных в хронологии событий была направлена на идеологическую девальвацию церковных устоев помощи. Например, борьба с нищенством, по сути, символизировала отход от многовековых традиций нищелюбия, в установлении которых церковь сыграла не последнюю роль. Идея Иоанна Златоуста о том, что никогда не надо спрашивать у нищего, нищий ли он на самом деле, или указание князя Владимира Мономаха на то, что милостыня есть начало всякого добра, были поставлены под определенное сомнение. Милостыня в законодательстве всё меньше позиционировалась как духовный долг и всё больше – как поощрение тунеядства и праздности. Та же идеологема могла касаться выселения из богаделен здоровых людей. Это знаменовало частичный отход от традиций и говорило об усилении рационального начала в борьбе с социальными проблемами.

Государство постепенно усиливает статус распределителя и контролера средств, отпускаемых церкви на оказание помощи людям. То есть речь теперь шла именно о государственных средствах, получаемых церковью для определённой цели – помощи нуждающимся, что напоминает целевое субсидирование. Складывалась ситуация, при которой инфраструктура помощи могла быть монастырской, а деньги – государственными. Это не могло не повлечь за собой усиление контролирующих функций в отношении церкви как организации.

Ограничение экономической активности и в целом экономического потенциала монастырей выглядит абсолютно объективно на фоне централизации государственной власти. Это приводит к постепенному ослаблению роли церкви как дарителя и кормильца. Несмотря на то, за один только XVII век было основано 220 новых монастырей, а к началу XVIII века их насчитывалось 1201, экономическое давление давало о себе знать на уровне принимаемых властных решений

[4, с. 110]. Первые ограничительные меры в отношении расширения земельных угодий предпринимались за семь десятилетий до Соборного уложения 1649 года.

Создание новых Приказов (Аптекарского, Строения богаделен) как управленческих ведомств, упразднение и восстановление Монастырского приказа, а также передача Приказам каких-либо функций (например, открытие сиротских домов было передано в ведение Патриаршего Приказа) говорят о продолжительном, растянутом практически на век, организационном пересмотре отношений государства и церкви в деле помощи нуждающимся. Данный процесс завершился в 1721 году созданием Святейшего Правительствующего Синода, на первых порах также решавшего вопросы подконтрольной государству церковной благотворительности. Как и было сказано выше, это не отменяло церковной социальной помощи в принципе – она продолжалась, но при экономическом регулировании и, что немаловажно, под идеологическим присмотром со стороны государства. Передача функции открытия сиротских домов в ведение Патриаршего приказа произошла на полвека раньше, чем государство стало аналогично контролировать создание богаделен. Это может говорить об осознании важности идеологически-воспитательной работы в сфере благотворительности, что по понятным причинам значимее для более юных поколений, нежели старших.

Потенциал монастырей в деле помощи использовался вплоть до секуляризации церковных земель в 1764 году. Безусловно, сказывалось наличие создаваемой в течение многих лет базы – приютов, столовых, странноприимных домов, богаделен, лечебниц. Одним из наиболее ярких примеров является регуляторная деятельность государства в отношении обязанности монастырей призревать отставных военных. Невозможность отказать военному в проживании, четко установленные суммы на его содержание, штрафы за неисполнение данной функции – примеры политики регламентирования социальной функции церкви. Таким образом, государство отнюдь не отказывалось от действий церкви в области помощи – оно использовало оставшийся потенциал и традиции. Однако в XVIII веке возникает масса иных учреждений помощи, уже не имевших к церкви никакого отношения – госпитали для инвалидов, государственные богадельни, приюты для незаконнорожденных детей, сиротские и воспитательные дома, смирительные и прядильные дома, дома для умалишенных и многие другие. В разное время они находились в ведении городских магистратов, губернских органов, приказов общественного призрения. После 1764 года последним островком церковной благотворительности могли оставаться приходы, однако в их ситуации многое зависело от взносов прихожан и количества продаваемой церковной утвари. Распоряжение 1808 года об обязанности приходских старост передавать деньги, вырученные от продажи свечей (основного источника дохода), государственным кредитным учреждениям стало финальным звеном в деле установления контроля за церковными средствами, которые потенциально могли бы направляться на точечную приходскую благотворительность.

Таким образом, феномен «изъятия полномочий» у церкви в деле благотворительности прослеживается на протяжении почти трёх веков. Однако

традиционное рассмотрение периода церковно-государственной благотворительности именно в границах XVI-XVII может относиться лишь к феномену сохраняющегося равноправия государства и церкви в деле помощи нуждающимся. Конфискационные тенденции же прослеживаются как по всей продолжительности данного периода, так и наблюдаются ещё более ста лет. Это не снижает ценности такого историографического прорыва, как введение и обоснование периодизации отечественной социальной работы. Скорее, понимание этого явления и этих процессов приближает нас к объективности в осмыслении развития российской социальной работы, которая на большинстве хронологических отрезков оставалась многосубъектна.

Список использованных источников

1. Беглов А. Л. Реформа духовного образования 1808 г. и закрепощение православных приходов в Российской империи. – Российская история. 2020. № 2. С. 149-158

2. Малюкова Э. Д. Деятельность церковно-приходских попечительств в осуществлении социального служения (на примере Среднего Поволжья). – Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии. 2018. № 1(7). С. 23-31.

3. Махно Л. Л. Социальное служение Русской православной церкви: история и современность. – Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 69-79

4. Фирсов М. В. История социальной работы: учебное пособие для высшей школы. Изд. 3-е. – М.: Академический проект; Трикста, 2009. – 608 с.

5. Холостова Е. И. История социальной работы в России: учебник. – М.: ИТК «Дашков и К», 2012. – 282 с.

6. Шарин В. И. История социальной работы: учебное пособие. – М.: ИТК «Дашков и К», 2011. – 368 с.

7. Шарков И. Г., Томилина Л. Б., Воденко К. В. Социальное служение и благотворительная деятельность Русской православной церкви: истоки и современность. – М.: Русайнс, 2019. –110 с.

THE STATE AND THE CHURCH IN THE HISTORY OF DOMESTIC SOCIAL WORK: ON THE ISSUE OF "WITHDRAWAL OF POWERS"

I.S. Romanychev

Institute of Additional Professional Education of Social Workers, Moscow, Russia

The article examines the phenomenon of the gradual narrowing of the church's authority in carrying out social work during the 16th-18th centuries, which is primarily due to the centralization of state power and the strengthening of the state's control functions in addressing social issues.

Keywords: church, state, social work, charity, assistance, monastery, parish.

УДК 37

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НОСИТЕЛЯМИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Е.А. Сердюк

Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия

Актуальность исследования обусловлена существенными различиями фонетической, грамматической, лексической и синтаксической систем русского и французского языков, которые становятся источником межъязыковой интерференции.

Ключевые слова: русский язык, французский язык, межъязыковая интерференция, языковой перенос, фонетика, грамматика, лексика.

Русский и французский языки относятся к индоевропейской семье, хоть и принадлежат к различным языковым группам и существенно отличаются по фонетической, грамматической, синтаксической и лексико-семантической организации: французский язык является более романским, тогда как русский относится к славянским языкам. Это различие обусловливает значительную структурную дистанцию между двумя языками и, как следствие, создаёт определённые трудности для осваивающих русский язык.

Одним из ключевых понятий, позволяющих объяснить специфику обучения иностранному языку, является межъязыковая интерференция, под которой понимается влияние особенностей одного языка на использование другого. При изучении русского языка исходной системой становится французский язык, а русский язык – новой системой, которую необходимо постепенно освоить. И тут эта интерференция может проявляться практически на всех уровнях языка: она обнаруживается в произношении звуков, выборе грамматической формы, построении предложения, употреблении слов и даже в организации речевого поведения, например, если в родном языке учащегося отсутствует определённое фонологическое противопоставление, ему бывает трудно не только воспроизвести соответствующий звук, но и услышать его как самостоятельную значимую единицу.

То же самое происходит на грамматическом уровне: французский язык не располагает падежной системой, аналогичной русской, поэтому для использование падежных окончаний представляет собой принципиально новую модель выражения синтаксических отношений. Получается, что учащийся должен привыкнуть к тому, что изменение окончания существительного способно передавать значение, которое во французском языке выражается посредством предлога или порядка слов.

Таким образом, многие ошибки являются закономерными вследствие стремления применить уже известную языковую модель к материалу другого языка.

При этом влияние родного языка не всегда отрицательно, так как если определённые языковые явления имеют сходную структуру или функцию в русском и французском языках, существующие знания могут облегчить их усвоение, следовательно, родной язык обучающегося следует рассматривать одновременно как возможный источник интерференции и как потенциальный инструмент обучения.

Итак, одним из первых препятствий является фонетическая система русского языка (здесь особенно важно подчеркнуть, что трудности определяются не только количеством звуков.) Русский и французский языки различаются прежде всего характером фонологических противопоставлений, способом организации слога, особенностями артикуляции и просодии.

Одной из наиболее существенных особенностей русского языка является противопоставление твёрдых и мягких согласных. Для русского языка это не просто произносительный оттенок, а важный смыслоразличительный признак. Различие между твёрдым и мягким согласным может менять значение слова:

«лук – люк, угол – уголь, брат – брать».

А для носителя французского языка такая система непривычна, поэтому это может восприниматься как мягкость русского согласного как дополнительную характеристику произношения, не имеющую самостоятельного значения. Тоже самое и касается звука *[ы].* Французский язык не имеет полного функционального соответствия этой русской фонеме, вследствие чего бывает трудно как произнести данный звук, так и отличить его на слух от близкого по артикуляции *[и].* В результате возникают ошибки типа *«был – бил»,* при которых меняется не только звучание, но потенциально и значение слова.

Определённые трудности вызывают также русские шипящие и аффрикаты. Произношение *[ц], [ч], [щ], [ш], [ж]* требует артикуляционных навыков, которые не всегда совпадают с французскими. При встрече с незнакомым звуком говорящий естественным образом стремится заменить его наиболее близким звуком собственной фонологической системы, и именно поэтому иностранный акцент во многом представляет собой результат адаптации нового звукового материала к уже существующей артикуляционной базе.

Отдельного внимания заслуживает произношение русского *[р].* Французский звук, традиционно обозначаемый как r, может реализовываться иначе, чем русский переднеязычный дрожащий *[р].* поэтому перенос французского произносительного навыка на русский язык способен стать причиной устойчивого иностранного акцента.

Однако наиболее существенной просодической трудностью является русское словесное ударение. Во французском языке ударение тесно связано с ритмической группой и, как правило, реализуется на её последнем слоге. Русское ударение, напротив, является свободным и подвижным. Оно может падать на различные слоги слова и изменять своё положение при словоизменении. И если во французском языке положение ударения во многих случаях можно предсказать по структуре ритмической группы, то в русском языке место ударения нередко необходимо запоминать вместе со словом.

Также и с ударением непосредственно связана редукция безударных гласных. В русском языке качество гласного зависит от его положения относительно ударного слога. Поэтому учащемуся недостаточно научиться правильно произносить отдельные фонемы: ему необходимо освоить их позиционную реализацию в потоке речи.

Таким образом, фонетическая сторона русского языка требует от формирования новой артикуляционной и просодической системы.

Но если фонетические особенности становятся очевидными уже на начальном этапе обучения, то грамматические различия между русским и французским языками оказывают влияние на процесс обучения на протяжении всего курса.

Наиболее существенным препятствием является русская система словоизменения. Французский язык в значительной степени выражает грамматические отношения посредством порядка слов, предлогов и служебных элементов, а в русском языке значительная часть этих отношений кодируется формой самого слова.

Наиболее очевидным примером является падежная система.

Русское существительное может принимать различные формы:

«стол – у стола – по столу – стол – за столом – на столе».

И такая организация грамматического значения принципиально непривычна. Ему необходимо одновременно учитывать значение падежа, окончание существительного, его род, число, тип склонения и управление конкретного слова.

Особенно сложными становятся предложные конструкции. Во французском языке один предлог может использоваться в широком диапазоне значений, тогда как в русском языке изменение значения часто сопровождается изменением падежа:

«в университете – в университет – из университета – к университету».

В данном случае учащийся должен учитывать одновременно предлог, падеж и пространственное значение. Поэтому механическое запоминание соответствий между французскими и русскими предлогами оказывается недостаточным.

Другой существенной трудностью является категория грамматического рода. Во французском языке представлены мужской и женский род, тогда как русский язык имеет три рода – мужской, женский и средний. Кроме того, род одного и того же понятия в русском и французском языках может не совпадать:

новый стол; новая книга; новое окно.

Здесь учащемуся необходимо учитывать одновременно род, число и падеж существительного, а также соответствующие характеристики зависимых слов.

Еще хочется отметить, что хоть и французский язык располагает различными временными и аспектуальными средствами, все же они не совпадают с русской системой видового противопоставления. В результате учащемуся бывает сложно понять, почему русский язык требует выбора между двумя глаголами, которые первоначально кажутся ему почти одинаковыми.

Например: «*Я читал книгу* – внимание направлено на процесс или факт деятельности. *Я прочитал книгу* – действие представлено как завершённое.»

Таким образом, вид связан не просто со временем действия, а со способом его представления говорящим. Именно поэтому обучение этой категории требует опоры на реальные речевые ситуации.

Так, грамматический уровень характеризуется ещё большей структурной дистанцией: падежная система, категория среднего рода, согласование, глагольный вид, предложное управление и безличные конструкции требуют перестройки привычных способов выражения грамматических отношений.

Проведённый краткий анализ показывает, что основные трудности возникают там, где русская система существенно расходится с французской, поэтому преподавание русского языка данной аудитории должно учитывать не только общие закономерности обучения иностранному языку, но и специфику французского языка. Поэтому тут важным принципом является сопоставительный подход. Обучающемуся необходимо объяснять не только русское правило, но и его отличие от французской модели.

Список использованных источников

1. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для вузов М.: Высшая школа, 2003. - С.154.

FEATURES OF LEARNING RUSSIAN BY NATIVE FRENCH SPEAKERS

E.A. Serdyuk

Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

The relevance of the study is due to the significant differences in the phonetic, grammatical, lexical and syntactic systems of the Russian and French languages, which become a source of interlanguage interference.

Keywords: Russian, French, interlanguage interference, language transfer, phonetics, grammar, vocabulary.

УДК 37

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ ВТОРОГО ЯЗЫКА

Е.А. Сердюк

Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия

Цель настоящей статьи заключается в обобщении основных положений психологии в изучении второго иностранного языка и выявлении факторов, которые оказывают на это наибольшее влияние.

Ключевые слова: иностранный язык, обучение, психология, мотивация, память, тревожность, индивидуальность.

Человек, приступающий к освоению нового языка, не начинает языковое развитие с нулевого уровня, к этому моменту у него уже сформированы определённые представления о структуре речи, звуковой организации языка, значении слов, грамматических категориях и правилах речевого взаимодействия. И получается, что приобретение второго языка происходит в условиях уже сформированного языкового и когнитивного опыта.

Особенность второго языка заключается в том, что новая информация поступает в уже организованную когнитивную систему, например, человек, владеющий русским языком и начинающий изучать английский, уже обладает представлением о том, что существуют существительные, глаголы, времена, категории числа, порядок слов и различные способы выражения отношений между участниками ситуации. Но все же конкретная организация этих категорий в английском языке может существенно отличаться от русской, поэтому изучающий должен одновременно использовать имеющийся опыт и научиться перестраивать его в соответствии с закономерностями новой языковой системы.

Тут важнейшим механизмом является перенос знаний из первого языка, при чем, может он быть как положительный так и отрицательный: первый тип возникает тогда, когда структура первого языка способствует освоению второго языка, а второй тип (отрицательный перенос, или интерференция), проявляется тогда, когда человек переносит привычную для родного языка модель в контекст второго языка, где она оказывается неправильной. Интерференция может проявляться на разных уровнях: в произношении, выборе слов, построении предложения, употреблении грамматических форм и даже в особенностях речевой прагматики.

При этом влияние первого языка не является односторонним и неизменным, а по мере повышения уровня владения вторым языком происходит постоянная перестройка связей между двумя языковыми системами, то есть, человек учится различать ситуации, в которых необходимо активировать одну систему, а в каких – другую.

Одним из центральных понятий психолингвистики второго языка является билингвизм, что в широком смысле означает способность человека использовать два языка, однако фактическая организация этой способности может существенно различаться у разных людей.

Классическим является подход, в котором принято различать одновременное, рецептивное и последовательное билингвальное развитие. При одновременном билингвизме ребёнок с раннего возраста регулярно сталкивается с двумя языками; при рецептивном билингвизме предполагается относительно хорошее понимание второго языка при более ограниченной способности активно на нём говорить; при последовательном развитии второй язык начинает систематически осваиваться после того, как первый язык уже достиг определённой степени сформированности.

Одним из наиболее интересных проявлений билингвизма является использование элементов двух языков в рамках одного разговора. В детской речи это может проявляться особенно заметно, ведь ребёнок может употреблять слово одного языка внутри высказывания на другом языке или менять язык в зависимости от собеседника и ситуации.

Ранее подобное поведение иногда интерпретировалось как свидетельство того, что ребёнок не способен разделять языки, но уже ссовременные психолингвистические представления позволяют относиться к такому явлению значительно осторожнее, так как языковое смешение само по себе не свидетельствует о языковой путанице или нарушении развития. Оно может быть естественным следствием того, что две языковые системы одновременно представлены в речевой деятельности. Исходя из этого, необходимо различать кодовое переключение и случайное смешение языковых элементов: кодовое переключение представляет собой изменение используемого языка в зависимости от собеседника, темы, ситуации или коммуникативной задачи, например, билингв может использовать один язык при обсуждении профессиональной темы, а другой – в бытовом общении. В некоторых случаях переключение становится средством выражения социальной идентичности, эмоционального оттенка или принадлежности к определённой группе.

Для психолингвистики это явление имеет особое значение, поскольку показывает, что билингвальное сознание должно не только хранить языковые знания, но и управлять их активацией. Человеку необходимо определить, какой языковой ресурс наиболее уместен в конкретной ситуации, подавить конкурирующий вариант и выбрать нужную лексическую или грамматическую форму.

Следовательно, наличие двух языков увеличивает сложность языковой обработки, но одновременно создаёт условия для развития специфических механизмов когнитивного контроля. Именно поэтому вопрос о когнитивных последствиях билингвизма нельзя свести к простой формуле «два языка лучше одного» или «два языка создают дополнительную нагрузку», но в действительности билингвизм одновременно создаёт дополнительные требования к обработке информации и предоставляет человеку богатый опыт постоянного управления языковыми системами.

И для успешного приобретения нового языка необходимо не только получать языковую информацию, но и удерживать её, сравнивать с уже известными структурами, извлекать из памяти и применять в новых условиях. В этом смысле одним из центральных механизмов является память. Сам факт многократного прочтения слова не гарантирует его последующего активного использования. Для формирования устойчивого языкового навыка необходимо неоднократно пытаться самостоятельно воспроизвести нужное слово или конструкцию, в этом смысле активное извлечение языкового материала из памяти является важнейшим компонентом обучения. Также важный момент, что когда языковой материал повторяется не только в течение одного занятия, но и через определённые промежутки времени, увеличивается вероятность его долговременного

закрепления. Такой принцип особенно эффективен для лексики и грамматических форм.

Важнейшим ресурсом является рабочая память, позволяющая временно удерживать информацию и оперировать ею в процессе понимания и построения высказывания: при разговоре на втором языке человеку одновременно приходится удерживать содержание мысли, выбирать слова, контролировать грамматику, отслеживать реакцию собеседника и планировать продолжение высказывания, поэтому на начальных этапах речевая деятельность может требовать значительных когнитивных ресурсов.

По мере автоматизации отдельных языковых операций когнитивная нагрузка постепенно уменьшается, и если человек уже автоматически узнаёт часто употребляемое слово или грамматическую конструкцию, ему не приходится каждый раз сознательно анализировать её структуру, а освободившиеся когнитивные ресурсы могут использоваться для более сложных задач – планирования содержания, аргументации и поддержания взаимодействия.

Несмотря на существование общих закономерностей, люди значительно различаются по скорости и характеру приобретения второго языка, и первопричиной тут являются индивидуальные когнитивные особенности, включая объём рабочей памяти, способность концентрировать внимание, скорость обработки информации и особенности долговременного запоминания.

Однако когнитивные способности не исчерпывают объяснение индивидуальных различий. Важнейшую роль играют мотивация, эмоциональное состояние, самоэффективность и языковая тревожность. Человек, который убеждён в собственной способности освоить язык, с большей вероятностью продолжает практиковаться после ошибок и воспринимает трудности как часть процесса обучения. И напротив, чрезмерная тревожность может затруднять использование уже имеющихся языковых знаний: во время устной коммуникации учащийся может одновременно контролировать содержание речи, грамматику, произношение и реакцию собеседника, а если к этому добавляется страх ошибки или негативной оценки, часть когнитивных ресурсов расходуется на самоконтроль, что может снижать эффективность речевой обработки.

Именно поэтому второй язык целесообразно рассматривать не как внешнее дополнение к уже существующей языковой системе, а как новый компонент общей когнитивно-языковой организации человека. Его приобретение представляет собой длительный процесс формирования и перестройки психолингвистических механизмов, результат которого зависит от взаимодействия языкового опыта, когнитивных ресурсов, эмоционально-мотивационных факторов и качества социальной среды.

Список использованных источников

1. Ктросская ИИ. Некоторые вопросы методики обучения второму иностранному языку. М., 1970. 220 с.

PSYCHOLINGUISTIC FOUNDATIONS OF SECOND LANGUAGE ACQUISITION

E.A. Serdyuk

Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

The aim of this article is to summarize the main provisions of psychology in the study of a second foreign language and to identify the factors that have the greatest influence on this process.

Keywords: foreign language, education, psychology, motivation, memory, anxiety, individuality.

УДК 37

МЕТОДЫ И СТРАТЕГИИ КОРРЕКЦИИ ОШИБОК УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

А.С. Середа

Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия

Статья посвящена проблеме коррекции ошибок учащихся в процессе обучения английскому языку: рассматриваются основные виды ошибок, возникающих в устной и письменной речи школьников, а также методы их предупреждения и коррекции.

Ключевые слова: обучение, английский язык, ошибки, коррекция, грамматика.

В процессе изучения английского языка учащиеся постоянно выдвигают гипотезы относительно функционирования языка или сопоставляют новые языковые явления с уже известными, и поэтому появление ошибок закономерно. Но в этом смысле ошибка должна рассматриваться не исключительно как показатель неусвоения материала, а как источник диагностической информации.

К примеру, особое значение имеет различение характера ошибок. В практической методике целесообразно отделять случайные оговорки от ошибок, свидетельствующих о недостаточном усвоении изученного материала, а также от попыток учащегося использовать языковую конструкцию, с которой он еще не знаком.

Случайная оговорка может возникнуть вследствие невнимательности, волнения или высокой скорости речи, и, как правило, учащийся способен самостоятельно исправить ее после соответствующего сигнала учителя. А вот ошибка в собственном смысле слова возникает тогда, когда школьник неправильно

использует уже изученную языковую конструкцию, но не может самостоятельно восстановить правильный вариант. В то же время учащиеся могут предпринимать попытки использовать языковые средства, которые еще не были изучены или недостаточно освоены. В последнем случае механическое исправление не всегда является педагогически оправданным, поскольку учащийся фактически экспериментирует с языком.

Такое разграничение имеет непосредственное практическое значение. Один и тот же способ коррекции не может быть одинаково эффективным для всех типов ошибок, поэтому если школьник способен самостоятельно исправить ошибку после небольшого сигнала, целесообразно предоставить ему такую возможность, но, если же учащийся не владеет необходимым правилом, тут уже необходимо организовать дополнительное объяснение и тренировку.

Таким образом, коррекция должна быть дифференцированной. Исходя из этого, исправление ошибок во многом определяется тем, когда и каким образом учитель вмешивается в речевую деятельность учащегося, следовательно, важен выбор между непосредственной и отсроченной коррекцией.

Непосредственная коррекция предполагает исправление ошибки практически сразу после ее появления. Данный подход особенно целесообразен на этапе введения и первичного закрепления нового языкового материала: когда учащиеся только начинают осваивать определенную грамматическую структуру, важно сформировать правильный образец ее употребления, но если неправильная форма многократно воспроизводится без коррекции, существует вероятность ее закрепления в речевой практике. Например, при изучении конструкции «used to» учащийся может сказать: «I use to play tennis when I was a child.» И если данная структура только что была представлена и отрабатывается в тренировочном упражнении, своевременное обращение внимания на отсутствие окончания в «used» позволяет сразу закрепить правильную форму: «I used to play tennis when I was a child»

Однако непосредственное исправление не должно становиться универсальной стратегией, потому что также в ходе свободного говорения постоянное вмешательство учителя способно нарушить коммуникативное намерение учащегося. Школьник начинает концентрироваться не на содержании своего высказывания, а на страхе допустить очередную ошибку, и, в результате, снижается речевая активность, появляется неуверенность и учащийся может избегать сложных конструкций. Поэтому при выполнении коммуникативных заданий, дискуссиях, монологических высказываниях и других видах свободной речи часто более продуктивной оказывается отсроченная коррекция, то есть, так, что учитель фиксирует типичные ошибки во время выполнения задания, не прерывая учащегося, а затем возвращается к ним после завершения речевой деятельности. И вот уже такой подход позволяет одновременно сохранить естественность общения и обратить внимание класса на наиболее значимые языковые затруднения.

Итогом, выбор времени коррекции, таким образом, должен зависеть прежде всего от цели деятельности: если основная задача упражнения заключается в отработке конкретной грамматической структуры, точность является приоритетной, и непосредственная коррекция может быть необходимой; если же

упражнение направлено на развитие беглости речи и коммуникативной инициативы, чрезмерная коррекция в процессе говорения становится нежелательной.

Не менее важен вопрос о форме подачи коррекции. Ошибку необязательно сразу исправлять путем предоставления готового правильного варианта, к примеру, более продуктивной стратегией во многих случаях является создание условий для самостоятельного исправления, то есть, то, что учитель может использовать различные сигналы: интонацию, паузу, выражение лица, жест, повтор части предложения с вопросительной интонацией или краткое указание на языковую категорию.

Но если в процессе обучения ученик постоянно получает готовое исправление от учителя, он может привыкнуть воспринимать педагога как единственный источник контроля, из-за чего после окончания урока или обучения способность самостоятельно оценивать собственную речь может оставаться недостаточно развитой. То есть, в этом случае именно самокоррекция предполагает формирование у учащихся навыка анализа собственной речевой деятельности. Для этого учителю необходимо постепенно приучать школьников задавать себе вопросы, к примеру: «правильно ли выбрано время, необходим ли артикль, правильно ли построен порядок слов»?

Коррекция ошибок не должна ограничиваться взаимодействием «учитель – ученик». В этом смысле значительный педагогический потенциал имеет организация взаимной проверки и коллективного анализа. В этом случае, парная работаа учит распределить ответственность между учащимися, как например, каждому ученику можно предложить несколько предложений с типичными ошибками, после чего партнер должен определить, в чем заключается проблема, предложить исправление и объяснить соответствующее правило. Затем учащиеся меняются ролями. А особенно эффективным такой прием становится тогда, когда материал основан на реальных ошибках самих школьников: учащиеся получают возможность работать не с абстрактными примерами из учебника, а с языковыми затруднениями, которые действительно возникли в ходе их собственной деятельности.

Особенно наглядно эффективность систематической коррекции проявляется при обучении грамматике.

Для организации практической работы целесообразно выбирать грамматический материал, который вызывает у учащихся устойчивые трудности. К примеру, учащимся можно предложить дополнить предложения необходимыми формами глаголов:

«If I ___ enough time, I would join the school club.

If they had left earlier, they ___ the train.»

После выполнения задания учитель анализирует типичные ошибки. Одни учащиеся могут смешивать формы, другие – использовать неправильное время в придаточном предложении. Или прочие ошибки.

После диагностического этапа учащимся предлагается самостоятельно проанализировать собственные ответы. Учитель может использовать минимальные подсказки, например, указать на номер условного предложения или спросить, относится ли ситуация к настоящему, будущему или прошлому. И уже если

школьник не может самостоятельно определить ошибку, то тут и организуется то самое коллективное обсуждение.

Значимым компонентом становится повторная проверка. После проведения коррекционной работы учащимся предлагается аналогичное задание, однако предложения и коммуникативный контекст должны отличаться от первоначального. Это все может помочь установить, действительно ли учащиеся усвоили принцип употребления конструкции, а не просто запомнили предыдущие ответы.

Получается, что подобная организация имеет важное методическое преимущество: она создает замкнутый цикл «диагностика – анализ – коррекция – повторная проверка», благодаря чему работа над ошибками становится управляемым педагогическим процессом.

Подытожив, коррекционная работа будет наиболее результативной при соблюдении нескольких общих принципов. И прежде всего, необходимо учитывать цель конкретного задания, поэтому не следует одинаково исправлять ошибки во время тренировки грамматического материала и в процессе свободного общения. Важно также различать существенные и второстепенные ошибки, потому что при ограниченном времени педагог должен концентрироваться на тех нарушениях, которые непосредственно связаны с изучаемым материалом или существенно влияют на понимание высказывания.

Следует постепенно увеличивать долю самокоррекции. На начальном этапе учитель может активно направлять учащегося, однако по мере формирования навыка количество подсказок должно сокращаться. Также важным является использование разнообразных форм работы: индивидуальной, парной и групповой.

Наконец, коррекция должна носить поддерживающий характер, поэтому основная задача учителя заключается не в том, чтобы постоянно фиксировать недостатки, а в том, чтобы помочь учащемуся научиться самостоятельно контролировать и совершенствовать собственную речь.

Список использованных источников

1. Меркулова С. Г. Современные подходы к исправлению ошибок в устной речи при изучении английского языка // Английский язык. Приложение к газете "Первое сентября". - 2002. - № 45. - С. 5.

METHODS AND STRATEGIES FOR CORRECTING STUDENTS' ERRORS IN ENGLISH LANGUAGE LEARNING

A.S. Sereda

Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

The article is devoted to the problem of correcting students' errors in the process of learning English: the main types of errors that arise in schoolchildren's oral and written speech, as well as methods for preventing and correcting them, are examined.

Keywords: learning, English language, errors, correction, grammar.

УДК 37

ВНУТРИШКОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

А.С. Середа

Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия

Рассматривается внутришкольное управление как один из ключевых факторов развития современной образовательной организации.

Ключевые слова: внутришкольное управление, образовательная организация, школа, управление образовательным процессом.

Изменяются требования к качеству образования, содержание образовательных программ, формы организации учебной деятельности, методы педагогического взаимодействия и требования к профессиональным компетенциям педагогических работников, поэтому одновременно возрастает роль образовательной организации как самостоятельного субъекта, способного определять направления собственного развития и принимать решения с учётом конкретных условий своей деятельности.

В этом смысле внутришкольное управление традиционно рассматривается как важная составляющая деятельности руководителя образовательной организации.

Школу нельзя рассматривать исключительно как учреждение, выполняющее набор нормативно закреплённых функций – она является сложной социальной системой, в которой взаимодействуют люди, образовательные программы, организационные структуры, ресурсы, технологии и социальная среда.

Ключевой особенностью образовательной организации является наличие множества субъектов: руководители, педагогические работники, обучающиеся, родители и иные участники образовательных отношений. И каждый субъект обладает собственными потребностями, интересами, целями и возможностями.

Кроме того, школа является открытой системой, которая может испытывать воздействие внешней среды:

- нормативные требования;
- социальные факторы;
- демографические процессы;
- развитие информационных технологий;
- изменения профессионального рынка;
- потребности обучающихся и их семей;
- особенности конкретного региона и социальной среды.

В результате образовательная организация должна постоянно адаптироваться к изменяющимся условиям.

Поэтому методологической основой эффективного внутришкольного управления выступает системный подход. Его значение определяется необходимостью рассматривать образовательную организацию как целостную систему,

состоящую из взаимосвязанных элементов. Такой подход позволяет избежать ситуации, при которой отдельные управленческие решения принимаются без учета их возможного влияния на другие направления деятельности школы. В этой структуре это два взаимосвязанных направления:

1) Первое связано непосредственно с управлением образовательным процессом, то есть с организацией обучения и воспитания, планированием образовательной деятельности, обеспечением достижения образовательных результатов, контролем качества и последующей корректировкой педагогических процессов.

2) Второе направление связано с управлением школьным коллективом, включающим педагогов, обучающихся и в определенной степени родителей как участников образовательных отношений.

Таким образом, объектами внутришкольного управления выступают одновременно образовательный процесс и люди, которые его реализуют и в нем участвуют.

Получается, что системное понимание управления предполагает, что образовательная организация должна рассматриваться одновременно как единое целое и как совокупность взаимосвязанных подсистем: управление педагогическим коллективом, например, не может быть отделено от управления образовательным процессом, поскольку профессиональное состояние педагогов непосредственно отражается на качестве обучения, и также, в свою очередь, качество образовательного процесса влияет на репутацию школы, удовлетворенность родителей и обучающихся, мотивацию педагогов и перспективы дальнейшего развития организации.

Но одной из важнейших особенностей образовательной организации является то, что ее деятельность непосредственно связана с человеческим фактором, поэтому в отличие от технических систем, эффективность школы невозможно обеспечить исключительно посредством регламентов, инструкций и организационных механизмов. Центральное значение имеют именно профессиональная мотивация педагогов, их готовность к сотрудничеству, отношение к изменениям, уровень ответственности и возможности для профессиональной самореализации.

В этом коннекте, педагогический коллектив является не просто ресурсом образовательной организации, а ее активной подсистемой, так как именно педагоги реализуют образовательные программы, взаимодействуют с обучающимися и родителями, участвуют в разработке и реализации инноваций. Именно поэтому управление коллективом должно быть ориентировано не только на контроль исполнения обязанностей, но и на создание условий для профессионального роста.

Особое значение приобретает характер отношений между руководителем и педагогами, и в этом смысле, авторитарная модель управления, основанная преимущественно на административном давлении, способна обеспечить формальное выполнение распоряжений, однако не всегда способствует развитию инициативы и ответственности работников. И вот уже напротив, атмосфера доверия, открытости и профессионального сотрудничества создает условия для более активного участия педагогов в развитии образовательной организации.

Рассмотрение внутришкольного управления с позиций системного и функционального подходов позволяет определить его не только как механизм поддержания текущей деятельности, но и как важнейший фактор развития образовательной организации, где управление становится развивающим тогда, когда оно создает условия для качественного изменения образовательных процессов, профессионального роста педагогов, повышения самостоятельности участников образовательной деятельности и совершенствования организационной культуры.

Важным условием является согласование целей развития с возможностями конкретной школы, поэтому универсальных управленческих решений не существует, поскольку каждая образовательная организация обладает собственной структурой, кадровым составом, историей развития, особенностями контингента обучающихся и характером взаимодействия с окружающей средой, поэтому управление должно учитывать специфику организации и основываться на объективном анализе ее состояния.

Развивающее управление предполагает также формирование у образовательной организации способности к самоизменению: школа должна не только выполнять внешние требования, но и самостоятельно анализировать собственную деятельность, выявлять направления совершенствования и инициировать необходимые изменения. В этом смысле важнейшим результатом эффективного управления становится не только достижение конкретных показателей, но и повышение внутреннего потенциала образовательной организации.

Таким образом, внутришкольное управление может рассматриваться как фактор развития при условии, что оно объединяет стратегическое планирование и оперативное управление, контроль и поддержку, ответственность и доверие, стабильность и способность к изменениям, но славной целью – не просто сохранение существующего состояния школы, а создание условий для ее последовательного перехода к более высокому уровню качества.

Список использованных источников

1. Крыжко В.В.,. Психология в практике менеджера образования / В.В. Крыжко, Е.М. Павлютенков. - СПб.: КАРО, 2001. - 304 с.

2. Лазарев В.С. Системное развитие школы / В.С. Лазарев. - М.: Педагогическое общество России, 2003. - 304 с.

INTERNAL SCHOOL MANAGEMENT AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION

A.S. Sereda

Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

The paper examines internal school management as one of the key factors in the development of a modern educational organization.

Keywords: internal school management, educational organization, school, management of the educational process.

УДК 372.8

ЗНАЧЕНИЕ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А.С. Смирнова[1], Е.Ю. Гудкова[2]

[1]Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, г. Биробиджан, Россия,
[2]Частое общеобразовательное учреждение «РЖД лицей №19», г. Облучье, Россия

В статье рассматривается опыт организации работы с талантливыми учащимися в РЖД лицее № 19 (г. Облучье), направленной на развитие интереса школьников к инженерно-технической деятельности и железнодорожным профессиям. Обосновывается актуальность профориентации и формирования инженерных компетенций в условиях дефицита квалифицированных технических кадров. Особое внимание уделяется проекту «Инженерные каникулы» как эффективной форме внеурочной деятельности, обеспечивающей непрерывность образовательного процесса и интеграцию научных знаний в практическую и игровую деятельность.

Ключевые слова: инженерные каникулы, инженерное образование, одарённые дети, техническое творчество, профессиональная ориентация.

Одна из основных задач современного российского образования – это разветвленная система поиска и поддержки талантливых детей, их сопровождения в течение всего периода становления личности. Сегодня талантливый подросток – завтра будущее нашей страны.

Частое общеобразовательное учреждение «РЖД лицей №19» (далее РЖД лицей №19) является опорной школой открытого акционерного общества «Российские железные дороги» и планомерно ведет работу с талантливыми учащимися в области математики и физики. За время работы школы сложилась определенная система по выявлению одаренных детей и их сопровождению с 5 по 11 класс.

Одной из задач школы является вовлечение учащихся в научно-исследовательскую деятельность. Ежегодно в школе проводятся олимпиады, интеллектуально-познавательные игры, конкурсы, соревнования. В течение учебного года работают творческие объединения юных математиков и железнодорожников по подготовке учащихся к производственной практике на дальневосточной детской железной дороге (г. Хабаровск). Чтобы процесс работы с одаренными детьми был непрерывным и увлекательным, необходимо продолжать занятия и во время каникул. Проанализировав работу летнего школьного лагеря, опыт инженерных каникул других школ, изучив запросы родителей и учащихся, можно сделать вывод, что необходимо регулярно проводить научную смену в рамках профильного отряда, так как особенно важно поддерживать интерес к научной деятельности в неформальной, внеурочной обстановке, интегрируя научные знания в игровую деятельность.

В настоящее время одной из проблем является нехватка трудовых ресурсов, в том числе специалистов технического профиля, инженеров и строителей. Компания открытого акционерного общества «Российские железные дороги» (далее ОАО «РЖД») – не исключение, она также остро нуждается в квалифицированных инженерных кадрах.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1] инженерное образование является приоритетным. Современный инженер должен обладать следующими компетенциями: самостоятельность мышления; гибкость мышления, владение методами сравнения, анализа, синтеза; наличие абстрактного мышления; развитое пространственное мышление; оперативность (умение решить задачу в различных, в том числе нестандартных, условиях, или при ограничениях во времени). Термин «инженер» означает в переводе с латинского «способности», «изобретательность», то главнейшим качеством инженера является способность к творчеству [3].

Современный выпускник должен уметь использовать приобретенные в школе и в течение всей жизни знания, умения и навыки для решения жизненных задач во всех сферах человеческой деятельности, то есть быть функционально грамотным. Опыт учителей физики и математики по подготовке современного выпускника показывает, что изучение предмета со стороны заучивания, решения шаблонных учебных задач, а также конкретизации условий задач и вопросов зачастую приводит учащихся к непониманию, как в реальной жизни можно использовать полученные в ходе обучения знания, умения и навыки, что снижает уровень функциональной грамотности. Постоянное появление новых технологий требует непрерывного технологического образования, причём на всех уровнях образования: в общеобразовательной школе, в учреждениях среднего профессионального образования, в вузах, на курсах переподготовки и повышения квалификации.

Подготовка инженерных кадров закладывается с дошкольного возраста. Формирование элементарных инженерных компетенций плавно перетекает в школьное образование. Особый интерес для подготовки инженера представляют такие предметы, как физика и математика, в рамках которых продолжают формироваться базовые знания, умения и навыки инженерных кадров. Способность использовать свои знания и умения для полноценного функционирования в реальной жизни является показателем современного школьного образования [2].

Последние несколько лет в Дальневосточном государственном университете путей сообщения наблюдается дефицит абитуриентов на инженерные специальности, данная тенденция продолжает быть актуальной и сейчас. Поэтому перед руководителями Дальневосточной железной дороги остро стоит вопрос обеспечения высококвалифицированными кадрами железнодорожных предприятий Дальневосточного федерального округа. На данной территории помимо трех лицеев ОАО «РЖД» ориентацией школьников на железнодорожные профессии занимаются 20 опорных школ, их задача обеспечить абитуриентами ведущий дальневосточный ВУЗ путей сообщения. Каникулы – прекрасная

возможность, отходя от урочной системы прививать школьникам любовь к инженерным специальностям.

Инженерное образование и техническое творчество детей и молодёжи обозначено наивысшим государственным политическим приоритетом, определяющим успешность реализации задачи опережающего технологического развития России. Это же является одной из главных задач для кадрового обеспечения компании ОАО «РЖД». Для популяризации инженерных специальностей среди обучающихся в РЖД лицеях и опорных школах стали организовываться и проводится очные мероприятия и интенсивы для школьников «Инженерные каникулы».

Инженерные каникулы представляют собой организацию учебного процесса учащихся во время школьных каникул, направленную на развитие инженерного творчества, технических компетенций и исследовательских способностей посредством участия в практических проектах, мастер-классах и интерактивных занятиях технической направленности.

Основная цель инженерных каникул заключается в повышении интереса школьников к естественным наукам, математике, физике, информатике и другим дисциплинам естественно-научного цикла, а также развитии у детей творческого подхода к решению прикладных задач.

Во время инженерных каникул учащиеся могут заниматься разнообразными видами деятельности:

1. Проектирование: разработка собственных проектов в области робототехники, электроники, программирования и дизайна.

2. Практические занятия: сборка конструкций, проведение экспериментов, работа с инструментами и материалами.

3. Мастер-классы: знакомство с новыми технологиями и методами проектирования от специалистов-практиков.

4. Исследовательская деятельность: изучение основ науки и техники, подготовка научных докладов и презентаций.

5. Соревнования и конкурсы: участие в тематических соревнованиях и олимпиадах среди сверстников.

6. Экскурсии и выездные мероприятия: посещение промышленных предприятий, научно-технических музеев, лабораторий университетов и технологических центров.

Инженерные каникулы позволяют детям развиваться вне рамок традиционного школьного образования, прививая интерес к технике и науке, развивая креативность, критическое мышление и навыки командной работы. Это способствует подготовке будущих инженеров и исследователей, способствующих развитию экономики страны.

Список использованных источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL:

https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/ (Дата обращения 30.07.2026)

2. Алексеевнина А. К. К вопросам непрерывного образования инженерных кадров: необходимость формирования функциональной грамотности школьников на уроках физики и математики / А. К. Алексеевнина // Инженерное образование. – 2022. – № 32. – С. 7 – 16.

3. Плюснина Е. С. Необходимость математических навыков для формирования компетенций при получении инженерного образования / Е. С. Плюснина // Актуальные вопросы образования. – 2020 – № 3. С. 32 – 34.

THE IMPORTANCE OF ENGINEERING EDUCATION IN MODERN SOCIETY

A.S. Smirnova[1], E.Yu. Gudkova[2]

[1]Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russia,
[2]Private general education institution «Russian Railways Lyceum № 19», Obluchye, Russia

This article examines the experience of organizing work with talented students at Russian Railways Lyceum No. 19 (Obluchye), aimed at developing their interest in engineering and railway professions. It also explores the relevance of career guidance and the development of engineering competencies in the context of a shortage of qualified technical personnel. Particular attention is paid to the «Engineering Vacations» project as an effective form of extracurricular activity that ensures the continuity of the educational process and the integration of scientific knowledge into practical and playful activities.

Keywords: engineering holidays, engineering education, gifted children, technical creativity, career guidance.

УДК 159.94

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНФЛИКТЕ

Л.В. Сурженко, А.С. Мартыненко

Кубанский институт профессионального образования, г. Краснодар, Россия

В статье представлен анализ взаимосвязи эмоционального интеллекта и поведения личности в конфликте. Доказано, что чем выше уровень эмоционального интеллекта, тем более конструктивные и зрелые стратегии выбирают старшеклассники в конфликтной ситуации.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, конфликт, стратегия поведения, старшеклассники.

В настоящее время педагогические конфликты становятся всё более распространённым явлением. Современная образовательная среда характеризуется повышенным уровнем конфликтности как между учащимися, так и между учениками и педагогами. Негативные последствия конфликтов проявляются как на уровне учебного процесса (снижение общей успеваемости, нарушение дисциплины, ухудшение психологического климата), так и на уровне личности ученика (повышение тревожности, снижение мотивации к обучению, нарушение межличностных отношений) и личности педагога (эмоциональное выгорание, снижение эффективности педагогической деятельности, ухудшение здоровья) [3,4].

Одним из самых практичных инструментов для понимания динамики конфликтов является модель Томаса–Килманна. Основой этой модели являются два основных параметра: напористость (или самоутверждение) – акцент на защите собственных интересов и достижении личных целей; кооперация (или внимание к другим) – учёт интересов оппонента, вовлечённого в конфликт. На пересечении этих измерений модель выделяет пять основных стратегий поведения в конфликте: соперничество (конкуренция) – высокая напористость, низкая кооперация; приспособление – высокая кооперация, низкая напористость; избегание (уклонение) – низкая напористость и низкая кооперация; компромисс – средний уровень напористости и кооперации; сотрудничество – высокая напористость и высокая кооперация. Каждая из стратегий эффективна в определённых ситуациях, и данная модель помогает определить, насколько поведение человека в конфликте целесообразно.

Ключевым фактором конструктивного разрешения конфликтных ситуаций выступает эмоциональный интеллект [1].

С точки зрения модели эмоционального интеллекта Д.В. Люсина, способность к пониманию и управлению своими и чужими эмоциями напрямую связана с выбором стратегии поведения в конфликте. Развитые внутриличностный и межличностный компоненты эмоционального интеллекта позволяют личности более осознанно подходить к конфликту, склоняясь к сотрудничеству или компромиссу, в то время как дефицит этих способностей часто приводит к доминированию, избеганию или пассивному приспособлению [2].

Целью данного исследования является выявление и анализ взаимосвязи между уровнем развития эмоционального интеллекта личности и особенностями ее поведения в конфликтных ситуациях.

Исследование проводилось на базе общеобразовательной школы. В качестве испытуемых выступили учащиеся 9–11 классов в возрасте от 14 до 18 лет. Для диагностики уровня эмоционального интеллекта использовался опросник ЭмИн, разработанный Д. В. Люсиным. Оценку стратегий поведения в конфликтной ситуации осуществляли с помощью методики Томаса–Килманна.

Полученные результаты отчётливо демонстрируют связь между уровнем эмоционального интеллекта и характером поведения в конфликтной ситуации.

Подростки с высоким уровнем ЭИ значимо чаще выбирают конструктивные стратегии: сотрудничество (8,7) и компромисс (8,7). Это объясняется тем, что развитая способность понимать свои и чужие эмоции, а также управлять ими позволяет им не только осознавать собственные потребности, но и учитывать эмоциональное состояние оппонента. Они стремятся к открытому обсуждению проблемы, ориентированы на долгосрочное сохранение отношений и находят решения, максимально удовлетворяющие обе стороны. Низкий показатель соперничества (3,0) и избегания (4,2) подтверждает их нежелание ни подавлять другого, ни уходить от проблемы.

Подростки с низким уровнем ЭИ, напротив, демонстрируют склонность к непродуктивным стратегиям: избеганию (7,4) и соперничеству (7,1). Недостаток понимания собственных эмоций и неумение управлять ими приводят к тому, что в конфликте они либо пытаются продавить свою позицию, не считаясь с чувствами других, либо уклоняются от столкновения из-за неспособности справиться с эмоциональным напряжением. Сотрудничество у них выражено минимально (3,9), так как для этой стратегии требуется высокий уровень эмпатии и саморегуляции.

Группа со средним уровнем ЭИ занимает промежуточное положение: ведущей стратегией является компромисс (7,0) при умеренном сотрудничестве (6,1) и сниженном соперничестве (5,3). Такой профиль отражает переходный характер их эмоциональных компетенций – они уже способны к частичному учёту интересов партнёра, но ещё не в полной мере владеют навыками глубокого кооперативного взаимодействия.

Для статистического подтверждения выявленных тенденций был проведен корреляционный анализ между общим показателем эмоционального интеллекта и баллами по каждой из пяти стратегий поведения в конфликте. Полученные данные статистически подтверждают гипотезу исследования. Выявлена сильная прямая корреляция между уровнем эмоционального интеллекта и стратегией сотрудничества ($r=0,72$, $p<0,01$). Это означает, что чем выше способность подростка понимать и управлять эмоциями (как своими, так и чужими), тем больше он склонен к поиску взаимовыгодных решений, основанных на доверии и открытом диалоге. Эмоциональный интеллект предоставляет необходимый когнитивный и регуляторный ресурс для удержания внимания на интересах партнера даже в условиях стресса.

Умеренная прямая связь наблюдается также со стратегией компромисса ($r=0,58$, $p<0,05$). Это говорит о том, что ЭИ способствует гибкости и готовности к переговорам, однако компромисс, будучи менее ресурсоемкой стратегией по сравнению с сотрудничеством, доступен и подросткам со средним уровнем ЭИ.

Обратная корреляция средней силы выявлена для стратегий соперничества ($r=-0,65$) и избегания ($r=-0,61$). Это свидетельствует о том, что дефицит эмоциональных компетенций компенсируется либо агрессивным давлением на оппонента (попытка контролировать ситуацию через силу, так как нет контроля над собой), либо бегством от проблемы (невозможность справиться с эмоциональным напряжением). Низкий ЭИ лишает подростка инструментов для

конструктивной переработки конфликта, вынуждая его выбирать примитивные защитные механизмы.

Отсутствие статистически значимой связи между ЭИ и стратегией приспособления указывает на то, что уступчивость может определяться не столько уровнем эмоционального развития, сколько другими факторами: особенностями темперамента, стилем семейного воспитания или текущей социальной ситуацией. Подросток с высоким ЭИ может сознательно выбрать приспособление как тактику сохранения отношений в малозначимом конфликте, а подросток с низким ЭИ – использовать его из-за страха или неуверенности. Таким образом, приспособление является наиболее амбивалентной стратегией, мотивация которой требует дополнительного качественного анализа.

Результаты исследования позволяют сделать следующие заключения:

- развитие эмоционального интеллекта способствует формированию конструктивных стратегий поведения в конфликте;
- высокий уровень ЭИ помогает в понимании эмоций участников конфликта, поиске взаимовыгодных решений, снижению эмоциональной напряженности;
- низкий уровень ЭИ приводит к импульсивным реакциям, увеличению деструктивных проявлений, сложности в поиске решений.

Данное исследование подчеркивает важность развития эмоционального интеллекта как фактора, влияющего на качество межличностного взаимодействия и способность к конструктивному разрешению конфликтов.

Список использованных источников

1. Зимина Н.А. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и стилей поведения в конфликте // Гуманизация образования. - 2020. - №3.

2. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте. В кн.: Д.В. Люсин, Д.В. Ушаков (Ред.), Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». - 2004.

3. Сурженко Л.В. Особенности проявления психологического выгорания в ценностно-смысловой сфере личности // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. - 2011. - № 3 (18). С. 171-176.

4. Сурженко Л.В. Синдром эмоционального выгорания: теоретический анализ понятия // Современные гуманитарные исследования. - 2010. - № 6 (37). - С. 237-239.

THE RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL INTELLIGENCE AND PERSONAL BEHAVIOR IN CONFLICT

L.V. Surzhenko, A.S. Martynenko

Kuban Institute of Professional Education,
Krasnodar, Russia

This article presents an analysis of the relationship between emotional intelligence and individual behavior in conflict. It has been shown that the higher the level

of emotional intelligence, the more constructive and mature strategies high school students choose in conflict situations.

Keywords: emotional intelligence, conflict, behavioral strategy, high school students.

УДК 37.014

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА РАСХОДОВ НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

М.Р. Тегетаева, Р.Б. Амбалов

Государственный технологический университет,
Северо-Кавказский горно-металлургический институт,
г. Владикавказ, Россия

В статье представлены информационно-аналитические материалы о расходах на образование к ВВП по зарубежным странам. Рассмотрены данные о государственных расходах на образование от общих государственных расходов по зарубежным странам. Авторами анализируется не только динамика расходов на образование в России, но и их структура по отдельным уровням бюджетной системы.

Ключевые слова: образование, расходы на образование, образование в России, образовательная система, бюджетные расходы.

Одним из ключевых показателей социального развития государства являются расходы на образование. Следует отметить тот факт, что именно так отражается степень внимания, уделяемого обществом образованию граждан. Финансирование в образование представляет собой инструмент увеличения человеческого капитала страны и улучшения перспектив экономического развития [1]. Получение образования дает возможность людям самореализоваться, расширяет их кругозор и способствует материальному благополучию и здоровому образу жизни [2].

Уровень национальных расходов на образование представляет собой относительную величину, которая рассчитывается как общий объём государственных и частных расходов на образование в течение календарного года, включая государственные бюджеты всех уровней, частные фонды, внешние заимствования, гранты и пожертвования от международных учреждений и неправительственных организаций.[3] Уровень расходов на образование выражается в процентах от валового внутреннего продукта (ВВП).

На рисунке 1 представлен рейтинг стран мира по уровню расходов на образование от ВВП в 2025г.

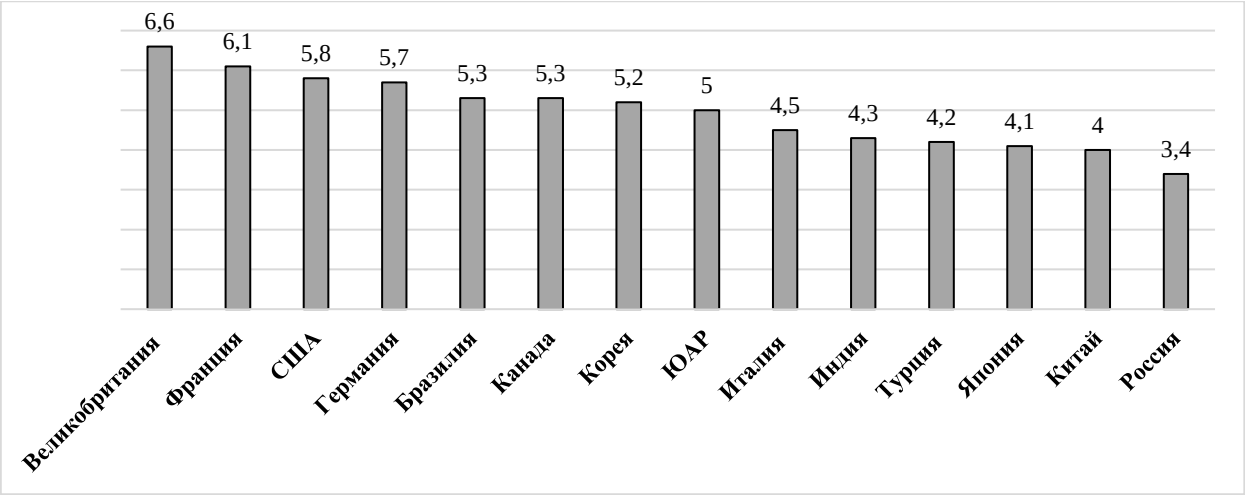

Рисунок 1 – Расходы на образование к ВВП в 2025 году по странам (в %) [4]

Анализируя данные рисунка 1, стоит отметить, что лидирующие позиции занимают Великобритания, Франция и США. Показатель рассчитывается на основе данных национальной статистики и международных организаций. Россия не вошла в десятку лидеров стран, ее показатель составляет 3,4% к ВВП. Вместе с тем, этот показатель не учитывает, насколько равномерно или неравномерно распределяются расходы на образование по различным социальным группам внутри того или иного государства, соотношение между государственными и частными расходами на образование и структуру этих расходов, а также связанные с этим факторы.

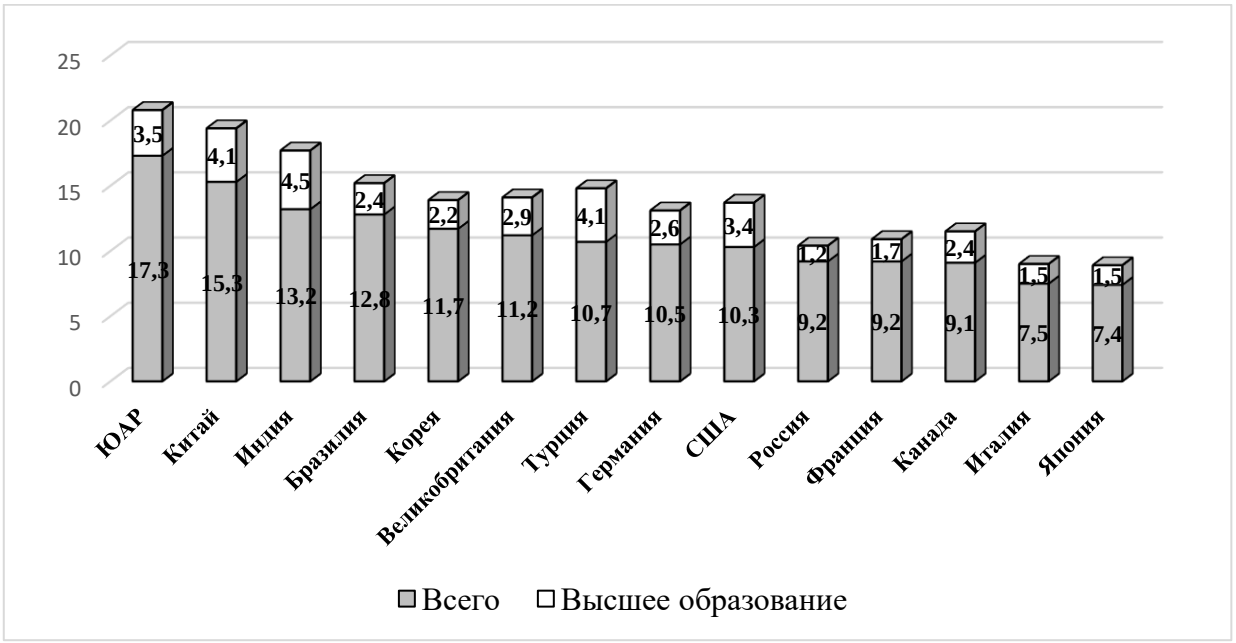

Рисунок 2 – Государственные расходы на образование от общих государственных расходов по странам в 2025 году (в %) [4]

Рейтинг стран мира по уровню государственных расходов на образование от общих государственных расходов – это сравнительный показатель, выраженный в процентах, который измеряет объём государственных расходов на образование от общих государственных расходов в странах мира. Анализируя данные рисунка 2, стоит отметить, что относительно высокие позиции ряда слаборазвитых стран связаны, как правило, с программами ликвидации массовой неграмотности населения, финансируемыми международными институтами и благотворительными организациями в этих государствах.

На рисунке 3 представлена динамика расходов на образование в России, в которой 2011 год взят за 100%.

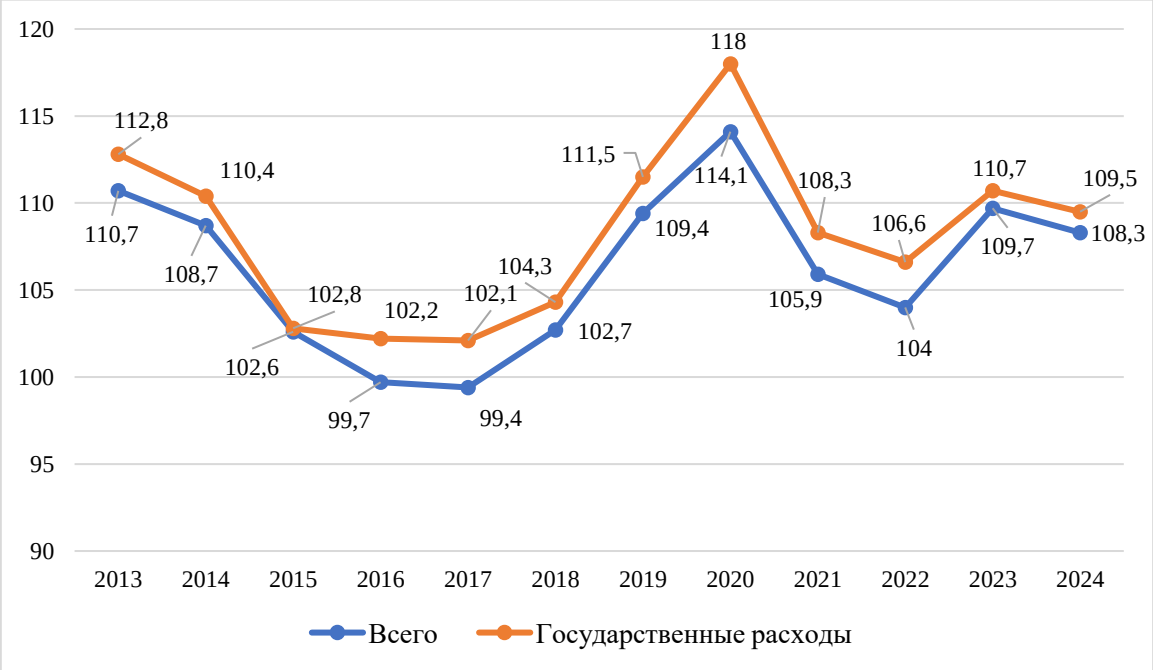

Рисунок 3 – Динамика расходов на образование в России с 2013 по 2024 гг. (в постоянных ценах) [5]

Анализируя данные рисунка 3, стоит отметить, чтобы за анализируемый период понять реальную динамику (без влияния роста цен), данные нужно приводить к ценам базового года. Базой год 2011г.

В реальном выражении после роста в 2013 г. с 2014 г вплоть до 2018-го наблюдалась стагнация, а в 2020 году произошёл небольшой подъем данных показателей. За последние годы в 2023-2024 гг. в стране наблюдается увеличение финансирования образования. Но при этом важно помнить: в абсолютных цифрах? цифры растут, но в долях от ВВП или других экономических показателей картина выглядит иначе.

Анализ таблицы 1 показал, что в целом объемы бюджетных расходов на систему образования в структуре консолидированного бюджета Российской Федерации с учетом реализуемых социальных проектов и программ увеличились за период 2000–2024 гг. на 5471,0 млрд. руб. Но при этом доля расходов на

образование в расходах консолидированного бюджета Российской Федерации выросла всего на 5,6% за исследуемый период.

Таблица 1 – Государственные расхода на образование по отдельным уровням бюджетной системы [5]

	2000	2005	2010	2021	2022	2023	2024
Федеральный бюджет:							
- млрд. руб.	38,1	162,1	442,8	1064,4	1312,3	1449,7	1616,0
- в % от расходов	3,7	4,6	4,4	4,3	4,2	4,5	4,0
Консолидированные бюджеты субъектов РФ:							
- млрд. руб.	176,6	628,6	1450,9	3897,6	4532,8	5067,1	5647,6
- в % от расходов	17,1	21,4	21,9	23,1	23,1	22,5	22,7

Роль высшего образования в жизни человека является многоаспектной и охватывает как профессиональную деятельность, так и личностное развитие, социальную адаптацию и общее качество жизни. Высшее образование не ограничивается выдачей диплома, а Высшее образование даёт фундаментальную подготовку, необходимую для работы в определённых сферах медицине, инженерии, науке, юриспруденции. Оно позволяет освоить теоретические основы и практические умения, которые способствуют формированию комплексного набора компетенций и предоставляют новые перспективы для карьерного роста и личностного самосовершенствования. Поэтому стоит разобраться, как менялись расходы по уровням образования (дошкольное, школьное, высшее, СПО и т.д.)

Таблица 2 – Государственные расходы на образование по образовательным программам в России (млрд. руб.)[5]

		2000	2005	2010	2021	2022	2023	2024	Уд.вес. %
1	Консолидированный бюджет РФ	214,7	801,8	1893,9	4690,7	5459,5	6119,7	6804,8	100
2	Дошкольное образование	32,0	113,0	321,3	1030,2	1129,2	1226,7	1332,0	19,5

		2000	2005	2010	2021	2022	2023	2024	Уд.вес, %
3	Общее образование	107,9	356,0	827,4	2021,0	2443,8	2742,6	3079,2	45,3
4	Среднее профессиональное образование	23,6	82,8	163,8	305,6	356,8	395,4	447,9	6,6
5	Высшее образование	24,4	125,9	377,8	649,7	712,0	785,8	876,3	12,9
6	Дополнительное образование	-	-	-	288,0	315,5	343,6	391,2	5,7
7	Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации	1,4	6,7	13,2	50,3	51,0	58,8	64,0	0,9
8	Прочие расходы	25,4	117,4	190,3	345,8	451,3	566,8	614,2	9,1

Анализирую данные таблицы 2, следует выделить, что наибольшая доля государственных расходов приходится на общее образование, которая составляет около 45%, причина которой кроется в длительности обучения и большего охвата населения. Далее второе место занимает дошкольное образование, удельный вес в общих расходах которого составляет около 20%, и на третьем месте расходы бюджета на высшее образование приблизительно 13%. Увеличение расходов на общее и профессиональное образование связано в последние годы с реализацией различных программ и проектов, направленных на обеспечение конкурентоспособности российского образования, повышение соответствия потребностям рынка труда.[6]

Увеличение расходов на дошкольное образование связано с введением новых мест, необходимостью их оборудования, содержания, в том числе в связи с увеличением численности соответствующего персонала.[7]

Анализ, проведенный в Российской Федерации за последние десятилетия, демонстрирует многократное увеличение расходов на образование, несмотря на экономические вызовы. Модернизационные и оптимизационные процессы, направленные на реструктуризацию системы образовательных организаций и повышение эффективности использования бюджетных средств, также не оказали значительного влияния на общий объем расходов в этой сфере. В связи с этим, достижение уровня расходов на образование в процентном соотношении к ВВП, сопоставимого со средними показателями зарубежных стран (Великобритания, Франция, США, Германия), с учетом текущего уровня образовательной системы Российской Федерации, может способствовать достижению существенного кумулятивного эффекта.

Список использованных источников

1. Хасанов, Б. М. Расходы на образование / Б. М. Хасанов // Проблемы внедрения международных стандартов аудита и учета, практика их применения в странах СНГ : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 26 февраля 2018 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – С. 555-558. – EDN WDAQCT.

2. Мустафаева, Ф. А. Расходы на образование в Российской Федерации / Ф. А. Мустафаева // Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского: Сборник тезисов участников, Симферополь, 19–26 октября 2015 года. Том 7. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2015. – С. 254-255. – EDN WJPLEX.

3. Тегетаева, М. Р. Крупные городские проекты основа социально-экономического развития региона / М. Р. Тегетаева, З. Т. Русева // Сурский вестник. – 2024. – № 2(27). – С. 84-91. – DOI 10.36461/2619-1202_2024_02_015. – EDN KVHGFM.

4. Институт статистики ЮНЕСКО. UNESCO Institute for Statistics (UIS) Электронный ресурс. Режим доступа https://data.uis.unesco.org

5. Образование в цифрах: 2025: краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.К. Озерова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 137 с. Электронный ресурс. Режим доступа: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/749756927.pdf

6. Управление и экономика, исследования, разработки: Монография (Научное издание) / К. Б. Герасимов, В. И. Абрамов, О. В. Абрамов [и др.]. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-00196-435-3.

7. Актуальные проблемы бухгалтерского учета, аудита и анализа в современных условиях: Монография (научное издание) / Н. Н. Бондина, С. Н. Алексеева, А. А. Косолапкина [и др.]. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – 349 с. – ISBN 978-5-00196-334-9. – EDN IETCMK.

COMPARATIVE ASSESSMENT OF EDUCATION EXPENDITURES IN RUSSIA AND ABROAD

M.R. Tegetaeva, R.B. Ambalov

State Technological University, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute, Vladikavkaz, Russia

The article presents information and analytical materials on education spending as a share of GDP in foreign countries. Data on government spending on education as a share of total government spending in foreign countries are examined. The authors analyze not only the dynamics of education spending in Russia but also its structure at individual levels of the budgetary system.

Keywords: education spending, spending on education, education in Russia, the education system, budget expenditures.

УДК 316.344.3

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕДАГОГА УЧРЕЖДЕНИЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

О.В. Терехова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

В статье исследуется, каким образом нормативные документы интерпретируют социально-профессиональную идентичность педагога в системе дополнительного образования детей в социологическом аспекте. Раскрыты социально-профессиональные роли и институциональные функции педагога в системе дополнительного образования детей.

Ключевые слова: социально-профессиональная идентичность, система дополнительного образования детей, педагог дополнительного образования, социально-профессиональная роль, институциональные функции.

На современном этапе государство закрепляет за дополнительным образованием детей воспитательную миссию, раскрывающуюся через формирование гражданской идентичности, традиционных ценностей, культуры здорового образа жизни подрастающего поколения, профориентацию и социализацию детей и молодёжи. Государственные задачи конкретизируются в социально-профессиональных ролях педагога и реализуются через его профессиональную деятельность. Основой профессиональной деятельности выступает социально-профессиональная идентичность педагога дополнительного образования, понимаемая как динамичный, социально конструируемый феномен. Важное значение для

формирования и актуализации этой идентичности имеют институциональные рамки, заданные стратегическими целями, а также нормативные ожидания, раскрываемые через профессиональные стандарты, должностные обязанности и требования к результатам. Это закреплено в Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 года [1] и в профессиональном стандарте «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» [2].

Ключевыми документами, задающими карту ролей педагога дополнительного образования и расширяющими границы социально-профессиональной идентичности являются «Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года» и профессиональный стандарт «Педагог дополнительного образования детей и взрослых».

Концепция формулирует цели развития дополнительного образования детей: создание условий для самореализации и развития талантов детей, воспитание высоконравственной, ответственной личности [1, с.7].

Содействуя формированию мировоззренческих установок, базовых ценностей и гражданской идентичности обучающихся, педагог осмысливает социальную значимость своего труда, оценивает вклад в развитие будущего поколения и соотносит свою практику с общественными ожиданиями и социальными функциями образования.

Положениями «Концепции» зафиксирована потребность в формировании мотивирующей образовательной среды. Её ключевая задача – создавать условия для раскрытия творческого потенциала и развития креативного мышления, способствовать выстраиванию индивидуальных образовательных траекторий. При этом профессиональная роль педагога существенно расширяется, делая приоритетным сопровождение индивидуального образовательного пути обучающегося, а не формальную передачу знаний.

Акцент «Концепции» на вариативности образовательных программ и цифровизации, с социологической точки зрения, отражает стремление системы удовлетворять образовательные потребности и ожидания различных групп обучающихся. Использование цифровых инструментов в этом контексте становится институциональным решением по снижению пространственного и социального неравенства, компенсируя дефицит инфраструктуры в отдалённых регионах и создавая альтернативные каналы доступа к образовательным возможностям. В этих условиях профессиональная роль педагога смещается от устойчивой, стандартизированной позиции в сторону гибкой, адаптивной модели деятельности.

Интеграция дополнительного образования с общим и профессиональным образованием, а также выстраивание партнёрских связей с семьями обучающихся, общественными объединениями и бизнес-структурами, обозначенные в Концепции, в социологическом ключе могут быть интерпретированы как процессы комплексного функционирования разнородных социальных институтов, объединяющие ресурсы для решения общественно значимых задач. В этих условиях профессиональная деятельность педагога приобретает характер координационной работы в полисубъектной среде, обеспечивающей согласование ожиданий и целей разных социальных групп.

Функциональным продолжением Концепции является профессиональный стандарт «Педагог дополнительного образования детей и взрослых». Согласно стандарту, функции педагога можно разделить на несколько групп: работа с обучающимися и процессом обучения; взаимодействие с родителями и социумом; методическая и организационная работа, досуговая деятельность.

Таким образом, «Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 года» задаёт направления развития социально-профессиональной идентичности педагога, смещает фокус с узкопрофессиональной деятельности на социальную роль педагога, его миссию и взаимодействие с разными социальными группами. Профессиональный стандарт через функциональную карту определяет роли и действия (табл.1).

Таблица 1 – Социально-профессиональные роли и институциональные функции педагогов дополнительного образования в контексте «Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 года» (составлено автором)

Условия функционирования учреждений дополнительного образования	Социально-профессиональная роль педагога дополнительного образования детей	Институциональные функции педагога в системе дополнительного образования детей
Социальная направленность	агент социализации	содействовать развитию ценностных ориентиров, гражданской идентичности обучающихся
	специалист по взаимодействию с родителями	налаживать контакт с родителями (законными представителями) обучающихся для решения задач обучения и воспитания
	организатор досуговой деятельности	организовывать мероприятия, направленные на достижение целевых ориентиров
Создание мотивирующей среды	наставник, фасилитатор	раскрывать творческий потенциал, развивать креативное мышление; создавать индивидуальную образовательную траекторию
	организатор практической деятельности	содействовать практико-ориентированной подготовке
Гибкость и адаптивность. Инклюзия	инициатор обновления содержания программ	внедрять в программы современные компоненты

Условия функционирования учреждений дополнительного образования	Социально-профессиональная роль педагога дополнительного образования детей	Институциональные функции педагога в системе дополнительного образования детей
	специалист по доступности	разрабатывать механизмы и содействовать обеспечению доступности образовательных программ
	носитель цифровых компетенций	работать с цифровым контентом и инструментами, участвовать в развитии цифровых сервисов для системы
	методист	создавать учебные и оценочные материалы, разрабатывать циклы занятий
	участник развития инфраструктуры	создавать новые форматы образовательного взаимодействия
Интеграция, специфическое взаимодействие	медиатор, сетевой координатор	обеспечивать взаимодействие между сферой дополнительного образования и другими социальными институтами
	интегратор	участвовать в синхронизации дополнительного образования с общим и профессиональным
	специалист по профессиональной ориентации	помогать обучающимся в выборе направления, поддерживать в профессиональной ориентации

В новых условиях профессиональная роль педагога приобретает многомерный характер, а социально-профессиональная идентичность развивается параллельно с задачами дополнительного образования как социального института. Понимание этой динамики может способствовать разработке мер поддержки педагогов (повышение квалификации, программы рефлексии ролей), которые позволят им лучше соответствовать меняющимся социальным запросам и укреплять профессиональную устойчивость.

Список использованных источников

1. Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 678-р. 43 с. // Электронный ресурс. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1789018834&tld=ru&lang=ru&name =3fIgkklAJ2ENBbCFVEkA3cTOsiypicBo.pdf&text.

2. Профессиональный стандарт «Педагог дополнительного образования детей и взрослых». УТВЕРЖДЕН приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 22 сентября 2021 № 652н // Электронный

ресурс. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1789016525&tld =ru&lang= ru&name=profstandart_652n.pdf&text.

3. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 22 сентября 2021 № 652н // Информационный правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: https://base.garant.ru/403246796/.

THE SOCIO-PROFESSIONAL IDENTITY OF A TEACHER IN ADDITIONAL EDUCATION INSTITUTIONS FOR CHILDREN AND ITS INTERPRETATION IN REGULATORY DOCUMENTS

O.V. Terekhova

Penza State University,
Penza, Russia

The article examines how regulatory documents interpret the socio-professional identity of a teacher in the system of supplementary education for children from a sociological perspective. The socio-professional roles and institutional functions of a teacher in the system of supplementary education for children are revealed.

Keywords: socio-professional identity, children's supplementary education system, supplementary education teacher, socio-professional role, institutional functions.

УДК 376.1

СОВРЕМЕННЫЕ АДАПТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ ДЕТЯМ С ОВЗ

Е.В. Титова

ОГАОУ «Центр образования «Ступени»,
г. Биробиджан, Россия

В статье рассматриваются современные адаптивные технологии преподавания истории обучающимся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в условиях инклюзивного образования. Актуальность исследования определяется необходимостью обеспечения доступности исторического образования при сохранении его содержательной, научной и мировоззренческой составляющих. Цель исследования заключается в систематизации современных цифровых, ассистивных и педагогических технологий, позволяющих адаптировать преподавание истории к индивидуальным образовательным потребностям детей с ОВЗ. Методологическую основу составили системный, личностно ориентированный, деятельностный и инклюзивный подходы, а также анализ нормативно-правовых документов и современной научной литературы. Рассмотрены возможности мультимедийной визуализации, интерактивных хронологических шкал, цифровых карт, адаптированных исторических источников, средств преобразования

текста в речь, виртуальных экскурсий, игровых технологий, искусственного интеллекта и виртуальной реальности. Особое внимание уделено принципам универсального дизайна обучения и необходимости педагогически обоснованного выбора цифровых инструментов. Сделан вывод о том, что технологическая адаптация эффективна только при сочетании доступного цифрового контента, индивидуализации образовательного маршрута и профессиональной педагогической поддержки.

Ключевые слова: обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья; инклюзивное образование; адаптивное обучение; преподавание истории; цифровые образовательные технологии; доступная образовательная среда.

1. Введение

Современное образование ориентировано на обеспечение равного доступа к образовательным ресурсам и создание условий для участия в образовательном процессе обучающихся с различными образовательными потребностями. Международной нормативной основой такого подхода выступает Конвенция о правах инвалидов, статья 24 которой предусматривает право на инклюзивное образование, разумное приспособление образовательной среды, индивидуализированную поддержку и использование соответствующих методов и форматов обучения [1]. Российское законодательство закрепляет необходимость создания специальных образовательных условий для обучающихся с ОВЗ, включая использование специальных методов обучения, технических средств и адаптированных образовательных программ [2].

Для преподавания истории проблема доступности приобретает особое значение. Историческое образование предполагает работу с объемными текстами, хронологией, картографическим материалом, визуальными источниками, абстрактными понятиями и причинно-следственными связями. Для части обучающихся с ОВЗ трудность может заключаться не в самом историческом содержании, а в способе его предъявления. Поэтому педагогическая адаптация должна быть направлена прежде всего на устранение барьеров доступа к информации и деятельности, а не на необоснованное снижение образовательных целей [2; 3]. Такой подход соответствует современному пониманию инклюзивной образовательной среды как системы, способной изменяться в соответствии с индивидуальными потребностями обучающихся.

Федеральная адаптированная образовательная программа основного общего образования для обучающихся с ОВЗ предусматривает необходимость учета особых образовательных потребностей при организации обучения [3]. Аналогичные положения закреплены в федеральной адаптированной образовательной программе начального общего образования для обучающихся с ОВЗ [4]. Следовательно, применение адаптивных технологий в преподавании истории следует рассматривать не только как перспективное направление цифровой педагогики, но и как один из инструментов реализации специальных образовательных условий.

2. Цель и задачи исследования

Цель исследования – выявить и систематизировать современные адаптивные технологии, которые могут применяться при преподавании истории обучающимся с ОВЗ, а также определить педагогические условия их эффективного использования.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи:

– уточнить содержание понятия «адаптивные технологии» применительно к историческому образованию;

– охарактеризовать основные направления развития научных представлений об инклюзивном и адаптивном обучении;

– определить возможности цифровых и ассистивных технологий при изучении исторического материала;

– привести практические примеры технологической адаптации заданий и учебных ситуаций;

– выявить ограничения и риски цифровизации обучения детей с ОВЗ.

3. Методология исследования

Методологическую основу исследования составили системный, деятельностный, личностно ориентированный и инклюзивный подходы. Системный подход позволил рассматривать адаптивную технологию не как отдельное техническое устройство, а как элемент целостной образовательной среды. Личностно ориентированный подход предполагает учет индивидуальных образовательных потребностей ребенка, а деятельностный – включение обучающегося в активную работу с историческим материалом. Инклюзивный подход ориентирует педагога на устранение барьеров, препятствующих участию ребенка в общем образовательном процессе [1; 2].

В исследовании использовались методы анализа и синтеза научной литературы, сравнительного анализа педагогических технологий, контент-анализа нормативно-правовых документов и моделирования педагогических ситуаций. Теоретическая база дополнена результатами современных систематических обзоров, посвященных ассистивным технологиям, универсальному дизайну обучения и цифровизации инклюзивного образования [5].

4. Историография проблемы

Историография проблемы может быть условно разделена на несколько направлений. Первое связано с развитием идеи инклюзивного образования и переходом от преимущественно сегрегационной модели специального образования к созданию образовательной среды, в которой ребенок с инвалидностью или ОВЗ получает возможность участвовать в общем образовательном процессе. Международные исследования рассматривают инклюзию не только как совместное физическое присутствие обучающихся, но и как обеспечение доступности содержания, способов деятельности и коммуникации [1; 5].

Второе направление связано с концепцией универсального дизайна обучения (Universal Design for Learning, UDL). Современные систематические обзоры показывают, что UDL ориентирован на предварительное проектирование гибкой образовательной среды, предоставляющей различные способы представления информации, вовлечения обучающегося и выражения результатов обучения [5]. Вместе с тем исследователи отмечают неоднородность доказательной базы и

необходимость более четкого соотнесения конкретных цифровых инструментов с педагогическими целями [5].

Третье направление представлено исследованиями ассистивных технологий. Ассистивные технологии способны повышать доступность и включенность обучающихся с инвалидностью, однако результативность их использования зависит от подготовки педагогов, доступности инфраструктуры и правильного подбора средств [5].

Четвертое направление непосредственно связано с цифровыми образовательными ресурсами в обучении истории. Исследование Е. А. Ольхиной и О. С. Хохловой посвящено применению электронных образовательных ресурсов на уроках истории в коррекционной школе. Авторы подчеркивают значение таких ресурсов для формирования исторических представлений у обучающихся с интеллектуальными нарушениями и анализируют практику их использования педагогами [4].

Таким образом, современная историография демонстрирует постепенный переход от понимания адаптации исключительно как упрощения содержания к более сложной модели, предполагающей изменение способов доступа к информации, темпа обучения, характера учебного действия и формы предъявления результата [3].

5. Основное содержание

В рамках настоящего исследования под адаптивными технологиями преподавания истории понимается совокупность педагогических, цифровых и ассистивных средств, позволяющих изменять способы предъявления исторического материала, организацию учебной деятельности, темп выполнения заданий и формы выражения результата с учетом индивидуальных образовательных потребностей обучающегося.

Важно разграничивать адаптацию содержания и адаптацию способа доступа к содержанию. В первом случае изменяется объем или сложность изучаемого материала; во втором сохраняется образовательная цель, но изменяются форма предъявления, структура задания или способ ответа. Для инклюзивного исторического образования приоритетным является второй вариант, поскольку он позволяет поддерживать содержательные требования к предмету при одновременном снижении барьеров обучения [4].

Визуализация исторического материала

Одним из наиболее доступных направлений адаптации является визуальная организация информации. Исторические события могут представляться в форме схем, инфографики, карт, лент времени, пиктограмм и последовательностей изображений. Для обучающихся, испытывающих трудности при восприятии больших текстовых массивов, такая организация позволяет выделить ключевые даты, персоналии, события и причинно-следственные связи [5].

Например, при изучении темы «Древняя Русь» учитель может предложить интерактивную временную шкалу, где каждому событию соответствует дата, краткая характеристика, портрет исторической личности и изображение памятника культуры. Для обучающегося, которому трудно работать с большим

объемом информации, сначала предъявляются только основные события, после чего по мере готовности добавляются дополнительные элементы.

Интерактивные исторические карты

Историческая карта представляет собой сложный для восприятия источник, поскольку требует одновременного учета пространства, направления движения, условных обозначений и временной последовательности. Цифровая карта позволяет уменьшать или увеличивать масштаб, выделять отдельные территории цветом, поэтапно демонстрировать движение войск или изменение государственных границ.

Например, при изучении Отечественной войны 1812 г. карта может быть разделена на четыре последовательных этапа: исходное положение сторон, продвижение французской армии, основные сражения и отступление. Такая поэтапность уменьшает когнитивную нагрузку и позволяет связать пространственные изменения с хронологией событий. Возможность представлять содержание в различных форматах соответствует принципам универсального дизайна обучения [5].

Адаптированные исторические источники

Работа с историческим источником является важнейшим элементом исторического образования, однако оригинальные документы часто содержат сложную лексику, архаизмы и значительный объем второстепенной информации. Для обучающихся с ОВЗ целесообразно использовать несколько вариантов одного источника: оригинальный текст, адаптированный текст с сохранением смыслового содержания и аудиоверсию.

При этом адаптация не должна приводить к искажению исторического смысла. Например, при работе с фрагментом законодательного акта можно сохранить ключевые положения документа, но дополнительно выделить жирным шрифтом даты, имена и исторические понятия, а незнакомые слова снабдить краткими пояснениями. Электронные образовательные ресурсы особенно эффективны тогда, когда позволяют сочетать текст, изображение, звук и интерактивное действие [4].

Ассистивные технологии

Ассистивные технологии включают программные и аппаратные средства, компенсирующие или уменьшающие отдельные функциональные ограничения обучающегося. В образовательной практике к ним относятся экранные дикторы, программы преобразования текста в речь, средства распознавания речи, увеличители изображения, электронные дисплеи Брайля, адаптированные устройства ввода и другие инструменты [4].

Для урока истории применение таких средств может быть организовано следующим образом: обучающийся с нарушением зрения получает цифровой исторический текст, доступный для экранного диктора; ребенок с выраженными трудностями письменной речи может использовать голосовой ввод; обучающийся с нарушением слуха работает с видеоматериалом, снабженным субтитрами. Систематические исследования подтверждают, что ассистивные технологии способны расширять возможности участия обучающихся с инвалидностью,

однако их эффективность зависит от индивидуального подбора и педагогической поддержки [5].

Виртуальные экскурсии и иммерсивные технологии

Виртуальные экскурсии позволяют включать в урок исторические объекты, музеи и памятники, посещение которых может быть затруднено для отдельных обучающихся. Виртуальная среда дает возможность многократно рассматривать объект, изменять масштаб изображения, выбирать направление движения и получать дополнительную информацию.

Особый интерес представляют технологии виртуальной и дополненной реальности. Современный систематический обзор исследований ИИ и VR показывает перспективность таких технологий для повышения доступности, персонализации и интерактивности образования обучающихся с инвалидностью [5]. Вместе с тем VR не следует использовать исключительно ради эффекта новизны: виртуальная среда должна быть непосредственно связана с учебной задачей и учитывать возможную сенсорную перегрузку ребенка.

Игровые технологии

Игровые цифровые технологии могут применяться для закрепления хронологии, терминологии и исторических персоналий. Например, интерактивное задание может предлагать обучающемуся расположить события в правильной последовательности, установить соответствие между исторической личностью и событием либо определить территорию на карте.

Адаптивность игровой технологии достигается посредством изменения количества заданий, времени выполнения, сложности формулировок и количества визуальных подсказок. При этом игра должна сохранять содержательную связь с исторической дисциплиной. Исследования цифровой инклюзии указывают на значение интерактивных и мультимедийных форматов для повышения доступности и вовлеченности обучающихся с различными образовательными потребностями [4].

Искусственный интеллект как инструмент адаптации

Перспективным направлением является использование искусственного интеллекта для подготовки дифференцированных заданий. Учитель может применять ИИ-инструменты для создания нескольких вариантов одного упражнения: задания на распознавание факта, установление причинно-следственной связи и самостоятельный анализ источника. Кроме того, ИИ способен помогать преобразовывать сложный текст в более структурированную форму, создавать вопросы для повторения и подбирать варианты объяснения термина.

Однако использование ИИ в историческом образовании требует обязательной экспертной проверки педагога. Генеративные системы способны создавать фактические ошибки, смешивать исторические события и предлагать недостоверные ссылки. Поэтому ИИ должен рассматриваться как вспомогательный инструмент проектирования образовательных материалов, а не как самостоятельный авторитетный источник исторического знания. Исследования последних лет рассматривают ИИ как потенциальный инструмент персонализации обучения, но одновременно указывают на необходимость контроля качества и этического регулирования его использования [5].

Практические модели адаптации на уроке истории

Практическая эффективность технологии определяется не самим фактом ее использования, а соответствием конкретной образовательной задаче. Возможны следующие модели.

Модель 1. «Один материал – несколько способов восприятия». Учитель представляет исторический источник одновременно в текстовой, визуальной и аудиальной формах. Обучающийся выбирает наиболее доступный канал или использует их комбинацию. Такая модель непосредственно соответствует принципу вариативности представления информации [4].

Модель 2. «Одна цель – разные уровни поддержки». Например, цель урока заключается в установлении причин начала Великой Отечественной войны. Одному обучающемуся предлагается самостоятельно сформулировать ответ, другому – выбрать причины из предложенного списка, третьему – соотнести причины и события с помощью визуальных карточек. Общая образовательная цель сохраняется, но степень внешней поддержки различается.

Модель 3. «Историческое событие как цифровая последовательность». Учитель преобразует сложный исторический процесс в цепочку этапов. Каждый этап сопровождается изображением, датой и кратким объяснением. После прохождения последовательности обучающийся восстанавливает ее самостоятельно. Такой подход особенно полезен при трудностях произвольного запоминания и организации информации.

Модель 4. «Виртуальный музей». Обучающийся совершает виртуальную экскурсию по исторической экспозиции и получает задание выбрать два-три экспоната, определить их историческое значение и представить результат в доступной форме – устно, письменно, с помощью презентации или набора изображений. Возможность выбора формы ответа соответствует идеям универсального дизайна обучения [4].

Адаптация технологий к различным образовательным потребностям

При нарушениях зрения приоритетными являются экранные дикторы, аудиоматериалы, масштабирование текста и изображения, электронные дисплеи Брайля и текстовые описания визуальных исторических источников. При нарушениях слуха существенное значение имеют субтитры, визуальные инструкции и текстовое дублирование аудиоматериалов [3].

При интеллектуальных нарушениях и выраженных когнитивных трудностях эффективными могут быть пошаговые инструкции, визуальные опоры, повторение материала, небольшие информационные блоки и задания на установление простых причинно-следственных связей. Исследование UDL для обучающихся с интеллектуальными нарушениями показывает перспективность цифровых сред, электронных книг, аудиосистем и программных средств при условии их включения в специально спроектированную педагогическую деятельность [3].

При расстройствах аутистического спектра особенно значимы предсказуемая структура урока, визуальное расписание, четкие инструкции и контроль количества одновременно предъявляемых стимулов. Цифровая среда может быть полезна благодаря возможности заранее представить последовательность

действий, однако чрезмерная анимация, звуковые эффекты и быстро меняющиеся изображения способны создавать дополнительную сенсорную нагрузку [3].

При нарушениях опорно-двигательного аппарата важную роль могут играть альтернативные устройства ввода, голосовые технологии, дистанционные интерфейсы и возможность выполнения заданий без значительного объема ручных действий. В этом случае цифровая технология выполняет прежде всего функцию обеспечения физической доступности учебной деятельности [4].

Педагогические условия эффективности адаптивных технологий

Первым условием является предварительная диагностика образовательной потребности. Учителю необходимо определить, какая именно трудность препятствует освоению материала: чтение, восприятие устной речи, запоминание, ориентация в пространстве, выполнение письменного задания или организация последовательности действий. Только после этого можно выбирать соответствующее технологическое средство [5].

Вторым условием является доступность самого цифрового контента. Наличие компьютера или интерактивной доски не означает автоматически доступность образовательной среды. Необходимо учитывать размер и контраст шрифта, наличие субтитров, возможность работы с экранным диктором, альтернативные способы ответа и понятную структуру интерфейса [5].

Третьим условием выступает дозированность цифровой нагрузки. Исследования универсального дизайна обучения показывают, что наличие большого количества цифровых функций само по себе не гарантирует повышения качества обучения; эффективность определяется тем, насколько технология встроена в педагогический дизайн и связана с конкретной учебной целью [4].

Четвертым условием является профессиональная компетентность педагога. Учитель должен уметь не только пользоваться цифровым инструментом, но и оценивать его доступность, выбирать оптимальную степень адаптации и контролировать образовательный результат. Систематический обзор ассистивных технологий показывает, что недостаточная подготовка педагогов является одним из существенных барьеров эффективного использования технологических средств [5].

Пятым условием является сочетание цифровых и традиционных средств. Цифровая карта не должна полностью вытеснять работу с печатной картой, а виртуальная экскурсия – реальное знакомство с историческим объектом там, где оно возможно. Технология должна расширять способы доступа к историческому знанию, а не заменять педагогическое взаимодействие и предметную деятельность [4].

Риски и ограничения

Несмотря на значительный потенциал адаптивных технологий, их применение связано с рядом ограничений. К ним относятся цифровое неравенство, недостаточная оснащенность образовательных организаций, отсутствие необходимых навыков у педагогов, несовместимость отдельных ресурсов с ассистивными средствами и риск чрезмерной цифровизации обучения [4]. Современные обзоры также указывают на то, что технологические барьеры могут сочетаться с

педагогическими и социальными факторами, поэтому приобретение оборудования само по себе не решает проблему инклюзии.

Отдельного внимания требует проблема когнитивной перегрузки. Исторический материал сам по себе содержит значительное количество информации, поэтому одновременное использование текста, анимации, музыки, видео и интерактивных элементов может не облегчить, а затруднить восприятие. Следовательно, принцип «чем больше технологий, тем лучше» является методически ошибочным. Оптимальным следует считать минимально достаточный набор средств, обеспечивающий достижение конкретной учебной цели [5].

6. Заключение

Современные адаптивные технологии существенно расширяют возможности преподавания истории детям с ОВЗ. Они позволяют изменить не содержание исторического образования как таковое, а способы доступа к нему: визуализировать события, структурировать хронологию, адаптировать исторические источники, использовать альтернативные каналы восприятия, регулировать темп деятельности и предоставлять разные способы выражения результата [5].

Наиболее перспективными направлениями являются электронные образовательные ресурсы, интерактивные временные шкалы, цифровые исторические карты, ассистивные технологии, адаптированные исторические источники, виртуальные экскурсии, игровые цифровые инструменты, а также контролируемое применение искусственного интеллекта и виртуальной реальности [4-5].

При этом технологическая адаптация не должна сводиться к упрощению исторического содержания. Ее задача заключается в устранении барьеров, которые мешают обучающемуся воспринимать, осмысливать и использовать историческую информацию. Именно такой подход соответствует принципам инклюзивного образования и универсального дизайна обучения [1; 5].

Таким образом, эффективная модель современного преподавания истории детям с ОВЗ может быть представлена как единство трех компонентов: доступного содержания, адаптивной технологии и индивидуализированной педагогической поддержки. При таком подходе цифровые средства становятся не самоцелью и не заменой учителя, а инструментом расширения образовательных возможностей ребенка и его полноценного участия в изучении истории.

Список использованных источников

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ. – Текст: электронный // Официальное опубликование правовых актов. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201212300007 (дата обращения: 02.09.2026).

2. Об утверждении федеральной адаптированной образовательной программы основного общего образования для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья: приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 24 нояб. 2022 г. № 1025: зарегистрирован в Минюсте России 21 марта 2023 г. № 72653. – Текст: электронный // Официальное опубликование правовых

актов. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/ View/000120230322 0006 (дата обращения: 02.09.2026).

3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья : приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 дек. 2014 г. № 1598 : зарегистрирован в Минюсте России 3 февр. 2015 г. № 35847. – Текст: электронный // Официальное опубликование правовых актов. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/Do cument/View/000120150 2060025 (дата обращения: 02.09.2026).

4. Ольхина, Е. А. Электронные образовательные ресурсы в практике обучения умственно отсталых школьников на уроках истории / Е. А. Ольхина, О. С. Хохлова // Педагогический вестник. – 2024. – № 32. – С. 61-63. – EDN CYGLEF.

5. Масимзаде, Н. В. Искусственный интеллект как инструмент адаптивного обучения в преподавании истории и обществознания детям с ограниченными возможностями здоровья / Н. В. Масимзаде // Образование, обучение и воспитание: актуальные вопросы теории и практики : Сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 сентября 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 128-131. – EDN QYTUYX.

MODERN ADAPTIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING HISTORY TO CHILDREN WITH DISABILITIES

E.V. Titova

Regional State Autonomous Educational Institution «Center for Education Stupeni», Birobidzhan, Russia

The article examines modern adaptive technologies for teaching history to students with special educational needs and disabilities in inclusive education. The relevance of the study is determined by the need to ensure accessible history education while preserving its substantive, academic and worldview dimensions. The aim of the study is to systematize contemporary digital, assistive and pedagogical technologies that make history education more responsive to the individual educational needs of students with disabilities. The methodological framework includes systemic, learner-centered, activity-based and inclusive approaches, as well as an analysis of regulatory documents and recent scholarly literature. The article discusses multimedia visualization, interactive timelines, digital maps, adapted historical sources, text-to-speech technologies, virtual excursions, game-based learning, artificial intelligence and virtual reality. Particular attention is paid to the principles of Universal Design for Learning and to the need for pedagogically justified technology selection. The study concludes that technological adaptation is effective only when accessible digital content, individualized learning pathways and professional pedagogical support are combined.

Keywords: students with disabilities; inclusive education; adaptive learning; teaching history; digital educational technologies; accessible educational environment.

УДК 070

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И РАБОТЫ С КОЛЛЕКТИВНОЙ ТРАВМОЙ

С.Х. Тойболова

Телерадиокомпания «Айгак»,
г. Шымкент, Казахстан

Статья посвящена анализу документальной журналистики как инструмента конструирования исторической памяти и работы с коллективной травмой. Рассматриваются механизмы свидетельствования, трансгенерационной передачи травмы и ремедиации памяти. Особое внимание уделяется интерактивным и авторским форматам документального кино, открывающим новые возможности для этической репрезентации травматического опыта и публичного осмысления сложных страниц прошлого.

Ключевые слова: коллективная травма, историческая память, документальное свидетельство, ремедиация, постпамять.

В эпоху информационной перегрузки и конкуренции нарративов документальная журналистика сохраняет уникальную способность не просто фиксировать факты, но и формировать коллективную память, предлагая обществу пространство для встречи с травматическим опытом прошлого. Исследователи подчёркивают, что медиа играют значительную роль в формировании современных представлений об исторической культуре, особенно в коммодификации истории как популярного развлечения. Однако подлинный потенциал документального кино раскрывается там, где оно становится инструментом работы с коллективной травмой – событиями, которые, по определению Кэти Карут, «сопротивляются тому, чтобы быть артикулированными как воспоминания, и вместо этого проявляются в настоящем через свои последствия». В отсутствие «толстого описания», способного донести до сознания масштаб и интенсивность травматических событий, о характере травмы приходится судить по социальным симптомам, что создаёт риск искажения и даже стирания связей с прошлым. Документальное кино становится тем медиумом, который позволяет объективировать неартикулируемые эмоции и бессознательные рефлексы, предлагая зрителю не просто знание, но опыт встречи с травмой [1].

Центральным механизмом работы документалистики с исторической памятью выступает свидетельство – устное или визуальное показание очевидца, которое дестабилизирует официальные исторические нарративы и открывает пространство для альтернативных версий прошлого. Исследование турецкого режиссёра Эниса Ризы показывает, как документальные фильмы о принудительном обмене населением между Грецией и Турцией в 1923 году «представляют реальность за пределами ограниченных рамок официальной истории благодаря

своей повествовательной структуре и живым свидетелям». Документалистика в этом контексте «расширяет место коллективной памяти в архивах сегодняшнего и будущего дня», становясь катализатором устранения предрассудков и конфронтации с исторической правдой [2].

Аналогичную функцию выполняет документальное свидетельство в контексте травмы «женщин для утешения» – азиатских женщин, насильственно принуждённых к сексуальному рабству японской армией во время Второй мировой войны. В работах канадского режиссёра Тиффани Хсюн («Извинение», 2016) и интерактивном проекте «Пространство, которое мы занимаем» (2018) документируется жизненный путь выживших, многие из которых десятилетиями держали свой опыт в тайне в силу культурной стигматизации и коллективной травмы. Как отмечает исследователь Вэйкунь Фань, «реконструкция травматического прошлого артикулирует страдание и одновременно борьбу за хрупкую коллективную идентичность и смыслополагание». Публичные свидетельства выживших, впервые озвученные в 1991 году, изменили общественный дискурс, заменив проблематичный термин «женщины для утешения» более уважительным обращением «бабушка» [3].

Особый интерес представляет механизм трансгенерационной передачи травмы – передачи коллективных воспоминаний через медиа второму поколению, которое не переживало события непосредственно, но на протяжении жизни было подвержено травматическому напряжению первого поколения. Исследование трёх финских документальных фильмов о Второй мировой войне, созданных в рамках государственной программы «Финляндия 100», демонстрирует, как документалистика становится пространством, где нарративы о войне – от патриотического героизма до травмы солдат и эвакуированных – переосмысляются через личный опыт второго поколения [4].

В частности, фильм «Те, кто остался» (2017) в значительной степени использует реконструкцию и представлен как «поэтический инди-фильм, рассказанный с точки зрения внука». Это подчёркивает важность «постпамяти» – концепции, введённой Марианной Хирш для описания отношения второго поколения к травме, которую они не переживали, но которая сформировала их идентичность через семейные нарративы и молчание. Анализ курдского интерактивного документального фильма «Большая деревня» (2020) также показывает, как архивы и семейные свидетельства используются для передачи памяти о насильственном уничтожении деревни детям её бывших жителей. Интерактивный формат (i-doc), объединяющий старые фотографии, видеоклипы и свидетельства, становится эффективным способом коммуникации исторической травмы современному зрителю [5].

Таким образом, документальная журналистика выступает не просто медиумом фиксации событий, но активным инструментом конструирования исторической памяти и работы с коллективной травмой. Как показывают исследования, документальные фильмы способны дестабилизировать официальные нарративы,

возвращать голос тем, кто был систематически замолчан, и создавать пространство для эмоционального и этического осмысления травматического прошлого. Трансгенерационное измерение документалистики позволяет передавать память о событиях второму и третьему поколениям, формируя «постпамять» как основу коллективной идентичности. Развитие интерактивных цифровых форматов открывает новые возможности для вовлечения аудитории, но одновременно требует выработки более строгих этических стандартов, предотвращающих превращение свидетельства о страдании в объект потребления.

Список использованных источников

1. Колбасов, С. А. Историческая журналистика как способ реализации просветительской функции на современном российском телевидении / С. А. Колбасов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 50 (392). – С. 120-122.

2. Козлова, М. М. Средства массовой информации. Исторический аспект / М. М. Козлова. – М.: ИВЭСЭП, Знание, 2023. – 120 с.

3. Ущиповский С. Н., Кругликова О. С. Российская историческая журналистика: Учебно.-метод. пособие. 2-е изд. М.- Берлин: Директ-Медиа. 2024. – 164 с.

4. Чемоданова Т. Д. Проблемы соотношения понятий «гуманитарная повестка дня» и «социальная журналистика» // Научный аспект. 2022. С. 1065-1071.

5. Самсонова Н.Н. Механизмы преодоления исторической травмы: основные исследовательские подходы // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2021. № 3. С. 69-77.

DOCUMENTARY JOURNALISM AS A TOOL OF HISTORICAL MEMORY AND WORK WITH COLLECTIVE INJURY

S.H. Toibolova

TV and Radio Company "Aigak",
Shymkent, Kazakhstan

The article is devoted to the analysis of documentary journalism as a tool for constructing historical memory and working with collective injury. The mechanisms of witnessing, transgenerational transmission of injury, and memory remediation are considered. Special attention is paid to interactive and original documentary film formats, which open up new opportunities for the ethical representation of traumatic experiences and public reflection on complex pages of the past.

Keywords: collective injury, historical memory, documentary evidence, remediation, post-memory.

УДК 1:378

ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЛОСОФИИ

Ю.А. Трофимова

Омский государственный университет путей сообщения,
г. Омск, Россия

В статье рассматривается специфика учебного материала по дисциплине «Философия». Студенты, получающие высшее образование, должны освоить данную дисциплину и сдать экзамен. Исходя из специфики учебного материала по дисциплине «Философия» даются рекомендации к проведению лекционных и практических занятий.

Ключевые слова: высшее образование, лекция, практическое занятие, преподавание философии, философия, экзамен.

Все студенты, которые получают высшее образование, обязательно должны освоить дисциплину «Философия». Это касается всех специальностей и направлений подготовки всех форм обучения (очной, заочной, очно-заочной). Обучающиеся изучают предмет, структуру и функции философии, историю философии, ключевые философские проблемы и философские направления, основные проблемы различных разделов философского знания (например, онтологии, гносеологии, философской антропологии, социальной философии, аксиологии, философии культуры, философии техники) и др. Обучающиеся осваивают такие важные понятия, как например: «человек», «мировоззрение», «общество», «культура», «истина», «познание», «ценность», «развитие», «прогресс». В течение семестра по дисциплине «Философия проводятся лекционные и практические занятия. Промежуточной аттестацией является экзамен.

Специфика дисциплины «Философия» заключается в том, что учебный материал очень объемный. Он содержит множество новых понятий, новых названий, новых имен мыслителей. Обращение к основным историческим типам философии, перечисление разных точек зрения, разных философских направлений сопровождается указанием их представителей. В учебном материале по философии содержатся даты, например, это годы жизни мыслителей, хронологические рамки глобальных научных революций, исторических этапов развития философской мысли, даты возникновения основных философских направлений современной западной философии и т. д. Учебный материал содержит значительный объем справочной информации. И, очень важно, правильно его отметить в лекционном конспекте. Качественно составленный конспект окажет значительную помощь обучающимся в подготовке к экзамену. Учебный материал по дисциплине «Философия» может содержать абстрактные, отвлеченные идеи и положения; которые при поверхностном рассмотрении кажутся настолько отдаленными от практической жизни, что они представляются бесполезными. Возможным следствием может стать значительное снижение интереса к учебной дисциплине «Философия».

Для повышения интереса к учебной дисциплине «Философия», для того, чтобы показать, что знания, полученные по философии, можно применить в жизни, для того, чтобы освоение данной дисциплины было качественным, предлагается несколько рекомендаций.

1. Лекционные занятия. Следует особое внимание уделить составлению учебного материала для лекций. Учебный материал для лекционных занятий должен быть систематизирован, представлен в краткой и понятной форме, но при этом он должен не потерять свою содержательность. Обязательно следует сопроводить лекции презентациями. На слайдах презентации следует указать тему лекции, вопросы лекции, ключевые понятия, названия философских школ, философских направлений и т. п.; должны быть представлены основные даты. Каждая презентация в целом должна отражать структуру той или иной темы лекции. Обучающимся необходимо качественно законспектировать лекционный учебный материал, особо обращая внимание на правильность написания дат, имен, названий, понятий.

2. Практические занятия. К каждой теме практического занятия должны быть сформулированы вопросы и предложена основная и дополнительная учебная литература. К каждому практическому занятию обучающиеся должны подготовить письменный конспект. Должно прозвучать пояснение, что составлять конспект к практическому занятию, следует только после повторения, проработки лекционного материала соответствующего теме практики. В конспекте к практическому занятию, в каждом вопросе следует выделить названия, даты, имена мыслителей, ключевые понятия. А также рекомендуется подчеркнуть ключевые идеи, выводы.

3. Работа с первоисточниками. На практических занятиях рекомендуется обращаться к работе с первоисточниками, с философскими текстами. Речь идет о том, чтобы в соответствии с рассматриваемыми темами, с разбираемыми проблемами философии подобрать небольшие отрывки из произведений разных мыслителей. Желательно подобрать тексты, авторы которых предлагают противоположные решения какой-нибудь философской проблемы. Обучающимся следует предложить провести анализ философского текста, т. е. вспомнить этап исторического развития философской мысли, философское направление, к которым относится автор текста, назвать его годы жизни. Далее следует назвать работу, из которой предлагается отрывок; возможно, пояснить смысл названия работы, обратить внимание на особенности стиля, жанра философского текста. Следует определить философскую проблему, которая обсуждается в тексте и раздел философского знания, к которому относится обсуждаемая в тексте проблема. И, наконец, обозначить точку зрения автора, указав как мыслитель решает философскую проблему. Разбору, анализу философского текста должно предшествовать тщательное рассмотрение теоретических вопросов практического занятия. Желательно, чтобы обучающиеся познакомились с содержанием философского текста заранее, в рамках домашней работы; при этом следует выделить ключевые идеи текста, чтобы определить точку зрения мыслителя.

4. Использование иллюстраций. Теоретический материал следует дополнить иллюстративным материалом, включив его в презентации. Это относится и

к лекционным и к практическим занятиям. В качестве иллюстративного материала могут быть использованы, прежде всего, изображения мыслителей. Поскольку в философии очень часто философские школы получали свое название от территории, где они находились, а также мыслители получали свое прозвище от города, территории, откуда они родом или где прошла их жизнь, то можно использовать изображения карт. Например, в рамках античной философии (досократовский этап развития) выделяются такие области философствования, как ионийская философия (включает учения философов Ионии; Иония – область на западном побережье полуострова Малая Азия) и италийская философия (греческие колонии Южной Италии и острова Сицилия). К ионийской философии относят учения философов милетской школы (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен) и Гераклита Эфесского. К италийской философии относят учение Пифагора и его школу, философию элеатов и Эмпедокла. Продемонстрировав соответствующую карту, можно уточнить, что на территории Ионии были расположены Милет и Эфес. Название милетской школы происходит от города Милет. Прозвище Гераклита – от города Эфес. Пифагор родом с острова Самос (Иония), но в Кротоне (Южная Италия) он основал свою школу (Пифагорейский союз). Название школы элеатов происходит от города Элея (Южная Италия). Эмпедокл родом из города – Акрагант (остров Сицилия).

5. Примеры из науки, из практики, из жизни. Теоретические идеи и положения, помимо презентационных материалов, следует сопроводить примерами, которые показывают связь философии с реальной жизнью, с наукой.

6. Философский словарь студента. Наряду с составлением лекционного конспекта и конспекта к практическим занятиям, обучающимся рекомендуется составить философский словарь, выписав из каждой лекции ключевые понятия и их определения, имена мыслителей и их годы жизни, а также значимые даты. Такой философский словарик позволяет в случае необходимости быстро актуализировать справочную информацию.

7. Творческие задания. В качестве творческих заданий можно предложить составить ребус, кроссворд по философской тематике, представить какую-то философскую идею через рисунок, коллаж; подготовить календарь с датами по философии и др. Выполнение творческих заданий будет способствовать повышению интереса к изучаемому материалу.

8. Олимпиады, конкурсы, конференции. Следует организовывать участие обучающихся в различных мероприятиях с философской тематикой. Это могут быть как внутригрупповые, внутривузовские олимпиады, конкурсы, конференции, так и всероссийские, международные. Причем участие во всероссийских и в международных конференциях, как правило, предполагает возможность опубликовать тезисы, статью. Участие студентов в конкурсах, олимпиадах демонстрирует практическую применимость, полезность полученных знаний по философии.

Таким образом, учитывая специфику учебной дисциплины «Философия», специфику ее учебного материала, следует использовать презентации, иллюстративные материалы; сопроводить теоретические положения примерами; запланировать творческие задания, работу с первоисточниками, работу по составлению

философского словаря, а также участие в конкурсах, олимпиадах и конференциях.

TEACHING PHILOSOPHY

J.A. Trofimova

Omsk State Transport University,
Omsk, Russia

The article examines the specifics of the educational material for the discipline «Philosophy». Students receiving higher education must master this discipline and pass the exam. Based on the specifics of the educational material for the discipline «Philosophy», recommendations for conducting lectures and practical classes are provided.

Key words: higher education, lecture, practical lesson, teaching philosophy, philosophy, exam.

УДК 37.026

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЗКУЛЬТУРНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ: ИНТЕГРАЦИЯ ДВИГАТЕЛЬНОГО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

А.В. Туленцов

Луганский государственный педагогический университет,
Старобельский филиал,
г. Старобельск, ЛНР

В статье обосновывается положение о том, что физкультурная функциональная грамотность представляет собой не узкодвигательный, а интегративный феномен, объединяющий телесно-двигательную и интеллектуальную составляющие деятельности человека.

Ключевые слова: физкультурная функциональная грамотность, двигательное мышление, когнитивная адекватность, метакогнитивные компетенции, педагогическая модель, физкультурно-оздоровительная работа.

Одним из наиболее острых противоречий современного школьного образования остаётся разрыв между объёмом усваиваемых обучающимися теоретических знаний и их способностью применять эти знания при решении задач, возникающих в реальной жизни. Результаты международных сопоставительных исследований, в частности PISA, показывают, что для российских школьников наиболее уязвимым звеном оказывается именно этап перевода житейской, бытовой ситуации в плоскость научной задачи – так называемое формирование

«научного зерна» [1]. Если с решением типовых академических заданий, оформленных в привычной предметной логике, учащиеся справляются в целом успешно, то самостоятельная переформулировка практической, повседневной проблемы в задачу, допускающую применение известного алгоритма, вызывает у них выраженные затруднения.

Это противоречие имеет прямое отношение и к сфере физической культуры. Долгое время физическое воспитание рассматривалось преимущественно как процесс наращивания моторного потенциала и совершенствования отдельных двигательных качеств, тогда как интеллектуальная составляющая двигательной деятельности – понимание, осмысление, планирование и рефлексия собственных действий – оставалась на периферии педагогического внимания. Между тем, как справедливо отмечают исследователи данной проблемы, любое преобразование внешней реальности осуществляется исключительно посредством двигательной активности, а значит, полноценное формирование функциональной грамотности личности невозможно без развития её физкультурного, двигательного компонента [2].

Целью настоящей статьи является характеристика педагогической модели формирования физкультурной функциональной грамотности, учитывающей синергию мыследеятельностного и моторного начал, и обоснование структурных компонентов, технологий и критериев её реализации в образовательном процессе.

Методологическим основанием разрабатываемой модели выступают исследования белорусских учёных В. Н. Старченко и А. Н. Сергеенко, посвящённые теоретическому обоснованию понятия «физкультурная функциональная грамотность» [3; 4]. Авторы исходят из того, что в глобальном смысле функциональная грамотность личности состоит из двух неразрывно связанных компонентов грамотности, сопряжённой с мыслительной деятельностью, и грамотности, сопряжённой с деятельностью двигательной, то есть собственно физкультурной грамотности. По их определению, физкультурная функциональная грамотность представляет собой систему, включающую базовый уровень сформированности физкультурных знаний, двигательных и интеллектуальных умений и навыков, а также оптимальный уровень физической подготовленности в интеллектуально-двигательной деятельности, позволяющий мотивированному человеку успешно решать двигательные задачи как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности [4, с. 47].

Принципиальное значение для настоящего исследования имеет разработанная В. Н. Старченко и А. Н. Сергеенко модель физкультурной функциональной грамотности (2023 г.), представляющая её как систему, объединяющую три взаимосвязанных элемента: знания, умения и навыки; физическую подготовленность в интеллектуально-двигательной деятельности; потребностно-мотивационную сферу интегрированной деятельности [4]. Такое понимание принципиально отличается от узкобиомеханической трактовки физкультурной грамотности как простого «управления телом в пространстве и времени» и сближается с

целостными, холистическими подходами зарубежных авторов, рассматривающих физическую грамотность как единство мотивации, уверенности, компетентности и ответственности, проявляемых человеком на протяжении всей жизни [5].

Схожие тенденции прослеживаются и в зарубежной научной традиции. Систематический обзор Л. Эдвардс с соавторами показал, что, несмотря на многообразие трактовок понятия «physical literacy», большинство исследователей сходятся в признании его интегративной, многокомпонентной природы, объединяющей физический, когнитивный, аффективный и социальный аспекты деятельности человека [12]. Обобщающий скопинговый обзор международных подходов к определению данного феномена, выполненный Ж. Мартинша с соавторами, также подтверждает, что современные трактовки физической грамотности выходят за рамки узкодвигательного понимания и включают психологическую и когнитивную составляющие [13]. Доказательная концептуальная модель, предложенная Дж. Кернни с соавторами, связывает физическую грамотность с физической активностью и здоровьем и рассматривает мотивацию, уверенность и компетентность как взаимосвязанные элементы единой системы, что согласуется с трёхкомпонентной структурой модели В. Н. Старченко и А. Н. Сергеенко [14].

Ключевым тезисом, объединяющим рассматриваемую модель с более широкой теорией функциональной грамотности, служит критика классической педагогической триады «знания – умения – навыки» (ЗУН) как самодостаточного инструмента описания связи между познавательным потенциалом личности и её реальной продуктивностью. Причина ограниченности триады ЗУН при решении сложных прикладных задач видится исследователям в отсутствии связующего звена, трансформирующего знание в осмысленное действие. Таким связующим звеном выступает глубокое понимание предметной, в данном случае двигательной, среды, в которой разворачивается деятельность: сами по себе знания служат лишь инструментом интерпретации реальности, тогда как итоговую эффективность деятельности определяют когнитивная адекватность восприятия и осмысленность процесса, а не объём накопленной информации [6].

Опираясь на охарактеризованные выше теоретические положения, а также на требования обновлённых федеральных государственных образовательных стандартов к формированию у обучающихся способности решать учебные и жизненные проблемные ситуации на основе предметных, метапредметных и универсальных способов деятельности, целесообразно представить педагогическую модель формирования физкультурной функциональной грамотности школьников в виде трёх структурных блоков – целевого, содержательного и деятельностного.

Целевой блок задаёт стратегический ориентир модели – формирование у обучающегося готовности к решению жизненных задач, требующих согласованного применения двигательных и интеллектуальных ресурсов. В отличие от традиционной цели физического воспитания, ограничивающейся развитием физических качеств и освоением техники движений, целевой блок предлагаемой модели ориентирован на воспитание субъекта деятельности, способного самостоятельно распознавать двигательную составляющую житейской ситуации,

переводить её в план осмысленной задачи и нести ответственность за собственное физическое благополучие.

Содержательный блок конкретизирует, что именно подлежит формированию, и включает три взаимосвязанных компонента, соотносимых со структурой модели А. Н. Сергеенко и В. Н. Старченко: физкультурные знания о моделях двигательного поведения; уровень физической подготовленности в интеллектуально-двигательной деятельности; потребностно-мотивационную сферу личности [4]. Физкультурные знания при этом трактуются не как разрозненный перечень сведений о технике упражнений, а как целостные, структурированные представления о выполнении человеком моторных актов, включающие применяемые им стратегии и алгоритмы разрешения двигательных задач [7]. Физическая подготовленность рассматривается в неразрывной связи с интеллектуальной составляющей, как способность осмысленно использовать отработанные двигательные действия в динамичной, непредсказуемой среде, где физическая нагрузка сплетена с аналитическими процессами [7]. Мотивационный компонент, вслед за Л. И. Лубышевой и А. И. Загревской, предполагает сопряжение процесса физического воспитания с индивидуальными запросами, увлечениями и предрасположенностями конкретного обучающегося.

Деятельностный блок отражает процессуальную сторону модели и предусматривает внедрение в физкультурно-оздоровительную работу метакогнитивных компетенций рефлексии, контроля и планирования собственной двигательной деятельности. К числу таких компетенций международные исследования функциональной грамотности относят непроизвольный интеллектуальный контроль процессов переработки информации, знание этапов метакогнитивных действий, рефлексию познавательных процессов, обоснование избираемых методов и приёмов, а также включение полученного результата в общую картину мира и представление о себе [8]. Применительно к двигательной деятельности это означает, что обучающийся не просто выполняет физическое упражнение, но осознаёт цель действия, выбирает и обосновывает способ его выполнения, отслеживает промежуточный результат и корректирует собственную двигательную стратегию, то есть демонстрирует то самое «двигательное мышление», без которого физкультурная грамотность остаётся на уровне механического навыка.

Реализация охарактеризованной модели предполагает опору на технологии, объединяющие двигательную практику с интеллектуальной работой обучающегося. Прежде всего это ситуационные задачи, моделирующие житейские обстоятельства, разрешение которых требует от школьника самостоятельного перевода бытовой ситуации в план физкультурно-двигательной задачи, то есть отработки именно того этапа «поиска научного зерна», который, согласно исследованиям функциональной грамотности, вызывает наибольшие затруднения у российских обучающихся [1].

Второй технологией выступает проектная деятельность, позволяющая интегрировать знания из разных предметных областей в рамках единого физкультурно-оздоровительного замысла и формирующая у обучающихся опыт

самостоятельного целеполагания, планирования и оценки результата собственной работы.

Третьей и наиболее специфичной для физкультурной сферы технологией является мыслительно-образное моделирование двигательных актов. Как показывают исследования О. Ю. Тарасовой с соавторами, только осознание и осмысление собственной деятельности на всех этапах обучения двигательным действиям способно пробудить и поддерживать внутренние процессы, посредством которых содержание двигательного задания трансформируется в сознании занимающегося в устойчивый побудительный мотив к действию [9]. Формирование двигательного решения в этом случае происходит в неразрывной связи перцептивного опыта, отражающего цикличность субъект-объектных отношений, и смысловой организации активности на основе проектно-двигательного мышления [10].

Критерии сформированности физкультурной функциональной грамотности целесообразно выстраивать по аналогии с критериями оценки функциональной грамотности, принятыми в исследовании PISA, адаптируя их к специфике двигательной деятельности. К продвинутому уровню сформированности функциональной грамотности относится способность создавать модели сложных проблемных ситуаций и работать с ними, распознавать соответствующие допущения, выбирать, сравнивать и оценивать стратегии действия, устанавливать связи между элементами ситуации и описывать их на разных языках в том числе на языке движения, а также формулировать и аргументированно излагать собственную интерпретацию происходящего [11].

Применительно к физкультурно-оздоровительной работе данные критерии конкретизируются через способность обучающегося: самостоятельно распознать двигательную составляющую житейской ситуации; подобрать адекватный ей способ физической активности с учётом собственных возможностей и внешних условий; спланировать и реализовать соответствующее двигательное действие; оценить полученный результат и скорректировать дальнейшую стратегию поведения. Совокупность перечисленных умений позволяет диагностировать не столько объём усвоенных знаний о физической культуре, сколько реальную готовность личности действовать осмысленно и ответственно в ситуациях, требующих двигательной активности.

Схожий акцент на необходимости чёткой операционализации понятия и выделения его ключевых элементов согласуется с выводами К. Ширер с соавторами, отмечающих сохраняющуюся терминологическую неоднородность в трактовке физической грамотности при общем признании её философских оснований и пожизненного характера [16]. Э. Роэтерт и Л. Макдональд, в свою очередь, подчёркивают, что для перевода концепции физической грамотности в практику школьного физического воспитания необходимо чётко определить, чем именно должен овладеть обучающийся на каждом этапе обучения, что напрямую соотносится с задачей разработки критериев оценки, поставленной в настоящей статье [15].

Проведённый анализ позволяет заключить, что физкультурная функциональная грамотность не сводится к сумме физических кондиций и технических навыков, а представляет собой интегративное образование, объединяющее двигательный и интеллектуальный компоненты деятельности в единое целое. Предложенная трёхблочная целевая модель, содержательный и деятельностный блоки, а также опирающиеся на неё технологии ситуационных задач, проектной деятельности и мыслительно-образного моделирования двигательных актов создают педагогические условия для перехода от механического воспроизведения триады «знания – умения – навыки» к осмысленной, метакогнитивно управляемой двигательной деятельности. Именно такой переход, на наш взгляд, обеспечивает подлинную эффективность физкультурно-оздоровительной работы как средства формирования у школьников не только физической подготовленности, но и осознанной ответственности за собственное здоровье.

Список использованных источников

1. Формирование функциональной грамотности обучающихся: методическое пособие / сост. Л. Н. Храмова, О. Б. Лобанова, А. В. Фирер, Н. В. Басалаева, Л. С. Шмульская. – Красноярск: «Литера-принт», 2021. – 130 с.

2. Сергеенко, А. Н. Физкультурная функциональная грамотность как метаграмотность / А. Н. Сергеенко, В. Н. Старченко // Веснік Віцебскага дзяржаўнага універсітэта. – 2023. – № 3(120). – С. 74–79. – EDN DTRRDM.

3. Старченко В. Н., Сергеенко А. Н. Функциональная грамотность как ориентир реформирования систем образования // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Е, Пед. науки. – 2022. – № 13. – С. 7–11.

4. Сергеенко, А. Н. Теоретическая модель физкультурной функциональной грамотности / А. Н. Сергеенко, В. Н. Старченко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2023. – № 1. – С. 43–48– DOI 10.52928/2070-1640-2023-39-1-43-48. – EDN OZYCIF.

5. Физическая культура: учеб. пособие: в 2 ч. / Е. Г. Бабушкин, И. Ф. Андрущишин, И. Н. Григорович и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск: Ом. гос. ин-т сервиса, 2016. – Ч. 1. – 141 с.

6. Онушкин В. Г., Огарёв Е. И. Проблема грамотности в контексте социальных перемен // Проблемы непрерывного образования: педагогические кадры. – 1997. – № 10. – С. 3–7.

7. Гончаров, В. И. Ещё раз о понятиях «двигательное умение» и «двигательный навык» / В. И. Гончаров // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2008. – № 3(37). – С. 30–33. – EDN INTVMV.

8. Формирование функциональной грамотности обучающихся: методическое пособие / сост. Л. Н. Храмова, О. Б. Лобанова, А. В. Фирер, Н. В. Басалаева, Л. С. Шмульская. – Красноярск: «Литера-принт», 2021. – С. 8.

9. Мыслительно-образное моделирование двигательных действий студентов на занятиях по физической культуре / О. Ю. Тарасова, П. В. Тарасов, А. А.

Марченко, И. Р. Тарасенко // Теория и практика физической культуры. – 2013. – № 9. – С. 15–18. – EDN RDESMP.

10. Волков И. П. Задачи и формы психологического обеспечения высококвалифицированных спортсменов к соревнованиям / И. П. Волков // Научные исследования и разработки в спорте. – 1994. – № 1. – С. 5–10.

11. Формирование функциональной грамотности обучающихся: методическое пособие / сост. Л. Н. Храмова, О. Б. Лобанова, А. В. Фирер, Н. В. Басалаева, Л. С. Шмульская. – Красноярск: «Литера-принт», 2021. – С. 24.

12. Edwards L. C., Bryant A. S., Keegan R. J., Morgan K., Jones A. M. Definitions, Foundations and Associations of Physical Literacy: A Systematic Review // Sports Medicine. – 2017. – Vol. 47. – P. 113–126. – DOI 10.1007/s40279-016-0560-7.

13. Martins J., Onofre M., Mota J., Murphy C., Repond R.-M., Vost H., Cremosini B., Svrdlim A., Markovic M., Dudley D. International Approaches to the Definition, Philosophical Tenets, and Core Elements of Physical Literacy: A Scoping Review // Prospects. – 2021. – Vol. 50, № 1-2. – P. 13–30. – DOI 10.1007/s11125-020-09466-1.

14. Cairney J., Dudley D., Kwan M., Bulten R., Kriellaars D. Physical Literacy, Physical Activity and Health: Toward an Evidence-Informed Conceptual Model // Sports Medicine. – 2019. – Vol. 49. – P. 371–383. – DOI 10.1007/s40279-019-01063-3.

15. Roetert E. P., MacDonald L. C. Unpacking the physical literacy concept for K-12 physical education: What should we expect the learner to master? // Journal of Sport and Health Science. – 2015. – Vol. 4, № 2. – P. 108–112. – DOI 10.1016/j.jshs.2015.03.002.

16. Shearer C., Goss H. R., Edwards L. C., Keegan R. J., Knowles Z. R., Boddy L. M., Durden-Myers E. J., Foweather L. How is Physical Literacy Defined? A Contemporary Update // Journal of Teaching in Physical Education. – 2018. – Vol. 37, № 3. – P. 237–245. – DOI 10.1123/jtpe.2018-0135.

MODEL FOR DEVELOPING PHYSICAL AND FUNCTIONAL LITERACY: INTEGRATION OF MOTOR AND INTELLECTUAL COMPONENTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS

A.V. Tulentsov

Lugansk State Pedagogical University, Starobelsk (branch), Starobelsk, LPR

The article substantiates the position that physical literacy is not a narrowly motor-oriented phenomenon but an integrative one, combining the physical-motor and intellectual components of human activity.

Keywords: physical literacy, motor thinking, cognitive adequacy, metacognitive competencies, pedagogical model, physical culture and health-improving work.

УДК 346.5:334.7

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Н.В. Филина

Омский государственный университет путей сообщения, г Омск, Россия

В статье анализируется система правовых механизмов государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) в регионах Сибирского федерального округа (СФО). На основе изучения федерального и регионального законодательства, данных о реализации национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика» и правоприменительной практики выявляемые инструменты поддержки (льготное кредитование, поручительства, субсидии, налоговые льготы, инфраструктурная и информационно-консультационная поддержка). Показано, что, несмотря на наличие разветвлённой нормативной базы, реализация мер поддержки в регионах СФО сопровождается рядом системных проблем: бюрократическими барьерами, фрагментарностью регионального регулирования, дублированием функций между федеральными и региональными структурами, недостаточной информированностью предпринимателей. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования поддержки МСП в СФО.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, Сибирский федеральный округ, государственная поддержка, льготное кредитование, региональное законодательство, национальный проект, правовые механизмы.

Малое и среднее предпринимательство (МСП) выступает важным фактором экономического развития, обеспечения занятости и диверсификации региональных экономик. В условиях структурной трансформации российской экономики и усиления роли несырьевого сектора поддержка МСП становится одним из приоритетов государственной экономической политики [1, с. 1-3]. Сибирский федеральный округ (СФО), обладающий значительным экономическим и ресурсным потенциалом, характеризуется высокой дифференциацией социально-экономического развития регионов, что обусловливает необходимость дифференцированного подхода к поддержке предпринимательства [2, с. 89-90]. В то же время регионы СФО сталкиваются с общими вызовами: оттоком населения, недостаточной развитостью инфраструктуры, ограниченным доступом к финансовым ресурсам для малого бизнеса.

Цель статьи – проанализировать правовые механизмы поддержки МСП в регионах СФО, оценить их эффективность и выявить проблемы реализации на практике. Правовую основу поддержки МСП в России составляет Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», который закрепляет право субъектов МСП на

получение государственной поддержки в различных формах: финансовой, имущественной, консультационной и информационной [3, 4].

В 2025–2027 годах реализация мер поддержки осуществляется в рамках национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика», включающего федеральный проект «Малое и среднее предпринимательство». Инструментами нацпроекта являются: льготное инвестиционное кредитование; поручительства региональных гарантийных организаций; льготные микрозаймы государственных микрофинансовых организаций; механизм «зонтичных» поручительств, покрывающих до 50% суммы кредита [5].

С 2026 года лимит федеральной программы льготного кредитования МСП увеличен до 200 млрд руб. (150 млрд – инвестиционные кредиты, 50 млрд – оборотные средства), минимальный размер кредита снижен до 25 млн руб. На уровне Правительства РФ действуют Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на государственную поддержку МСП, утверждённые постановлением от 15.04.2014 № 316 [6].

Регионы Сибирского федерального округа реализуют меры поддержки МСП в рамках как федеральных, так и региональных программ. Анализ показывает, что в большинстве субъектов СФО приняты законы и подзаконные акты, предусматривающие: Финансовую поддержку: субсидии на возмещение части затрат (на оплату процентов по кредитам, лизинговые платежи, участие в выставках, сертификацию продукции), гранты начинающим предпринимателям, льготные займы через региональные микрофинансовые организации. Имущественную поддержку: предоставление в аренду государственного и муниципального имущества на льготных условиях, создание промышленных парков и технопарков. Инфраструктурную поддержку: функционирование центров «Мой бизнес», оказывающих консультационные, образовательные и сервисные услуги предпринимателям. Налоговые льготы: применение специальных налоговых режимов (УСН, патент), региональные налоговые льготы для отдельных категорий МСП [7, с. 36].

В качестве примера можно привести Новосибирскую область, которая лидирует по развитию МСП в Сибири: к концу 2025 года в регионе зарегистрировано более 156 тыс. субъектов МСП. Центр «Мой бизнес» в 2025 году предоставил более 6 тыс. услуг, помог создать 400 новых компаний и поддержал свыше 4,7 тыс. действующих субъектов МСП. Через региональные фонды предприниматели привлекли финансирование на 6,9 млрд руб., из которых 3,2 млрд составили кредиты с государственной гарантией.

В Красноярском крае в 2026 году зафиксировано 891 оказанная мера поддержки МСП, что вывело регион в пятёрку лидеров по стране. Для экспортно-ориентированных предприятий СФО и Дальнего Востока Российский экспортный центр (РЭЦ) предлагает «коробочные» решения по кредитованию, страхованию и банковским гарантиям: ставка по кредиту «Деньги на экспорт» составляет 6,5% годовых, оформление банковской гарантии до 10 млн руб. – 5 тыс. руб., страхование экспортного контракта на ту же сумму – 30 тыс. руб.. Оценка эффективности правовых механизмов поддержки МСП может проводиться по ряду критериев: охват предпринимателей мерами поддержки, объём

привлечённого финансирования, количество созданных и сохранённых рабочих мест, рост числа субъектов МСП. Данные свидетельствуют о положительной динамике в ряде регионов СФО. Так, в Новосибирской области за 2025 год при поддержке центра «Мой бизнес» создано 400 новых компаний, поддержано свыше 4,7 тыс. действующих субъектов МСП. В Красноярском крае в 2026 году оказано 891 мера поддержки, что свидетельствует о высокой востребованности региональных программ.

Федеральные данные показывают, что в 2025 году в базовых несырьевых отраслях экономики доля средних и крупных предприятий, вовлечённых в реализацию проектов по повышению производительности труда, составила 23,6%. В 2026 году малый и средний бизнес сможет привлечь около 900 млрд руб. с помощью инструментов господдержки по нацпроекту «Эффективная и конкурентная экономика» [5]. Вместе с тем эффективность мер поддержки неоднородна по регионам СФО. Лидерами по числу предоставленных мер являются наиболее экономически развитые субъекты (Красноярский край, Новосибирская область), в то время как в менее развитых регионах (Республика Тыва, Алтай, Забайкальский край) охват предпринимателей мерами поддержки остаётся низким.

Несмотря на наличие разветвлённой нормативной базы и многочисленных механизмов поддержки, на практике их реализация сопровождается рядом системных затруднений. Бюрократические барьеры и сложность процедур. Предприниматели сталкиваются с многочисленными бюрократическими барьерами, сложностью оформления документов и длительными процедурами получения субсидий, грантов и налоговых льгот. Отсутствие единых форм отчётности при субсидировании в регионах создаёт дополнительную нагрузку на бизнес [8, с. 87-88]. Фрагментарность и дублирование функций. Исследования выявляют проблемы нормативной фрагментации, дублирования функций между федеральными и региональными структурами (например, споры между Корпорацией МСП и региональными органами власти), недостаточной интеграции цифровых сервисов. Нечёткое разграничение компетенций создаёт правовую неопределённость для предпринимателей. Недостаточная информированность предпринимателей. Часто малый и средний бизнес не располагает полными данными о доступных программах, условиях их получения и сроках реализации. Низкий уровень цифровизации в отдельных субъектах РФ, сбои в работе платформы «Мой бизнес» ограничивают доступ к цифровым сервисам. Дисбаланс между федеральными и региональными программами. Существует заметный дисбаланс между федеральными и региональными программами поддержки, что приводит к неравномерности охвата предпринимателей мерами поддержки в разных регионах СФО. Ограниченная адаптация нормативной базы к быстро меняющимся условиям. Частые изменения в налоговом и административном законодательстве, отсутствие единых процедур и методических рекомендаций для региональных органов власти создают правовую неопределённость. С 2026 года пониженный тариф страховых взносов 15% доступен только предприятиям из приоритетных отраслей, что ограничивает круг получателей льготы. Региональная дифференциация. Высокая дифференциация социально-экономического развития

регионов СФО приводит к тому, что в менее развитых субъектах (Республика Тыва, Алтай) инфраструктура поддержки МСП развита слабее, а доступ к финансовым ресурсам ограничен [2, с. 90].

Для повышения эффективности правовых механизмов поддержки МСП в регионах СФО представляется целесообразным: Унификация процедур и снижение бюрократической нагрузки. Внедрение единых форм отчётности и стандартов предоставления мер поддержки во всех регионах СФО, упрощение процедур получения субсидий и грантов. Развитие цифровых сервисов. Обеспечение стабильной работы платформ МСП РФ и региональных порталов «Мой бизнес», повышение уровня цифровой грамотности предпринимателей. Усиление координации между федеральными и региональными структурами. Чёткое разграничение компетенций между Корпорацией МСП, региональными фондами и центрами поддержки, устранение дублирования функций. Повышение информированности предпринимателей. Проведение регулярных информационных кампаний, выездных консультаций в отдалённых районах СФО, развитие сети центров «Мой бизнес». Дифференцированный подход к поддержке регионов СФО. Увеличение объёма федеральных субсидий для менее развитых регионов (Республика Тыва, Алтай, Забайкальский край), развитие инфраструктуры поддержки в малых городах и сельской местности. Стабильность правового регулирования. Снижение частоты изменений в налоговом и административном законодательстве, разработка долгосрочных программ поддержки МСП на период до 2030 года.

Заключение

Правовые механизмы поддержки малого и среднего предпринимательства в регионах Сибирского федерального округа представлены широким спектром инструментов: льготное кредитование, поручительства, субсидии, налоговые льготы, инфраструктурная и информационно-консультационная поддержка. Реализация этих мер в рамках национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика» способствует росту числа субъектов МСП и привлечению финансирования в ряде регионов СФО (Новосибирская область, Красноярский край). Вместе с тем эффективность правовых механизмов снижается из-за бюрократических барьеров, фрагментарности регионального регулирования, дублирования функций, недостаточной информированности предпринимателей и высокой дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития. Совершенствование правовых механизмов поддержки МСП в СФО требует унификации процедур, развития цифровых сервисов, усиления координации между федеральными и региональными структурами, а также дифференцированного подхода к поддержке менее развитых регионов.

Список использованных источников

1. Сюсюра, Д. А. Малое и среднее предпринимательство в РФ: факторы развития и возможности достижения цели 2030 г / Д. А. Сюсюра // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № 3. – С. 1-11. – EDN PSMQDE..

2. Хавина, Л. А. Успехи и проблемы малого и среднего предпринимательства в Сибирском федеральном округе / Л. А. Хавина // Географическая среда и живые системы. – 2023. – № 1. – С. 88-100. – DOI 10.18384/2712-7621-2023-1-88-100. – EDN POVTBD..

3. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (с изм. и доп с изменениями на 26 июня 2026 года.) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 16.09.2026).

4. О внесении изменений в статьи 3 и 8 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» : Федеральный закон от 29.12.2025 № 555-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512290043 (дата обращения: 16.09.2026).

5. Максим Решетников: в 2026 году малый и средний бизнес сможет привлечь около 900 млрд рублей // Министерство экономического развития Российской Федерации: [сайт]. – 2026. – 19 февраля. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_v_2026_godu_malyy_i_srednіy_biznes_smozhet_privlech_okolo_900_mlrd_rubley.html (дата обращения: 16.09.2026).

6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» : постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 316 (ред. от 20.11.2025) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162191/ (дата обращения: 16.09.2026).

7. Зайцев, Я. В. Региональное регулирование и поддержка малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне / Я. В. Зайцев, Ю. С. Положенцева, И. В. Андросова, Д. С. Старостина // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 11. – DOI 10.18334/epp.14.11.122084.

8. Марченков, И. С. Стратегии и инструменты поддержки малого бизнеса в регионе / И. С. Марченков, И. А. Баранова // Региональная и отраслевая экономика. – 2025. – № 3. – С. 86–91. – DOI 10.47576/2949-1916.2025.3.3.011.

LEGAL MECHANISMS FOR SUPPORTING SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN THE REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT: EFFECTIVENESS AND IMPLEMENTATION CHALLENGES

N.V. Filina

Omsk State University of Railways,
Omsk, Russia

The article analyzes the system of legal mechanisms for state support of small and medium-sized enterprises (SMEs) in the regions of the Siberian Federal District (SFD). Based on a study of federal and regional legislation, data on the implementation of the national project "Effective and Competitive Economy," and law enforcement

practice, the identified support instruments include concessional lending, suretyships, subsidies, tax incentives, as well as infrastructural and informational-consultative support. It is shown that despite the existence of an extensive regulatory framework, the implementation of support measures in the SFD regions is accompanied by a number of systemic problems: bureaucratic barriers, fragmentation of regional regulation, duplication of functions between federal and regional structures, and insufficient awareness among entrepreneurs. Proposals for improving the legal regulation of SME support in the SFD are formulated.

Keywords: small and medium-sized enterprises, Siberian Federal District, state support, concessional lending, regional legislation, national project, legal mechanisms.

УДК 316.346.32

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННОЙ МОБИЛЬНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Н.В. Филина

Омский государственный университет путей сообщения, г Омск, Россия

В статье рассматривается взаимосвязь территориальной (региональной) идентичности молодежи и ее миграционных установок в условиях высокой внутренней мобильности населения России. На основе анализа социологических исследований, посвященных молодежи Сибири, Дальнего Востока и арктических территорий, показано, что сила привязанности к региону, чувство гордости за территорию и включенность в локальные социальные сети выступают значимыми факторами, сдерживающими миграционные намерения. Обосновывается необходимость учета региональной идентичности при разработке молодежной и миграционной политики в Сибирском федеральном округе (СФО).

Ключевые слова: территориальная идентичность, региональная идентичность, молодежь, Сибирский федеральный округ, миграционная мобильность, миграционные установки, социологический анализ.

Внутренняя миграция остается одним из основных демографических и социально-экономических процессов современной России. Наибольший отток населения фиксируется из Дальневосточного и Сибирского федеральных округов, где наиболее мобильной группой выступает молодежь в возрасте 18–24 лет. Значительная часть переездов связана с поступлением в вузы Москвы и Санкт-Петербурга, что формирует устойчивый образовательный миграционный поток из регионов Сибири в центры притяжения. В условиях продолжающегося оттока населения из СФО (по данным за 2024 год – около 10 тыс. человек [5]) актуализируется вопрос о факторах, влияющих на решение молодежи остаться в регионе или покинуть его. Одним из таких факторов является территориальная

(региональная) идентичность – эмоциональная привязанность к территории, чувство принадлежности к сообществу жителей региона и готовность связывать с ним свое будущее [1, с. 88-89].

Цель статьи – проанализировать роль территориальной идентичности молодежи Сибирского федерального округа в формировании миграционных установок в условиях высокой миграционной мобильности. Территориальная идентичность понимается в современной социологии как многоуровневый конструкт, включающий локальный (город, поселок), муниципальный и региональный уровни идентификации. Региональная идентичность молодежи включает эмоциональную привязанность к территории, доверие к региональным институтам власти, представления о жизненных перспективах и готовность участвовать в социально-политических процессах региона.

Исследования, проведенные в арктической зоне России, демонстрируют, что территориальная идентичность может выступать фактором, сдерживающим миграционные намерения: чем ярче выражены маркеры «северной» или «арктической» идентичности (эмоциональная привязанность, культурно-историческая связь, чувство гордости и принадлежности), тем сильнее установка «не хочу никуда уезжать» [2, с. 25-26]. Аналогичные результаты получены в исследованиях молодежи Северо-Востока России (Якутия, Чукотка): люди, чувствующие сильную привязанность к своему региону, реже планируют выезд [3, с. 81-83]. Применительно к Сибири и Дальнему Востоку зафиксирована связь миграционных настроений и политических установок учащейся молодежи: миграционные планы сопряжены не только с экономическими факторами, но и с субъективным восприятием жизненных перспектив в регионе [4, с. 96-97].

Эмпирические данные свидетельствуют о сохраняющемся оттоке населения из Сибирского федерального округа. По оценке заместителя председателя Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле, в 2024 году отток составил 10 тыс. человек, при этом точных данных за 2025 год пока нет, однако ситуация вряд ли кардинально изменилась [5]. Миграционная мобильность молодежи Сибирского федерального округа обусловлена сочетанием образовательных, экономических и территориальных факторов. Образовательные перемещения. Существенная доля переездов молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет связана с поступлением в высшие учебные заведения Москвы и Санкт-Петербурга. Развитие университетских центров внутри Сибири, включая Сибирский федеральный университет, способствует частичному перераспределению этих потоков и создает дополнительные возможности для получения образования без выезда за пределы округа. Трудовая мобильность. При выборе места работы значимую роль играет уровень дохода и востребованность специалистов в отдельных секторах экономики. Наиболее выраженная мобильность характерна для работников добывающей промышленности и строительной сферы, где занятость нередко предполагает перемещение между территориями. Маятниковые перемещения. В отдельных субъектах СФО заметная часть занятого населения работает за пределами населенного пункта проживания. Так, в Хакасии этот показатель достигает 15%, причем примерно четверть таких работников трудится

в другом регионе [5]. Это позволяет рассматривать регулярные поездки к месту работы как устойчивый элемент современной трудовой мобильности.

Территориальная идентичность оказывает влияние на миграционные планы не изолированно, а через повседневные социальные связи и представления молодых людей о будущем. Значимыми ресурсами удержания становятся эмоциональная связь с местом проживания, поддержка семьи и друзей, а также включенность в локальное сообщество. При сильной привязанности к городу или региону решение остаться может объясняться не только отсутствием необходимости в переезде, но и наличием социальных и профессиональных возможностей на месте. К таким возможностям относятся поддержка родственников, участие в локальных сообществах и возможность самореализации в условиях меньшей конкуренции по сравнению с крупнейшими городами. Таким образом, территориальная идентичность способна преобразовывать регион из места временного проживания в пространство, с которым молодежь связывает личные планы и жизненные перспективы.

В контексте СФО можно выделить следующие механизмы влияния территориальной идентичности на миграционные установки: Эмоциональная привязанность и чувство гордости за регион. Сильная региональная идентичность формирует установку на сохранение связи с территорией даже в условиях экономических трудностей [2, с. 40]. Включенность в локальные социальные сети. Поддержка семьи, друзей и родственников снижает готовность к переезду, особенно в условиях, когда миграция означает разрыв социальных связей. Восприятие жизненных перспектив в регионе. Если молодежь видит возможности для профессиональной самореализации, доверяет региональным институтам и связывает свое будущее с регионом, миграционные намерения ослабевают [1, с. 92].

При этом важно отметить, что региональная идентичность не является единственным фактором: она взаимодействует с объективными условиями (доступность качественного образования, рынка труда, инфраструктуры) и субъективными представлениями о возможностях самореализации [6, с 2105-2104].

Результаты рассмотренных исследований позволяют предположить, что развитие территориальной идентичности может использоваться в качестве одного из направлений молодежной и миграционной политики в СФО. Однако сама по себе символическая привязанность к региону не способна компенсировать недостаток рабочих мест, ограниченный доступ к качественному образованию или слабую инфраструктурную обеспеченность. Чувство принадлежности будет способствовать закреплению молодежи только в том случае, если оно сочетается с реальными возможностями для профессионального и личного развития. В этой связи важное значение имеют инвестиционные проекты, развитие университетской среды и расширение занятости в современных технологичных отраслях. Подобные меры способны повысить привлекательность региона не только как места проживания, но и как пространства для построения профессиональной траектории. Одновременно необходима работа с символическими аспектами региональной идентичности: поддержка культурных и общественных

инициатив, освещение достижений сибирских территорий в медиапространстве и повышение доверия молодежи к региональным институтам.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что территориальная идентичность является одним из факторов, связанных с миграционными установками молодежи Сибирского федерального округа. Эмоциональная связь с регионом, чувство принадлежности к местному сообществу и развитая сеть семейных и дружеских контактов могут снижать готовность к переезду. Наиболее заметным этот эффект становится тогда, когда территориальная привязанность сочетается с доступными образовательными, трудовыми и инфраструктурными возможностями. Учет данного фактора позволяет расширить традиционный подход к регулированию миграции. Политика удержания молодежи должна включать не только создание рабочих мест и развитие инфраструктуры, но и формирование условий для позитивного восприятия региона, участия молодых людей в его общественной жизни и осмысленного связывания собственного будущего с Сибирским федеральным округом.

Список использованных источников

1. Дерябин, В. С. Региональная идентичность молодёжи как фактор современной российской политики / В. С. Дерябин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2026. – Т. 26, вып. 1. – С. 88–94. – DOI 10.18500/1818-9601-2026-26-1-88-94.

2. Симакова, А. В. Северная идентичность как фактор сдерживания миграционных установок молодежи Арктической зоны России / А. В. Симакова, А. О. Аверьянов, И. С. Степусь, Е. А. Хотеева // Социологический журнал. – 2025. – Т. 31, № 1. – С. 25–46. – DOI 10.19181/socjour.2025.31.1.2.

3. Васильева, О. В. О миграционных интенциях населения Северо-Востока России в контексте проблемы региональной и этнической идентичности / О. В. Васильева // Respublica Literaria. – 2025. – Т. 6, № 3. – С. 81–96. – DOI 10.47850/RL.2025.6.3.81-96.

4. Шашкова, Я. Ю. Миграционные настроения и политические установки учащейся молодежи Сибири и Дальнего Востока: проблема соотношения / Я. Ю. Шашкова, С. Ю. Асеев // Социологические исследования. – 2023. – № 2. – С. 95–103. – DOI 10.31857/S013216250019429-4.

5. Сибирская демография. Желания и возможности // Инфраномика : [сайт]. – 2026. – 2 мая. – URL: https://infranomica.ru/2026/05/02/sibirskaya-demografiya-zhelaniya-i-vozmozhnosti/ (дата обращения: 16.09.2026).

6. Ростовцева, М. В. Психологические факторы миграционного поведения молодежи: теоретический обзор / М. В. Ростовцева, Д. О. Труфанов, О. В. Васильева // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 11. – EDN AVGIDD. – URL: https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/154173 (дата обращения: 16.09.2026).

TERRITORIAL IDENTITY OF YOUTH IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT UNDER CONDITIONS OF MIGRATORY MOBILITY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

N.V. Filina

Omsk State University of Railways,
Omsk, Russia

The article examines the relationship between territorial (regional) identity of young people and their migration attitudes in the context of high internal population mobility in Russia. Based on an analysis of sociological studies devoted to the youth of Siberia, the Far East, and Arctic territories, it is shown that the strength of attachment to the region, a sense of pride for the territory, and involvement in local social networks act as significant factors restraining migration intentions. The necessity of taking regional identity into account when developing youth and migration policies in the Siberian Federal District (SFD) is substantiated.

Keywords: territorial identity, regional identity, youth, Siberian Federal District, migratory mobility, migration attitudes, sociological analysis.

УДК 378.016

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВКЛЮЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КИТАЙСКОГО КОМПОЗИТОРА ШИ ГУАННАНЯ В ВОКАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКИХ ВУЗОВ КНР

Сюэтин Хань

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

Рассмотрены педагогические возможности вокальных сочинений китайского композитора Ши Гуаннаня (1940–1990) в работе со студентами творческих вузов Китая. Проанализированы ария «Несчастная жизнь» из оперы «Прощание», песни для меццо-сопрано («Бей в барабан и пой», «Созрел виноград в Турфане», «Если ты хочешь узнать меня») и крупные произведения («Многострадальная земля», «На полях надежды»). Выделены доминантные художественные черты его стиля, а главный акцент сделан на дидактическом потенциале: развитии дыхания, дикции, тембровой культуры, эмоциональной выразительности. Приводятся методические разработки: поурочный план изучения арии и комплекс вокальных упражнений. Показано, что целенаправленное включение музыки Ши Гуаннаня в учебный процесс содействует не только техническому росту вокалистов, но и более глубокому освоению китайской музыкальной эстетики.

Ключевые слова: Ши Гуаннань, вокальная педагогика, китайская опера, ария «Несчастная жизнь», студенты творческих вузов, вокальный репертуар, методика преподавания пения, поурочный план, вокальные упражнения.

Вокальное образование Китая сегодня формируется на стыке западной академической школы и национальных традиций. Перед преподавателями стоят две равнозначные задачи: 1) дать студенту владение западным оперным каноном; 2) одновременно обеспечить технически выверенное, глубокое исполнение произведений китайских авторов.

Особого внимания заслуживает наследие Ши Гуаннаня, которого ещё при жизни называли «народным музыкантом» и «певцом эпохи». Его вокальные сочинения по праву входят в золотой фонд китайской музыки [4, с. 64]. Однако системного педагогического осмысления его наследия до сих пор не проводилось: никто не изучал, как именно – не эпизодически, а планомерно – использовать эти произведения в учебной практике.

Аналогичный западному канону (от Моцарта до Бриттена) национальный репертуарный «минимум» в Китае ещё только формируется. Основой для него, как полагают авторитетные китайские методисты, способно послужить творчество Ши Гуаннаня: его наследие охватывает разные типы голосов, уровни сложности и жанры – от лирической арии до патриотической песни-марша. Опыт Пекинской консерватории показывает, что введение такого репертуарного минимума усиливает мотивацию студентов. Они начинают видеть живую связь между учёбой и современной китайской культурой.

Ши Гуаннань родился в Чунцине в 1940 году, окончил Тяньцзиньскую консерваторию, позднее совершенствовался в Центральной консерватории. Его жизнь пришлась на переломные и драматичные десятилетия новейшей китайской истории, что прямо отразилось в музыке. Им создано свыше тысячи произведений, среди которых оперы «Прощание» и «Цюй Юань», песни «Застольная», «Виноград в Турфане созрел», «На полях надежды», «Многострадальная земля» и др. Чжан Чуньюй подчёркивает, что «композитор считал мелодию душой песни и выстраивал естественное, «поющее» интонирование» [4, с. 65]. Студенту это помогает, так как материал осваивается быстрее, прогресс становится очевидным. Другая важная черта – органичное соединение речевой и певческой интонации. В ряде арий, особенно в «Прощании», появляются речитативные обороты, близкие к разговорной речи, что облегчает переход от технических упражнений к осмысленному пению с подлинным чувством. Биографический контекст важен потому, что Ши Гуаннань прошёл через «культурную революцию» и первые годы реформ. Его музыка фиксирует смену общественных настроений: от скрытого сопротивления в 1970-х («Бей в барабан и пой») до открытого оптимизма 1980-х («На полях надежды»). Для студента-вокалиста понимание этой эволюции становится ключом к верной интерпретации. Преподаватель может предложить хронологическую таблицу: год создания песни – историческое событие – доминирующая эмоция. Такой подход превращает разучивание нот в погружение в историю Китая глазами художника.

Столь же значимо использование народных ладов и ритмов. Ши Гуаннань «вводит в ткань сочинений уйгурские, дайские, монгольские элементы, а это заметно расширяет метроритмический и интонационный кругозор обучающихся» [5, с. 129]. К тому же его произведения написаны для разных голосов – от тенора до меццо-сопрано, – что позволяет подбирать материал под конкретного студента. Наконец, эмоциональная насыщенность: будь то трагедия Цзыцзюнь или патриотический подъём в «На полях надежды», каждая вещь требует включения воображения, проживания образа. В Синьцзянском художественном институте закрепился трёхступенчатый подход: сначала ритм прохлопывают, затем дирижируют им и лишь потом пропевают. Именно так, например, осваивают ритм «ручного барабана» в уйгурских песнях – он требует от студента не просто метрической точности, но и живого ощущения танцевальной импульсации, свободы. В итоге этнический элемент перестаёт быть механически скопированным экзотическим узором и становится органичной частью певческого процесса, а сама работа с ним уже не сводится к простому подражанию.

Ария Цзыцзюнь «Несчастная жизнь» из оперы «Прощание» – кульминационная точка спектакля. Она выстроена в сложной трёхчастной форме: f-moll, затем F-dur и снова f-moll. Ван Дань полагает, что «именно слияние лирики и драмы делает эту арию образцовой для вокальной педагогики» [1, с. 110]. Янь Чжили, со своей стороны, обращает внимание, что «смена тональностей здесь напрямую связана с эмоциональным состоянием героини, и это должно быть осознано студентом» [9, с. 47]. В первой части требуется ровное дыхание, спокойное и постепенно наращиваемое по силе звука. Во второй части, на восходящих секвенциях, учащийся учится брать протяжённое дыхание и распределять его на длинных фразах [1, с. 111]. Кульминационный септимовый ход на гласном «а» требует мощного forte и полного выдоха. Финальные строки второго раздела насыщены паузами, и каждая цезура должна быть оправдана, не разрывая мелодической линии. Так отрабатываются фразировка и дыхание. Наибольшие трудности у студентов во втором разделе арии связаны с паузами. Новичок либо пропевает всё подряд, вовсе их не замечая, либо, напротив, обрывает звук настолько резко, что разрушается инерция развития. Педагог может предложить здесь специальное упражнение: перед паузой мысленно делать короткий «замах» дыхания, а следующий звук брать мягко, словно «приземляясь» на него. Этот приём напоминает тот, что применяется в работе над ариями Верди, однако в китайском материале он даёт особый результат – паузы здесь приходятся ровно на смысловые вехи монолога Цзыцзюнь («…одиночество… холод… обида»). Совместный разбор текста и пауз и есть путь к осознанной интерпретации.

Особое внимание приходится уделять дикции и артикуляции. Например, фраза «манму дэ сишэн» – отличный тренажёр для носовых согласных и перехода с закрытого слога на открытый. Как указывает Ван Дань, «при произнесении слога «ман» губам необходимо плотно смыкаться, а воздух направлять в носовой резонатор, иначе возникнет «ма» вместо «ман»» [1, с. 112]. Ли Цзы, сравнивая исполнения арии Чэн Гуй и Ван Хун, фиксирует разные дикционные и тембральные решения, и это «даёт богатый материал для аудиторного обсуждения» [10, с. 78]. Что касается тембра, то повторяющиеся звуки и долгие ноты

передают безысходность; студент учится менять окраску – от тусклого piano до резко драматического forte [2, с. 72]. Быстрые пассажи начинают звучать отчётливо и естественно после артикуляционной подготовки, сочетающей два приёма. Первый – заимствованный из логопедии метод «обратного слога»: студент медленно проговаривает фразу задом наперёд («нэшис дэ умнам»), а затем – в нормальном порядке, делая короткий выдох на каждый слог; так разрушаются ложные артикуляционные стереотипы. Второй приём, практикуемый в Шанхайской консерватории, – синхронное чтение китайского текста арии под метроном: на каждый удар приходится один слог, темп постепенно разгоняется от 60 до 120 ударов.

Полноценное освоение произведения удобно строить по поурочному плану (см. таблицу 1), рассчитанному на студентов III–IV курсов. В таблице видно, как задачи последовательно смещаются от технических к художественным.

Таблица 1 – Планирование работы над арией «Несчастная жизнь»

Этап	Время	Содержание педагогической работы	Формируемые навыки
Занятие 1.	15 мин	разбор исторического контекста, просмотр отрывка из оперы.	понимание драматургии, сопереживание героине.
	20 мин	дыхательные упражнения на материале первой части арии: пение на слог «а» с контролем диафрагмы.	певческое дыхание, атака звука.
	30 мин	разучивание первой части по нотам, отработка цезур и динамики	фразировка, владение динамикой.
	25 мин	артикуляционная гимнастика: проговаривание китайского текста в медленном темпе.	дикция, чёткость согласных.
Занятие 2.	10 мин	повторение первой части, работа над тембровой окраской.	гибкость тембра.
	35 мин	разбор второй части: восходящие секвенции «я вернусь туда», распределение дыхания.	длинное дыхание, секвенции.
	30 мин	кульминационная зона: упражнения на выдержанное forte, контроль резонаторов.	опора звука, резонирование.
	15 мин	сквозное исполнение арии с элементами сценического движения.	сценическая интерпретация, эмоциональная свобода.

На первом занятии доминирует техническая работа, на втором – художественно-сценическая. Преподаватель на каждом этапе корректирует действия студента с учётом его индивидуальных особенностей. Существенно, что ария не

сводится к одной вокализации: значительное время отдано разбору контекста и сценическому движению – студент приучается целостно воспринимать музыкально-театральный синтез.

Лэй Синь и Яо Юйхуа показали, что «песни Ши Гуаннаня для меццо-сопрано, написанные специально для Гуань Муцунь, также обладают высокой педагогической ценностью – особенно в работе над средним регистром и дикцией» [3, с. 36]. Возьмём «Бей в барабан и пой» – двухчастную вещь с ярко выраженной уйгурской краской. Ритмическая основа имитирует удары ручного барабана. Хань Лися детально разбирает вокальные приёмы в этой песне и подчёркивает, что «стаккато и пунктирный ритм прекрасно развивают подвижность артикуляции» [6, с. 125]. Осваивая это сочинение, студент тренирует пунктир, синкопы, а в припеве – ещё и лёгкое стаккато, прибавляющее голосу проворности.

Песня «Созрел виноград в Турфане» интересна тем, как кантабильность соединяется в ней с восточной мелизматикой. Фраза «Анархан, твой виноград созрел», построенная на восходящих секвенциях и мелизмах, служит отличным материалом для развития гибкости голоса и legato на широких интервалах. «Если ты хочешь узнать меня» ценится за возможность отработать быструю смену гласных и согласных на вспомогательном слоге «а лай лай» – это существенно улучшает дикцию [3, с. 39].

Для большей системности предлагаются вокальные упражнения (см. таблицу 2), построенных на мелодических оборотах из песен Ши Гуаннаня. Эти упражнения можно выполнять вначале занятия как распевку (5–10 минут).

Таблица 2 – Примеры вокальных упражнений на материале сочинений Ши Гуаннаня

Произведение	Фрагмент	Тип	Цель
«Бей в барабан и пой»	припев «ми-лай ми-лай ми-лай…» (стаккато)	пение на слог «ли» в темпе allegro	лёгкость звука, активность кончика языка.
«Созрел виноград в Турфане»	фраза «а-на́р-хан, твой ви-но-град со-зрел» (легато, широкие интервалы)	пение на гласный «а» с плавным переносом дыхания	кантилена, выравнивание гласных.
«Несчастная жизнь»	восходящая секвенция «я вернусь туда…» (такты 56–77)	пение на слог «но» с крещендо к верхнему звуку	долгое дыхание, опора на диафрагму.
«Несчастная жизнь»	септимовый ход на «а» (кульминация)	«скольжение» от нижнего звука к верхнему на «а»	расширение диапазона, резонирование.
«Если ты хочешь узнать меня»	вспомогательный слог «а лай лай» в быстром темпе	проговаривание, затем пропевание на одной ноте	чёткая дикция, ритмическая устойчивость.

Упражнения легко адаптируются к разному уровню подготовки: начинающим можно замедлить темп и упростить ритмический рисунок, а продвинутые студенты добавляют динамические нюансы и работают над вибрато. Ян Пин замечает, что «такие упражнения на национальном материале не только совершенствуют технику, но и формируют эстетический вкус, поскольку студент привыкает к специфике китайской интонации» [8, с. 85].

Патриотические песни «На полях надежды» и «Многострадальная земля» создавались в период реформ и открытости. Их мощный идейный заряд сочетается с полезными для вокалиста задачами: воспитанием чувства фразы и навыком пения на долгом дыхании. В «На полях надежды» маршевые ритмы сливаются с напевностью, помогая выработать активную атаку звука и ровный тембр по всем регистрам. Чэнь Пэн подчёркивает, что «оба сочинения допускают и народную, и академическую манеру исполнения, то есть способствуют сближению двух вокальных школ» [7, с. 88]. Полезно предлагать студентам сравнивать разные интерпретации, а затем обсуждать различия во фразировке, динамике и тембре.

Оценивать эффект от включения произведений Ши Гуаннаня в репертуар можно по таким критериям: чистота интонации, устойчивость дыхания, ясность дикции, эмоциональная убедительность, стилевое соответствие. Рекомендуется проводить промежуточные зачёты после каждого крупного сочинения. Удобным инструментом может стать диагностическая карта, где преподаватель по 5-балльной шкале фиксирует уровень каждого навыка.

Во многих консерваториях КНР произведения Ши Гуаннаня входят в обязательные экзаменационные списки – это подтверждает их признанную педагогическую ценность. На профильных кафедрах даже создаются специальные сборники с методическими комментариями, однако для российских вузов они практически недоступны. Отсюда вытекает потребность в русскоязычном пособии, которое включало бы ноты, транслитерацию китайского текста, подстрочник и советы по фонетике и интерпретации.

В российских вузах, например в Пензенском государственном университете, арии из «Прощания» используются в курсах «История вокального искусства» и «Камерное пение» как образец восточного лирического стиля. Но проблемами остаются нехватка качественных нотных изданий с русскими комментариями, языковой барьер (китайская фонетика требует отдельного освоения) и недостаточная осведомлённость преподавателей о педагогических возможностях этой музыки. Чтобы снизить языковые трудности, можно выстроить работу так: сначала студент слушает эталонную запись (Гуань Муцунь), затем разучивает текст по транслитерации с ритмической основой и только после этого поёт под фортепиано.

Проведённый анализ убеждает, что вокальные сочинения Ши Гуаннаня обладают чрезвычайно высоким педагогическим потенциалом. Их планомерное введение в репертуар студентов творческих вузов КНР решает комплекс задач: от дыхания и дикции до тембровой культуры и эмоциональной выразительности,

а кроме того, углубляет понимание китайской музыкальной эстетики XX века. Предложенные в статье поурочный план и система упражнений могут служить для преподавателей практическим ориентиром при изучении арий и песен Ши Гуаннаня.

Сочинения Ши Гуаннаня – не просто художественное наследие. Благодаря синтезу западных композиционных техник с национальными элементами, мелодическому богатству и психологической глубине они становятся действенным учебным материалом, который помогает растить вокалистов нового типа.

Список использованных источников

1. Ван Дань. Исследование исполнения арии Цзыцзюнь «Несчастная жизнь» из оперы «Прощание» / Ван Дань // Современная музыка. – 2022. – № 7. – С. 110–112.

2. Лэй Синь, Яо Юйхуа. Об особенностях, исполнении и вкладе песен для меццо-сопрано композитора Ши Гуаннаня / Лэй Синь, Яо Юйхуа // Музыкальные исследования. – 2017. – № 1. – С. 36–40.

3. Ли Цзы. Анализ версий исполнения арии Цзыцзюнь из оперы «Прощание» – на примере арий «Луч заходящего солнца» и «Несчастная жизнь» / Ли Цзы // Пион. – 2019. – № 5. – С. 78–80.

4. Хань Лися. Песня «Бей в барабан и пой»: музыкальный стиль и вокальная интерпретация / Хань Лися // Вестник Синьчжоуского педагогического института. – 2013. – Т. 29. – № 6. – С. 125–126.

5. Чжан Гуй. Прорывая оковы феодальной морали, оплакивая песнь женской свободы – исследование музыки и исполнения оперного фрагмента «Несчастная жизнь» / Чжан Гуй // Художественное исследование. – 2018. – № 3. – С. 72–73.

6. Чжан Чуньюй. Обсуждение художественных особенностей и вокальных техник вокальных произведений Ши Гуаннаня / Чжан Чуньюй // Вестник Пуэрского университета. – 2022. – Т. 38. – № 3. – С. 64–66.

7. Чэнь Ин. Исследование применения элементов музыки этнических меньшинств в вокальных произведениях Ши Гуаннаня / Чэнь Ин // Сто искусств. – 2019. – Т. 35. – № 5. – С. 128–134.

8. Чэнь Пэн. Анализ стимулирующей ценности вокальных произведений Ши Гуаннаня для развития национального вокального искусства / Чэнь Пэн // Художественное образование. – 2014. – № 6. – С. 88, 104.

9. Ян Пин. Взгляд на особенности развития китайского национального вокального искусства через призму творческого стиля вокальных произведений Ши Гуаннаня / Ян Пин // Художественное образование. – 2008. – № 10. – С. 85.

10. Янь Чжили. Краткий анализ музыкального разбора и вокальной интерпретации арии «Несчастная жизнь» / Янь Чжили // Голос Жёлтой реки. – 2012. – № 16. – С. 47–48.

PEDAGOGICAL ASPECTS OF INCLUDING WORKS BY CHINESE COMPOSER SHI GUANGNAN IN THE VOCAL REPERTOIRE OF STUDENTS AT CREATIVE UNIVERSITIES OF CHINA

Xueting Han

The Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Saint Petersburg, Russia

The article explores the pedagogical potential of using vocal compositions by Chinese composer Shi Guangnan (1940–1990) in the training of students at creative universities in China. The analysis covers the aria «Unhappy Life» from the opera «Farewell», mezzo-soprano songs («Beat the Drum and Sing», «Turpan Grapes Are Ripe», «If You Want to Know Me»), as well as large-scale pieces («The Passionate Land», «In the Field of Hope»). Key artistic features of his music are identified. Special attention is paid to didactic resources: development of breathing, articulation, timbre culture, emotional expressiveness. Practical methodological tools are proposed – a lesson plan table for the aria and a table of vocal exercises based on Shi Guangnan's works. It is shown that systematic inclusion of his works in the educational process not only improves students' vocal technique but also deepens their understanding of Chinese musical aesthetics.

Keywords: Shi Guangnan, vocal pedagogy, Chinese opera, aria «Unhappy Life», students of creative universities, vocal repertoire, vocal teaching methods, lesson planning, vocal exercises.

УДК 658.11

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ В РОССИЙСКОМ МАЛОМ БИЗНЕСЕ

С.Н. Хокинс

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Проведено исследование вопросов трансформации бизнес-моделей в малом предпринимательстве.

Ключевые слова: бизнес-модели, малое предпринимательство, трансформация.

Современные тенденции развития малого предпринимательства в экономике России остаются положительными. Несмотря на низкую долю в структуре ВВП, российский малый бизнес получает адресную поддержку и финансирование, разрабатываются государственные программы поддержки в различных отраслях, таких как сельское хозяйство, перерабатывающая промышленность, где

разработано большое количество системных мер поддержки в связи с импортозамещением и развитием внутреннего предложения. Рассмотрим в таблице основные показатели, характеризующие хозяйственную деятельность субъектов малого предпринимательства в РФ.

Таблица 1 – Основные показатели малого бизнеса РФ в 2022-2023гг. [1]

Показатель	Всего МБ		Темп прироста, %
	2022	2023	
Число предприятий	2754	2659	-3,45
Среднесписочная численность работников, тыс. чел.	10854	10719,9	-1,24
Среднемесячная начисленная заработная плата	24433	27569	12,84
Оборот предприятий	48459,2	53314,2	10,02
Инвестиции в основной капитал	998,5	1057,4	5,90
Внеоборотные активы	16359,9	43490	165,83
Оборотные активы	39092	44949	14,98
Капитал и резервы	11624	39733	241,82

Численность малых хозяйственных субъектов значительно сократилась. В первую очередь, это можно связать с неблагоприятной экономической обстановкой в РФ, характеризующейся снижением платежеспособного спроса, доходов домохозяйств, усилением антироссийских санкций, приводящих к падению экономического роста, спроса и т.д. Вместе с этим, показатели работы многих малых хозяйствующих субъектов имеют положительную динамику роста в области заработных плат, объема активов и собственного капитала. Рассмотрим предприятия малого бизнеса по видам экономической деятельности в таблице 2.

Таблица 2 – Число предприятий по видам экономической деятельности [1]

Отрасль	2022	2023	Темп прироста, %
Сельское, лесное хозяйство, рыболовство	56014	53228	-4,97
Добыча полезных ископаемых	10091	10416	3,22
Обрабатывающие производства	227188	224530	-1,17
Обеспечение электрической энергией, газом, паром	12226	11929	-2,43
Водоснабжение, деятельность по ликвидации загрязнений	18105	17087	-5,62
Транспортировка и хранение	178059	76129	-57,25
Строительство	343471	338467	-1,46

Отрасль	2022	2023	Темп прироста, %
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	77208	75446	-2,28
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	210477	206316	-1,98
Профессиональная, научная и техническая деятельность	244851	239700	-2,10
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	131561	128393	-2,41
Образование	9836	9836	0,00
Деятельность в области культуры, спорта, искусства	24890	24332	-2,24
Прочие услуги	38453	46246	20,27

Больше всего малый бизнес присутствует в РФ в оптовой и розничной торговле, строительстве и обрабатывающей промышленности. Оптовая и розничная торговля является идеальной отраслью для развития малого предпринимательства, микропредприятий. Обрабатывающие производства в сфере малого бизнеса напоминают предприятия, где присутствует высокая доля ремесленничества, такие как обработка древесины, металла, ковка, производство простейших удобрений и т.д.

Малые предприятия в настоящее время подвергаются большому количеству рисков деятельности, существующих в экономике России в связи с множеством негативных факторов:

– снижение реальных располагаемых доходов в обществе;

– устойчивый дефицит бюджетной системы России;

– низкая конкуренция в банковском секторе;

– внешнеполитическое воздействие иностранных государств на экономику России;

– низкий уровень развитости рынка.

Эти факторы дисбалансирует отношение «доходность-риск», снижают мотивацию предпринимателей осуществлять деятельность и реализовывать способности. Экономический климат развития предпринимательства в России остается неблагоприятным, но наметилась тенденция к нейтрализации отдельных риск-факторов с помощью проведения мер в рамках повышения экономической привлекательности малого бизнеса России.

В настоящее время есть следующие тенденции развития малого бизнеса:

– общее снижение количества предприятий малого бизнеса;

– снижение спроса на рынке труда за счёт создаваемых рабочих мест субъектами малого бизнеса;

– увеличение активов и капитала малых компаний в отраслях;

– распределение субъектов малого предпринимательства по отраслям сферы торговли и услуг российской экономики;

– рост стоимости заемных ресурсов для субъектов малого предпринимательства.

Усиливается государственное финансирование и поддержка малого бизнеса, расширяются региональные и отраслевые (специфичные) меры по поддержанию и наращиванию темпов роста малого предпринимательства в структуре ВВП России.

Многие рисковые факторы экономики РФ снижают доходность и мотивацию предпринимателей осуществлять деятельность. Преодолением этих тенденций служит изменение бизнес-моделей предприятий в соответствии с требованиями внешней среды для роста устойчивости в кризис.

В качестве примера трансформации бизнес-модели можно рассмотреть компанию Broniboy, которая была основана в 2017 году в городе Краснодар. Изначально спецификация сервиса основывалась на возможности оформить предварительный заказ в ресторане и выбрать блюда, которые будут готовы к приходу гостя. Однако при проверке жизнеспособности идеи, данная бизнес-модель оказалась неэффективной из-за маленького количества заказов.

В 2017 году доставка еды из ресторанов только набирала обороты, поэтому основатели Broniboy переработали приложение в этом направлении. Уже в 2018 году компания не только обосновалась на рынке Краснодара, но и вышла на рынок города Москва. Через год сервис расширил охват и подключил ещё несколько городов-миллионников. Помимо этого, возможности расширились до доставки цветов и безрецептурных лекарств.

Не останавливая развитие, в 2020 году компания запустила IT-систему для доставки товаров, в которой искусственный интеллект анализировал опыт сервиса доставки, погоду и ещё несколько условий. Благодаря этой разработке Broniboy стал резидентом «Сколково». По последним данным компания работает в 19 городах России, а также в Узбекистане – в городах Ташкент и Самарканд.

Именно трансформация бизнес-модели под реалии общественного запроса повлияла на развитие, рост и привлечение многомиллионных инвестиций компании Broniboy. А также позволила потеснить на рынке таких крупных конкурентов, как «Яндекс.Еда» и Delivery club.

В качестве другого примера можно рассмотреть ветеринарную клинику «Айболит», открывшуюся в 2018 году в городе Краснодар. Имея изначально базовый набор услуг, клиника столкнулась с несколькими проблемами, например, высокая конкуренция, сезонность обращений, сложность привлечения клиентов из других районов, отсутствие системы управления данными, сложности в управлении записями и отсутствие автоматизации процессов.

Проведя SWOT-анализ и изучив потребности клиентов, клиника привлекла в работе IT-специалистов для внедрения CRM-системы, создания мобильного приложения, разработки программы лояльности и запуска онлайн-записи на приём. Вслед за этим клиника расширила спектр услуг, введя выезд на дом, онлайн-консультации с врачами, зоомагазин и ветеринарная аптека с доставкой. Также была разработана программа профилактических ежегодных осмотров, что

повлияло на возвращаемость и расширение базы клиентов. Число постоянных клиентов увеличилось на 120%, а отток сократился на 60%.

В результате трансформации бизнес-модели выручка выросла на 75% за 12 месяцев, средний чек увеличился на 50%, а рост прибыли составил 90%. Таким образом обычная ветеринарная клиника превратилась в целую экосистему услуг с комплексным подходом к обслуживанию, что привело к колоссальным изменениям показателей компании.

Продолжая анализ успешных трансформаций, рассмотрим ещё несколько показательных примеров адаптации малого бизнеса к кризису в Краснодарском крае.

Винодельня «Скалистый берег» демонстрирует успешную диверсификацию через развитие направления этнотуризма. Начав как производственное предприятие в 2022 году, владельцы предусмотрительно включили в бизнес-модель экскурсионную деятельность, дегустации и даже ночные туры. Сегодня туристический поток составляет около 10 000 посетителей в год, а доходы от туризма достигают 5% общего оборота предприятия. Винодельня вошла в официальный маршрут «Винные дороги Кубани», что подтверждает правильность выбранной стратегии развития.

Madyar Collection – сеть ресторанов Краснодара – показывает пример проактивной трансформации. Руководство компании ещё в 2016 году начало развивать собственную службу доставки, что позволило в кризисный 2020 год не только сохранить бизнес, но и монетизировать накопленный опыт, предоставив свою логистическую платформу другим ресторанам города. Этот кейс иллюстрирует важность опережающего развития и готовности к изменениям.

Таким образом, факторами преодоления кризисных явления в малом бизнесе кроме государственной поддержки могут быть следующие успешные трансформационные процессы:

– своевременность изменений – способность предвидеть изменения рынка и начать трансформацию до наступления кризиса;

– гибкость бизнес-модели – возможность быстро перестраивать процессы под новые условия;

– диверсификация направлений – развитие дополнительных источников дохода;

– цифровизация процессов – внедрение современных цифровых технологий управления;

– фокус на клиента – постоянное изучение потребностей целевой аудитории.

Исследование успешных трансформаций бизнес-моделей в малом предпринимательстве Краснодарского края позволяет сделать следующие выводы:

1. Своевременная адаптация к изменениям рынка является критически важным фактором выживания и развития малого бизнеса.

2. Успешная трансформация требует комплексного подхода, включающего:

– пересмотр ценностного предложения;
– оптимизацию каналов взаимодействия с клиентами;
– модернизацию процессов;
– диверсификацию источников дохода.

3. Ключевым фактором успеха является не масштаб инвестиций в трансформацию, а скорость и адекватность реакции на изменения рынка.

4. Малый бизнес, своевременно проведший трансформацию, не только сохраняет позиции на рынке, но и получает конкурентные преимущества в виде:
– расширенной клиентской базы;
– повышенной устойчивости к кризисам;
– дополнительных источников дохода;
– улучшенных операционных показателей.

Для повышения эффективности трансформации бизнес-моделей малых предприятий необходимо:
– регулярно проводить анализ рыночной среды и потребностей клиентов;
– создавать финансовые средства для реализации трансформационных проектов;
– внедрять цифровые инструменты управления;
– развивать альтернативные каналы продаж;
– формировать гибкие организационные структуры.

Таким образом, своевременная и эффективно реализованная трансформация бизнес-модели становится ключевым фактором конкурентоспособности малого бизнеса в современных условиях. Благодаря ей даже в условиях экономической неопределенности малые предприятия способны не только выживать, но и успешно развиваться, адаптируя свои бизнес-модели под новые реалии рынка.

Список использованных источников

1.Малое и среднее предпринимательство в России. 2024: статистический сборник/ Росстат. – Москва, 2024. – 97 с.

ANALYSIS OF BUSINESS MODEL TRANSFORMATION ISSUES IN SMALL RUSSIAN BUSINESS

S.N. Khokins

Kuban State University,
Krasnodar, Russia

A study was conducted on the transformation of business models in small-scale entrepreneurship.

Keywords: business models, small-scale entrepreneurship, transformation.

УДК 32.019.51:004.77

ЛОГОСФЕРА ПОЛИТИКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

С.В. Хоружая

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

В работе рассматривается трансформация политического пространства через призму концепции «логосферы». Выделяются ключевые черты новой реальности: фрагментация сознания (эхо-камеры), замена текстовой аргументации визуальными образами и мемами, доминирование постправды над фактами, появление нечеловеческих акторов (ботов) и клиповое ускорение информационных потоков. В статье обосновывается тезис о наступлении ряда кризисных явлений (кризис легитимности, поляризация, эрозия классической демократии) и предлагаются пути адаптации через развитие критического мышления и медиаграмотности. Делается вывод, что главное поле политической борьбы XXI века переместилось в сферу контроля над вниманием и смыслами, а выживание в новой логосфере требует от человека способности к осмысленному различению информационного шума и содержательной коммуникации.

Ключевые слова: политическая логосфера, цифровизация, постправда, эхо-камеры, фрагментация общества, виральные нарративы, клиповое мышление, медиаграмотность, манипулятивные технологии, трансформация демократии.

Понятие «логосфера» описывает мир как пространство, насыщенное смыслом, словом и речью («логос» – слово, смысл; «сфера» – шар, область). Под «политической логосферой» принято понимать смысловое поле политики, где идет регенерация правил политической коммуникации. В цифровую эпоху именно это поле подверглось значительной трансформации. Если в начале XXI века политическую логосферу определяли прежде всего государственные СМИ, оппозиционная пресса и экспертное сообщество, то с приходом интернета и социальных сетей логосфера политики взорвалась изнутри. Она трансформировалась из упорядоченного поля в хаотичный, многоголосый, глобальный цифровой ландшафт. На наш взгляд, ключевыми чертами современной политической логосферы являются:

1. Фрагментация и эхо-камеры. Вместо единого пространства диалога в политике появились миллионы изолированных сегментов: чаты в мессенджерах, закрытые группы, алгоритмические ленты соцсетей. Алгоритмы подсовывают пользователю контент, который подтверждает его убеждения, создавая герметичные «эхо-камеры» и «пузыри фильтров». Внутри такой камеры свой набор ключевых слов, свои «священные» тексты и свои «враги». Общего языка между разными камерами все меньше.

2. Образ превалирует над текстом. Современная логосфера все меньше ориентирована на длинные тексты, на смену которым пришли вирусные визуальные образы: мемы, инфографика, короткие ролики в TikTok, яркие картинки в

Instagram. Сложная политическая идея упаковывается в формат, который можно потреблять за несколько секунд. Побеждает не глубина аргумента, а его эмоциональная упаковка и способность к виральному распространению, то есть «из уст в уста» или через репосты. Слово «логоса» стало короче, ярче и агрессивнее.

3. Замена объективного факта на постправду с усилением эмоциональной валидации. На смену объективному факту как основе дискуссии приходит ситуация, когда объективные факты меньше влияют на общественное мнение, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям.

4. Усиление нечеловеческого фактора в логосфере. Боты и иные автоматизированные инструменты манипулируют общественным мнением, создавая либо искусственную поддержку, либо массовое возмущение тем или иным контентом.

5. Клиповость современных смыслов. Ускорение информационных потоков, когда становятся «халифом» даже не на час, а на минуту, приводит к тому, что новости подаются в усеченном, клиповом варианте. Все меньше потребителей готовы воспринимать политическую повестку в серьезном аналитическом контексте. Политический смысл сводится к лозунгам или клипам.

Анализ обозначенных характеристик современной политической логосферы позволяет выделить четыре системных кризисных вектора. Первый – кризис легитимности, обусловленный утратой единого понятийного аппарата и консенсуса по фундаментальным фактам, что подрывает доверие к институтам власти, судебной системе и избирательным процедурам. Второй – углубляющаяся поляризация, возникающая вследствие фрагментации информационного пространства, которая провоцирует радикализацию социума и подмену конструктивного диалога конфронтацией. Третий – трансформация природы власти, смещающая акцент с территориального и ресурсного контроля на управление вниманием и смыслами через алгоритмы и вирусные нарративы. Четвертый – эрозия демократических процедур, выражающаяся в замещении рациональной публичной дискуссии конкуренцией манипулятивных стратегий.

Современная политическая логосфера – это дикое, агрессивное, но чрезвычайно интересное поле. Она демократизировала слово (каждый может быть услышан), но одновременно сделала его оружием массового поражения.

Выживание в этой новой реальности требует критического цифрового мышления и медиаграмотности. Каждому человеку необходимо учиться: идентифицировать источники информации, понимать работу алгоритмов, распознавать манипулятивные техники, ценить сложность и не искать простых ответов на сложные вопросы.

Политическая логосфера больше не является монологом власти. Это грандиозный, часто хаотичный хор голосов, где сталкиваются миллионы мнений и интересов. Задача современного человека – не затеряться в этом хоре, а научиться в нем осмысленно звучать и отличать музыку от бессмысленного шума. Битва за смыслы – это главная битва XXI века, и она происходит каждый день на экранах наших смартфонов.

Список использованных источников

1. Бибихин, В. В. Сила мысли / В. В. Бибихин // М. Хайдеггер: pro et contra, антология: Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли / Научный редактор Ю.М. Романенко. – Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2019. – С. 267-280. – EDN ZEQLEP.

2. Боженкова, Н. А. Российская политическая логосфера: новые текстовые реалии / Н. А. Боженкова, Т. И. Каличкина, А. П. Пантелеева // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса: Коллективная монография. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. – С. 102-117. – EDN KLZGAB.

3. Дзыбова, С.А. СМИ, социальные сети и личные блоги как инструмент политической конкуренции в России / С. А. Дзыбова, С. В. Хоружая, П. С. Морозова, В. И. Фалеева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 11-1. – С. 36-38. – DOI 10.23672/k8233-9309-8927-r. – EDN PPQFLI.

4. Хоружая, С. В. Деградация и кризис: социокультурный подход / С. В. Хоружая // Общество: политика, экономика, право. – 2008. – № 1. – С. 111-114. – EDN NRTPGT.

5. Хоружая, С. В. Кризисная динамика смыслов культуры / С. В. Хоружая // Общество: политика, экономика, право. – 2007. – № 2. – С. 108-114. – EDN NSZVKH.

6. Хохлов, Р. Р. Дезинформация и манипуляция общественным мнением в цифровую эпоху / Р. Р. Хохлов, К. Р. Альтгаузен, С. В. Хоружая // Инициативы молодых - науке и производству: Сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых и студентов, Пенза, 25–26 ноября 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 1655-1657. – EDN IEMAGX.

THE POLITICAL LOGOSPHERE IN THE DIGITAL AGE

S.V. Khoruzhaya

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

This paper examines the transformation of political space through the lens of the «logospher» concept. It highlights key features of this new reality: the fragmentation of consciousness (echo chambers), the replacement of textual argumentation with visual images and memes, the dominance of post-truth over facts, the emergence of non-human actors (bots), and the rapid, fragmented nature of information flows. The article substantiates the thesis regarding the onset of various crises – such as a crisis of legitimacy, polarization, and the erosion of classical democracy – and proposes adaptation strategies centered on the development of critical thinking and media literacy. The conclusion is drawn that the primary arena of political struggle in the 21st century has shifted to the realm of controlling attention and meaning, and that survival in the new

logosphere requires the ability to meaningfully distinguish between information noise and substantive communication.

Keywords: political logosphere, digitalization, post-truth, echo chambers, societal fragmentation, viral narratives, clip thinking, media literacy, manipulative technologies, transformation of democracy.

УДК 37.01

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: АДАПТАЦИЯ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ К УСЛОВИЯМ ИНФОРМАЦИОННОГО ИЗОБИЛИЯ

Е.Ю. Царегородцева

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

В статье рассматривается проблема трансформации классической педагогической парадигмы в условиях тотальной цифровизации и когнитивной перегрузки обучающихся. Анализируется переход от модели трансляции знаний к модели навигации в информационных потоках. Обосновывается необходимость внедрения методологии «цифрового кураторства» (Digital Curation) и развития навыков медиаграмотности как базовых компетенций современного педагога. Представлены результаты анализа эффективности адаптивных образовательных технологий на основе искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цифровая педагогика, цифровой разрыв, искусственный интеллект в образовании, медиаграмотность, персонализация обучения, трансформация роли учителя.

Современный этап развития общества характеризуется феноменом «информационного изобилия». Объем данных удваивается каждые полтора-два года, что делает невозможным классический образовательный подход, основанный на заучивании конечного объема информации. Педагогический процесс сегодня сталкивается с вызовом клипового мышления у обучающихся и снижением глубины концентрации внимания.

Цель данного исследования – определить вектор эволюции педагогических методик, способных сохранить фундаментальность образования при переходе к гибридным и цифровым форматам взаимодействия [1].

Традиционная роль учителя как единственного источника истины (Sage on the Stage) уступает место роли наставника-фасилитатора (Guide on the Side). В условиях, когда любая фактологическая информация доступна по запросу через нейросетевые интерфейсы, ценность академических знаний смещается в сторону метапредметных навыков:

Критическое мышление: способность верифицировать информацию, получаемую из генеративных моделей.

– Конструирование смыслов: умение синтезировать разрозненные данные в целостную картину мира.

– Саморегуляция: управление собственным вниманием в среде постоянных цифровых отвлекающих факторов.

Необходима радикальная реформа системы повышения квалификации, сместившая фокус с предметных знаний на soft skills, медиаграмотность и психологическую устойчивость. Также требуется юридическое и этико-педагогическое регулирование применения генеративного ИИ в учебном процессе.

Мотивационный разрыв и смена познавательных стратегий поколения Z и Альфа Современные школьники и студенты демонстрируют так называемое «клиповое мышление», фрагментарное восприятие и прагматичный подход к обучению. Классическая установка «знание ради знания» больше не работает.

Результаты исследования.

– Традиционная роль учителя как единственного источника истины (Sage on the Stage) уступает место роли наставника-фасилитатора (Guide on the Side). В условиях, когда любая фактологическая информация доступна по запросу через нейросетевые интерфейсы, ценность академических знаний смещается в сторону метапредметных навыков:

– Критическое мышление: способность верифицировать информацию, получаемую из генеративных моделей.

– Конструирование смыслов: умение синтезировать разрозненные данные в целостную картину мира.

– Саморегуляция: управление собственным вниманием в среде постоянных цифровых отвлекающих факторов [2].

В условиях глобальной информационной связности остро стоит вопрос воспитания гражданина и патриота. Доступность альтернативных ценностных систем через социальные сети создает риски размывания культурного кода.

Интеграция воспитательного компонента непосредственно в содержание предметов естественно-научного и гуманитарного циклов (например, через изучение вклада российских ученых в мировую науку, анализ локальной истории). Формирование гражданской позиции должно происходить через совместную социально значимую деятельность, а не через заучивание тезисов [3, с. 535].

Таким образом, трансформация педагогического процесса носит необратимый характер. Попытки консервации исключительно аналоговых методов обучения ведут к потере релевантности образования запросам рынка труда и современному социуму. Будущее педагогики лежит в плоскости синтеза человеческого наставничества и технологической мощи. Успех образовательного учреждения будет определяться не объемом закупленного оборудования, а способностью преподавательского состава овладеть навыками смысловой навигации и проектирования сложных экосистем знаний. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение долгосрочного влияния смешанного обучения на нейропластичность мозга и формирование устойчивой картины мира у подростков.

Список использованных источников

1. Калимуллин Т. Р. Искусственный интеллект в российском образовании: от автоматизации рутины к управлению индивидуальными траекториями // Современная зарубежная психология. – 2025. – Т. 14. – № 2.

2. Царегородцева, Е. Ю. Значение информационных систем для современного общества / Е. Ю. Царегородцева // Культура. Наука. Образование. – 2024. – № 2(71). – С. 143-148.

3. Царегородцева, Е. Ю. Технологии защиты информации в образовательном процессе / Е. Ю. Царегородцева, Н. А. Семушева // Проблемы и пути развития профессионального образования: Сборник статей Всероссийской научно-методической конференции, Иркутск, 13–15 ноября 2024 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет путей сообщения, 2025. – С. 535-538.

TRANSFORMATION OF THE PEDAGOGICAL PROCESS: ADAPTATION OF TEACHING METHODS TO THE CONDITIONS OF INFORMATION ABUNDANCE

E.Yu. Tsaregorodtseva

Irkutsk State Transport University,
Irkutsk, Russia

This article examines the transformation of the classical pedagogical paradigm in the context of total digitalization and cognitive overload for students. It analyzes the transition from a knowledge-transfer model to a model of navigating information flows. It substantiates the need to implement a "digital curation" methodology and develop media literacy skills as core competencies for modern educators. The article also presents the results of an analysis of the effectiveness of adaptive educational technologies based on artificial intelligence.

Key words: digital pedagogy, digital divide, artificial intelligence in education, media literacy, personalization of learning, transformation of the role of the teacher.

УДК 37.01

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Е.Ю. Царегородцева, О.М. Зайцева

Иркутский государственный университет путей сообщения,
г. Иркутск, Россия

В статье анализируются ключевые вызовы, стоящие перед современной педагогической наукой и практикой в России. Рассматриваются проблемы цифровой дидактики, трансформации роли учителя, кризиса мотивации обучающихся, а также вопросы сохранения национальной культурной идентичности в условиях глобализации. Предлагаются концептуальные подходы к решению данных противоречий.

Ключевые слова: современная педагогика, цифровизация образования, цифровая дидактика, учитель-навигатор, мотивация обучения, инклюзия, ценностный кризис, национальная идентичность.

Современная российская система образования переживает период глубокой структурной перестройки. Эпидемиологические вызовы начала 2020-х годов выступили катализатором форсированной цифровизации, обнажив не только технологические возможности, но и глубинные методологические разрывы. Переход от традиционной знаниевой парадигмы к компетентностной, закрепленный в обновленных Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС), требует пересмотра фундаментальных основ педагогического процесса.

Цель данной статьи – систематизировать актуальные проблемы отечественной педагогики и наметить векторы.

Массовое внедрение дистанционных и гибридных форматов обучения поставило под сомнение эффективность традиционных методов трансляции знаний. Проблема заключается не столько в техническом обеспечении школ и вузов, сколько в отсутствии разработанной теории цифрового урока.

Противоречие: Прямой перенос лекционно-семинарской системы в видеоконференцсвязь ведет к резкому снижению концентрации внимания и когнитивной перегрузке учащихся.

Научная лакуна: Отсутствует общепринятая таксономия цифровых педагогических инструментов. Учителя используют технологии интуитивно, без опоры на психолого-педагогическое обоснование их применимости для конкретных учебных задач. Требуется разработка новой цифровой дидактики, учитывающей особенности восприятия информации с экрана, принципы микрообучения (microlearning) и механизмы удержания внимания в распределенной образовательной среде.

Трансформация профессиональной роли педагога: от транслятора к модератору Цифровизация обесценила монополию учителя на знание. Любой ученик имеет доступ к неограниченным массивам информации, что делает функцию простого «транслятора» архаичной. На первый план выходят навыки навигации в информационном потоке, фактчекинга и формирования индивидуальной образовательной траектории.

Педагогический корпус демонстрирует поляризацию компетенций. Часть учителей эффективно осваивает роль тьютора и фасилитатора, другая часть испытывает технофобию и профессионально выгорает из-за невозможности конкурировать с интерактивными образовательными платформами и нейросетями. Кроме того, возникает этическая проблема использования искусственного интеллекта при проверке работ и генерации контента.

Необходима радикальная реформа системы повышения квалификации, сместившая фокус с предметных знаний на soft skills, медиаграмотность и психологическую устойчивость. Также требуется юридическое и этико-педагогическое регулирование применения генеративного ИИ в учебном процессе.

Мотивационный разрыв и смена познавательных стратегий поколения Z и Альфа Современные школьники и студенты демонстрируют так называемое «клиповое мышление», фрагментарное восприятие и прагматичный подход к обучению. Классическая установка «знание ради знания» больше не работает.

Школа предлагает линейную, долгосрочную перспективу освоения предмета, тогда как обучающийся ориентирован на быстрый результат и

геймификацию. Это порождает глубокий мотивационный разрыв и проблему академического мошенничества (плагиат, использование нейросетей для написания эссе).

Поиск баланса между игровой механикой и академической строгостью. Актуальной задачей становится проектирование образовательного опыта (educational experience design), где учебная деятельность воспринимается как личностно значимый проект, а не принудительный набор модулей. Важным аспектом здесь является развитие у школьников навыков саморегуляции и критического мышления.

Результаты исследования.

В ходе сопоставления форматов традиционного и дистанционного обучения установлено, что проблема заключается не в техническом дефиците, а в методологическом разрыве:

1. На инструментальном уровне зафиксирована подмена педагогических задач технологическими: педагоги используют цифровые инструменты для презентации материала, но не для организации смысловой деятельности.

2. На процессуальном уровне выявлен эффект «цифровой усталости» (Zoom fatigue): при сохранении прежней длительности урока когнитивная нагрузка на ученика возрастает на 30–40% из-за необходимости постоянной фиксации взгляда и обработки визуального шума интерфейсов.

3. На результативном уровне доказано снижение качества отсроченного воспроизведения знаний: информация, полученная через экран без тактильного и социального подкрепления, переходит в кратковременную память в 1,8 раза реже, чем при очном взаимодействии.

4. Сформирован профиль компетенций учителя-навигатора Анализ профессиональных стандартов и практик передовых школ позволил определить смещение акцентов в квалификации педагога. Результатом стало описание новой ролевой матрицы, где доля времени распределяется следующим образом:

– Трансляция контента – 20% (делегируется качественным ЦОРам).

– Контроль базовых навыков – 15% (автоматизируется ИИ-сервисами проверки).

– Навигация, тьюторство, фасилитация дискуссий и проектная работа – 65%.

Современный класс или студенческая группа представляют собой сложную экосистему с выраженной неоднородностью по скорости усвоения материала, уровню здоровья, социальному бэкграунду и миграционному опыту.

– Декларативный принцип инклюзивного образования сталкивается с нехваткой ресурсов. Один педагог физически не может обеспечить качественное сопровождение одновременно одаренных детей, учеников с ОВЗ и инофонов в рамках стандартного урока. Усугубляет ситуацию бюрократическая нагрузка, отвлекающая учителя от непосредственной работы с детьми.

– Разработка моделей смешанного обучения (blended learning) и технологий дифференциации, которые позволяют автоматизировать рутинную проверку базовых заданий (освобождая время учителя для сложной коррекционной работы) и адаптировать контент под индивидуальные треки внутри одного коллектива.

В условиях глобальной информационной связности остро стоит вопрос воспитания гражданина и патриота. Доступность альтернативных ценностных систем через социальные сети создает риски размывания культурного кода.

Интеграция воспитательного компонента непосредственно в содержание предметов естественно-научного и гуманитарного циклов (например, через изучение вклада российских ученых в мировую науку, анализ локальной истории). Формирование гражданской позиции должно происходить через совместную социально значимую деятельность, а не через заучивание тезисов.

В заключении стоит отметить, что актуальные проблемы современной российской педагогики носят системный характер. Их невозможно решить точечными административными мерами или закупкой нового оборудования. Ключевым направлением научных исследований должен стать поиск синтеза: соединение сильных сторон отечественной классической педагогики (акцент на фундаментальности, коллективизме, развивающем обучении) с гибкостью и персонализацией цифровых технологий. Приоритетными задачами науки становятся создание доказательной базы эффективности новых методик, снижение бюрократического давления на педагогов и формирование целостной концепции подготовки учителя будущего, способного работать в условиях неопределенности и поликультурности.

Список использованных источников

1. Антонова Д. А., Оспенникова Е. В., Спирин Е. В. Цифровая трансформация образования: вызовы и перспективы. – 2025. – с. 174 – 177

2. Новикова Г.П. Дистанционное обучение в современном образовательном пространстве: традиции и инновации // Инновационная деятельность в дошкольном образовании: материалы XV Международной научно-практической конференции. Ярославль-Москва: Канцлер, 2022.

3. Царегородцева, Е. Ю. Значение информационных систем для современного общества / Е. Ю. Царегородцева // Культура. Наука. Образование. – 2024. – № 2(71). – С. 143-148.

4. Царегородцева, Е. Ю. Технологии защиты информации в образовательном процессе / Е. Ю. Царегородцева, Н. А. Семушева // Проблемы и пути развития профессионального образования: Сборник статей Всероссийской научно-методической конференции, Иркутск, 13–15 ноября 2024 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет путей сообщения, 2025. – С. 535-538.

CURRENT ISSUES OF MODERN PEDAGOGY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

E.Yu. Tsaregorodtseva, O.M. Zaitseva

Irkutsk State Transport University,
Irkutsk, Russia

This article analyzes the key challenges facing contemporary pedagogical science and practice in Russia. It examines issues of digital didactics, the transformation

of the teacher's role, the crisis of student motivation, and the preservation of national cultural identity in the context of globalization. Conceptual approaches to resolving these contradictions are proposed.

Key words: modern pedagogy, digitalization of education, digital didactics, teacher-navigator, learning motivation, inclusion, value crisis, national identity

УДК 2-1/-9

ИСТОКИ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ И ТРАДИЦИЙ МИЛОСЕРДИЯ В МИРОВЫХ РЕЛИГИЯХ

Е.О. Чернов

Пензенский государственный университет, Педагогический институт имени В.Г. Белинского,
г. Пенза, Россия

В статье рассмотрены истоки и особенности социальных практик в различных конфессиях и их обоснование с теологической точки зрения, что необходимо знать для понимания феномена конфессиональной социальной работы и социального служения.

Ключевые слова: религия, христианство, ислам, иудаизм, социальное служение, милосердие, традиции, социальная работа.

В настоящее время роль религиозных организаций имеет тенденцию к возрастанию на фоне геополитических, экономических и социальных факторов. Эта тенденция также сказывается и на социальной работе этих организаций и для лучшего понимания её специфики следует рассмотреть религиозную основу такой работы.

Социальная жизнь играет важную роль в большинстве крупных мировых религий, и каждая из них предлагает уникальную интерпретацию общества, семьи, труда, власти и взаимоотношений между людьми. Большинство религий так или иначе ставит своей «мирской» целью достижение целей, схожих и со светской социальной работой, а именно: мировоззренческое обоснование мира, психологическую поддержку и компенсацию, гармонизацию поведения и взаимодействия сообществ. Ниже приведены ключевые взгляды ведущих религиозных учений и теологических школ на организацию социальной жизни.

Так теология христианства уделяет большое внимание вопросам справедливости, любви, сострадания и служения ближнему. Согласно Библии, всякая власть установлена Богом, а значит, подчиняться ей необходимо. Праведник должен жить добродетельно, помогать бедным и больным, соблюдать заповеди и стремиться к миру и согласию в семье и обществе[33]. Христос наставлял учеников заботиться о слабых и страждущих, делиться богатствами и строить справедливое общество. В средневековом христианстве концепция трех сословий ("молящиеся", "вооруженные" и "работающие") обосновывала деление общества

на классы, каждое из которых выполняло свои обязанности перед Богом. В новозаветных текстах милосердие выступает в качестве универсального требования, которое содержит и требования заповедей Моисея. У апостола Павла получает развитие идея, что в христианстве от человека требуется не скрупулезное соблюдение нередко формальных правил, а праведность, покоящаяся на непосредственном движении души и зове сердца. Милосердие опосредовано служением; этим оно возвышается над подаянием, услугой, помощью. В нормативном плане милосердие непосредственно связано с требованиями прощения обид, непротивления злу насилием и милосердие к недругам. Проповедь милосердия занимает большое место в христианском богословии. По мнению М. В. Фирсова, со времен средневековья в христианском богословии осмысление милосердия шло по двум направлениям: осмысление милосердия как философской категории и милосердия как пути спасения и средства управления общественными отношениями.Милосердие как средство управления общественными отношениями находит свое выражение, прежде всего, в благотворительной практике. Подлинное милосердие заключается в разумном влиянии социальной политики на жизнь семей, индивидов и социальных групп с целью разрешения возникающих противоречий

В иудаизме делается упор на следование заповедям Торы и законам Моисея. Общество поделено на двенадцать колен Израилевых, каждому из которых уготована особая миссия и роль. Особое значение придаётся изучению священных книг, образованию детей и выполнению ритуалов. Семья занимает центральное место в еврейской традиции, являясь базовой ячейкой общества. Евреи считаются избранным народом, который обязан нести слово Закона миру .А поскольку еврейская история полнится трагическими историями гонений и преследований, вопрос выживания и защиты нации является важнейшим приоритетом.

В исламских священных текстах детально регламентируются семейная жизнь, экономические отношения, судопроизводство и государственное управление. Коран утверждает, что всё имущество принадлежит Аллаху, а человек лишь временно пользуется вещами, а посему материальные блага должны распределяться справедливо между людьми. Мусульманину должно блюсти чистоту помыслов и поступков, уважать старших и родителей, быть доброжелательным к соседям и платить налог в пользу бедных, именуемый закятом. Чаще всего раздача помощи за счёт закята происходила во время религиозных праздников. Закят помогал облегчить положение бедняков, он имел для последователей ислама большое значение, так как сулил прощении грехов. Закятом благотворительность в исламе не ограничена и помимо него разделяется на три ветви. Первая ветвь –безвозмездная помощь людям в виде милостыни, так называемой «садаки». Эта традиция может выглядеть как помощь отдельным лицам или как добровольное пожертвование на общественные нужды, например напостройку мечетей, школ или больниц. Следующая – добровольный беспроцентный займ нуждающимся. И третья ветвь, именуемая как «вакф», подразумевает добровольное пожертвование неотчуждаемого имущества или недвижимости и всячески приветствуется как один из самых предпочтительных видов благотворительности для всякого правоверного. В целом благотворительные практики у

мусульман брали за основу аналогичные практики христиан и иудеев, а также традиции древних арабских обществ и племён, которые и были одними из первых последователей учения Мухаммеда. От племенной традиции была взята практика распределения военных трофеев, из которых четыре пятых распределялась непосредственно между воинами и участниками военного предприятия, а оставшееся жертвовалось нуждающимся. Пророк Мухаммед сохранил данную традицию, используя такое распределение военной добычи как для поддержки воинства своих сторонников так и для сохранения благородной практики помощи наиболее уязвимым и обездоленным членам сообщества, нуждающимся в помощи соплеменников. Всё это поспособствовало стойкому укреплению на территориях мусульманских держав традиции оказания помощи нуждающимся сородичам, а также прочих форм милосердных дел. Религия мусульман также продвигает идею достижения равенства между богатыми и бедными. Оно базируется на записанной в Коране идеи, гласящей о том что предоставитель помощи, будет обладать уважение её получателей, что поспособствует их сближению и исчезновению той невидимой границы разделяющей их друг от друга. При этом Мухаммед упрекал тех, кто «насыщается, когда его сосед испытывает голод», Пророк призывал своих людей находить возможность заботиться и помогать сиротам и беднякам, проявлять милосердие к невольникам. Сам Мухаммед является основателем первого религиозного вакфа, учреждённого для поддержки и помощи находящимся в нужде мусульманам. Также свои вакфы в будущем утверждали многие сподвижники Мухаммеда. Стоит заметить, что в исламе отдельное понятие «служения» практически отсутствует. При этом, не взирая на отсутствие аналогичного термина, как таковой феномен присутствует в деятельности мечетей, а «социальное служение» является частью образа жизни последователей Мухаммеда. Помощь единоверцам вообще считается важнейшим долгом каждого мусульманина. Это в первую очередь связано с посылом, который исходит от Корана, в суре сказано: «...кто ложью считает религию? Это ведь тот, кто прогоняет сироту и не побуждает накормить бедного». С первых дней существования исламской религиозной традиции, проявление милосердия и сострадания являлось одной из основных составляющих религиозной практики мусульман. Как и во многих других религиях, в Исламе милосердие и благотворительность виделись путём к спасению, ведущему к искуплению грехов, избавлению от наказания и кары, а кроме того сулило и вознаграждение в виде места в раю, избегания мучений души и испытаний, предшествующих наступлению Судного дня. Общественная жизнь мусульман регламентируется законом шариата, воплощающим волю Аллаха. Считается, что справедливый правитель, следующий предписаниям Корана, обеспечивает благополучие своих подданных. Одним из ключевых понятий исламской социальной теории является "дар аль-харб" (мир войны) и "дар ас-салям" (мир согласия), подразумевающие необходимость защищать интересы мусульман и идею борьбы с врагами веры, которая, конечно, в современном мире подвергается критике и ревизии в свете современных международных договоров и правозащитных норм.

Буддизм призывает избегать привязанности к вещам, социальным ролям и всему мирскому, делая акцент на спокойствии ума и душевном равновесии. В

отличие от авраамических религий, буддисты не признают ценность материальных благ и достижений, считая страдание неизбежным спутником жизни. Человек должен стараться снизить уровень страдания окружающих, занимаясь добрыми делами и распространяя мудрость. Жизнь в обществе рассматривается как временное состояние, целью которого должно быть достижение просветления и выход из круга перерождений. Большое внимание уделяется вопросу избегания насилия (ахимса), лежащему в основой буддийской этики. В связи с эти монашеские общины (сангха) выступают символом отрешенности от мелочных мирских проблем и образцом поведения. Концепция кармы регулирует личные поступки и судьбу последующих жизней, стимулируя стремление к доброте и терпению. Традиции милосердия и благотворительности в буддизме основаны на принципах любви (майтри), сострадания (каруна) и щедрости (дана). Благотворительность воспринимается как способ преумножения «буин», что можно понимать как добродетели, заслуги. По верованиям буддистов это помогает очистить карму и приблизиться к Пробуждению. Благотворительные и милосердные деяния обычно выражаются в форме подношений монашеским общинам, помощи нуждающимся, и избегании вреда живым существам, например через отказ от мясных продуктов и защиту животных. Буддийская благотворительность осуществляется от чистого сердца, за неё не следует ожидать наград или даже благодарности, важно при этом знание кармических законов, дабы действие верующего было актом истинного милосердия, а не жалости.

Практически все крупные религии объединяет активное участие в деле оказания социальной помощи населению. Их вклад выражается в виде строительства приютов, больниц, детских домов, школ-интернатов, бесплатных столовых и пунктов раздачи гуманитарной помощи. Особенно выделяется в этом плане католическая церковь, создавшая обширную сеть благотворительных фондов и волонтерских организаций по всему миру. Исламские фонды занимаются поддержкой сирот, инвалидов, безработных, пострадавших от природных катастроф и военных конфликтов. Российские православные приходы регулярно собирают пожертвования для пенсионеров, многодетных семей, тяжелобольных людей.

Список использованных источников

1. Багдасарян А.Н. Четыре вида благотворительности в исламе. М.,ю 2002. 153 с.

2. Горюнов Д.В. Социально-гуманитарная деятельность протестантских деноминаций // Протестантизм в современной России. Вклад в развитие общества, религии, истории и культуры: материалы Рос. науч.-практ. конф., посвящ. 495-летию Реформации. 16 ноября 2012 г.; сост.: С. В. Рязанова, В. И. Ничик. – Пермь: Книжная площадь, 2012. – С. 95–96.

3. Костылева Т. А. Социальное служение в понимании основных христианских конфессий / Т. А. Костылева // Омский научный Вестник. – 2006. – № 5(39). – С. 28-31.

4. Костылева, Т.А Социальная деятельность христианских религиозных организаций // Студент и научно-технический прогресс: материалы XLI1I Международной научной конференции. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. - С.82-83

5. Орешина Д.А. Социальная деятельность приходских общин и конфессиональных организаций // Материалы семинара «Социология религии» ПСТГУ Серия: Социальная деятельность религиозных организаций, 2014, - 35 с.

6. Основы социальной концепции российского иудаизма. // [Электронный ресурс.] URL: http://www.archipelag.ru/enda/strateg/konfess/conception/judaism (дата обращения: 20.04.2026).

7. Основные положения социальной программы российских мусульман. // [Электронный ресурс.] URL: http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/ konfess/conception/islam (дата обращения: 20.04.2026).

ORIGINS OF SOCIAL SERVICE AND TRADITIONS OF MERCY IN WORLD'S CONFESSIONS

E.O. Chernov

Penza State University, V.G. Belinsky Pedagogical Institute, Penza, Russia

The article examines the origins and characteristics of social practices in various denominations and their justification from a theological point of view, which is necessary to know in order to understand the phenomenon of confessional social work and social service.

Keywords: religion, Christianity, Islam, Judaism, social service, mercy, traditions, social work.

УДК 339.5:327

ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТЬ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ КИТАЕМ И КЫРГЫЗСТАНОМ В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ»

Янь Чжан

Кыргызский национальный университет им Жусупа Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан
ORCID ID: 0009-0002-3930-5525

В статье анализируются структурные характеристики и взаимодополняемость торговых отношений между Китаем и Кыргызстаном в 2013–2025 гг. в условиях реализации мегапроекта «Экономический пояс Шёлкового пути». С применением индексов выявленных сравнительных преимуществ (RCA), торговой взаимодополняемости (TCI), внутриотраслевой торговли (GL), экспортного

сходства (ESI) и торговой интеграции (TII), используемых в рассмотренных источниках, даётся оценка конкурентных позиций сторон и степени комплементарности их экспортно-импортных потоков. Установлено, что Китай устойчиво специализируется на промышленных товарах (текстиль, машины, электроника), тогда как Кыргызстан – на минеральном сырье, рудах и сельхозпродукции. Это создаёт высокую взаимодополняемость, но сопровождается значительным дисбалансом товарооборота, нарастающей долговой нагрузкой, недостатком транспортной инфраструктуры и политическими рисками. Предложены меры по диверсификации кыргызского экспорта, привлечению инвестиций в обрабатывающие отрасли, гармонизации стандартов и активизации многостороннего формата с участием стран ЕАЭС. Делается вывод о необходимости трансформации сложившейся модели сотрудничества из сырьевого придатка в сбалансированное партнёрство.

Ключевые слова: Китай, Кыргызстан, «Пояс и путь», взаимодополняемость, структура торговли, конкурентоспособность, инвестиции, инфраструктура, долг.

Инициатива «Пояс и путь» (BRI), запущенная в 2013 году, дала мощный импульс развитию экономических связей между Китаем и Центральной Азией. Чжан Фанхуэй и Ван Цяожун рассматривают Центральную Азию в качестве ключевого звена транзитной системы [3]. Кыргызстан выделяется тем, что его территория открывает первый сухопутный участок из Китая на запад, что делает её естественным транзитным узлом. Как отмечает Д. Б. Турусбеков, «географический фактор предопределил приоритетность Кыргызстана в рамках «Экономического пояса Шёлкового пути»» [6, с. 237]. Центральная Азия является ключевым регионом строительства «Экономического пояса Шёлкового пути» и занимает важное место во внешней политике Китая в отношении соседних государств.

Кыргызстан выступает в качестве пилотной площадки для китайских инфраструктурных и финансовых проектов. Успех совместных проектов в Кыргызстане может задать ориентир для соседних государств, а провалы, напротив, могут сформировать неблагоприятный прецедент, тормозящий развитие BRI. В этом заключается практическая ценность анализа структурных характеристик торговли. Более того, Кыргызстан отличается от других центральноазиатских государств высокой политической турбулентностью и отсутствием устойчивых институтов, что делает его уязвимым, и наиболее показательным объектом для изучения пределов китайского экономического влияния в регионе.

Данные Ван Цимэн, Ду Юншань и Кун Ин позволяют сделать вывод о том, что в период с 2013 по 2019 год «общий объём двусторонней торговли между Китаем и Кыргызстаном, за исключением отдельных лет незначительного снижения, в остальные годы сохранял тенденцию к росту» [1, с. 42]. Д. Б. Турусбеков дополняет эту картину более свежими сведениями: по итогам 2022 года товарооборот достиг рекордной отметки 4,13 млрд долл., что в 2,7 раза превышает уровень 2021 года [6], а в 2025 году объём достиг 24,95 млрд. При этом за внешне благополучными показателями кроется резкий дисбаланс (см. рисунок 1).

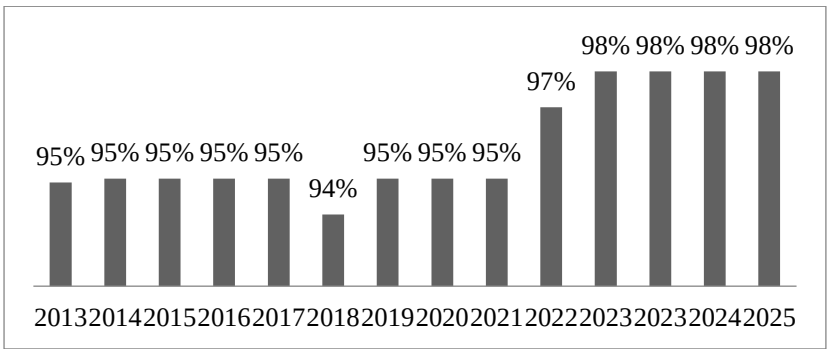

Рисунок 1 – Дисбаланс показателей 2013-2025 гг.
(на основе статистики Главного таможенного управления Китая)

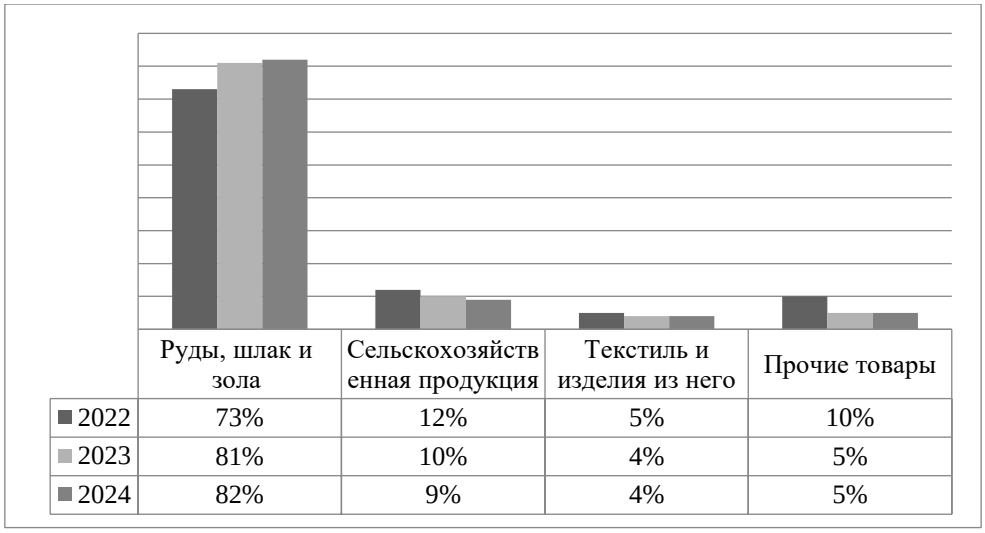
Для наглядности в таблице 1 приведены основные показатели двусторонней торговли за 2013–2025 гг.

Таблица 1 – Товарооборот между Китаем и Кыргызстаном (на основе статистики Главного таможенного управления Китая)

Год	Экспорт Китая в КР	Импорт Китая из КР	Общий товарооборот	Сальдо
2013	5,01	0,13	5,14	+4,88
2014	5,17	0,12	5,29	+5,05
2015	4,32	0,10	4,42	+4,22
2016	4,65	0,11	4,76	+4,54
2017	5,12	0,13	5,25	+4,99
2018	5,78	0,15	5,93	+5,63
2019	6,20	0,15	6,35	+6,05
2020	4,44	0,10	4,54	+4,34
2021	5,25	0,12	5,37	+5,13
2022	4,07	0,06	4,13	+4,01
2023	19,70	0,11	19,81	+19,59
2024	23,40	0,13	23,53	+23,27
2025	24,80	0,15	24,95	+24,65

Анализ товарной структуры по классификациям HS и SITC фиксирует межотраслевую специализацию. Согласно исследованию Го Цин и Айкэдай Муша, «экспорт китайской сельхозпродукции в Кыргызстан растёт за счёт овощей, фруктов и рыбной продукции; экспорт из Кыргызстана в Китай, хотя и имеет меньший объём, также демонстрирует положительную динамику и представлен в основном животноводческой продукцией и орехами» [2, с. 90]. Более широкий охват дают работы с использованием HS-кодов. Ван Цимэн с соавторами показывают, что «китайский экспорт в Кыргызстан был преимущественно представлен текстильной и лёгкой промышленной продукцией, доля которых достигала 60%», а «основную часть экспорта составляли товары группы 26» [1, с. 43]. Экспорт Кыргызстана в Китай в 2023–2025 годах сохранял сырьевую

направленность. На золото приходилось 80–82% поставок, на руды цветных металлов – 9–10%, на сельскохозяйственную продукцию – 4–5%, на прочие товары – около 5%. Полной официальной детализированной статистики за 2025 год ещё нет, поэтому указанные показатели являются экспертными: они рассчитаны на основе данных предыдущих лет и устойчивой структуры кыргызского экспорта. Существенных изменений в товарной корзине за этот период не произошло, что подтверждает сохранение сырьевой специализации поставок в Китай (см. рисунок 2).

	Руды, шлак и зола	Сельскохозяйственная продукция	Текстиль и изделия из него	Прочие товары
2022	73%	12%	5%	10%
2023	81%	10%	4%	5%
2024	82%	9%	4%	5%

Рисунок 2 – Структура экспорта Кыргызстана в Китай по основным товарным группам в 2022-2024 гг., % (на основе статистики Главного таможенного управления Китая)

Данные подтверждают рост товарооборота до 2019 года. Спад в 2020 году объясняется пандемией. Затем последовало восстановление. Однако сальдо остаётся стабильно положительным для Китая, причём дисбаланс достигает пиковых значений в 2018–2019 гг., а в 2022 г. сокращается главным образом за счёт уменьшения китайского импорта, а не роста кыргызского экспорта.

Цзян Юнин и Ван Яли, применяя классификацию SITC, подтверждают эту закономерность: «Китай обладает значительными сравнительными преимуществами в экспорте продукции секторов SITC6, SITC7 и SITC8», тогда как у Кыргызстана «наиболее выраженные сравнительные преимущества наблюдаются у сырьевых товаров, прежде всего ресурсоёмкой продукции (SITC2 и SITC3)» [7, с. 132].

Отраслевая структура китайского экспорта в Кыргызстан заметно трансформировалась за последнее десятилетие. Если в начале 2010-х годов доминировали товары низкого передела – дешёвый текстиль, пластиковая посуда, недорогая бытовая техника, – то к 2020-м годам всё большую долю стали занимать более сложные промышленные изделия: электронные компоненты, бытовая электроника, средства связи и автомобильные запчасти. Китай переходит на более высокотехнологичное производство, и кыргызстанцы, приспособившись к

рынку, стали больше покупать такие товары. Но кыргызский экспорт годами остаётся одним и тем же – изнутри ничто не подталкивает к переменам. Китай поставляет готовую промышленную продукцию, а Кыргызстан – первичные ресурсы. Это «укрепляет взаимодополняемость, но закрепляет сырьевую зависимость и делает экономику уязвимой к внешним потрясениям». В итоге страна может закрепиться в роли «сырьевого придатка» [6, с. 244]

Индекс RCA показывает, в чём страна конкурентоспособна. По данным Тянь Юйли за 2007–2017 годы, «Китай демонстрирует устойчивое преимущество по трём товарным группам – SITC 6, 7 и 8, тогда как страны Центральной Азии, включая Кыргызстан, имеют высокие показатели RCA по группам SITC 2 и 3» [5, с. 156]. У Китая RCA по группе SITC 8 выше 2,5 – это очень сильное преимущество. У Кыргызстана по SITC 3 – 6,08, по SITC 2 – 4,21 [8]. При этом товары, в которых обе стороны сильны, почти не совпадают.

Китай всё сильнее в машинах и оборудовании (SITC 7), а в готовых изделиях (SITC 8) слегка сдаёт позиции: производство уходит в Юго-Восточную Азию. У Кыргызстана высокие показатели по сырью держатся стабильно, но экспорт не становится разнообразнее – внутри страны нет стимулов менять структуру. Высокий RCA по ресурсам не говорит об успехе экономики: это скорее признак узкого экспорта, типичного для стран со слабой промышленностью.

Индекс сходства экспорта (ESI) также показывает, насколько страны конкурируют друг с другом. Ма Цзи и Ли Сыкон, рассчитав этот показатель для рынков США, Германии, России и Японии, установили, что «после 2000 года индекс сходства экспорта между Китаем и пятью странами Центральной Азии составлял менее 50 и имел тенденцию к снижению, что говорит о низкой конкуренции» [3, с. 11]. Степень сходства экспортных структур двух регионов относительно невысока и демонстрирует тенденцию к ежегодному снижению [7].

При этом важно отметить, что низкое значение ESI одновременно является и слабой стороной кыргызской экономики: оно отражает неспособность Кыргызстана выходить на внешние рынки с продукцией, аналогичной китайской, то есть отсутствие собственного промышленного потенциала. Низкая конкуренция – это не только благо (отсутствие конфликта интересов), но и маркер глубокого технологического отставания, которое в перспективе может стать непреодолимым барьером для развития. Иными словами, отсутствие конкуренции с Китаем означает, что Кыргызстан не производит товаров, которые могли бы конкурировать с китайскими даже на собственных рынках третьих стран, что свидетельствует о деградации обрабатывающего сектора.

Измерение торговой взаимодополняемости проводится с помощью индекса TCI. Совокупный TCI Китая со странами Центральной Азии превышает 1 в большинстве лет, что указывает на высокую комплементарность [5]. Для пары Китай–Кыргызстан TII превышает 7, что подтверждает высокую зависимость кыргызского рынка от китайского импорта [1]. По большинству товарных групп значения GL ниже 0,5 – это межотраслевой обмен. Цзян Юнин и Ван Яли отмечают: «высокие значения GL наблюдаются лишь по группам SITC 5 и SITC 6

(химия и полуфабрикаты), где встречаются элементы встречной торговли аналогичными товарами, однако в целом структура остаётся межотраслевой» [7, с. 130]. Первичные товары составляют 22,59% китайского экспорта в Кыргызстан, готовые изделия – 77,41%. Жёсткой конкуренции нет [4].

TCI по годам сильно менялся. В 2017–2018 годах он был максимальным: в Кыргызстане активно строили инфраструктуру и много ввозили из Китая стройматериалы, оборудование и технику. В 2020 году показатель упал из-за пандемии и закрытых границ, но уже в 2021–2022 годах вернулся к прежним значениям. Это говорит о том, что торговые связи между странами устойчивые и быстро восстанавливаются. Колебания TCI показывают, что взаимодополняемость зависит от внешних факторов: инвестиций, политической ситуации и глобальных цен на сырьё. При этом следует отметить, что восстановление произошло прежде всего за счёт импорта из Китая, тогда как кыргызский экспорт так и не достиг докризисных показателей, что усилило существовавший дисбаланс.

TCI, GL и TII подтверждают высокую взаимодополняемость, но она асимметрична: Кыргызстан поставляет ресурсы, Китай – готовую продукцию. Такая комплементарность создаёт краткосрочные выгоды, но в долгосрочной перспективе усиливает зависимость кыргызской экономики от колебаний цен на сырьё и от политики китайской стороны.

Разрыв между импортом и экспортом достигает десятков раз: из 4,13 млрд. долл. внешнеторгового оборота около 4,07 млрд. приходится на китайский импорт, в то время как поставки из Кыргызстана не достигают и 60 млн., что означает превышение китайского экспорта над кыргызским в 67 раз [6].

За полтора десятилетия «совокупный долг Кыргызской Республики Китаю вырос более чем в 37 раз» – с 37 млн. до 1,38 млрд. долл. [6, с. 244]. Темпы роста замедлились, однако объём долга остаётся значительным, особенно с учётом того, что многие объекты (ТЭЦ, дороги) построены на китайские кредиты. В работе Мэй Линь также подчёркивается, что «Кыргызстан становится всё более зависим от китайского капитала», что создаёт предпосылки для ослабления экономической независимости [4].

Приграничная инфраструктура не соответствует возросшим объёмам грузопотока [1]. Единственной полноценной транспортной связью остаются автотрассы, но их качество неудовлетворительно [6]. Строительство железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан затягивается из-за отсутствия финансирования. Политическая нестабильность, региональные противоречия и напряжённость с соседями формируют неблагоприятную среду для крупных проектов [3; 6].

Го Цин и Айкэдай Муша предлагают наращивать вывоз переработанной сельхозпродукции, что обеспечит прирост добавленной стоимости [2]. Этот подход применим и к горнодобывающему сектору – создание совместных предприятий по обогащению руд и производству концентратов. Цуй Дэнфэн и Шао Вэй предлагают Китаю «увеличить импорт из Кыргызстана товаров групп SITC 5 и SITC 7 (химия, машины), чтобы стимулировать развитие обрабатывающих

отраслей» [8, с. 100]. Ван Цимэн и соавторы настаивают на ускорении модернизации пограничных переходов, «ускорении их информатизации и интеллектуализации, упрощении рабочих процедур» [1, с. 45]. Ма Цзи и Ли Сыкон подчёркивают необходимость завершения строительства железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан, которая сократит время доставки и снизит логистические издержки [3].

В работе Го Цин и Айкэдай Муша предлагается «создать механизм взаимного признания стандартов на сельхозпродукцию, включая единые требования по остаточным пестицидам, содержанию тяжёлых металлов, микробиологическим показателям» [2, с. 93]. Аналогичные шаги могут быть предприняты и в промышленной сфере – создание совместных испытательных лабораторий и унификация требований к качеству.

Важно также заняться подготовкой кадров. Реализация любых проектов в рамках BRI упирается в нехватку квалифицированных кадров в Кыргызстане – инженеров, техников, менеджеров, владеющих китайским языком и знакомых с китайскими стандартами. Без кадров даже крупные проекты могут провалиться или не принести пользы. Нужно расширять обмены студентами, открывать совместные центры и отправлять специалистов на стажировки в Китай. Китай готов к такому сотрудничеству: уже работают Институты Конфуция и другие образовательные программы, но их пока недостаточно для растущих отраслей. Китай и Кыргызстан в рамках «Пояса и пути» торгуют взаимовыгодно, но крайне неравно. Китай поставляет готовые товары, а Кыргызстан – в основном сырьё и сельхозпродукцию.

Список использованных источников

1. Ван Цимэн, Ду Юншань, Кун Ин. Исследование взаимодополняемости торговли между Китаем и Кыргызстаном в контексте инициативы «Пояс и путь» // Практика внешнеэкономических связей. – 2022. – № 1. – С. 42–46.

2. Го Цин, Айкэдай Муша. Исследование конкурентоспособности и взаимодополняемости торговли сельскохозяйственной продукцией между Китаем и Кыргызстаном в контексте инициативы «Пояс и путь» // Китайская коммерческая дискуссия. – 2025. – Т. 34, № 17. – С. 90–94.

3. Ма Цзи, Ли Сыкон. Анализ взаимодополняемости и конкуренции в торговле между Китаем и пятью странами Центральной Азии – взгляд с точки зрения «Экономического пояса Шёлкового пути» // Журнал Синьцзянского университета финансов и экономики. – 2016. – № 1. – С. 5–13. – DOI: 10.16713/j.cnki.65-1269/c.2016.01.001.

4. Мэй Линь. Исследование конкурентоспособности и взаимодополняемости торговли между Китаем и Кыргызстаном: диссертация ... кандидата экономических наук. – Юньнаньский университет, 2021. – 178 с. – DOI: 10.27456/d.cnki.gyndu.2021.000190.

5. Тянь Юйли. Исследование конкурентоспособности и взаимодополняемости торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии // Шаньдунские социальные науки. – 2020. – № 10. – С. 152–158.

6. Турусбеков Д.Б. Особенности экономического взаимодействия Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: основные направления и приоритеты (2013–2022 гг.) // Постсоветские исследования. – 2024. – Т. 7, № 3. – С. 236–247.

7. Цзян Юнин, Ван Яли. Исследование конкурентоспособности и взаимодополняемости торговли между Китаем и странами Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Социальные науки Внутренней Монголии. – 2018. – Т. 39, № 5. – С. 128–135.– DOI: 10.14137/j.cnki.issn1003-5281.2018.05.021.

8. Цуй Дэнфэн, Шао Вэй. Исследование конкурентоспособности, взаимодополняемости и экспортного потенциала торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии // Бизнес-исследования. – 2017. – № 3. – С. 93–101. – DOI: 10.13902/j.cnki.syyj.2017.03.013.

COMPLEMENTARITY AND STRUCTURAL FEATURES OF TRADE BETWEEN CHINA AND KYRGYZSTAN IN THE CONTEXT OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE

Yan Zhang

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn,
Bishkek, Kyrgyzstan
ORCID ID: 0009-0002-3930-5525

Based on a synthesis, this article analyzes structural characteristics and complementarity of trade relations between China and Kyrgyzstan in 2013–2025 under the implementation of the «Silk Road Economic Belt» megaproject. Using the indices of revealed comparative advantage (RCA), trade complementarity (TCI), intra-industry trade (GL), export similarity (ESI) and trade integration (TII), employed in the reviewed sources, the competitive positions of the parties and the degree of complementarity of their export-import flows are assessed. It is found that China stably specializes in industrial goods (textiles, machinery, electronics), while Kyrgyzstan – in mineral raw materials, ores and agricultural products. This creates a high complementarity, but is accompanied by a significant imbalance in trade turnover, growing debt burden, lack of transport infrastructure and political risks. Measures are proposed to diversify Kyrgyz exports, attract investment in manufacturing industries, harmonize standards and activate a multilateral format with the participation of the EAEU countries. The conclusion is made about the need to transform the existing model of cooperation from a raw material appendage into a balanced partnership.

Keywords: China, Kyrgyzstan, «Belt and Road», complementarity, trade structure, competitiveness, investment, infrastructure, debt.

УДК 343

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА И МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ф.И. Чубанов

Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Россия

Статья посвящена проблемным аспектам квалификации фальсификации доказательств по ст. 303 УК РФ. Анализируются дискуссионные вопросы определения субъекта преступления, включая квалификацию действий руководителя юридического лица, передающего подложные документы через представителя, а также момент окончания преступления. На основе анализа правоприменительной практики и доктринальных подходов предлагаются пути разрешения выявленных коллизий.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, ст. 303 УК РФ, субъект преступления, момент окончания, правосудие.

Вопросы квалификации фальсификации доказательств по ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации традиционно относятся к числу наиболее сложных в судебной практике. Это обусловлено как конструкцией самого состава преступления, так и многообразием форм его проявления в различных видах судопроизводства. Как справедливо отмечается в доктрине, при применении ст. 303 УК РФ нередко возникают вопросы, касающиеся квалификации этого преступления, включая определение субъекта, предмета и момента окончания деяния. Действующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» содержит ряд важных разъяснений, однако отдельные аспекты остаются дискуссионными и требуют дальнейшего осмысления. Цель настоящей статьи – систематизировать проблемные аспекты определения субъекта и момента окончания фальсификации доказательств по уголовному делу, а также предложить подходы к их разрешению [3].

Субъектный состав фальсификации доказательств дифференцирован в зависимости от вида судопроизводства. Часть 1 ст. 303 УК РФ предусматривает ответственность за фальсификацию доказательств по гражданскому делу или делу об административном правонарушении, совершённую лицом, участвующим в деле, его представителем, а равно должностным лицом, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях или составлять протоколы об административных правонарушениях . Часть 2 данной статьи устанавливает ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу следователем, дознавателем, прокурором или защитником.

Наиболее сложные вопросы возникают при определении круга лиц, которые могут быть признаны субъектами преступления, предусмотренного ч. 1 ст.

303 УК РФ. Диспозиция данной нормы прямо называет в качестве субъектов лицо, участвующее в деле, или его представителя. Однако на практике нередки случаи, когда фальсифицированные документы изготавливаются руководителем юридического лица, которое непосредственно в судебном разбирательстве не участвует, а передаёт подложные доказательства через своего представителя (адвоката или иного уполномоченного лица). Как отмечает исследователь Э.А. Алыев, возникает вопрос: можно ли привлечь к уголовной ответственности руководителя юридического лица, изготовившего (поручившего изготовить) и подписавшего фальсифицированные документы, при этом в рассмотрении дела судом не участвовавшего, а передавшего их через своего представителя?[1]

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 20 разъяснил, что участник производства по делу, представивший заведомо поддельные предметы и документы в качестве доказательств через своего представителя (защитника), не осведомлённого относительно их подложности и преступных намерений своего доверителя (подзащитного), несёт ответственность как исполнитель преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ. Это разъяснение, однако, не в полной мере разрешает ситуацию с руководителем юридического лица, поскольку согласно п. 1 ст. 53 Гражданского кодекса РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы. В этой связи действия руководителя, изготовившего и подписавшего подложный документ, но не участвовавшего в судебном заседании, могут быть квалифицированы как соучастие в преступлении, а не как его непосредственное исполнение, что требует дополнительного доктринального осмысления и, возможно, уточнения позиции высшей судебной инстанции[2].

Дополнительную сложность вносит ситуация, когда фальсификация доказательств является способом совершения мошенничества. Как показывает судебная практика, в случаях, когда виновные лица обращаются в суд с заявлениями о выдаче судебных приказов по подложным документам, содеянное квалифицируется как совокупность преступлений – покушение на хищение (ст. 30, ст. 159 УК РФ) и фальсификация доказательств (ч. 1 ст. 303 УК РФ) . При этом если судебный приказ исполнен (например, банком или судебными приставами), содеянное квалифицируется как оконченное мошенничество и по ч. 1 ст. 303 УК РФ . Такая квалификация вызывает дискуссию, поскольку в данном случае фальсификация доказательств выступает способом достижения преступной цели, и возникает вопрос о необходимости дополнительной квалификации по ст. 303 УК РФ при наличии более тяжкого состава мошенничества.

Вопрос о моменте окончания фальсификации доказательств является принципиальным для правильной квалификации и исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Как разъясняет Генеральная прокуратура Российской Федерации, преступление, предусмотренное ст. 303 УК РФ, считается оконченным с момента предъявления сфальсифицированных доказательств. Применительно к гражданскому судопроизводству преступление считается оконченным с момента приобщения фальсифицированных документов к материалам гражданского дела [4].

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о наличии ряда нерешённых проблем в квалификации фальсификации доказательств по ст. 303 УК РФ. В части определения субъекта преступления сохраняется неопределённость относительно уголовной ответственности руководителя юридического лица, изготовившего подложные документы, но не участвовавшего в судебном разбирательстве. Представляется необходимым дальнейшее совершенствование позиции Пленума Верховного Суда РФ в части конкретизации круга лиц, подлежащих ответственности по ч. 1 ст. 303 УК РФ, с учётом положений гражданского законодательства о представительстве. В части момента окончания преступления требуется единообразное понимание того, что представление подложного доказательства образует оконченный состав независимо от его последующего приобщения судом.

Список использованных источников

1. Алыев, Э. А. Субъект преступления по статье 303 УК РФ / Э. А. Алыев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 24 (471). – С. 221-223.

2. Ворончихина Е. В. Фальсификация доказательств: актуальные проблемы // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 5. – С. 433–440.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Российская газета. № 145. 2022.

4. Фирсов О. В. Проблемы уголовно-правовой квалификации фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности // Правосудие на современном этапе. Новые вызовы времени. – Чита, 2022. – С. 221–224.

FALSIFICATION OF EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE: PROBLEMATIC ASPECTS OF DETERMINING THE SUBJECT AND THE MOMENT OF THE END OF THE CRIME

F.I. Chubanov

Surgut State University,
Surgut, Russia

The article is devoted to problematic aspects of the qualification of falsification of evidence under Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation. The debatable issues of determining the subject of a crime are analyzed, including the qualification of the actions of the head of a legal entity transmitting forged documents through a representative, as well as the moment of the end of the crime. Based on the analysis of law enforcement practice and doctrinal approaches, ways to resolve the identified conflicts are proposed.

Keywords: falsification of evidence, Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, the subject of the crime, the moment of the end, justice.

УДК 343.3

ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПОЛНОМОЧИЯМИ В КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Ф.И. Чубанов

Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Россия

Статья посвящена проблеме отграничения злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) от злоупотребления полномочиями в коммерческих организациях (ст. 201 УК РФ). Анализируются различия по объекту, субъекту и субъективной стороне деяний, а также сложные случаи квалификации, возникающие в организациях со смешанной формой собственности. Предлагаются пути решения коллизионных ситуаций через системное толкование норм.

Ключевые слова: злоупотребление полномочиями, должностное лицо, управленческие функции, квалификация, отграничение.

Вопросы квалификации злоупотребления должностными полномочиями и злоупотребления полномочиями в коммерческих организациях относятся к числу наиболее сложных в судебной практике. Статьи 285 и 201 Уголовного кодекса Российской Федерации имеют практически идентичные по конструкции диспозиции, что неизбежно порождает трудности правоприменения. Как справедливо отмечается в доктрине, «дифференциация служебных преступлений осуществляется законодателем с учетом родового и видового объектов посягательства, а также сферы, в которой совершается преступление, и субъекта преступления». При этом конструкции ст. 201 и 285 УК РФ схожи, а различаются они преимущественно по признакам субъекта. Цель настоящей статьи – систематизировать критерии разграничения указанных составов, выявить наиболее проблемные аспекты квалификации и предложить подходы к их решению [1].

Основное различие между преступлениями, предусмотренными ст. 201 и ст. 285 УК РФ, определяется родовым и видовым объектами посягательства. Статья 201 УК РФ охраняет общественные отношения в сфере экономики (родовой объект), а также интересы службы в коммерческих и иных организациях (видовой объект). В то же время ст. 285 УК РФ направлена на защиту отношений в сфере реализации государственной власти (родовой объект) и интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (видовой объект). Таким образом, характер защищаемых интересов выступает первичным критерием разграничения: в первом случае это интересы негосударственных предприятий и организаций, во втором – интересы государственных и муниципальных органов и учреждений [2].

Вместе с тем, как обоснованно указывается в правовой литературе, главным отличием смежных составов преступлений, помещенных в главы 23 и 30 УК

РФ, следует считать признаки субъекта. Субъектом злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) признается лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации – единоличного исполнительного органа, члена совета директоров, а также лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в таких организациях. Субъектом должностного злоупотребления (ст. 285 УК РФ) является должностное лицо, осуществляющее функции представителя власти либо организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях. Важным признаком, позволяющим отграничить данные субъекты, является наличие контрольного пакета акций, находящегося в собственности государства или муниципального образования: если контрольный пакет коммерческой организации принадлежит государству, действия лица, совершившего злоупотребление, квалифицируются по ст. 285 УК РФ [3].

По объективной стороне данные составы существенных отличий не имеют. Однако следует обратить внимание на формулировки, характеризующие действие (бездействие) как признак объективной стороны. В диспозиции ст. 201 УК РФ законодатель использует формулировку «вопреки законным интересам организации», что подразумевает, что интересы организации должны быть в рамках закона и вытекать из её уставных целей. Применительно к ст. 285 УК РФ используется формулировка «вопреки интересам службы», что само по себе подразумевает законную деятельность государственных и муниципальных органов.

Субъективная сторона данных преступлений также имеет существенные различия. Мотив является обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, и определяется как корыстная или иная личная заинтересованность. Корыстная заинтересованность – это стремление должностного лица получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу. Иная личная заинтересованность – это стремление извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное карьеризмом, семейственностью, желанием приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу и т.п. Для преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, мотив деяния может быть любым, а целью является извлечение выгоды или причинение вреда, и это обязательный признак. Кроме того, при злоупотреблении должностными полномочиями может присутствовать неосторожное отношение к последствиям, тогда как преступление по ст. 201 УК РФ предполагает умысел как в отношении деяния, так и в отношении последствий [4].

Особую сложность представляют случаи, когда злоупотребления совершаются в организациях со смешанной формой собственности или в государственных корпорациях. Внесённые в 2015 году изменения в примечания к ст. 285 УК РФ существенно сократили охраняемую главой 23 УК РФ сферу общественных отношений и расширили сферу применения главы 30 УК РФ. Законодатель отнёс к субъектам должностного злоупотребления лиц, выполняющих организационно-распорядительные функции в государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, а также в акционерных

обществах с преобладающей долей государства. При этом дискуссионным остаётся вопрос о квалификации нецелевого расходования средств в сфере государственного оборонного заказа, где действуют специальные составы (ст. 201.1 и 285.4 УК РФ). Как отмечается в литературе, формальное появление специальных составов не сняло, а во многом обострило вопросы квалификации, особенно в случаях нецелевого расходования денежных средств [5].

Таким образом, отграничение злоупотребления должностными полномочиями от злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях должно проводиться по совокупности критериев: объекту, субъекту, объективной и субъективной стороне преступления. Ключевое значение имеют характер защищаемых интересов и статус лица, совершившего деяние. Проблемы квалификации в организациях со смешанной формой собственности требуют дальнейшего совершенствования законодательных формулировок и обобщения судебной практики. Предлагаемый подход к системному толкованию норм позволит более точно разграничивать смежные составы и обеспечивать единообразие правоприменения.

Список использованных источников

1. Аболонина, А. В. Разграничение злоупотребления полномочиями и превышения полномочий лицами, осуществляющими управленческие функции в коммерческой или иной организации / А. В. Аболонина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 50 (549). – С. 156-160.

2. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2023. - 473 с.

3. Захаров, С. Г. Особенности злоупотребления должностными полномочиями как преступления коррупционной направленности // Молодой ученый. - 2023. - № 4 (451). - С. 245-247.

4. Козаченко, И. Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. - 430 с.

5. Кушхов, Р.Х. К вопросу о злоупотреблении должностными полномочиями // Образование и право. - 2022. - № 6. - С. 171-174.

DISTINGUISHING ABUSE OF OFFICIAL AUTHORITY FROM ABUSE OF AUTHORITY IN COMMERCIAL ORGANIZATIONS: QUALIFICATION PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

F.I. Chubanov

Surgut State University,
Surgut, Russia

The article is devoted to the problem of distinguishing abuse of official authority (Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation) from abuse of authority in commercial organizations (Article 201 of the Criminal Code of the Russian Federation). The differences in the object, subject and subjective side of acts are analyzed, as

well as complex qualification cases that arise in organizations with a mixed form of ownership. The ways of solving conflict situations through a systematic interpretation of norms are proposed.

Keywords: abuse of authority, official, managerial functions, qualifications, differentiation.

УДК 338.45.01

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ФОРМИРОВАНИЯ АДАПТИВНОГО КОНТУРНО-УСЛОВНОГО ПАКЕТА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ОТРАСЛИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ

Д.С. Шувалов

МИРЭА – Российский технологический университет,
г. Москва, Россия

В ходе исследования разработан инструментарий формирования адаптивного контурно-условного пакета промышленной политики развития предприятий отрасли энергетического машиностроения, в котором меры отбираются относительно стратегической траектории воспроизводства ресурсного контура с учетом функциональной завершенности, минимальной достаточности и дополнительности государственного воздействия. Научное приращение состоит в связывании состава и изменения поддержки с ресурсным дефицитом и взаимными обязательствами участников, что создает условия для концентрации ресурсов на критических звеньях энергетического машиностроения.

Ключевые слова: инструментарий, промышленная политика, энергетическое машиностроение, отрасль, государственная поддержка, технологический суверенитет, стратегическое развитие, ресурсный контур.

Экономический результат в энергетическом машиностроении формируется в цепочке исследований, обеспечения компонентами, испытаний, подготовки серийного производства, кооперационных поставок, спроса и сервиса. Ресурсный разрыв на одной стадии способен ограничить отдачу средств, вложенных в другие стадии. Преодоление импортозависимости и технического отставания связывается с взаимодействием производителей оборудования, энергетических организаций и научно-технологической сферы [5]. О. А. Романова и А. О. Пономарева отмечают «реконфигурацию производственных цепочек, которые становятся новым объектом промышленной политики» [3].

Для сложной промышленной продукции требуется согласование мер по экономической функции и времени. Ю. В. Симачёв, А. А. Федюнина и М. Г. Кузык указывают, что промышленная политика может осуществляться в «мозаике» инициатив разных уровней, «но при этом такая политика должна быть целостной и стратегической» [4, с. 68]. Применительно к энергетическому

машиностроению такая целостность предполагает согласованное обеспечение взаимосвязанных ресурсов, от которых зависит завершение воспроизводственного процесса. Для отражения этой взаимосвязи используется понятие ресурсного контура как системы формирования, преобразования и воспроизводства ресурсов, совместно обеспечивающих соответствующий воспроизводственный процесс. Единицей формирования поддержки становится стратегическая траектория $T_{c,p}$ воспроизводства контура c, где p обозначает вариант траектории.

Адаптивный контурно-условный пакет представляет согласованную по функциям, ресурсам и времени комбинацию мер промышленной политики, привязанную к $T_{c,p}$. Контурная принадлежность задает объект воздействия, условность связывает ресурсы с результатом, адаптивность обеспечивает изменение пакета при отклонении. Формирование пакета строится через три экономических фильтра. Первый определяет обоснованность воздействия. Для контура устанавливаются сводный ресурсный дефицит D_c^t, стратегическая приоритетность P_c^t, ресурсная потребность и доступное обеспечение. Стратегическая значимость разрыва и недостаточность доступных ресурсов формируют предварительное основание для отбора мер.

Второй фильтр формирует минимально достаточный функционально завершенный состав. Траектория раскладывается на функции долгосрочного капитала, разделения риска, исследований и промышленного освоения, испытательной и производственной инфраструктуры, долгосрочного спроса, кооперации, локализации, кадровых компетенций и сервиса. По результатам экспертного исследования Е. А. Капогузова реверсивный инжиниринг имеет преимущественно тактическое значение, а применимость трансфера технологий и локализации зависит от отрасли, собственных компетенций и институциональных условий [1]. Поэтому мера включается в пакет по функции, обеспечиваемой при конкретном ресурсном ограничении.

Для меры i задается соответствие функции f в траектории $m_{i,f}^{c,p}$. Отбор минимизирует совокупную приведенную ресурсную нагрузку при обязательном покрытии требуемых функций:

$$\min C_{c,p}^{\text{сов}} = \sum_{i=1}^{I}(C_i^{\text{гос}} + C_i^{\text{част}})x_i\,,\ \sum_{i=1}^{I} m_{i,f}^{c,p}\, x_i \geq h_{c,f}. \quad (1)$$

Здесь I обозначает число мер, x_i – включение меры в пакет, $C_i^{\text{гос}}$– государственную нагрузку, $C_i^{\text{част}}$ – ресурсы участников вне мер промышленной политики, $h_{c,f}$ – минимальную степень покрытия функции. Для критической функции $h_{c,f} = 1$. Так обеспечивается функциональная завершенность при минимальной достаточности состава. Совместный учет публичного ресурса и ресурсов участников обоснован. Так, в структуре финансирования инновационной деятельности собственный капитал составляет 57,3 %, государственное финансирование 26,1 % [2]. Собственные инвестиции предприятия сохраняют статус встречного обязательства и не отождествляются с мерой промышленной политики.

Третий фильтр определяет дополнительность. Ожидаемое сокращение ресурсного дефицита при применении пакета $G_{c,p}^{\text{ож,пак}}$ сопоставляется с базовой траекторией без дополнительного государственного воздействия $G_{c,p}^{\text{ож,баз}}$:

$$K_{c,p}^{\text{доп}} = \frac{G_{c,p}^{\text{ож,пак}} - G_{c,p}^{\text{ож,баз}}}{G_{c,p}^{\text{пл}}}. \qquad (2)$$

Пакет применяется при $K_{c,p}^{\text{доп}} \geq K_{\min}^{\text{доп}} > 0$, где $G_{c,p}^{\text{пл}}$ характеризует плановое сокращение дефицита. Государственный ресурс тем самым связывается с ожидаемой частью результата, возникающей дополнительно к базовой траектории. А. А. Яковлевым и соавторами выявлена «значительная неоднородность в результатах работы предприятий, получавших господдержку» [6]. Получатели займов Фонда развития промышленности показали «в среднем более высокие результаты, чем участники программы субсидий», а различия рассматриваются как свидетельство эффективности принципов отбора и поддержки проектов [6].

Условность реализуется на входе, при прохождении траектории и масштабировании пакета. Вход требует подтвержденного дефицита, стратегической приоритетности, недостаточности доступного обеспечения и положительной дополнительности. Продолжение меры зависит от технологически содержательной контрольной точки, например завершения испытаний, освоения критического компонента или готовности серийного производства. В. А. Щевьёва, В. В. Бологова и Д. Г. Шувалова предлагают «акцентировать внимание на достижении ожидаемого результата, а не расходовании данной суммы в данный период времени» [5]. Масштабирование допускается при фактическом сокращении дефицита и соблюдении контрольных условий.

Условность поддержки требует закрепления встречных обязательств участников траектории. Для этого используется ресурсно-контурное соглашение промышленного развития, реализуемое через действующие договорные и программные механизмы. В нем фиксируются меры поддержки, ресурсы участников, сроки и контрольные результаты по стадиям траектории.

Последующее решение о составе пакета принимается по результатам сопоставления фактического и целевого изменения ресурсного контура. Непосредственный контурный результат характеризует сокращение ресурсного дефицита. Экономический эффект отражает чистый дополнительный стоимостный результат, а экономическая эффективность – его соотношение с приведенными государственными и собственными затратами участников. После установленного временного лага оценивается стратегический результат по динамике устойчивого функционирования и стратегической конкурентоспособности предприятий отрасли. Отклонение от контрольных значений служит основанием для изменения сроков, объема ресурсов, последовательности мер или состава участников.

Таким образом, научное приращение инструментария состоит в формировании мер относительно стратегической траектории воспроизводства ресурсного контура с одновременным обеспечением функциональной завершенности, минимальной достаточности и дополнительности государственного воздействия. Связывание состава и изменения поддержки с сокращением ресурсного дефицита и взаимными обязательствами участников создает условия для концентрации ресурсов на критических звеньях энергетического машиностроения.

Список использованных источников

1. Капогузов, Е. А. Инструменты промышленной политики для обеспечения технологического суверенитета / Е. А. Капогузов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2025. – № 72. – С. 264-281. – DOI 10.17223/19988648/72/14. – EDN AURVGS.

2. Колмыкова, Т. С. Ресурсное обеспечение технологического суверенитета в решении задач регионального и национального экономического развития / Т. С. Колмыкова, Е. А. Мерзлякова, И. В. Журбенко, И. В. Лобанов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 1, № 2(155). – С. 73-80. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.02.01.008. – EDN TEBZFS.

3. Романова, О. А. Промышленная политика: новые реалии, проблемы формирования и реализации / О. А. Романова, А. О. Пономарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 25-40. – DOI 10.15838/esc.2020.2.68.2. – EDN JZZEMU.

4. Симачёв, Ю. В. Новые контуры промышленной политики / Ю. В. Симачёв, А. А. Федюнина, М. Г. Кузык // Доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. – Москва: Высшая школа экономики, 2022. – 73 с.

5. Щевьёва, В. А. Учет тенденций развития энергомашиностроения при оценке межотраслевого взаимодействия / В. А. Щевьёва, В. В. Бологова, Д. Г. Шувалова // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 11. – С. 5077-5092. – DOI 10.18334/epp.13.11.119679. – EDN EGDBLP.

6. Яковлев, А. А. Оценка эффективности инструментов промышленной политики в России: новые подходы / А. А. Яковлев, Л. М. Фрейнкман, Н. В. Ершова, А. А. Агалян // ЭКО. – 2023. – № 2(584). – С. 60-83. – DOI 10.30680/ECO0131-7652-2023-2-60-83. – EDN SGENTO.

TOOLKIT FOR FORMING AN ADAPTIVE CONTOUR-CONDITIONAL INDUSTRIAL POLICY PACKAGE FOR THE DEVELOPMENT OF ENTERPRISES IN THE POWER ENGINEERING INDUSTRY

D.S. Shuvalov

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

The study developed a toolkit for forming an adaptive contour-conditional industrial policy package for the development of enterprises in the power engineering industry, in which measures are selected in relation to the strategic trajectory of reproduction of the resource contour, taking into account the functional completeness, minimum sufficiency, and additionality of government intervention. The scientific contribution consists in linking the composition and modification of support with the resource deficit and the mutual obligations of participants, which creates conditions for concentrating resources on the critical links of the power engineering industry.

Keywords: toolkit, industrial policy, power engineering industry, industry, state support, technological sovereignty, strategic development, resource contour.

УДК 378.14

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЯДРА В НОВОЙ МОДЕЛИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Л.Б. Яшина

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

В статье рассматривается процесс формирования социально-гуманитарного ядра в рамках перехода российской системы высшего образования на новую модель. Анализируются подходы Министерства науки и высшего образования РФ к определению обязательных дисциплин для всех направлений подготовки. Особое внимание уделяется содержанию и целям курсов «История России», «Основы российской государственности» и «Философия», а также их роли в формировании патриотизма и критического мышления у студентов. Освещаются вопросы интеграции образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности» и развития казачьего компонента как элементов ценностно-ориентированного образования.

Ключевые слова: новая модель высшего образования, социально-гуманитарное ядро, «История России», «Основы российской государственности», «Философия», Минобрнауки России, патриотическое воспитание, «Без срока давности», Ассоциация казачьих вузов.

Переход российской системы высшего образования на новую модель, инициированный Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 года, предполагает не только изменение уровней подготовки (базовое высшее, специализированное высшее, профессиональное образование), но и пересмотр содержательных основ обучения. В рамках пилотного проекта, реализуемого в шести ведущих вузах страны, одной из ключевых задач стало формирование социально-гуманитарного ядра – единого блока дисциплин, обязательных для студентов всех специальностей и направлений.

Как отметил заместитель Министра науки и высшего образования РФ Константин Могилевский, гуманитарная подготовка должна быть одинаково качественной для всех студентов, независимо от их будущей специализации. В результате консультаций с профессиональным сообществом определились три дисциплины, которые войдут в состав этого ядра: «История России», «Основы российской государственности» и «Философия» [1]. Предполагается, что изучение данных предметов будет сконцентрировано на первых двух годах обучения.

Унификация перечня дисциплин и единые рабочие программы, по мнению разработчиков, позволят повысить качество преподавания во всех вузах страны и обеспечить академическую мобильность обучающихся.

Особый интерес представляет курс «Основы российской государственности», который уже с 2023 года внедряется в образовательные программы вузов. К 2025-2026 учебному году накопленный опыт преподавания был обобщён и актуализирован в новой Концепции учебно-методического комплекса по дисциплине. Как следует из программы дисциплины, реализуемой, например, в КубГАУ, её целью является формирование у студентов системы знаний, навыков и компетенций, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности. Курс направлен на изучение российской государственности в её непрерывном цивилизационном измерении, особенностей политической организации общества, а также фундаментальных ценностных принципов российской цивилизации: единства многообразия, суверенитета, согласия и сотрудничества, созидания и развития [2].

Важным элементом гуманитарной подготовки остаётся сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны. Модуль «Великая Отечественная война: без срока давности», разработанный авторским коллективом Псковского государственного университета по государственному заданию Минобрнауки России, последовательно внедряется в образовательное пространство вузов [3]. На основе материалов одноимённого федерального проекта созданы учебные пособия, включающие не только лекционные материалы, но и практические занятия с использованием рассекреченных архивных документов. Модуль направлен на противодействие фальсификации истории и формирование у молодёжи понимания ключевых проявлений политики геноцида. В 2025 году рассматривался вопрос о включении данного модуля в образовательные программы юридических вузов, что свидетельствует о признании его важности для профессионального образования. Кроме того, для вузов новых субъектов Российской Федерации разрабатываются специальные учебно-методические пособия с региональным компонентом, посвящённые преступлениям нацистов на этих территориях.

Развитие получает и казачий компонент в системе высшего образования, что является реализацией Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы. Ассоциация казачьих вузов, созданная в 2021 году, объединяет 26 высших учебных заведений. На съезде Ассоциации, состоявшемся в ноябре 2025 года, были подведены итоги апробации учебно-методического пособия «История казачества России» в 11 вузах, где в процессе задействовано более 43 преподавателей и около 4000 студентов. Программы казачьего бакалавриата, как отмечается, органично сочетают светское образование с духовно-нравственным воспитанием на основе православной традиции, исторически присущей казачеству. Это находит отражение в учебных планах Кубанского ГАУ, включение тематического блока,

посвященного историко-культурным традициям казачества, в содержание базовой дисциплины «История» и факультативного курса «История и культура казачества» [4].

В КубГАУ основы истории и культуры кубанского казачества изучаются не только в рамках профильных дисциплин, а также через общественную деятельность. Студенты могут присоединиться к специализированному студенческому объединению «Казачья сотня КубГАУ», которое активно участвует в жизни университета и региона. Ежегодно проводятся мероприятия, такие как студенческие конференции по истории и традициям кубанского казачества.

Таким образом, реформирование гуманитарного блока в новой модели высшего образования демонстрирует системный подход, направленный на унификацию социально-гуманитарной подготовки и усиление её ценностного и патриотического компонентов. Формирование социально-гуманитарного ядра из трёх базовых дисциплин, интеграция модуля «Без срока давности» и развитие казачьего компонента призваны не только обеспечить высокое качество образования, но и сформировать у студентов прочную мировоззренческую и гражданскую позицию, основанную на знании истории и традиционных духовно-нравственных ценностях российского общества.

Список использованных источников

1. В Минобрнауки назвали обязательные предметы новой модели высшего образования // 1tv.ru. – 2025. – 24 ноября. – URL: https://free.1tv.ru (дата обращения: 24.06.2026).

2. Салчинкина, А. Р. Реализация дисциплины «Основы российской государственности» в Кубанском государственном аграрном университете / А. Р. Салчинкина, Е. М. Харитонов, С. В. Хоружая // Социально-гуманитарный вестник: Всероссийский сборник научных трудов. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. – С. 109-113. – EDN KLUXXL.

3. Салчинкина, А. Р. Включение образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности» в образовательные программы высшего образования / А. Р. Салчинкина, Е. М. Харитонов, С. В. Хоружая // Наука XXI века: проблемы, перспективы и актуальные вопросы развития общества, образования и науки: международная межвузовская осенняя научно-практическая конференция: сборник материалов и докладов, Краснодар, 30 сентября 2022 года. – Краснодар: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ- филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2022. – С. 189-192. – EDN TUBRYP.

4. Салчинкина, А. Р. Практика реализации казачьего компонента в образовательном процессе Кубанского государственного аграрного университета / А. Р. Салчинкина, Е. М. Харитонов, С. В. Хоружая // Социально-гуманитарный вестник: Всероссийский сборник научных трудов. Том Выпуск 31. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2022. – С. 97-99. – EDN XUDYDX.

FORMATION OF THE SOCIAL AND HUMANITARIAN CORE IN THE NEW MODEL OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

L.B. Yashina

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

The article examines the process of forming the social and humanitarian core within the framework of the transition of the Russian higher education system to a new model. The approaches of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation to defining compulsory disciplines for all areas of training are analyzed. Special attention is paid to the content and goals of the courses «History of Russia», «Fundamentals of Russian Statehood» and «Philosophy», as well as their role in the formation of patriotism and critical thinking among students. The issues of integration of the educational module «The Great Patriotic War: no statute of limitations» and the development of the Cossack component as elements of value-oriented education are highlighted.

Keywords: new model of higher education, social and humanitarian core, «History of Russia», «Fundamentals of Russian Statehood», «Philosophy», Ministry of Education and Science of Russia, patriotic education, «No statute of limitations», Association of Cossack Universities

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИФРОВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ И ЭКОНОМИКА ДАННЫХ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ
О.В. Абрамов 3

СТАНОВЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 ГОДА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
А.И. Авдеева, Л.В. Белова 8

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
И.В. Агафонова, К. Комбе, Б. Силомба, И. Сималамбо 11

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ
Д.М. Агеенко, М.А. Батурьян 15

ВЛИЯНИЕ ГАДЖЕТОВ НА АКАДЕМИЧЕСКУЮ УСПЕВАЕМОСТЬ СТУДЕНТОВ
В.С. Александрова 19

ЭМПАТИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ НАВЫКОВ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
Г.Д. Антипкин, Ф.Р. Сафиуллина 23

МОДУЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ВИЗУАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ НОВОСТНОГО ИНТЕРФЕЙСА ГЛАВНОЙ СТРАНИЦЫ «ИНТЕРФАКС»
Н.А. Архипова 27

МОДУЛЬНАЯ СЕТКА И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ИНТЕРФЕЙСА ГЛАВНОЙ СТРАНИЦЫ «ТАСС»
Н.А. Архипова 32

ОБУЧЕНИЕ И ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ МЧС ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ПРОТИВОПОЖАРНОЕ ВОДОСНАБЖЕНИЕ»
С.С. Белкина 37

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ДЛЯ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
С.С. Белкина 40

СОВРЕМЕННЫЕ СТИЛИ РУКОВОДСТВА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕДПРИЯТИЕМ
А.А. Белоусова, М.С. Шейхова 43

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙ «ИТТИФАК АЛЬ-МУСЛИМИН» В НАЧАЛЕ 20 ВЕКА
Р.Ф. Бикмаева, А.Н. Хажиева, И.З. Гарифуллин 47

ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ШОКОВ
В.В. Бурьян, С.Г. Сафонова, М.С. Шейхова 49

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В АГРАРНОЙ ЭКОСИСТЕМЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
В.В. Бурьян, М.С. Шейхова, С.Г. Сафонова 54

РАЗВИТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
Цяньхуэй Ван 61

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СУПРУЖЕСКОЙ ИЗМЕНЫ: ДИАГНОСТИКА, ПРИЧИНЫ И СТРАТЕГИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ В ПАРЕ
В.М. Васина 68

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ И РОЛЕВЫХ ОЖИДАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
В.М. Васина 71

ЭФФЕКТИВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СПОСОБЫ И ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ФОРМАТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА
К.Ю. Герасимова 74

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ПРОЕКЦИОННЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ГИПОДИНАМИИ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ДОО
В.В. Гордеева, П.Э. Мустафаева 79

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МНОГООБРАЗИИ КУЛЬТУР
В.В. Гордеева, Э.Э. Турлович 82

ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА
А.Н. Гутова 85

ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ И ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВУЗЕ
В.А. Демьянов, Е.А. Нагорный, Г.И. Стате 89

ПАТРИОТИЗМ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ВЕКТОР СОВРЕМЕННОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ОБРАЗОВАНИЯ, ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ
Ж.Т. Дзампаева, Д.И. Джимиева 93

К ВОПРОСУ ОСВОЕНИЯ СТУДЕНТАМИ НАВЫКОВ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЛУАТАЦИОННОЙ РАБОТЫ СТАНЦИИ С ПОМОЩЬЮ УЧЕБНЫХ ТРЕНАЖЕРОВ
А.Д. Доможирова 98

О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА КАК ИНСТРУМЕНТА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ У СТУДЕНТОВ
А.Д. Доможирова 102

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЫЕЗДНЫХ НАЛОГОВЫХ ПРОВЕРОК КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ СОБСТВЕННЫХ ДОХОДОВ БЮДЖЕТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Д.А. Детистова 105

УПРАВЛЕНИЕ ЗАКУПКАМИ НА РЫНКЕ ПЕРВИЧНЫХ АВТОЗАПЧАСТЕЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ
Т.Е. Евтодиева 110

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ ВСЕОБЩЕЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
Ю.В. Жерлицына, Н.А. Приходько, О.В. Вертелецкая, Н.А. Косинова 113

КАК КАЧЕСТВО ДОРОГ ВЛИЯЕТ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ
А.В. Залетов.....119

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОД ГЕРОИЗМА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ТРАДИЦИЯ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, СОВРЕМЕННОСТЬ
Н.Н. Зименкова, П.В. Мусиец 122

ФИДЖИТАЛ-СПОРТ В СИСТЕМЕ ВОЕННО-ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ: ИННОВАЦИОННЫЙ ВЕКТОР ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
И.Ф. Ибрагимов, Б.И. Ибрагимов, Р.А. Шамионов, И.В. Шерчков.....126

ВИРТУАЛЬНАЯ И ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ ТЕХНИКЕ ДВИГАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ
Д.С. Иванов, О.И. Илюшин 131

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТРЕНИРОВОЧНЫХ ПРОГРАММ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ
Д.С. Иванов, О.И. Илюшин 134

ТИПОЛОГИЯ ОТРАСЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ АВИАЦИОННОГО ПЕРСОНАЛА И ВЫБОР ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ
М.О. Иванова.....138

ЛИДЕРСТВО В СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ: ВЛИЯНИЕ СТИЛЯ УПРАВЛЕНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТ
О.М. Калиева, О.П. Михайлова, А.О. Шемякин,.....142

ФОРМИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИИ КАК КОМПОНЕНТА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА
В.В. Камуз, О.С. Толстова, О.Г. Мальцева 148

ТОПОНИМИКА ЮГРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ И ИСТОРИИ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
А.Е. Контерова 151

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА: ОЦЕНКА РИСКОВ И УГРОЗ
А.Д. Котенев[1], Н.А. Осыко[2] 154

ПРЕПОДАВАНИЕ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
С.В. Кудряшова.....158

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ОБЩЕНИИ
Тяньюй Ли 163

ОБРАЗ КИТАЯ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МЕДИА
Тяньюй Ли 167

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ КУРАТОРА СТУДЕНЧЕСКОЙ ГРУППЫ В ВУЗЕ
Сюй Лю, М.Г. Сергеева.....170

ВИДЕОМЭППИНГ КАК ФОРМА СОВРЕМЕННОГО МЕДИАИСКУССТВА
Н.Р. Малихов.....177

ПРЕОДОЛЕНИЕ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКА ТРУДА
Н.Р. Малихов 180

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ К ИНТЕГРАЦИИ ИИ-КОНТЕНТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
Е.В. Маловецкая 183

ДЕТЕРМИНИРОВАННАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ
Е.В. Маломанова 187

ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЙ АЛГОРИТМ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ИЕРОГЛИФОВ-ОМОФОНОВ
Е.В. Маломанова 191

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС ООО
М.Н. Мамикова 194

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ, НАПРАВЛЕННОГО НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАКОГНИТИВНЫХ НАВЫКОВ
О.Д. Медведева 197

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ РЕФРЕЙМИНГУ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ
Д.В. Мирошникова 201

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЁТ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ
И.Д. Мокеев 205

УФИМСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА ВЛАСТИ
И.К. Молчанов 209

ВЛИЯНИЕ МЕХАНОТЕРАПИИ НА ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩУЮ СИСТЕМУ ШКОЛЬНИКА С НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА
О.Н. Муравьева, А.И. Муравьева 213

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ
А.В. Неймышев, Д.А. Скупкин. В.А. Федюнин 218

ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ
М.Г. Николенко 222

МОРАЛЬ В ПРАВЕ И ПОЛИТИКЕ
С.А. Нимченко, К.А. Киреев 226

ЭТАПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ
А.Н. Перцев 230

ИНСТИТУТ НАСТАВНИЧЕСТВА КАК ОСНОВА СИСТЕМЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВОЕННОМ ВУЗЕ
Д.Р. Пиранишвили, Д.Р. Мундштуков, Я.И. Олейникова 234

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ
Г. Прилепов, Н. Сосновский 238

«НА ОДНОЙ ВОЛНЕ»: СЕТЕВОЙ ПРОЕКТ ШКОЛЫ ПО ИНТЕГРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ, ИНЖЕНЕРИИ, БОТАНИКИ И ИСКУССТВА
А.В. Прокопенко, М.С. Кобылянская, М.Ю. Черноморец, Е.А. Хромченко 242

ВОКАЛЬНО-ХОРОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА УРОКАХ МУЗЫКИ КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
О.В. Рогачевская, С.А. Иванова, Э.Р. Абсатарова, А.Н. Шевкопляс 247

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: К ВОПРОСУ ОБ «ИЗЪЯТИИ ПОЛНОМОЧИЙ»
И.С. Романычев 251

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НОСИТЕЛЯМИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
Е.А. Сердюк 257

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ ВТОРОГО ЯЗЫКА
Е.А. Сердюк 260

МЕТОДЫ И СТРАТЕГИИ КОРРЕКЦИИ ОШИБОК УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ
А.С. Середа 264

ВНУТРИШКОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
А.С. Середа 268

ЗНАЧЕНИЕ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
А.С. Смирнова, Е.Ю. Гудкова 271

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНФЛИКТЕ
Л.В. Сурженко, А.С. Мартыненко 274

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА РАСХОДОВ НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ
М.Р. Тегетаева, Р.Б. Амбалов 278

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕДАГОГА УЧРЕЖДЕНИЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ
О.В. Терехова 284

СОВРЕМЕННЫЕ АДАПТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ ДЕТЯМ С ОВЗ
Е.В. Титова 288

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И РАБОТЫ С КОЛЛЕКТИВНОЙ ТРАВМОЙ
С.Х. Тойболова 298

ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЛОСОФИИ
Ю.А. Трофимова 301

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЗКУЛЬТУРНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ: ИНТЕГРАЦИЯ ДВИГАТЕЛЬНОГО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ
А.В. Туленцов 304

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
Н.В. Филина 311

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННОЙ МОБИЛЬНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
Н.В. Филина 316

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВКЛЮЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КИТАЙСКОГО КОМПОЗИТОРА ШИ ГУАННАНЯ В ВОКАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКИХ ВУЗОВ КНР
Сюэтин Хань 320

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ В РОССИЙСКОМ МАЛОМ БИЗНЕСЕ
С.Н. Хокинс 327

ЛОГОСФЕРА ПОЛИТИКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ
С.В. Хоружая 333

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: АДАПТАЦИЯ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ К УСЛОВИЯМ ИНФОРМАЦИОННОГО ИЗОБИЛИЯ
Е.Ю. Царегородцева 336

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
Е.Ю. Царегородцева, О.М. Зайцева 338

ИСТОКИ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ И ТРАДИЦИЙ МИЛОСЕРДИЯ В МИРОВЫХ РЕЛИГИЯХ
Е.О. Чернов 342

ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТЬ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ КИТАЕМ И КЫРГЫЗСТАНОМ В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ»
Янь Чжан 346

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА И МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
Ф.И. Чубанов 354

ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПОЛНОМОЧИЯМИ В КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ
Ф.И. Чубанов 357

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ФОРМИРОВАНИЯ АДАПТИВНОГО КОНТУРНО-УСЛОВНОГО ПАКЕТА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ОТРАСЛИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ
Д.С. Шувалов 360

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЯДРА В НОВОЙ МОДЕЛИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ
Л.Б. Яшина.....364

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Статьи публикуются в авторской редакции

Ответственный за выпуск – начальник Межотраслевого научно-информационного центра
Е.А. Галиуллина
Компьютерная верстка Т.В. Масловой

Дата подписания к публикации 09.09.2026
Учетно-издательские листы 23,55
Межотраслевой научно-информационный центр Пензенского государственного аграрного университета. 440014, г. Пенза, ул. Ботаническая, 30, https://mnic.pgau.ru; mnic@pgau.ru; www.pgau.ru телефоны редакции: тел.-факс. (841-2) 62-90-60, +7 967 442-60-42

ISBN 978-5-00196-458-2

